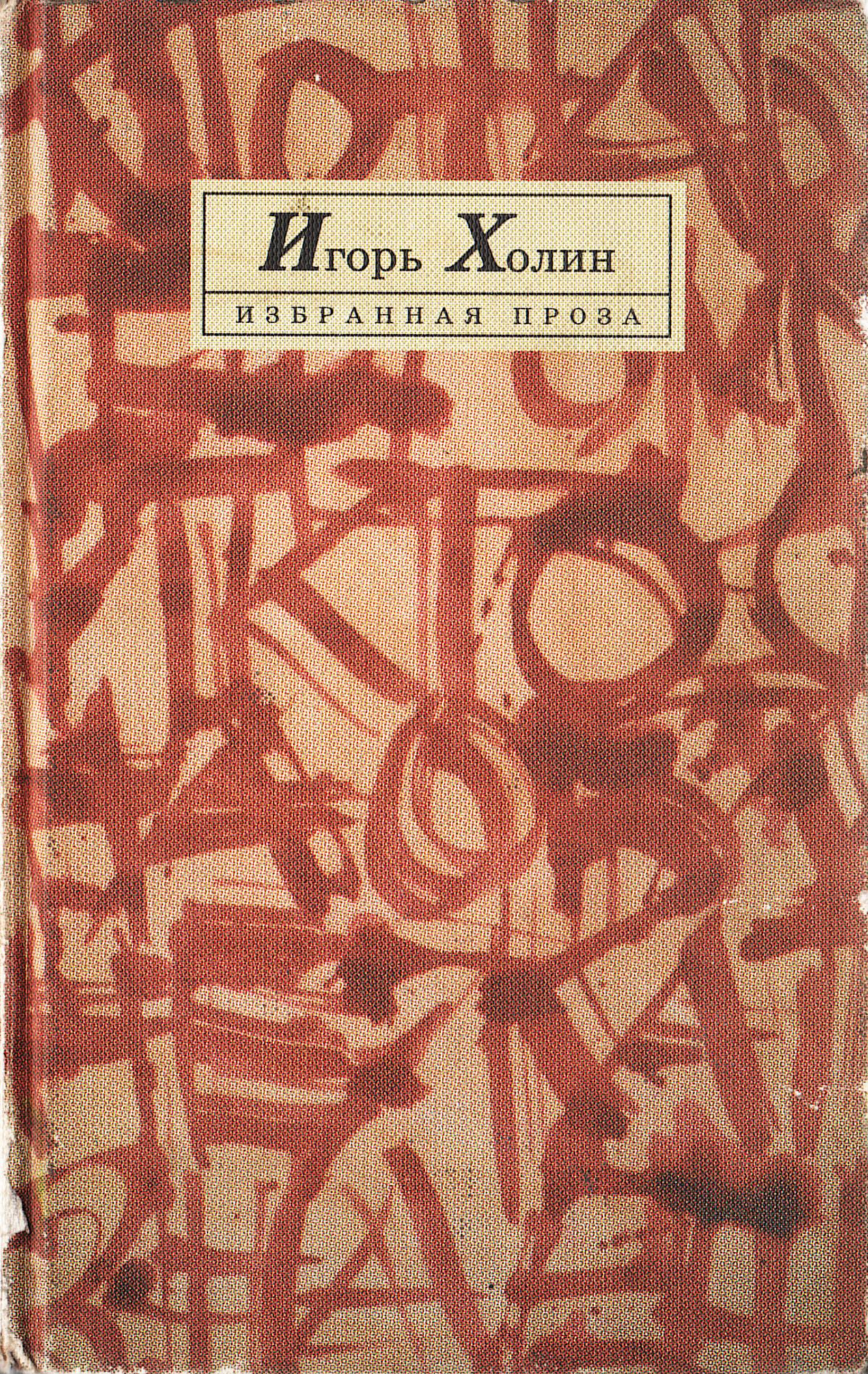
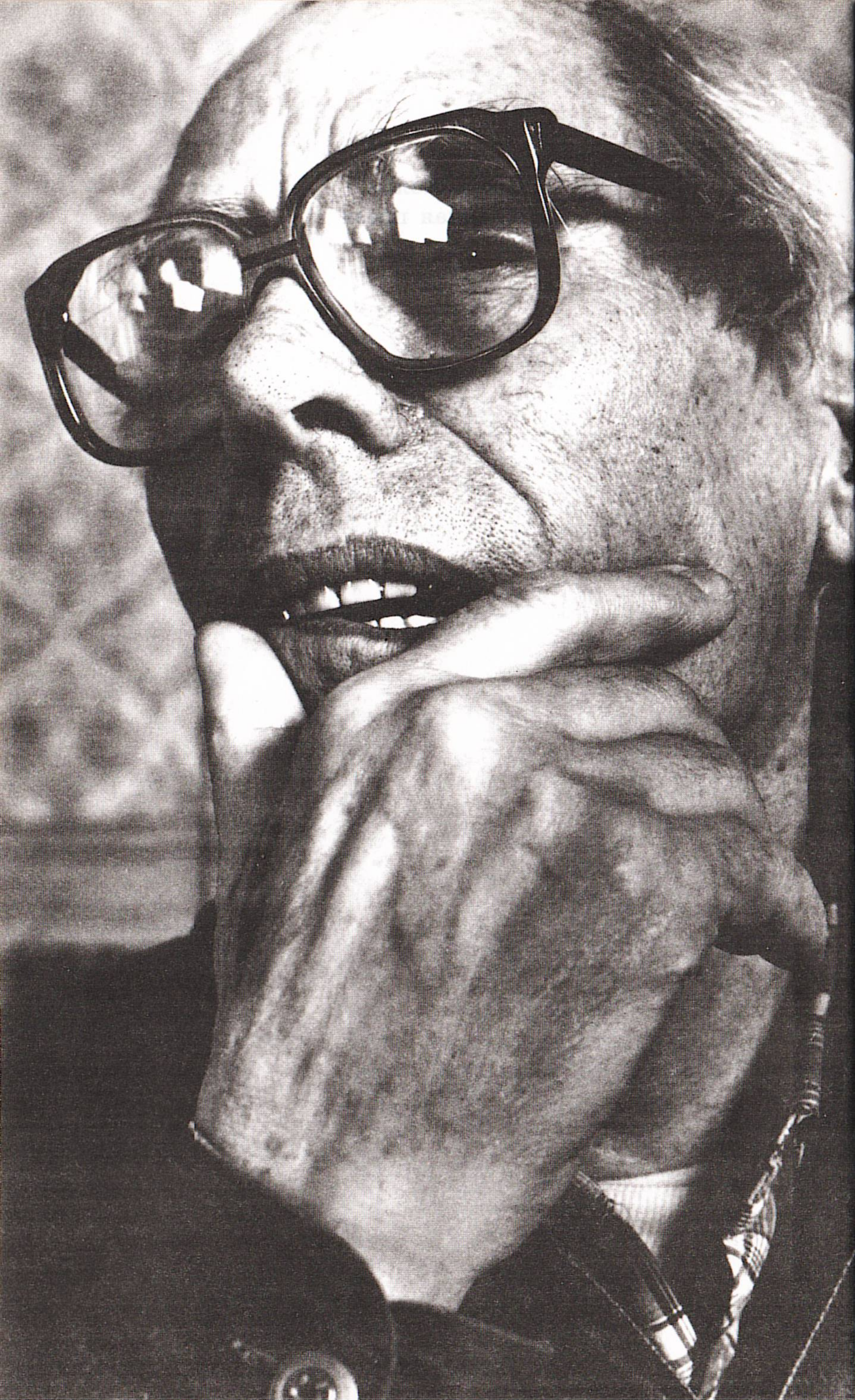

Игорь Холин
ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

Игорь Холин
Избранная проза

Игорь Холин

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
Москва

Редактор серии
Татьяна Михайловская

Художник
Адольф Гольдман

Холин И. С.
Избранная проза. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 656 с.

Игорь Холин (1920—1999) известен прежде всего как замечательный поэт-лианозовец, автор знаменитого «барачного» цикла, ставший легендой российского литературного андеграунда. Не меньший интерес представляет проза И. Холина — органичное продолжение его уникальной поэзии. Эта книга — первое издание прозаических миниатюр писателя, неповторимого летописца уходящей эпохи, подтверждающая принадлежность автора к классикам новой литературы. В сборник вошла также повесть «Памятник печке», первоначально опубликованная в журнале «Новое литературное обозрение».

ISBN 5—86793—091—2

ПАМЯТНИК

ПЕЧКЕ

...

Первое, что увидел Александр Сергеич Пушкин, подходя на рассвете (зорька чуть занималась) к знаменитому на весь мир городу Карлсбаду, — это сидящего на берегу речки Тепль генералиссимуса Кондрата Тимофеича Забубенного, который ловил в упомянутой речке форель при помощи снятого с левой ноги еще с той войны сохранившегося хромового сапога.

Генералиссимус, заметив поэта, заулыбался сквозь огромные усища кривоватой улыбочкой. Доброта так и расплывалась по его треугольно-прямоугольному лицу. А под этой добротой что-то шевелилось, не улыбалось, глядело глухо и безнадежно и, я бы сказал, угрожающе. Но заметить это, в сущности, было совершенно невозможно.

Кондрат Тимофеич. Что, Пушкин, как Пушкин, убег, в тартарары твою мать? Всех вокруг пальца обвел? Как это тебя, сукиного сына, на границе не сцапали?

Пушкин. Да так, где ползком, где бегом, брюхо протер до самых кишок, понимаете? Что, спрашивается, оставалось делать честному человеку в моем положении, а? Пришел, изволите видеть, милостивый государь, в ДАВИР, а там говорят: «Принесите, товарищ Пушкин, характеристику». А где мне ее взять, об этом бюрократы не подумали? Хотелось сказать, что в наше время понятия такого среди порядочных людей не существовало. Не на дуэль же, в самом деле, вызывать это быдло? Так и пришлось стерпеть обиду.

Кондрат Тимофеич. Свистнул бы мне. Я уж так и быть, посодействовал, позвонил бы в МАВИР.

Денщик. И слова такого нема. Виткиля ты выкопал МАВИР свой, скажи на милость?

Кондрат Тимофеич. А оттуда я выкопал... Молчать, сволочь, не разговаривать, не твое собачье дело, распустился, мигом отправлю на губу!

Денщик. Вот так завсегда. Добра ему желаю. А он позорит перед добрыми людьми.

Кондрат Тимофеич. Баб здесь, Пушкин, нету, одни лазни, а в них безобразни. Одна бабешка есть в лазне номер один, да у нее вша по брюху ползает. В эти лазни и короли и принцы лазили. Мочалку лучше не проси, не допросишься и за сто лет. Ни малейшего понятия они не имеют об этом предмете. Хорошо, что я своих привез из Рязани штук двадцать пять, пользуюсь пока. Веников тоже нет. Моются без веников, кое-как. Когда я иду в баню: с шайкой, с веником под мышкой, с мочалкой в зубах, все чехи выползают из домов на меня поглазеть. Теперь дал телеграмму, чтобы шаек прислали штук сто, да веников и мочалок вагона два. Пусть чехи моются, как культурные люди. Однако затрепался я с тобой, в тартарары твою мать, а форелина, видишь, попалась, стерва.

Денщик. И скажу я тебе, товарищ дорогой, чего это Кондрат форель ловит, в ресторанте ему готовую подают. Не жрет. Брезгует. Вбик отодвигает. Сала требует. Да огирчиков соленых. Как побачит форелину, усом своим завертит да скажет: «В тартарары твою мать!» Ты только подивись, товарищ дорогий, он форелину поймает, в ведерко бросит, а я ее поворотно отправляю в реку. Форелина, товарищ Пушкин, скажу тебе, к такой операции привыкла. Сама, когда треба, подплывает к сапогу. И еще, скажу тебе, Кондрашки бойся. Он только с вида прост, а на самом деле натуральный необразованный злыдень. Книжек не читает, а хитер, как барсук. Чутье у него барсучье, на три метра чует, что делается пид землей.

Пушкин. Да я что, мне, собственно, бояться нечего, я благонадежней покойника. Мне бы за строчку побольше платили да не забывали про тиражные. А то, как правило, во всех журналах стараются обсчитать.

Денщик. Да разве дожил бы он до этих лет, когда бы не имел барсучьего нюха! При скольких управителях находился на коне, да на каком коне, на самом лучшем! Если бы не чутье, доконали бы его канальи! Тартарарыжки у него одни. Сколько раз казал, чтобы бросил эту плебейску привычку, генералиссимус ведь, не ехрейтор! А вин все свое: тартарары да тартарары, от скудоумства это. Привык ругаться на лошадей, а тут человеки, с ними нужно по-деликатному. Дарят ему книжки, надписи благородные надписывают. Он мне эти книжки приказывает тащить в бук. Вот и вся его образованность. Книжки в буке не берут, гутарят, что таких книжек у них полно. Хоть бы ты на него повлиял, товарищ Пушкин!

Кондрат Тимофеич. Ты чего мелешь, контра, держи форелину, храпоидол, в тартарары твою мать!

Денщик. С Пушкиным побалакал. Гарный хлопчик, образованный.

Кондрат Тимофеич. Заткнись, засранец!

Денщик. Где это вы выкопали подобные непотрибные слова? Без ваших гнусных слов вижу, что́ требуется от настоящего денщика, нечего в рожу тыкать, не царское время!

Кондрат Тимофеич. Вот негодяй! Держу, понимаешь, Пушкин, этого шаромыжника из милости вот уже 50 лет, а он все кондыбачится, цацу из себя строит, в тартарары твою мать! Царское время, пролетарское время, я вот покажу тебе время! Кровь за них, голодранцев, проливали, жизнь

райскую для них строим. А они забывают про дисциплину, считают, что мы теперь равны! Фигу без масла не хотите! Угу, дрянь подворотня! Кормлю его, пою, амуницию справляю, а он все взбрыкивает, как жеребец, а у самого песок из задницы сыпется. Овса объелся. Жрать, понимаешь, Пушкин, даю ему вволю. Кроме овса, прохиндей несчастный, ничего не желает лопать, хрум-хрум! Не понимает, что овес закупаем в чужих краях за валюту. Жалеть его нужно всемерно, не хрумкать без меры, а хрумкать в меру. Экономить нужно овес. Вот уменьшу выдачу, тогда заржет по-другому!

Денщик. А ты сам, Кондрат, разве не взбрыкиваешь?

Кондрат Тимофеич. Взбрыкиваю, а твое какое холопское дело? Ты мне не указ! Я генералиссимус! А ты кто? Что ты такое? Мой денщик! Вот и сиди не мекай! Улавливаешь разницу? Генералиссимус тебе не чета, заруби это на носу! Я свое звание заработал в тяжелых боях с вражеской силой. Одних орденов имею штук тридцать.

Денщик. В каких ты бывал боях, пивнушки с боем брал в селениях и городах! Теще своей к каждому празднику разукрашивал рожу! Скилько лет служу говнюку верой и правдой, а он все хвастает: воевал, в боях бывал, служил, заслужил! Овса грозится не давать. Нужен мне твой овес, как третья нога, я и без твоего овса проживу! Только пальцем пошевелю, сразу из военторгу колбас сколько хочешь припрут.

Кондрат Тимофеич. Вот что я тебе скажу, брат Пушкин, что-то я не могу припомнить, где я твою морду встречал? Был у меня один на тебя похожий, да он лысый был. В каких войсках изволили служить?

Пушкин. Как вам объяснить: кругом море житейское, я щепка, которая носится по житейским волнам.

Кондрат Тимофеич. Мудрено изъясняешься. Может, ты из тех самых коней, которых мы у беляков отбили?

Денщик. Совсем сдурел, старый хрен! Возле тебя не кинь, а человек, такой, как я, как ты!

Кондрат Тимофеич. Как не конь? Настоящий конь, вороной!

Денщик. По волосьям они взаправду вороные, а с морды — человек натюрель.

Пушкин. В свое время у меня в Михайловском были разные лошадки: вороные, гнедые и другие.

Денщик. Да вы на них ноль внимания, фунт презрения. Шуткуют они усе, разыгрывают вас. Они и жинок своих кобылами именовали. Я человек не конный, в портняжных подмастерьях в свое время состоял в городе Могилеве. Потом по мобилизации пристроился к этому злыдню.

Кондрат Тимофеич. Раз он не конь, значит, враг! Помнишь, как я его рубанул на всем скаку?

Денщик. Еще раз дура! Если бы рубанул, как бы он тут був?

Кондрат Тимофеич. И то правда. Но откуда он, собака, взялся?

Денщик. Я хоть вашим премудростям не обучался, хрестоматий не читал, а знаю: с пьедестала вони!

Кондрат Тимофеич. С какого такого пьедестала? Бредишь, недоносок, в тартарары твою мать!

Денщик. С обыкновенного, из меди отлитого, из которой пули льют.

Кондрат Тимофеич. Вот ты и отлил пулю.

Денщик. Пушкин вони, сочинитель, книжки всякие сочиняют. Нам в школе первой ступени про то казали. Казали, что вони великие.

Кондрат Тимофеич. Так бы сразу и сказал, что состоял он при пушке, снаряды подтаскивал, заряжать пушку я бы ему не доверил, начнет по своим палить.

Денщик. Площадь одна в Москве называется ихним именем. Они тамочки стоят с шляпою в руке. Теперь малость поистерлись в дорози, потрепались, хоть и медные. Им вагонов-салонов не подают, как нам с тобой. Им пришлось переть пешки по горам и долинам.

Кондрат Тимофеич. То-то я смотрю, больно он смахивает на бродягу, вылитый бродяга. Смотри, чтобы чего не спер, понятно?

Пушкин. А я вас, Кондрат Тимофеич, очень хорошо помню. Сколько раз вы проезжали мимо меня на парад на своем боевом жеребце. Тогда вы еще во всех отношениях были, как говорится, на коне. Помню, вы все выкрикивали: тпру да но!

Кондрат Тимофеич. Сразу видно, человек ты не конный, не военный, а штафирка, в тартарары твою мать!

Денщик. Опять по своей тупости завел байку про тартарарыжки?

Кондрат Тимофеич. Заткнись, падла!

Денщик. Слухаюсь!

Кондрат Тимофеич. Тпру да но, брат Пушкин, ямщики прежде кричали. У нас в воинском деле для этой цели существуют команды, по уставу положенные. Эй ты, фидула, изобрази!

Денщик. По коням!

Кондрат Тимофеич. Тише, дура, форель распугаешь!

Денщик. Смирно! Вильно!

Кондрат Тимофеич. Пока он орет, давайка, Пушкин, потолкуем по душам, как водится среди хороших друзей. Ты мне вот что скажи: не

поили, не кормили тебя на Родине, одевали плохо, чего ты, собственно, приперся сюда к буржуям, к империалистам? Они же, в тартарары твою мать, народ свой грабят, эксплуатируют. Понимаешь, мы своих давно к стенке, а тут с ними цацкаются. За еду дерут будь здоров, втридорога, и за все остальное. Хорошо, что я на всем казенном, а то бы пришлось продавать последнюю одежонку.

Денщик. Если твои речи учует кто, не поздоровится и тебе и мне. Прежде так было, как ты кажешь. Теперь все, как у нас: в универмагах и универсамах очереди, а жратва такая, что и псы голодные нюхать не станут!

Кондрат Тимофеич. Что брешешь, кобель, и я говорю, что прежде так было, а теперь подругому. Казенного продовольствия дают вволю. Баб голых за деньги показывают. Меня пропускают бесплатно. И всё твистуют, твистуют, руками машут, ногами дрыгают, как в психушке. Смотреть тошно. Вприсядку ни-ни, не могут. Им смешно, когда я на променаде трепака начинаю выкаблучивать. Не жизнь у них, а сплошное паскудство, в тартарары твою мать! Если тебя дома плохо кормили, я бы тебе выписал доппаек.

Денщик. К бою овсь!

Кондрат Тимофеич. Заткнись, дубина!

Пушкин. Питания хватало. Ел цветы, которые приносили к памятнику поклонницы. А взяло меня, понимаете, зло. Другие литераторы (мои собратья) в Карлсбаде побывали: Гете, Шиллер, а я нет. Им памятники поставили, а мне нет. А вам, как военному человеку, должно быть известно, что это непорядок в танковых войсках! Вот я и пришел воздвигнуть себе памятник нерукотворный. Хочу приглядеть местечко покрасивей!

Кондрат Тимофеич. В тартарары их мать, им памятник есть, а нам нет? Не я буду, если все

эти памятники не посшибаю. Возьму трофейную пушку и — бах! Мигом их Гете окажется на горе. Пусть сползаются туда всякие тунеядцы. Не больно полезут!! Кто он, этот Гете: генерал, маршал или военный министр?

Денщик. Учу тебя, учу, а ты все безграмотный трема! Гете письменник, как Евтушенко, как Вознесенский!

Кондрат Тимофеич. А я-то думал, в тартарары твою мать, памятник ему поставили за дело! А ты, Пушкин, что умеешь делать?

Денщик. Мабуть, они умеют стрелять?

Пушкин. Стрелять умею. В свое время считался одним из лучших стрелков. Не раз приходилось драться на дуэлях.

Кондрат Тимофеич. Кого убил?

Пушкин. Меня убили!

Кондрат Тимофеич. А говоришь, что умеешь стрелять. Что же ты за стрелок, если тебя убили?

Денщик. Ты вот на них бранишься, а они могут написать книжку и представить тебя в ней без штанов верхом на свинье.

Кондрат Тимофеич. Если про меня плохое напишет, шкуру спущу, на Колыму отправлю. Если изобразит на боевом коне с саблей в руке, назначу командиром взвода в первый эскадрон. Был у меня в Первой конной один писатель по фамилии Древель. Этот все норовил с подковыркой, все что-нибудь неподходящее намалевать. Рубал, надо сказать, хорошо, пока самого не рубанули как надо.

Пушкин. Про плохое не писал. В наше время все о возвышенном старались: цветочки, василечки, ахи, вздохи, эфиры, зефиры, дамские ручки, дамские ножки. За это меня и уважали современники.

Кондрат Тимофеич. А наши все норовят как собаки брехать! Чего им не хватает? Жрут,

бездельники, государственный хлеб. Докладывали мне тут про одного такого недавно, фамилия не наша: Хвалин, Хвилин или Хволин. Забыл уже, как фамилия этого подонка.

Денщик. Холин они.

Кондрат Тимофеич. Правильно говоришь. Этот особенно отличается по части ругательств, брызжет во все стороны ядовитой слюной, порочит нашу прекрасную, светлую жизнь. У нас в моральном кодексе записано: «Кто не работает, тот не ест!» Ясно записано. А их, понимаете, кормят, а работать они на пользу трудового народа не хотят. Антиком спекулируют.

Денщик. По помойкам они его собирают.

Кондрат Тимофеич. Ходят по Москве вот такие Хвелины, патлами своими трясут. Много их теперь развелось. Изображают из себя загадочных личностей. Бабенки разные, которые поглупей, на это дело клюют. Если бы знали, что в кармане у этих личностей одни шиши, то бы не клевали, в тартарары твою мать!

Денщик. Прохиндеи они!

Пушкин. Свободный литератор имеет право...

Кондрат Тимофеич. Да заткнись ты, обезьяна! Отстал от века, а нужно шагать с веком в ногу, это тебе не елочки, березки, танцульки, мамульки, бутончики, розанчики. Теперь сабли да пулеметы, теперь мозговой извилиной надо шевелить. Вот Хуин взял с боем санаторий «Острава», сидит там, затаился, как сукин кот. А надо вам сказать, что санаторий этот — особенный, специальный. И принадлежит он не литературной организации, а Министерству внутренних дел ЧССР. Подумать только! Другие шатаются по Карлсбаду, ночуют под кустами, пока местечко себе подыщут, согласны чуть не в свинушнике жить. А этому хмырю все дозволено. За какие такие заслуги дозволено?

Д е н щ и к. Мабуть, вони в ГИГИБИ вольным состоят слухателем?

К о н д р а т Т и м о ф е и ч. Не бреши! Кто бы ему доверил дело государственной важности? Этому трепачу только слово скажи, сразу разнесет по всей Москве. Ты бы ему доверил такое важное дело?

Д е н щ и к. Откуда мне знать, что вин за человек? Патлами они, как вы казали, перед бабенками трясут. Да и ты, Кондрат, усищами крутишь, как побачишь натюрель!

К о н д р а т Т и м о ф е и ч. Жратву в санатории дают ему усиленную, приписал врач. И он жрет! Прежде прикидывался больным, жаловался на желудок, а теперь ржет как лошадь! Книжечки пописывает для детей, а их никто не собирается читать. Он думает, что его за эту писанину государство обязано содержать, давать разные привилегии, как порядочному. Дудки!

Пригласил его в Прагу знакомый чех Ксвалек. И тут Хрулин сфинтил. Написал в анкете, что знаком с этим чехом с самой Второй мировой войны. Ан нет! Познакомился он с ним три месяца тому назад. Если бы Ковалек знал, что из себя представляет эта подозрительная личность, он бы его ни за какие коврижки не пригласил в Прагу. Сам врет как сивый мерин, а от других требует справедливости. Вот перед вами какой хлюст!

Х о л и н. И за каким ляхом приперся я в эту Прагу? Что за жизнь, Создатель? По-русски ни одна душа не понимает. Ты им слово, а в ответ: «крычки» да «крачки». Просишь воды, предлагают пиво. Пиво это не пиво, которое подают у нас в пивнушках, а 14-градусной крепости. От одной кружки мозги сползают набекрень. А у меня почки, пиво пить противопоказано. Но разве им докажешь. Только и слышишь: «Пей, камрад, това-

рищ!» Магазины называются обходами. Вот по этим обходам и носишься как угорелый. Тут раздавались голоса, что в магазинах у них пусто, как у нас. Не верьте, чепуха! У чехов все есть: и сало, и колбасы, и витрины всех сортов, ладненские облатки и разные шмотки. Вместо того чтобы лечиться, водичку пить, целый день «лошадиный бег». Пока побываешь во всех обходах, глаза выскакивают на лоб. И внучке что-то купить надо, и дочке, и зятю. А там еще тьма-тьмущая знакомых надавала поручений.

Однажды, клянусь, голову дома забыл. Хотел водичку попить, а как? Хорошо, что чехи — народ ненаблюдательный, не заметили. Ты, Александр Сергеич, не улыбайся, и тебе предстоит подобная беготня. Наталья, наверное, надавала тысячу всяких поручений? Так вот, собрат, тут в обходах и кофточки махровые, и туфли на платформе, и дубленки, чтобы мне провалиться на этом месте!

Пушкин. За дубленками, говоришь, бегать приходится? Ну и дела, дожили! В наше время я бы дубленку на пол у порога не постелил вместо половика. Шуба из соболей или на худой конец шинель с бобровым воротником. «Морозной пылью серебрится его бобровый воротник» — куда ни шло. А дубленка — фи!

Холин. У нас дубленка будет подефицитней бобра.

Пушкин. Неважнецкие у вас дела.

Холин. А у меня, как назло, разболелся живот. Не знаю, от пива или от кнедликов, а может, от того и другого сразу. Еда у чехов мировая. Это вам, Кондрат Тимофеевич, не овес. От такой еды ваши подчиненные так бы заржали, что на острове Гваделупа обитатели провалились бы в землю до пупа. Вот вы, Кондрат Тимофеич, попрекаете едой: кормят напрасно, тунеядцы, спекулянты, а сами книжек, которые я пишу для детишек, не читали?

Кондрат Тимофеич. Делать мне нечего как книжки твои читать!

Холин. Если бы за книжки платили настоящую цену, я бы жил не хуже вас. А теперь, факт, иногда в доме хоть шаром покати, ни сахару, ни хлеба, приходится побираться у знакомых. А у них тоже хоть шаром покати. Так вот и живем. За те деньги, которые платят, пусть пишут книжки ваши кобылы! И про антик упоминали зря. Некоторые могут подумать неизвестно что. А я его за свои тити-мити покупаю. Скажу честно, теперь и покупать приходится редко. Все меняемся, меняемся. Все меняем на все. А в этом, и вам известно, нет никакого криминала.

Кондрат Тимофеич. Кто тебе упоминал про криминал, чего брешешь? Сам недавно одну рахитичную кобылу на уздечку променял, какой тут криминал? О кобылах ты правильно упомянул, в тартарары твою мать! Придется взяться за них, пусть отрабатывают свое житье!

Холин. А сколько я имею благодарностей: и от ЦК комсомола, и от Министерства культуры, и, если хотите, от МВД. Чтобы люди чего плохого не подумали, скажу: книжечку написал для пожарников «Как непослушная хрюшка едва не сгорела», а художники Эрик Булатов и Олег Васильев рисунки к ней приложили.

И при таких огромных заслугах, вы, генералиссимус, называете меня тунеядцем, где же справедливость? В одном вы, Кондрат Тимофеич, правы: тех денег, которые за эти книжки выдают, только, как я уже говорил, на овес и хватает. Приходится питаться сплошной овсянкой под экзотическим названием «Геркулес». Теперь дорвался до чешской жратвы и, факт, обожрался. Обидно, приехал весело провести время, отдохнуть, а получается? Выход: хорошая жизнь до хорошего не доводит!

В Москве я и собаку свою, фокса Гену, кормлю овсянкой. Морщится, но ест. Вид у него в это время такой, будто он собирается горло мне перегрызть. Так что будьте покойны, Кондрат Тимофеич, хлеб вам зря не перевожу, а зарабатываю его честным трудом. А Корчмарек, а не Ковалек, как вы изволили выразиться, знал, кого приглашал. Действительно, может, не с ним повстречался я в Праге во время войны, а с другим чехом. Попробуй по прошествии стольких лет вспомнить! А факт ведь остается: с чехом встречу имел в 1945 году. А может, это и был как раз Корчмарек? Ты, Пушкин, не улыбайся. Тебе прежде любой ростовщик ссуживал деньги. А теперь попробуй занять десятку! Не дадут. И не только не дадут, а из дома попрут, вроде ты пришел их убивать или жену насиловать. За малейший дебош теперь пятнадцать суток дают. Пошлют в типографию отрабатывать эти сутки, будешь собственные произведения перетаскивать с одного места на другое. Как в свое время перетаскивал Цыферов Гена.

Прежде царь все тебе прощал, смотрел сквозь пальцы на любые проделки. Одних в Сибирь, а тебя в собственное имение. Теперь наши литературоведы представляют тебя мучеником, страдальцем, чуть ли не революционером, борцом за справедливость. А ты за одну ночь кучу денег просаживал в картишки. Я не осуждаю. Я так, ради исторической ясности.

Признайся, ведь ты заискивал перед знатными вельможами на светских раутах в Зимнем дворце, расшаркивался перед ними?

Пушкин. А что оставалось делать бедному поэту? Наталии ведь очень хотелось быть придворной дамой.

Не поняли меня современники!

Холин. И меня, коллега, не поняли, а чего, кажется бы, стоило?

Пушкин. Государь, хоть и был добрейшим человеком, и тот не понял. Один Дантес понял. За что я ему и благодарен по гроб жизни.

Холин. Так ты думаешь, что Дантес оказал тебе неоценимую услугу?

Пушкин. Ты правильно уловил мою мысль!

Холин. Вот это идея!

Пушкин. Фиг с ней, с идеей, скинемся в картишки?

Холин. Не играю. Дал зарок.

Пушкин. Возможно, я тебя обыграл бы?

Кондрат Тимофеич. Ну вот что, Пушкин, нечего тут лясы точить зря. Форель твоей образины пугается, не клюет. Так и быть, посодействую тебе, супостату, насчет жилья.

Без моей помощи пропадешь на чужбине. Напишу кое-куда писульку, и устроится все, как в сказке. Ты ведь не Холин, нахрапом в санаторий не полезешь? Вот сейчас писульку-фистульку тисну, живи на здоровье, пей водичку, за нее тут пенензы не берут, а еще лучше пей спирт!

Пушкин. Не могу спирт. У меня, как и у Холина, язва желудка.

Кондрат Тимофеич. Язва у тебя от трюфелей да от фалернского, как на водку перейдешь, все будет о'кей!

Пушкин. От долгого стояния на одном месте.

Кондрат Тимофеич. Вылечим. Рысью марш!

Пушкин. Есть!

Кондрат Тимофеич. То-то, бумаженцию возьми, без писульки тут у этих бюрократов шагу не ступишь. Дуй в «Империал», лучший отель в Карлсбаде. Я бы тебе и в «Пупик» дал, да там одни

«штатники» да «бундасы». По прямой дороге не иди. А тяни по той, которая тянет вправо. По ней и чеши прямо.

И пошел Александр Сергеич, как было велено. По пути угодил в какую-то траншею вниз головой.

В траншее куча дерьма. Вонь невообразимая. Строили тут что-то, трубу тянули или телефонный кабель. Разрыть разрыли, а зарыть забыли, а возможно, генералиссимус, чтобы повеселиться, приказал солдатам выкопать эту яму. Сидит он теперь и хохочет своими усищами.

Кондрат Тимофеич. То, что Пушкин теперь торчит головой вниз, нужно для его же пользы. Происходит проверка на лояльность. Если человек ненадежный, начинает трепыхаться, пользы от него в государственном масштабе будет мало. Если тихо торчит, тогда, в тартарары твою мать, все в порядке. Наш человек. Иди (*это он денщику*), кобель, вынимай, а то подохнет.

Побежал денщик (старик уже), ногами семенит, калошина слетела. В сторону отскочила. Искал минут пять по кустам. Нашел. Ползал в кусты, а она валяется посреди дороги.

Пыхтит денщик, схватил Пушкина за ногу, тянет, а вытянуть не может.

Выручили два вдрабадан пьяных чеха.

Первый чех. Смотри, Иржи, опять кто-то в траншею бухнулся! Говорил ведь, закопать надыть, бездельники!

Второй чех. Не свой бухнулся, кажись, а чужак, чернявый какой-то. Свои все там побывали, а этот не свой.

Денщик. Эй вы, рыла пьяные, помогите человика вытянуть из канавы, задыхается человек.

Первый чех. Чего это он лается?

Второй чех. Пива хочет.

Первый чех. Дай ему. Одна бутылка осталась. Пей, камрад!

Денщик. Понимаете вы, прохвосты, наш гражданин туточки в канаве. Пушкин они, гениальные они, письменник они российский. Наш, родной, на весь мир известный.

Первый чех. Ох и вляпались мы, Иржи, давай утекать, как бы нас с тобой не замели в милицию.

Чехи, чихая, помогают денщику вытаскивать Пушкина из ямы. Как-то это у них не очень получается.

Первый чех. Осторожно, Иржи, ты ему, кажется, ногу оторвал.

Второй чех. Не нога это, штанина.

Первый чех старается ухватить Пушкина за голую ногу. Пушкин отбрыкивается.

Первый чех летит в канаву.

Денщик. Халявы. Одного вытащить не успели, другой в яму угодил.

Денщик и второй чех дружно, общими усилиями вытаскивают первого чеха из траншеи. Потом втроем, поднатужившись, вытягивают Пушкина.

Пушкин от долгого пребывания в неудобном положении до крайности раскис. На губе что-то вонючее и скользкое. Ставят они его, ставят на ноги, а он не стоит. Пробегающий мимо мальчишка крикнул:

— Дяденьки, что это вы его все ставите на голову?

Ну, натурально, тут они все втроем (толковый народ) сообразили, что нужно перевернуть Пушкина. Пока они думали, как ловчее это сделать, Пушкин вскочил на ноги и запел:

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном,
Объята Севилья
И мраком и сном...

Чехи куда-то слиняли. Может, свалились обратно в траншею. Этого никто не заметил.

Денщик ругается. Кондрат Тимофеич улыбается. Пушкин удивляется.

Денщик. Чего лыбишься? Не видишь, и его треба облизывать, как когда-то облизывал тебя. Благодарности от вас не жди, знаю я вас.

Кондрат Тимофеич. Молодец, Пушкин! Зачисляю тебя в свою армию. Сабли наголо! Говори биографию, живо!

Пушкин. Не понял?

Кондрат Тимофеич. Данные говори!

Пушкин. Что за данные?

Денщик. Вони пытают, где родились, где крестились.

Кондрат Тимофеич. Говори, в каком году родился?

Пушкин. В 1799.

Кондрат Тимофеич. Правильно сказал. Записываем, в 1929.

Денщик. Вони сказали, в 1799.

Кондрат Тимофеич. Не твое плебейское дело!

Денщик. Я наблюдаю правду.

Кондрат Тимофеич. Соцположение?

Пушкин. Какое положение?

Денщик. Вони пытают, кто вы: рабочий, крестьянин или мещанин.

Пушкин. Поэт!

Кондрат Тимофеич. Так и знал, что тунеядец.

Денщик. Какие же они тунеядцы, они стишки для детишек писали.

Кондрат Тимофеич. Национальность какая?

Пушкин. Прадед — выходец из африканских стран. Остальные русские.

Кондрат Тимофеич. Черномазый, значит?

Пушкин. Выпускник Царскосельского лицея, коллежский советник, камер-юнкер императорского двора.

Кондрат Тимофеич. Много тут всяких советников развелось. Обойдемся без советников. Сами с усами, советы умеем давать. Годен к строевой службе, точка!

Пушкин. Служить не желаю.

Кондрат Тимофеич. Не хочешь — заставим, не можешь — научим!

Денщик. Да вы соглашайтесь. Они сказали, а через хвилину запамятовали... Память у них уже маразматическая.

Пушкин. Ну и влип, вначале чуть шею не сломали, а теперь гонят на службу, как при прежнем режиме.

Денщик. Вот что я тебе зараз скажу, хлопче, Кондрат наш — первостатейный злыдень. Так и норовит яку-нибудь пакость сотворить. Недавно сварил я щчи, а он туда купоросу набухал. Три дня дристун продирал. Одному министру форелину в карман поклал. Министр злякался, а потом взял и помер. Хватил с перепугу инхварт. А злыдню ничего, все сходит с рук. Генерала одного напоил в дупель, да приказал в задницу воздуху накачать. У генерала того одна кишка в брюхе лопнула пополам. Генералы — хорошие хлопцы, на чай дают хорошо. Один в позапрошлом году дал сто кронов. Хорошие хлопцы!

Услыхав про чаевые, Александр Сергеич пошарил по карманам в поисках мелочишки. Но там ни фартинга.

Денщик. Не шарь зря. Знаю и без тебя, что гол как сокол. Все письменники — голяки, что с них взять. У министров и генералов гроши имеются, хоть выгребай лопатой. У них все содержание казенное, дармовое. Все они любители пожить за чужой счет. А у тебя содержание — ноль!

Пушкин. Кажется, ты прав, любезный.

Денщик. У Кондрата (ты не смотри, что он теперь такий вальяжный), когда я его подобрал в канаве, тоже одни вши в кармане ползали. Теперь у него грошей целая скрыня. Девать ему их некуда. Каждый день перед сном пересчитывает. Думает, что я их у него уворовываю. А мне гроши не нужны. Я без них живу припеваючи. Дай Бог каждому так жить!

Пушкин. Ладно, спасибо, пойду устраиваться на постой. Спасибо Кондрату Тимофеичу за записочку.

Денщик. По фистульке той, друже, не ходи. Это одни выкрутасы Кондрата. Многие покупались на такой недостойный прием. Вот дал Кондрат позавчера фистульку одному знатному чиновнику. Иди, кажет, там есть одна дамочка пенкна. Ну, чиновник, натурально, и поперся. А там заместо дамочки пенкной сидит волосатый грузин. Вот и я тебе кажу, фистулька та — один обман. Не ходи туда, хлопче! Он говорит, что там санаторий, а там отделение милиции, посадят тебя на пятнадцать суток.

Пушкин развернул записку, а в ней: «Податель сего украл у меня в двадцатом году еще новое кавалерийское седло и продал его в городе Бердычеве за 100 рублей серебром. Прошу принять срочные меры. В трибунал его, подлеца! Генералиссимус Забубенный».

Денщик. Прочитал? А генерал не прочитал. А мабуть, и не умел читать.

Пушкин. Я его вызову на дуэль за оскорбление личности!

Денщик. И не думай. Сам первый пожалкуешь потом. Один полковник вызвал, да сам пожалел. Схватили его хлопцы. Связали руки да остригли под машинку, как рядового призывника. Ходит он теперь, як болван. Вот и весь сказ!

Пушкин. Опять придется ночевать в лесочке под кустиком?

Денщик. Ни-ни, не позволим. Иди-ка ты, вот что я тебе скажу, на вулицу имени революционера товарища Котовского, дом номер 33. Там проживает пани Элизабета со своим супругом паном Ярославом. Ты, как у нас водится, за жопу ее не лапай. Она до этих игр не больно охоча. Да и пан Ярослав — мужик суровый. Мы с ним один раз выпили по двенадцать кружек «Пльзенского пива», не хухры-мухры. А так они люди хорошие.

Из окна трехэтажного дома (на первом — ресторан «Грилованные куры») высунулась пани Элизабета. Пан Ярослав держит ее за ногу, чтобы она не вывалилась на тротуар. В руке у пани Элизабеты утюг, которым она размахивает угрожающе.

Утюг при этих словах выскочил у нее из рук и, описав в воздухе дугу, трахнул пана Ярослава по голове. Утюг этот, между прочим, мог стукнуть не только пана Ярослава, но и сына пана Ярослава, тоже пана Ярослава. И второго сына пана Ярослава, пана Карела. И наконец, нашего несравненного гения Александра Сергеича Пушкина. Но этого не случилось. Все обошлось как надо. Генералиссимус, по своему обыкновению, ухмыльнулся усами. Он ведь знал, что все закончится именно так, что денщик направит поэта к этой бабенке.

Утюг тяжелый. Теперешние утюги в сравнении с этим утюгом вовсе не утюги. Этот утюг как пудовая гиря. Кондрат Тимофеич говаривал, бывало:

— Если этим утюгом огреть самого выносливого жеребца и той и другой разновидности, то тот мигом окочурится, как пить дать!

Таков был утюг.

Поэма, а не утюг.

За эти необыкновенные качества пани Элизабета преданно любила свой утюг.

Был он куплен еще ее прапрадедом в прошлом веке.

Привез прапрадед утюг из Болгарии. Кинулся туда, прослышав, что в городе Софии в хозяйственном магазине выбросили утюги. И купил он его на свою беду. Жена его, которую, как и теперешнюю, звали пани Элизабета, при любом удобном случае принималась стукать мужа утюгом по голове. Голова у пана раскололась на две половины. А была у него самая крепкая голова во всем городе Карлсбаде. У последующих панов Ярославов головы раскалывались соответственно на четыре, на восемь и шестнадцать частей. У пана Ярослава, супруга теперешней пани Элизабеты, голова была уже более всего похожа на мочалку. Так он и жил с мочалкой на плечах вместо головы.

Пан Ярослав-младший и пан Карел пока еще только присматривались, подготавливались к великому событию. Если случалось, что родители отлучались по делам или в гости, они усердно стукали, как бы невзначай, друг друга утюгом по головам.

Итак, Пушкин от утюга увернулся, генералиссимус ухмыльнулся, денщик погрозил ему кулаком.

Вокруг дома собралась толпа зевак, которая состояла частью из местных жителей, частью из отдыхающих и иностранцев.

Про толпу, думается, Кондрат Тимофеич знал, и не только знал. Но сам и организовывал. Не сам лично, а через подставных лиц. И как потом некоторые уверяли, когда все тихонечко улеглось, что не лица это были, а форель, которую генералиссимус сам и вылавливал из речки Тепль.

И хотя толпа визжала и выла безалаберно, однако чувствовалось, что визжала она и выла определенным образом. А именно наиболее подходящим для Кондрата Тимофеича.

Далее скажу, что вслед за утюгом и сама пани Элизабета вывалилась из окошка на улицу.

В свое время генералиссимус говаривал:

— Эхма, хорошо бы на эту пани напустить эскадрон солдат вместе с жеребцами. Вот была бы потеха!

Вслед за пани Элизабетой из окна вывалился пан Ярослав, за ним пан Ярослав-младший, а за ним уже пан Карел.

Далее мы о них упоминать не будем, дабы не перегружать наше повествование.

Неожиданно площадь перед домом пани Элизабеты опустела. Люди ринулись к минеральным источникам, чтобы стереть их с лица земли: взорвать, перекопать, закопать. Но народ, как всегда, просчитался. Прибыв к источникам, они обнаружили сидящую там и размахивающую утюгом пани Элизабету.

Ну народ, натурально, в сторону. Кому охота собственную башку подставлять под утюг. Чертыхаясь, толпа бросилась громить Народный театр, но там пулеметы.

— Нас предали! (*Голос одной половины толпы.*)

— Кто предал? (*Голос второй половины.*)

Кто-то высказал предположение, что донесла пани Элизабета, — кто еще, если не она?

— Почему она?

— Потому она! Спуталась с каким-то чернявым!

Ринулись на розыски доносчицы. По пути разгромили «Тузекс», снесли три многоэтажных дома, в которых жили чехи, которые имели чеки.

Далее народ впал в неистовство, лез на стены, проклиная и восхваляя.

А пани Элизабета вместе с Александром Сергеичем осматривала достопримечательности лазни номер один, где она состояла при ваннах.

Причмокивая и пританцовывая, Пушкин неожиданно хлопнул пани Элизабету по ягодицам. Все живое вокруг на мгновение замерло от страха. Генералиссимус и тот приподнял одну бровь, предчувствуя, что вот сейчас пани Элизабета трахнет поэта по башке утюгом. Но пани Элизабета, к еще большему изумлению публики, не только не огрела Пушкина, но как-то особенно плотоядно вильнула задом.

— Ну и стервоза! — изрек генералиссимус.

Оказавшись в лазне, Пушкин пришел в совершеннейший восторг и принялся прыгать как козел из одной кабины в другую.

Вот лафа. В каждой ванне по голой бабе. Александр Сергеич принялся было стаскивать с себя кое-какую одежонку, но подоспела пани Элизабета и отвлекла поэта от грешных поползновений. Меж голыми бабочками произошел грандиозный ор. Громче всех, однако, орала пани Элизабета, размахивая яростно во все стороны утюгом. Но обнаженные женщины ловко увертывались, видимо, каждая владела этим оружием в совершенстве. Так что удары в основном доставались бедному Пушкину. Голова гудела, как будто это не голова, а камнедробилка.

Полицейский комиссар. Ох уж эти мне лазни, одни от них неприятности. Лезут сюда са-

мые беспардонные людишки. А ведь у входа висит объявление:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!

Намедни приполз один с длинными усищами и при погонах. Сервис, видите ли, ему не нравится. Веники, говорит, и шайки ему подавай, усищами нацеливается на меня. А я не имею ни малейшего представления, что это за шайка? Отвешиваю на всякий случай поклон, как порядочному джентльмену, а он требует жалобную книгу: «Вошь, — говорит, — у ней по брюху ползет». А я ему отвечаю, что у нас что генерал, что амбал — все равно! У нас свое начальство. Хотел в рожу врезать, да передумал. Побоялся нарваться на международный скандал.

Денщик. Вот что я тебе скажу, тебе надо было сказать, что это не вошь, а родинка. Он бы успокоился, в звании повысил.

Полицейский комиссар. Случаи на нашем всемирно известном курорте всякие бывают. Недавно приехал один знаменитый поэт из северных краев и, как водится, заскучал. Прошелся по прошпекту и заявил, что прошпект не такой, как у них, мало льду. А где у нас лед? Пришлось напустить на него пани Элизабету. Успокоился. Предложил ехать в Туву, пасти местных оленей. Муж пани Элизабеты волнуется. Хватает утюг и поэта по голове. Говорят, что после этого случая поэт написал гениальное произведение под названием «Дон Иван». Вот и теперь очередная драка. Придется вмазать всем без разбора по 15 суток, так сказать, на память о нашем замечательном курорте.

Пушкин и пани Элизабета были уже далеко. Они выломали одну из лучших ванн в лазне, спустили ее на воды речки Тепль и отбыли (точно установить не удалось) в сторону Черного или Красного моря.

В дальнейшем все происходило так.

Когда беглец и беглянка достигли Тихого океана, их подобрала проходящая мимо (курсом Шанхай—Махачкала) шхуна с грузом копры. Ветер попутный.

1) Пани Элизабета распространяла секс-флюиды вокруг себя с такой страстью, что вскоре вся команда едва не взбунтовалась, требуя крови.

2) Капитан, хотя и был большим поклонником поэта, в особенности ему нравилось место, где «Пироги печет сапожник или наоборот», поскольку сам он был страстным любителем пирожков, в особенности с капустой, высадил влюбленную парочку на одном из тихоокеанских островов.

Скука смертная. Островитяне ежевечерне собирались возле дома, в котором поселились наши путешественники, и часами глазели на пани Элизабету.

Заскучал Александр Сергеич по родным елкам и липкам. И решил вернуться в родные места.

Пушкин и пани Элизабета плавают в королевской лазне номер один. Пани Элизабета как рыбка. Пушкин за ней. Она ускользает, ускользает, превращается в еле уловимый мираж.

А народ возле лазни все галдит, да так, что вороны как подкошенные падают на землю. Народ желает лицезреть пани Элизабету и Александра Сергеича. Народ требует зрелищ!

— Раз народ собрался, то он обязан галдеть и вопить, — так выразился один (имя его затерялось в веках) чешский философ-любитель.

Добавлю от себя: если народ собрался и не вопит и не галдит — жди безобразий или чего похлеще.

Что это, собственно, за народ, если он буйствует втихомолку?

Чехи, надо сказать, галдеть и вопить умеют на славу.

Один чех может перекричать, перевопить, перегалдеть трех французов, девять англичан, восемнадцать бундасов и столько же штатников. Даже сам Кондрат Тимофеич пришел в восторг, услыхав, как вопят чехи.

Наконец галдящие как-то сами по себе обозначились в три самостоятельные группы.

Одни галдели: «Давай!»

Другие вопили: «Долой!»

Третьи, хоть и не орали, а на самом деле больше всех орали.

Генералиссимус сидел на прежнем месте на берегу речки Тепль и издалека руководил галдящей толпой. Главной пружиной в его руках, как уже говорилось, была форель. Нет-нет да мелькнет чешуйчатый плащ с голубым отворотом, нет-нет да сверкнет холодный молниеносный форелий глаз.

Многие и прежде догадывались, что форель клюет на пустой сапог генералиссимуса не просто так. Наверняка дается ей какая-то льгота.

Кондрат Тимофеич. Что такое есть лошадь? Безграмотный пустозвон ответит так: «Лошадь есть животное с гривой и хвостом, о четырех ногах, обутых в копыта». Не верьте этому контрреволюционному вранью! Такой ответ является сугубо не военным. Отвечаю на этот сказ так: стол тоже о четырех ногах, так? Но стол, как известно, конем быть не может. Стол — вещество неодушевленное, на него верхом не вскочишь, как на коня. А лошадь — существо одушевленное, оно может так тебя лягнуть, что мигом окажешься на том свете, кукуй там до скончания времен.

Денщик. Пошел философствовать. Теперь проболтает целую годину. Язык у него без костей.

Кондрат Тимофеич. Если некоторые думают, что боевая шашка — это кусок железяки, то

глубоко заблуждаются. Шашка не железяка, а хороший кусок стали, кованный лучшими мастерами до нужной гибкости, а потом отточенный так, что им можно бриться. Если некоторые думают, что головы рубить — пустое дело, пусть лучше так не думают, потому что заблуждаются. Пусть попробуют разок рубануть. Тут, кроме моральной подготовки, нужна еще сноровка. Без сноровки даже курице голову не отрубишь. Руки трясутся у таких рубак, как у алкашей. Мне вот девяносто уже скоро, а я могу любого из вас располосовать до самого пупа!

Пушкину вот что скажу, а он пусть послушает внимательно, раз уж приперся в наш Карлсбад. Описывать нашу жизнь нужно только с положительной стороны. В первую очередь показать, как тут вольготно живется. И про меня разрешаю указать, но как надо и только с положительной стороны. С плохой ни-ни, овса не дам!

Денщик. Ну что ты все брешешь, Кондрат, не надоело? Ни одного правдивого слова нема, сукин ты сын! Позабыл, как я за тобой в городе Могилеве какашки подтирал? Забыл? Тогда все обещал: «Жизнь хорошую устрою, квартиры дам каждому инвалиду, из царства тьмы вытащу, справедливость засияет над трудовым народом, светлый путь в будущее укажу»! Указал? Где она, твоя обещанная хорошая жизнь? Пролетарии усих краин, соединяйтесь! Соединились? Мне от тебя ничего не треба, а товарища Пушкина не забижай!

Кондрат Тимофеич. Какой он нам товарищ! Брянский лес ему товарищ. Нашел кого защищать, царского прихлебника защищаешь, а за это можно тебя и в трибунал!

Денщик. Шашкой размахался, а сам эту шашку в руках не держал. С фабрики выгнали, как лыдящего, вот в военные и записался. А потом за огромные усища произвели в генералиссимусы.

Кондрат Тимофеич. Шпана! Я вот сейчас покажу тебе, как достойного генералиссимуса при всем честном народе позорить, как над честным человеком шутки устраивать!

Денщик. А что ты мне зробишь?

Кондрат Тимофеич. По мордасам хочешь?

Денщик. Ни.

Кондрат Тимофеич. Так схлопочешь!

Денщик. Бачите? Вот тут все его плебейство и вылезает наружу. При царях по мордасам трескали, теперь другие порядки. За мордасы я на тебя в суд могу подать. Там тебе растолкуют, как оскорблять индивидуальную личность!

Кондрат Тимофеич. В суд можешь подавать сколько хочешь.

Денщик. Подам!

Кондрат Тимофеич. А знаешь, кто там председателями?

Денщик. Знаю. Кошкин да Трошкин.

Кондрат Тимофеич. Мои приятели. Прикажу, тебя же, дуру, и осудят!

Денщик. А я у Трошкина полы натирал, а Кошкину сарай чинил, дрова пилил!

Кондрат Тимофеич. То-то у меня, не балуй! Помни, кто тебя, дурня, вывел в люди! У, рожа! Вожжой бы тебя поперек спины! За что держу дерзкого скота, сам не знаю! С ума сошел, старый мерин! Отвечай, зараза, сошел с ума?

Денщик. Мабуть, сошел. С тобой не только с ума сойдешь!

А события развивались своим чередом. За время, пока генералиссимус препирался с денщиком, те три группы, которые обозначились на предыдущих страницах, снова слились воедино. Толпа галдела громче прежнего. Из общего гвалта в особен-

ности выделялся один писклявый дамский голосок. Слышалось:

— Не троньте Дуду!

А в ответ доносилось:

— Имели мы вашего Дуду! Ваш Дуда прежде дудел, а теперь свистеть начал!

А в ответ доносилось:

— Какие доказательства?

А в ответ доносилось:

— А у вас какие?

— На Васю Василькова настучал!

А в ответ доносилось:

— Васи Василькова в природе не существует. Это персонаж романа!

А в ответ доносилось:

— Какое это имеет значение! Сегодня он на Васю Василькова, а завтра на весь мир, включая:

Прагу,
Париж,
Лондон,
Вашингтон
И город Козельск!

Знаем мы эти штучки.

Он, между прочим, в своем произведении Васю Василькова заставил рисовать лютики. Хотя всему миру известно, что Вася лютиков не рисует. А рисует васильки. Лютики рисует Шнеерзон. Шнеерзон же и в глаза не видел Дуду, а тот пишет, что они ездили вместе в Киев или во Владивосток.

А в ответ доносилось:

— Дуду — человек чести. Сами вы стукачи. В особенности ваш Шнеерзон. Многие видели, как он заходил «туда», а потом вышел «оттуда».

Голос издалека. То-то захожу недавно к нему, а у него магнитофон работает. Фиксирует, значит, все наши разговорчики, а потом относит «туда», чудеса!

Шнеерзон. Крепко нас подвел Дуда. Сам Стрекозин предупреждал, чтобы Дуду не приглашали на вернисаж. А мы пригласили, а надо было не приглашать. Стрекозин знает все на сто лет вперед. Стрекозин знает всех стукачей. Как сказал на Галкина, так все знакомые руку подавать перестали.

Голос издалека. А что же этот Галкин Стрекозину рожу к вернисажу не разукрасил?

Галкин. Что я могу сделать. У Стрекозина сила. За него весь ХВОСК горой. А я беззащитный. Теперь из-за этого говнюка и тот небольшой заработок, который имел, потерял.

Стрекозин. Я про Галку и не такой слушок распущу, пусть не лезет в чужие дела, не сбивает цены на картины. Тоже мне нашелся, доморощенный коллекционер! А сейчас, уважаемые, я прочту для вас стихи собственного изготовления, крик, можно сказать, измученной души, которые недавно пришлось прочитать на большом бомонде при стечении послов и временных поверенных.

Так недоброжелатели расправились с Дудой, добросовестным человеком, честным писателем, который от расстройства чувств уехал за полярный круг пасти оленей или белых медведей. Точных сведений о его благородных деяниях там не имеется.

По этому случаю был поднят новый галдеж. Одни обвиняли, другие не обвиняли, но и не оправдывали. Только верная Хлорик встала грудью на защиту Дуды.

Что бы было, если бы пани Элизабета не родила младенца мужского пола! Младенец окинул зоркими глазенками собравшихся и чихнул.

— Смотрите, — сказал один из толпы, — а младенец-то смахивает на негритосика.

— Копия, — отозвался другой.

И действительно, пока суд да дело, у младенца выросла густая черная борода.

Толпа и по этому случаю подняла галдеж. Пушкин уже и не рад, что приперся за тридевять земель кисель месить. Стоял бы себе на Тверской с медной шляпой в руке, ква-ква!

А толпа бунтует. Гете, видите, им поднадоел. Памятник собираются сбивать. А Гете, в сущности, неплохой писатель. Старомоден несколько, да ничего, для чехов сойдет.

— С пьедестала его долой! — надрывается Хлорик.

— Долой, — вторят мамаськи.

Хлорик. Холина на пьедестал, он этого стоит!

— Пушкина, Пушкина, — вопили сторонники Стрекозина.

— Пусть стоит там, где стоял, мы не допустим,— голос Маки Гжельской.

Хлорик, выпятив грудь, что есть силы кричит Дуде, который успел вернуться из хладных стран, отморозив кончик носа или еще что, чтобы он не зевал, а дудыкнул дудой Маку Гжельскую по башке, а Галкин пусть ему помогает, а не лалакает бог весть что!

Мака Гжельская вскакивает верхом на Стрекозина и решительно наскакивает на Хлорик.

Кондрат Тимофеич. Конь под тобой, баба, хилый. На таком коне далеко не уедешь. Мы таких коней отправляем на мыло. Разве это конь: ноги — колчужки и брюхо непомерной величины. Видать, соломы обожрался с голодухи. А главное, мордой уж больно гнусен вышел. Впервой вижу коня с такой неподходящей рожей. Чей конь?

Денщик. Да это не конь, разуй глаза!

Кондрат Тимофеич. Не конь, говоришь? А чего это баба на него забралась?

Денщик. Залезла, чтобы удобней обозревать окрестности.

Кондрат Тимофеич. Уж больно баба хороша. Пригласи. Пусть портянки постирает, стерва!

Хлорик, пришедшая в себя от наскоков Маки, принялась отбрыкиваться. Дуда ей помогает, хлопает дудой (которая у него о-го-го) Маку ниже поясницы. Галкин, наконец изловчившись, брыкнул Стрекозина под дыхало. Кондрат Тимофеич только крякнул от удовольствия.

Мака Гжельская в панике. Стрекозин вопит на всю площадь, что теперь Хлорик амбец, теперь он не пустит ее на порог есть пирог! Был благодетель, стал враг, тать твою в овраг! Теперь он из нее сделает ничтожество!

Хлорик. А из тебя не нужно делать ничтожество, ты и так ничтожество! Тьфу на тебя! Дуда, дудыкни его посильней!

Дуда бьет. Стрекозин летит на землю, попадая по пути в какое-то дерьмо. Мака Гжельская поднимает его и ведет в лазню номер один.

Пани Элизабета загораживает мощной грудью вход.

— Сюда нельзя. Лазня закрыта на учет, по-булгарски говорю!

Кондрат Тимофеич. Если это не конь, то я в конях ничего не смыслю. И воняет от него навозом.

Денщик. Да вони в говно упали, вот и видимость такая, что от них воняет, а як помоются, вонять перестанут.

Голос издалека. Не ставьте памятник Пушкину, оставьте это бесполезное занятие. Нормальные люди давно уже Пушкина не читают, а только почитают. А читают его одни пенсионеры. Ставьте памятник современным писателям и поэтам, кого читают и почитают:

Сапгиру ставьте Александру Глезеру ставьте Лимонову ставьте Холину ставьте Гробману Миха-

илу Яковлевичу ставьте Иосифу Бродскому ставьте Константину Кедрову ставьте Рейну и Бачурину ставьте Яну Сатуновскому ставьте Владимиру Сорокину ставьте Академику Сахарову ставьте Монастырскому и Рубинштейну ставьте Севе Некрасову ставьте Дмитрию Александрычу Пригову ставьте Даниэлю и Синявскому ставьте Илье Кабакову и В. Пивоварову ставьте Павлу Пепперштейну ставьте Вике Кабаковой ставьте Милене Славицкой ставьте Льву Кропивницкому ставьте Оскару Рабину ставьте Валентине Кропивницкой ставьте Кире Сапгир ставьте Олегу Трипольскому ставьте Леониду Пинскому ставьте Е. Кропивницкому ставьте, Игорю Дудинскому ставьте, Талочкину ставьте, Ельской ставьте, Ларисе Пятницкой ставьте и, наконец, ставьте Хлорик Дуде Маке Гжельской Стрекозину Михеичу не ставьте, он сам воздвиг себе достойный памятник посреди США.

Чей-то голос. Давайте лучше поставим памятник собаке Холина по кличке Гена!

Еще чей-то голос. Говорят, что эта собака пишет за Холина стихи, повести и романы.

Чей-то голос. У Александра Сергеича тоже была собака, он ее любил.

Еще чей-то голос. Она съела кусок мяса...

Чей-то голос. Он ее убил.

Еще чей-то голос. Может быть, она у него, за него, для него?

Голоса. Дорогу, дорогу, расступитесь!

Другие голоса. Движется передвижная выставка современных, наиновейших художников.

Голоса. Передвижники?

Другие голоса. Не передвижники. Они передвигаются для того, чтобы их не растерзали бульдозеры злые. Один раз эти бульдозеры уже порезвились в Москве в районе Беляева!

Нашу выставку в Карлсбаде организовал деятель по фамилии Стрекозин. О нем было уже упоминание прежде.

Кондрат Тимофеич. Заявляю официальный протест! Конь с такой неподходящей мордой ничего организовать не может. Такому коню грош цена в базарный день. Вот прикажу сейчас отправить его на живодерню, чтобы там с него содрали шкуру!

Хлорик. Так вот всегда, затирают бедную женщину. Я ли не старалась для художников, и то делала, и это, а теперь говорят, что не я, а они! Где же тут справедливость. Дуда, дуди снова в дуду, чтобы у них уши полопались!

Дуда. Извини, не могу, дуда поломалась. Не знаю, о кого я ее сломал: о Маку Гжельскую или о самого Стрекозина? Пусть лучше Галка пустит дымовую завесу.

Галкин. Сейчас прикажу жене Вале, чтобы притащила из больницы состав повонючей.

Пушкин. Не могу понять, что тут происходит? В наше время картины вывешивали в светлых, комфортабельных помещениях. Выставки посещала благородная публика. Был буфет: икорка, лососинка к водочке и другие знаки внимания. Все ходили чинно, осматривали экспозицию, не толкались, как на толкучке. Для простого народа иностранцы придумали балаган, а наш русский чиновник — кабак! После выставки можно было сразиться в картишки. Все своим чередом. Недавно одному типу проиграл двадцать тысяч серебром. Хорошо, что государь выручил, дал деньги под Пугача. Напиши, говорит, что-нибудь в духе Вальтера Скотта. Я этому типу говорю: ставлю на кон поэму «Медный всадник», а он отвечает: на фига она ему сдалась! Я ему говорю: ставлю речку Неву против

Москвы-реки, что по червонцу за строчку заплатят и не мур-мур! А этот тип отвечает: «Видимость одна, Александр Сергеич, что поэмку возьмут. Неси ее хоть в «Детскую литературу», хоть в «Совпис», хоть в ОГИЗ, хоть в Мосгаз, скажут одно: трудовой процесс в вашей поэме не отражен, да и герой какой-то ущербный. Нам нужен положительный герой, с которого молодежь может брать пример».

Я ему одно, а он требует звонкую монету. А где ее взять, звонкую, если и не звонкой нету? Если бы не государь, хоть в петлю.

Кондрат Тимофеич. Хватит, Пушкин, ахинею нести! К бабам я тебя так свожу, без титей-митей. Предупреждаю, однако, что все они тут немытые, лазни кругом, минеральные воды, а они не моются, разводят заразу, как эскимосы!

Младенец. В честь того, что мой знаменитый папочка посетил сии места, город придется перестроить. Обнесем его забором из колючей проволоки. Повесим табличку: «Запретная зона».

Кондрат Тимофеич. Ну и шустряк. А ведь правильно говорит, в тартарары твою мать! Не только проволокой колючей огородим, а если понадобится, то и сровняем с землей. Посадим на пустом месте елки и палки. Пусть памятник Пушкину красуется посреди этих красот.

Пушкин. Не хочу к бабам. Вот вы лучше скажите, что это за ископаемое мимо нас проползает?

Таможенник. Амлетов это...

Пушкин. Скажите, господин Амлетов, зачем вы старые сатиновые трусы за границу тащите, музей доисторических предметов собираетесь там открывать? Ведь у них и дырка уже приличная на заднице.

Амлетов. Не могу оставить. Привык. Душа по ним будет печалиться. Они мне как родные.

Жена требует, чтобы я в них чихбадановского кота завернул. А он взял и смылся. Сбежал, собака, уже на аэровокзале. Пришлось разыскивать. Три часа по асфальтам зала ожидания на брюхе ползал. Чуть не опоздали на самолет. Приеду в Вену, скажу жене Глаше, чтобы трусы залатала. Кота нашли. Сидит, мурло, в буфете, лакает валютное пиво.

Пушкин. Ну и чудик!

Один из толпы. Великий русский писатель едет за кордон, в кардан его мать! Выдает себя за француза, хотя татарское его происхождение налицо.

Пушкин. Вроде Гоголя?

Один из толпы. Разве Гоголь тоже татарин?

Хлорик. Привет, папуля!

Амлетов. Говорили, обещали золотые горы, а дают пособие в размере 290 долларов на двоих с женой. Где тут, спрашивается, справедливость? И там притесняли, и тут житья не дают. Эмигранты готовы глотки друг другу из-за куска хлеба перегрызть. Да и американцы хороши, у каждого кольт за поясом, того и гляди пулю пустит вдогонку. Одни которые антисоветские здравствуют. Этим отстегивают больше тысячи. Эй, жена, почеши спинку.

Глаша. Вот сейчас почешу дубиной по горбу! Куда привез? К распроклятым империалистам привез. У меня и не такие, как ты, были, спинку им не чесала. Чеши-ка лучше за пособием!

Амлетов безропотно пошарил вокруг, нашел веточку и принялся почесывать промеж лопаток, мурлыча что-то себе под нос.

Бахчадан. Почему-то все перевирают мою фамилию, в сущности, довольно простую. Как только не называют: и Бахчабан, и Чахбанан, и Бахвабан, а я Бахчадан, и не армянин я, как многие думают, а мексиканец по происхождению.

С в е д у щ и й ч е л о в е к. Не нравятся мне люди, которые темнят со своими фамилиями.

Д р у г о й с в е д у щ и й ч е л о в е к. Выгода есть. Деньги занимают под одну фамилию, а долг не хотят отдавать под другую.

А мимо проходит строевым шагом, узнаете? Бывший военный, еще не старый человек в драных джинсах и старой спортивной кепке. По сторонам пара полицейских с саблями наголо. На плечах человек несет несколько толстенных фолиантов. Это Михеич. Писатель. Книги его известны по всему миру, кроме страны, в которой имеет постоянную прописку.

Огромные капиталы заработал.

П у ш к и н. А это кто?

К о н д р а т Т и м о ф е и ч. Освободили контру из лагерей, как будто в зоне ему плохо жилось. Говорил ведь Ёсифу: вышку таким надо лепить. Ёсиф пожалел гуся (под старость слезлив стал), десятку велел дать. Да за его делишки и вышки было мало. Загнал, понимаете, в соседнюю дивизию целый эшелон артиллерийских снарядов. А на вырученные деньги что-то там купил, а потом по новой продал. Или все наоборот, кисель ему в рот. А что такое десять лет для такого хмыря? Лафа! Он и там начал спекулировать казенным добром. Жаль, что не попался. Если бы не Хавронья толсторожая, которая после смерти дорогого Иосифа, власть в стране захватив, принялась всю эту кодлу на волю выпускать, сидеть бы ему не десять, а сто лет! Будь моя воля, я бы всех этих недобитков в армию призвал, посадил на коней да сабли в руки, пусть рубают друг друга. Теперь, понимаешь, Пушкин, моду взяли, за кордон их высылают, лишают гражданства. От этого им ни жарко ни холодно. За кордоном им

доллары за клевету на нас отваливают. И они богатеют, зазнаются, не признают нашу власть. Этот Михеич в части клеветы почище Хвилина будет. У Хелина смешочки, юмористика, а этот самую суть затрагивает, на власть замахнулся. Хавронья мордатая не захотела этого понимать. Малую охрану выделили для этой птицы. Как бы не сбежал. Обратились бы ко мне, я бы взводик дал, что головорезней. Как только Хавронья к власти пришла, хрюкнула, они из щелей и полезли, как тараканы. Теперь моему дружку Леньке приходится эту кашу расхлебывать. Ленька ловко эту Хавронью с трона сковырнул. Будет знать, как на своих руку поднимать! Пенсию всесоюзную дали ему зазря, надо было республиканскую всучить. А лучше всего (я Леньке говорил) в колхоз имени Иосифа Виссарионовича Сталина надо было на поденную работу отправить, кукурузу из початков выковыривать.

Этому Михеичу скатертью дорожка!

Брежнев. Не говори, Кондрат, не уважают они нас с тобой. И эти не уважают, и те. Ведь как хотелось назначить тебя президентом. Воспрепятствовали. Заявили, что ты расписываться не умеешь. А зачем тебе уметь? Факсимилишку сварганили бы, хлопай себе с утра до вечера по бумагам!

Кондрат Тимофеич. А я вот не побоялся, навесил на тебя маршальские погончики. Ты в них как монумент.

Хрущев. Меня народ будет добрым словом вспоминать, попомните мои слова: пенсии людям дал, колхозникам приказал платить зарплату, некоторые книжки разрешил печатать, того же Михеича, культ Сталина разоблачил — что еще надо? А ты, Кондрат, только тем и можешь похвастаться, что из-под Варшавы драпал!

Пока Кондрат с Никитой препираются, шествие продолжается.

Идет Михаил Гробман, известный художник. На спине египетская пирамида. На пирамиду взгромоздилась жена Ира. На спине у нее сидит сын Яшка, который держит на руках мать Иры и сестру Злату.

Идут.

Жара.

Песок.

Воды ни капли.

Во рту пересохло.

— Хотя бы дали стакан боржому, — пищит маленький Яшка.

Гробман. Молчи, Яшка, ты мой сын и должен терпеть. Вон Злата молчит, спит, и ты спи!

Ира. Вот так всегда. Не муж, а изверг. Не дает поплакать о хорошей жизни в Москве, о даче в Томилине. Сидели бы мы на травке, пили бы чай с вишневым вареньем. Холин приехал бы к нам в гости, и его бы угостили чаем. Вот от Златы творожку осталось немножко, творожок скормили бы Холину. Пусть ест, поправляется. А тут одни пески. Ни травинки.

Ира, как всегда, права. Кругом голая пустыня Синая.

Гробман. Что это они все в Европу лезут, в США? Я вот отправляюсь в Иерусалим. Буду там жить. Напишу письмо Холину, как только устроюсь. Расскажу в письме, какая тут замечательная жизнь. Пусть Холин к нам приезжает. А какие тут девочки по улицам фланируют! Такие Холину и во сне не снятся. До Израиля уже недалеко, скоро дойдем. А ты, Ира, молчи и не спеши. Видишь, Ева Ароновна отстала, устала, прет на горбу новую иерусалимскую квартиру. Под мышкой ковер машинной работы три на четыре. Все захватила. Ничего не забыла. Из сумки выглядывает чугунная

сковородка. Жалеет, что деревья на дачном участке в Томилине пришлось бросить. Власти не разрешили взять.

Ева Ароновна. Жаль деревья, ох как жаль!

Ира. Не ной, мама. Доберемся до места, напишем Холину, семена пришлет. Посадим на новом месте перед домом. Радуйся, мама, вспоминай.

Ева Ароновна. Забыла, совсем забыла, в Томилине остался еще совсем не старый Мишкин полушубок. Как мы без него будем жить, как в уборную во двор по ночам ходить? И забор забыли взять. Как мы без забора будем жить?

Гробман. Заткнись! Прибью! Не приказывал дуру с собой брать. Забор забыла! Да я тебе такой новый отгрохаю, закачаешься!

Наругавшись вдоволь, Михаил Яковлевич сел на раскаленный песок.

Михаил Яковлевич сидит на синайском песке и пьет русский квас, который доставили ему по специально для этой цели построенному квасопроводу прямо из Текстилей. Насытившись вполне, он дает попробовать Яшке и Злате.

Воспользовавшись моментом, Ева Ароновна взгромоздила на Мишкину спину допотопный холодильник марки «Газоаппарат», спихнув предварительно Яшку и Злату. В левой руке она держит картину художника Фалька. В эту же картину вцепился сын ее, Женька, тянет к себе.

Гробман. Ну и мороз здесь в пустыне, как у нас. Тут без телогрейки и без ватных брюк пропадешь, за милую душу загнешься. А мне картины надо писать, в дышло твою мать!

Арабы. Если бы не морозы, мы бы их — трах! А так они нас — в пух!

Киссинджер. Я все улаживаю, улаживаю, стараюсь, разъединяю, а они не разъединяются, а

наоборот, соединяются. Что делать? Специально для них придумал поэтапное урегулирование. Старался, а благодарности за свой труд никакой. Дали Сталинскую премию. Жаль, что учредитель этой премии дал дуба. А то можно было бы попросить, чтобы он в пустыне Синая построил новый ГУЛАГ для врагов и друзей. Может, генералиссимус посодействует обменять эту медальку на ту, которые выдают теперь?

Денщик. Он так тебе посодействует, что не возрадуешься, пришлет вместо медали колесо от тачанки, носи на здоровье.

Михеич (*проходя мимо Пушкина*). Приветствую тебя, великий Александр. Жму твою благородную руку. И я, быть может, был когда-то Александр, а теперь стал Михей, понятно? Мы были настоящие поэты и ели трюфеля, а не котлеты. Теперь пошел другой народец, не русский все, а инородец. А я люблю капусту, квас и царский правильный указ. Без плетки и кнута народ — разбойник, мот и обормот! Мы новый мир должны создать, мать твою перемать!

Кондрат Тимофеич. Не ты ли, подлюга, в цари метишь? Был у нас один настоящий царь Ёсиф Первый, да и тот весь вышел.

Михеич. А хотя бы и я, что тут такого?

Полисмен. Прекратить разговорчики, а то дубинкой буду бить по горбам, она у меня побольше, чем у Дуды! Ходят тут всякие, демонстрируют, мешают движению, затрудняют отдых трудящихся. Вот начнем скоро улицы расширять, тогда демонстрируйте сколько влезет. Старый город приказано переделать в горы. И на этих горах построить новый, невиданный город, чтобы люди-творцы населяли не хижины, а дворцы.

Пани Элизабета. Я грудью встану на защиту лазни номер один, пусть только попробуют к ней прикоснуться!

Хачипурян. Я напишу новую музыку: танец переделки города в горы. За эту работу мне дадут номер в гостинице «Пупик», дадут боны, чтобы я на них покупал продукты в «Тузексе». Без виски нет пляски!

Кондрат Тимофеич. Пляски, виски. Пляски — это хорошо, в тартарары твою мать! Сам перед Хозяином в свое время выплясывал, за это он меня и любил. А кто ты такой, чтобы тебя в «Пупик» пускать? Генерал, адмирал, какой чин имеешь?

Хачипурян. Генеральского и адмиральского чина не имею, но перед отцом всех народов музыку всякую наигрывал.

Кондрат Тимофеич. И за это в «Пупик» захотел?

Хачипурян. Моя музыка нравилась Хозяину. В особенности «Танец с вилами». Я десять раз лауреат!

Кондрат Тимофеич. Чего лауреат?

Хачипурян. Сталинских премий.

Кондрат Тимофеич. Так бы и говорил. Ладно, в «Пупик» допустим. Свой человек. Чеши туда. Поговорю с кем надо.

Хачипурян. Благодарствую.

Лика Рапова. Хочу предъявить жалобу на писателя Максакова. Он в своем журнале «Контингент» печатает не тех, кого надо печатать. Моему мужу, Стасю Клюквину, отказал. Не понравились стихи. Сказал, что слишком модернистские. Требует чего-нибудь этакого, возвышенного. У моего мужа все возвышенно до самого предела.

Форель прихрамывающая. Еще один подпольный журнал. Запомним. Начальству доложим.

Лика Рапова. Какой же он подпольный? На африканском континенте издают его миллионным тиражом. Весь мир читает.

Форель подмигивающая. Я журналов не читаю.

Форель прихрамывающая. Думаешь, я читаю? Инструкции, которые присылают из центра, не читаю. Действую на авось. Выходит хорошо.

Бледная девушка. В этом журнале опубликована гениальная повесть моего любимого писателя С.А. Вершковского.

Худая девушка. И сверхгениальный роман гениального Михеича. Какой замечательный журнал!

Волосатый мужик. А фото голых баб есть в нем? Если нет, редактора на мыло!

Клюквин. Правильно заметила моя жена Лика. Не печатают меня и не собираются. Редактор «Контингента» в Москве был друг, а тут озверел. Молодых не признает. А признает тех, у которых песок сыплется, которые шустрят перед ним. Я ему толкую про свою поэму «Общественный герой», а он мне отвечает: «Героического не печатаем, а печатаем историческое и антикоммунистическое». Каково? Просит, чтобы я сбегал за водкой. Сует франки. Обидно. Я ведь не мальчик, а муж.

Максутов. Не волнуйтесь, ребятки, придет время, напечатаем всех. Вот пройдет одна штучка Михеича «Синяя оглобля», тогда и вас допустим. Сократить бы ее раз в двадцать пять, да автор больно капризен, ничего ему не скажи, а скажешь, сразу побежит с жалобой в ООН. Приходится считаться. Тут ничего не попишешь. Вслед за ним тиснем поэмку Строцкого, а за ним — несколько исторических опусов Корноухина, а потом — культовую повестушку Синебрюхова, а потом — Черносинова, а потом — литературный бред Невезухи-

на, а потом — брата Корноухова, Косоухова. А вы пока потерпите. Сам терпел и вам велю. Приходите, заходите хоть каждый день. Джином вволю угощу. У меня его столько запасено, что хватит на сто лет с гаком.

Клюквин. В гробу я видел твой джин! Водка есть?

Максутов. Есть.

Клюквин. Закуска есть?

Максутов. Чего нет, того нет.

Клюквин. Ладно, не привыкать, рукавом будем закусывать.

Максутов. Так что же мы стоим, погребли в редакцию. Ну-ка поддержите меня с обеих сторон. В голове после вчерашнего работает асфальтобетонный завод. С кем только не выпивал: с господином Смитом выпивал, с Тери и с Дери выпивал, и еще с другим англичанином, и еще с одним американом. И так каждый день. Теперь судите сами, в какие я сел сани.

Бардулин. Я в Холине совершенно разуверился. Иду на днях по Кузнецкому, а он стоит возле книжной лавки и размахивает красным удостоверением. Откуда оно у него?

Тетерин. Оттуда. Поэтому он нас в своей повести «С минусом единица» и отправил в Париж.

Бардулин. Джин, сука, заставил пить. А я его терпеть не могу. На покойниках французы его настаивают, а закусывают лягушками.

Максутов. Так вы, голубчики, были в Париже? Гоните быстренько путевые заметки, мы их в следующем номере тиснем.

Тетерин. Хорошо заплатите?

Максутов. Не обидим. Три бутылки дам.

Тетерин. Во, Бардулик, да я за одну банку сто страниц накатаю и в стихах и в прозе. Вот одно мое гениальное стихотворение:

Кот по саду,
Хлоп по заду.

Бардулин. Ты, Тетеря, гений, выдающийся человек, проси по бутылке за каждую строчку!

Шествие, между прочим, продолжается своим чередом.

Идут бородатые чучмеки, выдающие себя за русских, идут безбородые русские, выдающие себя за эскимосов. Мимо пролетела ворона, какнула одному на лысину.

— Смотрите, а тут и вороны есть, как у нас на родине, — запрыгал от счастья лысый, — и березки, наверное, есть?

Чех. Березок сколько угодно. Варим из них березовую кашу, хотите, угостим?

Кинорежиссер. Сниму фильм о березках. Встану на колени и буду рыдать. Скажу по секрету, захватил с собой одну веточку. На таможне обыскивали, но не нашли. Посажу на новом месте. Может, примется?

Проходит человек, прикрытый плащом, проходит человек на носу с прыщом, проходит человек другой, дрыгающий левой ногой, проходит человек, потерявший чемодан по дороге, проходит сибирский медведь, проспавший весь год в берлоге. Проходит иное зверье и много разного люда.

Кто-то кричит:

— Дорогу верблюду!!!

— А куда, собственно, этот верблюд прется, почему ему дома не живется?

Замыкает шествие Холин, который несет на своих плечах малолетнюю дочь Арину. В правой руке держит красную книжку. За Холиным мчится теща Раиса Павловна:

— Отдай ребенка, изверг рода человеческого! Куда ты повезешь ее в Штаты такую простуженную?

А р и н а. Апчхи!

Теща хватает Арину за ногу, тянет к себе.

Х о л и н. Я не еду в Штаты. Я несу ребенка в храм. Там его будут крестить. Окунать в купель. Вот крестная мать — Галя Брусиловская, вот крестный отец — Эктор Кардонис.

Географическая справка

Карлсбад. *Г. в Богемии, 374 м над уровнем моря при р. Тепль, недалеко от впадения ее в Эгарь, посреди узкой живописной долины, окруженной лесистыми горами, при ж.д., представляет один из наиболее известных курортов Европы. Имеет 1 катол., 1 еванг., 1 англик., 1 православную церкви, а также синагогу. К достопримечательностям К. относятся: колоннады Мельбурн и Шпрудль, кургауз, огромный Кайзербад (открытый в 1895 году), новый гор. театр, реальная гимназия, жит. (1890) 12.033 чел. нем. происхождения. Оживленная промышленная деятельность распространяется на выделку изделий из местной известковой накипи, производство иголок, булавок, ликера, кондитерских изделий и т. д. К. является также центром фарфорового производства. В окрестностях добывается прекрасный каолин и имеется 15 фарфоровых заводов. 19 терм К. представляют горячие щелочные источники глауберовой соли и бьют из расселин гранита, наполненных отчасти известковой накипью. Старейшим, важнейшим источником является Шпрудель, на правом берегу речки Тепль, посреди города. Этот источник имеет температуру 73,8 гр. и бьет толчками струей в человеческий обхват и 1 м высотой, количество воды, доставляемое им, составляет 23 гекал. в минуту. Вода источника осаждает на воздухе, после выделения*

на воздухе свободной угольной кислоты, углекислую известь, отвердевающую с течением времени в известковую накипь (известковый натек, отчасти белого, отчасти бурого цвета, переходящего в серый и зелено-желтый цвета). На этой породе, из которой выделываются всевозможные предметы, выстроена значительная часть города.

Кондрат Тимофеич. Крепкий орешек. Придется взрывать.

Денщик. Пустим танки и самолеты.

Воды К. используются по преимуществу для приема внутрь. В некоторых случаях к приему внутрь присоединяются ванны (также и грязевые).

Кондрат Тимофеич. Сколько всего. Придется присылать на лечение кобыл, пусть принимают грязевые ванны.

Кроме трех источников, замечательны в окрестностях К. также несколько холодных минеральных источников. Воды всех источников с 1843 года высылаются также в другие страны (1892 — свыше 1,5 милл. бутылок). Путем выпаривания из воды получают карлсбадскую соль. Число курортных посетителей К. составило в 1756 всего 257 чел., перешло 1869 за 1000, а в 1893 составило 35124 чел.

Автор. Теперь прошу пожаловать в кафе «Элефанте», куда переместилась бóльшая часть толпы.

Во время перемещения снова произошла перегруппировка сил.

В стане Хлорик раскол.

Стрекозин и Мака Гжельская торжествуют.

Дуда заявил: если на него клевещут, то он перестанет дудеть, а начнет свистеть.

Хлорик выходит из себя. Кричит, что нужно мотать отсюда, пока всех за всех...

Толпа, услышав эти прозорливые слова, бросилась к дверям кафе, давя друг друга, как на похоронах И. В. Сталина. Покалеченных сотни. «Скорая» не успевает развозить пострадавших по госпиталям.

Что там похороны, тут дело посложней похорон, дверь в кафе маленькая, народу много, швейцар дороден и неотразим, мест в кафе всего 150, а пролезло уже тысячи полторы.

Швейцар. Не прите, убийцы, по мордасам буду трескать!

Один из толпы. А ты придерживайся правил, тогда и силу не придется применять, пропускай, как велено, по пропускам и не пускай без пропусков.

Швейцар. Какие, к такой-сякой матери, пропуска! Вон, полюбуйтесь, на уголке их рисуют художники, желающие могут купить за трояк.

Кто-то из толпы. Посторонитесь, посторонитесь! Пропустите Александра Сергеича с ребенком!

Толпа расступается. Александр Сергеич идет. На закорках у него еще молодой младенец. Александр Сергеич убит. Он идет. Младенец живет. Актер играет Александра Сергеича. Младенец играет актера. Театр имени Пушкина играет Пушкина. Александр Сергеич играет пани Элизабету. Пани Элизабета играет младенца, она бьет утюгом по голове актера, который играет Александра Сергеича, который играет Пушкина в театре им. Пушкина.

Следом за ними генералиссимус Забубенный на боевом белой масти коне. Конь ржет и встряхивает гривой. Полицейский ругается. Говорит, что по улицам Карлсбада лошадям разгуливать запрещено. Лошадь оправдывается, заявляет, что у нее есть спецпропуск.

Пушкин. Безобразие. В кои веки приехал на курорт отдохнуть от длительного стояния на одном месте, а тут получается сплошная беготня по обходам. Прав Холин, замучили тряпки, шмутки и другие прибаутки. Еле-еле добрался с ребенком до этого кафе, а тут огромная очередь. Что происходит? Вот ты (Пушкин ткнул пальцем в бородатого субъекта) что тут делаешь?

Субъект. Понимаете, Александр Сергеевич, ваше благородие, у меня лошадиный бег. Вот я и прибежал из Стокгольма посмотреть, что тут. А тут сплошное безобразие, толкаются, огрызаются, нецензурно выражаются. Если тут быть не велено, то я мигом обратно уберусь восвояси. Вот моя супруга, она тоже хочет посмотреть, что будет. А отсюда уж мы поскачем в Нью-Йорк.

Пушкин. А ты кто?

Другой субъект. Я Бах!

Пушкин. Я сам иногда бах, когда жена выйдет из повиновения, бахну разок, она и успокоится. Однажды такому, как ты, бахнул, так он с двенадцатого этажа полетел вниз головой.

Другой субъект. Я настоящий Бах. У меня такая фамилия.

Пушкин. Литератор?

Другой субъект. Нет, художник. Леса и поляны переоформляю в моря и реки. Платят не густо, но жить можно.

Пушкин. А ты?

Швейцар. Это вы мне, ваше сиятельство?

Пушкин. Тебе, тебе.

Швейцар. Служу швейцаром в данном заведении, обслуживаю благородных посетителей. У нас в семье три брата: один служит в милиции, полковник, другой — в министерство финансов пробрался, выгодная работа, но опасная, третий — я, вот служу

в швейцарах. Как срочную в фельдфебелях отслужил, так сюда и пристроился, слава богу! Теперь уж и на покой надо, деньжата есть, одежонка тож, да жаль терять такое прибыльное место. В наше кафе многие заглядывают: и Гете, и Шиллер, и Бетховен наведывались. Бетховен садился вот за тот столик у сцены, оттуда певичек удобней разглядывать, когда они начинают стриптизить, одежонку скидывать с себя. И чего это они в этом стриптизе находят? Моя старуха как начнет, бывало, трико с себя стаскивать, я рыло в сторону отворачиваю, противно смотреть. А они целый вечер глазеют на стриптиз.

Работа в кафе теперь не та, что прежде, муторная. Измельчали людишки. Прежние господа по полтиннику давали на чай, а то и рублевку швырнут небрежно. А теперь грош дадут, а поклониться раз десять заставят. Теперешнюю шпану гнать надо из кафе.

Пушкин. Так гони, чего ждешь!

Кондрат Тимофеич. Всех в шею, смотри у меня!

Швейцар. Смотрю, смотрю, вашество, а они все лезут. Говорю им, что санитарный день, а они министром стращают, жаловаться собираются, депутату собираются телегу накатать.

Александр Сергеич уже в кафе, выглядывает из окошка. В одной руке бокал с фалернским, в другой — бутерброд с селедкой.

Один из толпы. Что же ты врешь, живодер, говоришь, что санитарный день, а из окошка вон выглядывает какая-то образина?

Швейцар. Зашел покалякать с директором.

Один из толпы. А вино у него откуда?

Швейцар. Притащил с собой.

Другой из толпы. Скажите, пожалуйста. Я человек слабый, беззащитный, семимесячный,

только вчера прилетел из Владивостока, где тут открывается выставка художников? Позвонила Хлорик, сказала, что выставка должна иметь место в Карлсбаде, а где — точно не сказала. А я примчался. Скажите, где их выставляют?

Один из очереди. Нас вот из кафе выставляют.

Другой из очереди. А что там будет потом?

Один из очереди. Мака Гжельская будет голая плясать.

Другой из очереди. Я вижу, посреди зала стоит гроб. Покойник жив. Он будет строить дом.

Один из очереди. А я говорю, будет вечер спортивных танцев на льду — все звезды мира!

Другой из очереди. Как же они, черти, будут танцевать, столики ведь стоят кругом?

Один из очереди. А потолок для чего? Танцевать будут на потолке. За это им и медали дали.

Другой из толпы. А все же, так сказать: селедка, водка, пырей, сельдерей, сообразим на троих?

Один из толпы. Прошлый раз тоже выставка была. Хоть я на нее не ходил, один тип мне по роже дал. Справедливо это? За что он, собственно, попортил мне физиономию? Говорю ему: не был на выставке, а он отвечает: мог быть. А я говорю, что в городе не был в это время, потому что ездил в Магадан с третьей женой разводиться, а потом с четвертой в Питер помчался, что-то там выбросили: колонки или дубленки. Время напрасно потерял. На выставку не попал, по роже схлопотал. Тогда выставили, а теперь не выставили?

Другой из очереди. Говорят, что выставили.

Хор. Где выставили?

Один из очереди. Посмотрите, вот идет молодой человек, на нем под пиджаком рубашка, а на ней нарисована картина.

Хор. Как же ее посмотришь, если на нем пиджак?

Другой из очереди. Ловите момент. На одну секунду пиджак он снимет.

Любознательный. Вот дамочка, Кренделёва, кажется, ее фамилия, она на чем картину нарисовала?

Один из очереди. Прямо на трико. Она у нас оригиналка.

Любознательный. Раздеваться будет?

Другой из очереди. Ловите момент.

Любознательный. Потрясно!

По набережной речки Тепль, мимо «Пупика», мимо «Тузекса», мимо памятника Гете, Шиллеру скачет художник Дубрякин на том же Стрекозине, на котором прежде разъезжала Мака Гжельская. Стрекозин взмылен. Закусил удила. Но трудится на совесть. Мчится во весь опор, перегоняя конкурентов. За ним группами и в одиночку молодые и пожилые, грустные и веселые, худые и толстые, хорошо и плохо одетые, со своими и вставными зубами, бородатые и безбородые, седые и лысые, кудрявые и простоволосые, с лауреатскими значками и без, в трусах и кальсонах. Загорелые и бледные, богатые и бедные — шли художники и простой люд.

Один пожилой. Кажется, на этом самом месте, не сойти мне с места, стоял вчера еще памятник Карелу Четвертому, где он теперь, вместо него какая-то курчавая физия?

Один молодой. Сам ты физия. Дам вот сейчас по физиономии, не видишь, осел, перед тобой памятник Александру Сергеичу, великому гению всех времен.

Один пожилой. А хотели печке.

Один молодой. Печке потом. Сначала Александру Исаичу, виноват, Сергеичу! Когда Александра Исаича сбросят, тогда ей поставят.

Один пожилой. Александра Сергеича куда?

Один молодой. Найдут местечко возле помойки номер 8. Там поставят, оставят, приставят, у нас это делается быстро: постановили, остановили.

Один пожилой. А кто распорядился?

Один молодой. Говорю, что заседали, постановили!

Один пожилой. Где заседали?

Один молодой. Все-то тебе, дядя, знать надо. В кафе «Элефанте» заседали, там и постановили, установили, приостановили:

1. Холина из кандидатов на памятник исключить.

2. Этого же Холина в Карлсбад больше не пускать. Жрет много, позорит нашу Родину.

3. Пушкину А.С. разрешить переместиться из г. Москвы в г. Карлсбад. Для этой цели в целях освобождения площади под памятник А.С.П. сбить памятник Карелу IV, бронзу продать, деньги перевести в фонд перестройки города Праги. В Москве на месте, которое занимал А.С.П., поставить что-нибудь такое кудреватое.

4. Выставку левых разрешить на 101 км.

5. Утвердить список художников — участников выставки.

Один пожилой. А мне жаль памятник Карелу, все же национальный герой.

Один молодой. Иди ты со своим Карелом, там такое творится из-за этого списка. Видите, клочья одежды летят из окна кафе? Сам Дубрякин заехал в морду Стрекозину.

Один пожилой. Стрекозин куда угодно пролезет: пролезало, вылезало!

Один молодой. Дубрякин так и заявил Стрекозину, что тот разучился понимать настоящее искусство. А сам в морду! Стрекозин из Стрекозина превратился в Перевозина, который крикнул на весь мир, что только он, остальные вчерашние и позавчерашние. Тут Дубрякин еще раз дербулызнул Стрекозина в рыло.

Список художников

1. Дубрякин. Который рисует мосты, шесты. Телеграфные столбы, на которых висят колбасы и сыры.

2. Бибигонов. Который рисует гнилые овощи, дверные ручки, экзотических животных и грабли.

3. Ахморуков. Подражает Дубрякину и Бибигонову. Здорово у него это получается, лучше, чем у Дубрякина и Бибигонова.

4. Брыкобрюхов. Водосточные трубы, стиральные машины, автомобили МАЗ, КамАЗ, ЗАЗ и ЛиАЗ.

5. Глыбоухов. Ромашки, кашки, утки, лодки, сводки Информбюро, бутылки из-под водки.

6. Седлокопов. Железнодорожные шпалы.

7. Малодалкин. Помешан на изображении женских лопаток, кроме них, ничего не рисует. Любимый художник — Дубрякин.

8. Кривокочкин. Певец гвоздей и костылей, сам костыляет на костылях.

9. Мимоухов. Раки, щуки, дождевые черви. Ненавидит Дубрякина. Один раз стукнул по уху, но промазал и попал Бибигонову в нос.

10. Тиходраков. Мастер по изображению коровьих туш, кажется, слегка того.

11. Стуломилов. Подражает Ахморукову, кажется, его двоюродный брат.

12. Раковозов. Навозные кучи и другие кручи.

13. Рябокотов. Написал коня, который похож на черепаху и на соседа Ивана Петровича.
14. Громокопытов. Что-то рисует такое и этакое.
15. Яколапкин. Неприличные части мужчин, женщин и животных.
16. Папильёткин. Самая известная его картина: взрыв водородной бомбы в животе трехмесячного теленка.
17. Хламогоркин. Вместо холста рогожа, в правом углу прибито противозачаточное средство в виде презерватива.
18. Сумкогнилов. Доска. Посредине прибита дверная ручка.
19. Эркосоков. Ухо Ван Гога.
20. Угломостов. Рога, копыта, хвосты поросячьи.
21. Квасобелов. Налил на кусок фанерного листа краску. Поерзал собственной задницей — и картина готова.
22. Нужнодейкин. Жопа слона и все остальное.
23... Листики, листики, листики.
24. Дрыков. Трудно определить.
25. Бякин. Нес картину на выставку. По дороге продал прохожему за трояк.
26. Палкобитов. Нечто величественное.
27. Небиляка. Дырки и канавки.
28. Рабля. Нарисовал кучу дерьма величиной с Останкинскую башню.
29. Соковаркин. Подражает всем: Дубрякину, Бибигонову, Тиходракову, Глыбоухову, Яколапкину, Папильёткину, Стуломилову, Мимоухову, Кривокочкину, Раковозову, Рябокотову, Громокопытову, Холмодаркину, Сумкогнилову и даже Стрекозину, который картин никогда не писал.

Чех. На 101 километре выставку делать нельзя. Там находится наша величественная столица Прага!

Голоса из кафе. Будем делать выставку в столице.

Чех. Да они перепьются, заблюют весь город!

Голоса из кафе. Построим для каждого персональный вытрезвитель, однодневный профилакторий.

Чех. Город будет состоять из одних вытрезвителей, а где нам жить?

Голоса из кафе. Не унывайте, для вас построим новый город. Столицу, красивую, как жар-птицу!

Радость великая охватила жителей города Карлсбада. Выпито было все наличествующее в магазинах, ресторанах, столовых, пристанционных буфетах и других злачных местах. Добрались до еще уцелевших «Тузексов».

Валютная водка понравилась. Заодно выпили весь больничный и технический спирт, выпили весь бензин, тасол, наконец, выпили весь мазут, выпили всю воду в речке Тепль.

Кондрат Тимофеич ругается:

— Черти, как форель будет жить? Форель жаль!

Тут откуда ни возьмись в небе появились истребители «Фантом». На бреющем полете они безнаказанно расстреливали толпу из скорострельных пушек и пулеметов.

Толпа продолжала плясать и веселиться.

Дубрякин. Ну и народ. Для его же пользы хотел организовать выставку художников. А они взяли и все картины съели. Картиноеды несчастные! Эй, Стрекозин, осади! Куда прешь, видишь, танки посреди дороги встали!

Стрекозин. Да я так, подустал, спешу в Париж, Вену, Лондон. Боюсь опоздать. Боюсь, что Хлорик обскачет, организует что-то без моих указаний. Я хочу создать...

Снова из-за горы вынырнули самолеты, на этот раз тяжелые бомбардировщики новейшей конструкции с водородными бомбами на борту. Кондрат Тимофеич по-военному крякнул, но ничего не сказал. Бомбы сыпались с неба на головы танцующих, как горох.

Через несколько минут на месте города образовалась спортивная площадка.

Посреди табличка «Тузекс».

М и х е и ч. Предупреждал ведь, что китайцы рано или поздно нападут на нас! Не верили! Теперь поверили?

К и т а е ц. Покупайте шарики, воздушные шарики, покупайте хорошие китайские шарики! Лучшие в мире шарики!

М и х е и ч. Это не шарики, а водородные бомбы!

К и т а е ц. Какие бомбы, моя не понимает бомбы, моя хочет кушать, моя хочет немножко хлеба, моя не хочет бомбы, моя хочет делать бумажные шарики, хорошие шарики.

М и х е и ч. Рад безмерно, что уничтожили этот город. Не будут верить бумажным обещаниям: разрядка, подзарядка, физзарядка! На освободившемся месте мы посадим цветы.

Э с т е т. Цветы — это хорошо. Пчелы любят цветы. Эстеты как пчелы. Я тоже люблю цветы. Они беспомощны, как дети.

Т о л с т а я г у б а. А главное, говорят, что нужно запасаться дровами.

Т о н к а я г у б а. Почему дровами?

Т о л с т а я г у б а. Новые дома будут строить без центрального отопления. Возведут в квартирах печи. А печи, как известно, топят дровами. Дым выходит наружу через дымоходы, которые чистят трубочисты. Я буду трубочистом. Печи складывают из кирпича люди, которые называются печниками. Я буду печником.

Тонкая губа. А что такое дрова?

Толстая губа. Что-то вроде мыла.

Один. Чтобы построить печку, нужны большие деньги. Простому люду это не по карману.

Другой. Чтобы покупать дрова, тоже нужны большие деньги, но простому люду это тоже не по карману.

Дамочка. Теперь в Штатах и других цивилизованных странах очень модно иметь в доме нарисованную печку. Я об этом слышала передачу по Раз-би-си. Я тоже заказала себе печку. Мне ее нарисуют на стене. Дрова для такой печки не нужны. Хотите, дам вам телефон художника, который рисует печки?

Один. А мне говорили, что прежде на печках ездили друг к другу в гости и вообще!

Другой. А мне говорили, что на печках можно делать персональные выставки!

Один. Печка — теплое местечко!

Другой. А в Африке нет печек.

Один. Мы будем продавать печки в Африку за баксы.

Другой. Чем прославимся на всю Африку.

Стрекозин. Я залезу в печку. И меня не найдут враги, ги-ги!

Один. Поставим на печке памятник Александру Сергеичу Пушкину!

Другой. Ему уже поставили!

Один. Поставили да сломали, разбомбили. Оказался не такой, не достоин величия великого поэта!

А что в это время делает акад Сах? Тащит водородную бомбу на плечах.

А что в это время делает Конст Кедр? Залез на высокий кедр. Там обретается, от КГБ укрывается.

А что в это время делает Эд Лимон? В Елен влюблен. Пишет роман о дальних стран.

А что в это время делает его жена Лен? Лен вырвалась из лимоновского плен, мчит на такси к аэродром, сматывается в Рим к другом!

А что в это время делает Игорь Голан? Сидит на берегу океан, есть банан. А его жена Наташа варит для детишек молочн кашу.

А что в это время делает Кир Гур? Разыгрывает с кем-то амур.

А что в это время делает Наум Оль? Одолел зуб боль.

А что в это время делает Илья Чап? По Амазонке чап. Ищет золотой клад. Рад.

А что в это время делает Брус? Крутит на супругу ус.

А что в это время делает Галя, его супруга? Мчит в сторону Юг. В рук держит шорты... Да здравствуют модные курорты!

А что в это время делает Евтух? Прошел слух, что он, на радость публике, стал президентом одной латиноамериканской респуб.

А что в это время делает Хвост? Хвост за какой-то дамочкой ухлест.

А что в это время делает Леон Губан? Губан дотянулся губой до ближайшего ресторан. Просит, чтобы хоть каплю капнули на губу. Губа у него не дура.

А что в это время делает Алейник Влад? Алейников волочит пьяного Вулуха. При этом волочит он его в сторону канала «Москва». Утопить, что ли, хочет?

А что в это время делает Вулух? Вулух, не оказывая сопротивления, мычит, что он не Вулух, а Волох, что Алейник — олух.

А что в это время делает Олег Трипольс, русский, не польск? Мчится на полуостров Кольск. Везет оттуда камни, доски и друг обноск и переноски.

А что в это время делает жена Трипольского Римма? Римма в это время поет и рисует одновременно и дает указания своей дочке Лене, как нужно играть на фортепьяно. Фортепьяно в это время играть не хочет, выражает протест при помощи дребезжания. Соседи в это время бегут в опорный пункт милиции и дребезжат, что в квартире, в которой художники, дребезжат до поздней ночи.

А что в это время делает Вас Як Ситн? Пьет чай с ситн.

А что в это время делает Волод Мороз? Работая на химии, проклинает мороз.

А что в это время делает Холин? Как всегда, всем доволен, откуда-то уволен, меланхолен.

А что в это время делает Ген Сапгир? Носится по городу все лето, ищет подходящую рубашку для очередного рубашечного сонета.

А что в это время делает крестный дочери Холина, Арины, Эктор Кардонис? Эктор Кардонис мчится в японес.

А что в это время делает Бах? Кто-то его или он кого-то бабах!

А что в это время делает Лорик? Выводит Пятницу погулять во дворик. Пятница упирается, гулять не собирается, по частям разбирается.

А что в это время делает Ян Сат? Ты мне брат, я тебе брат!

А что в это время делает Ген Худяк?

Со
Чи
Ня
Ет
Очередной
Сверх
мод
Пид
Жак

А что в это время делает Андр Вознес? Руки кверху вознес, рисует на небе видеомы, которых на Земле нет.

А что в это время делает Владимир Макси? Садится в такси, мчится на другой континент, держа в руке журнал «Континент», в котором стихи Иось Бродск, Алик Солжен и других писателей мира, кроме Холина и Сапгира.

А что делает Алик Солжениц? Едет отдыхать в Ниц.

А что в это время делает Евг Рейн? Пьет в ресторане ЦДЛ портвейн.

А что в это время делает Оск Раб? Оскар Раб посматривает на проходящих мимо дам там, где собор Нотр-Дам!

А что в это время делает Иль Кабак? Илья Кабак уговаривает Марью Ивановну, чтобы она перешла с одной картины на другую и полюбила не Степана Петровича, а Дмитрия Степаныча.

А что в это время делает Викт Пивовар? Не любитель пражских бар, не любитель балета на льду? Он проживает со своей женой Миленой в ладу. Сидят дома, не скучают. Холина чаем угощают.

А что в это время делает Эдик Штейн? Эдик и его жена Галя жарят яичницу на сале. Получается это у них ловко, на столе красуется поллитровка!

А что в это время делает Ген Цыф? Ходит счастлив и красив.

А что в это время делает Семен Буденный? Он уже человек не конный. Век свой доживает. И все кивает, кивает, кивает. А что в это время делает И.В. Стали? Требует с того света, чтобы страна советов выпускала больше стали.

А что в это время делает его окружение? Пишут доносы, жалобы, опровержения.

А что в это время делает советский народ? Строит пивопровод.

А что в это время делает королева непальская, польская, английская, что делают правители Китая и Малайи? Чего не знаю, того не знаю!

А что в это время делает Ген Кис? Исполняет добрую мисс.

А что в это время делает Лен Бреж? Ведет страну на новый рубеж.

А что в это время делает Кос?
А что в это время делает Сус?
А что в это время делает Брыс?
А что в это время делает Друс?

Об этом судить не берусь!

1971

ЗАБРОШЕННЫЙ

УГОЛ

▪▪▪

ДЕЛО РУК СВОИХ

Иван Поводырев, жэковский водопроводчик, стоял посреди кухни собственной однокомнатной квартиры и взирал на дело рук своих.

Дела эти были, скажем прямо, неважнецкие.

Вроде тайфун торнадо прошелся по полкам и шкафам.

Перебита посуда.

Перекорежены кастрюли и тазы.

Некоторое время назад Иван находился в буйном состоянии по причине известной: выпитой лишней бутылки водки.

Жена, с душераздирающими воплями, понеслась за участковым милиционером.

Поводырев знал, не придет участковый.

Как он может прийти, если Иван неделю назад задарма импортную ванную небесного цвета ему в квартире отгрохал.

Вот и все дела.

А на рожи, что повысовывались из соседских квартир, плевать он хотел.

Такие же пропойцы, как и он.

Постояв еще минуту, лягнув эмалированное ведро с засоленными грибами, которые сам же и собирал, отправился спать, бормоча что-то про сволочей, которым давно пора пооткручивать головы.

СМЕШНОЙ АНЕКДОТ

Токарь Самохвалов вставил в патрон и закрутил покрепче железную
Увесистых размеров болванку
Включил мотор
Снял первую стружку
Вторую
Мастер был высокого класса
Поэтому сразу заметил что деталь запорол
Не протрезвел после вчерашней пьянки
Когда запорол третью
Плюнул
И пошел в курилку
Откуда доносился гомерический смех
Один молодец рассказывал смешной анекдот

УДАЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Бригадир уговаривал своих работников:

— Ребята, а ребята, давайте начинать, опять ни хрена не успеем сделать!

— Вот палатку в девять часов откроют, дербулызнем по стаканчику и начнем.

— Знаем ваши стаканчики, вчера вылакали по бутылке на брата, черти! Посмотрите, куда трубу загнули? По плану она должна к девятиэтажке подводиться, а вы ее в другую сторону протянули!

— Переделаем! — раздались голоса.

Пришел инженер.

Посмотрев, спросил:

— Кто трубу тянул?

— Мы, кто еще!

— Молодцы, ребята, так и надо. Бюрократы в производственном отделе опять все чертежи, суки, перепутали!

КУСОК МОСКВЫ-РЕКИ

Коммунисты бывшего Советского Союза в совершеннейшей панике.

Исчез Мавзолей вождя мирового пролетариата В.И. Ленина.

Не то что вчера, а еще в четыре часа утра был, а потом исчез, как сквозь землю провалился.

У Кремлевской стены вместо него красуется голое место, уложенное брусчаткой, да пара часовых с саблями наголо.

Через некоторое время пошли кое-какие разговоры, вроде один иностранный турист, как все они, дотошный, случайно не то в Осетии, не то в Чечне увидел в горах нечто весьма отдаленно напоминающее это гениальное творение.

И далее.

Из-за океана просочился слух, что какие-то горцы предлагали американцам что-то такое за огромные деньги в СКВ.

Янки заартачились.

Потребовали Кремль в придачу.

Да чтобы кусок Москвы-реки мимо протекал.

СКВ

Представилась мне такая картина.

Геракл — древнегреческий герой и силач — оказался в нашей Первопрестольной, в городе Москве.

Идет по Лубянской площади, расталкивая могучими плечами троллейбусы, автобусы и другую разную мелочь: «Волги», «чайки» и т. д.

Потом оказался каким-то чудом возле гастронома номер сорок, который находится, как известно, возле КГБ.

Вошел.

Подумал, что это греческий базар.

И такое недоумение отразилось на его благородном лике по поводу пустых полок, что он уже собирался податься назад, на выход.

Но тут его острый взгляд заметил в одном углу какое-то шевеление возле застекленного прилавка с надписью на стене «Коммерческие продукты».

И действительно, тут было все: колбасы, бутылки с какой-то странной жидкостью «Водка Смирновская», «Фанта», «Кока».

Сыры лежали на прилавке и даже огромный кус ветчины.

Попробовал Геракл цапнуть ветчину, проголодался уже, пока бродил по московским улицам и площадям.

— Стой, — заорал во всю глотку продавец, — плати денежки: одна тысяча шестьсот рублей за кг.

— Ты что, сукин сын, не узнал меня, я Геракл!

— Знаем мы вас. Вчера точно такого одного отправили в дурдом!

— Что за дурдом, объясни?

— Где головой поврежденные находятся!

Геракл:

— Я сам твою поганую башку поврежу в два счета!

Схватил Геракл весь прилавок вместе с содержимым, поднял над головой и трахнул о керамический пол.

Тут несутся охранники, специалисты-каратисты, чтобы принять меры.

Но не тут-то было.

Геракл, видя это безобразие, потихоньку начал кипятиться, выходить из себя.

Этих из охраны засунул головами в плевательницы. А потом пошел крушить все подряд: стены, колонны, пустые витрины, плафоны.

Через тридцать минут от гастронома остались одни развалины.

В мгновенье ока прикатило городское начальство во главе с мэром Юрием Михайловичем Лужковым.

Посовещались.

И решили, что все в порядке.

Землю эту теперь, на которой стоял магазин, можно безболезненно продать фирмачам за СКВ. Пусть строят на этом месте гостиницу или еще что.

НЕСЛОЖНЫЕ РАСЧЕТЫ

Первый умник работал директором магазина «Рыба». Крупнейший был специалист в своем рыбном деле.

Получит, скажем, партию одного сорта — цена 300 руб. за кг, другого 400, а еще одного и вовсе 600, перемешает все это, да загонит на сторону по 800.

Оригинального в этом ничего нет, а доход есть.

Дачка аккуратненькая недалеко от московских пределов возникла как бы невзначай.

И остальное:

Квартира из четырех комнат, жена румяная, как пышка-кубышка, золотишко, припрятанное в надежном месте.

«Мерседес» ему без надобности. Он человек скромный. Гоняет по городу на стареньком «запорожце», чтобы не бросаться людям в глаза.

Но был еще один умник. Продавец этого самого рыбного магазина.

Не нравилось ему, что директор деньги гребет лопатой, а ему перепадают какие-то крохи.

Взял он и накатал телегу третьему умнику о том, что первый умник живет не по средствам,

хапает где только можно.

Третий умник, значительный милицейский чин, рассчитал все правильно. Организовал в магазине проверку.

И как ни крутился первый умник, так и не открутился. Получил свои десять лет строгого режима с конфискацией всего принадлежащего ему имущества.

Неизвестно, по каким рукам расползлось это имущество, но известно то, что третий умник поставил директором второго умника.

И теперь они обирают жителей в две руки.

ОБУЗА

У бабки Капитолины года два тому назад случился инсульт, отнялись ноги и одна рука.

И вот все это время лежит она пластом в небольшой, 16 квадратных метров, квартире, в которой, кроме нее, обитают дочь с мужем и маленькая внучка.

Несколько раз пытались сдать бабку в больницу. Там говорили, что таких не лечим.

И настолько она опостылела, что готовы были придушить ее или выбросить в окно.

А ведь в свое время бабка умилялась на свою доченьку, насмотреться на нее не могла. Радовалась каждому шагу, каждому произнесенному слову.

А теперь:

Бабка дура

Бабка мучительница

Бабка провоняла всю квартиру

Бабка обуза

Морили бабку голодом, не убирали из-под нее испражнения.

Наконец зять не выдержал.

Крикнул жене:

— Звони в «скорую», дура!

А сам схватил бабку в охапку, вытащил во двор и положил на лавку, спрятался за ящики и стал наблюдать.

«Скорая» не заставила ждать.

Врач был опытный.

Покачал головой, знаем мы эти штучки. Но бабку взял.

И только когда машина выехала со двора, зять и дочка вздохнули с облегчением...

Что же это за жизнь у нас, скажите на милость, господа?

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Милочкин — жэковский водопроводчик
Скворцов — армейский сержант
Костылев — киоскер
Заварыкина — заведующая ЗАГСом
Подгрудный — мясник
Волгарь — железнодорожник
Полушкин — рыбак
Сокова — служащая зоосада
Гостилин — колхозник
Веревкина — секретарь
Глобова — посудомойка
Чуркин — офицер госбезопасности
Салкина — балерина
Щукин — официант
Суровцев — мафиози
Фадеев — землекоп
Галкин — начальник вытрезвителя
Симак — товаровед
Колбасный — садовник

Жилкин — скульптор
Найденов — краснодеревщик
Суриков — спекулянт
Махмудов — директор сапожной мастерской
Шмулович — проводник в горах
Луковкин — кондитер
Кобрин — тракторист
Колышкин — главный инженер
Рябов — дворник
Вайнберг — портниха
Лаврук — контролер
Судариков — капитан парохода
Любезнова — нищенка
Дашков — литейщик
Юркин — дипломат
Засекин — шорник
Холстов — пастух
Фокин — электрик
Цукатов — профессор
Яхонтов — горняк
Владошвили — актер
Кокина — собаковод
Хряпина — музыкант
Дыбин — врач
Грибов — банщик
Есиков — писатель
Есикова — домохозяйка
Жлобин — продавец
Митина — чернорабочая.
Отпадов — юрист
Куркова — манекенщица
Рачков — боксер
Усина — билетерша
Чушкин — комендант общежития
Щелчков — механик
Эткин — сталевар
Два милиционера

Взвод солдат
Мертвый человек на асфальте
«Скорая помощь»
Толпа вышеперечисленных лиц

Примечание.
Взвод солдат проходил мимо
когда автомобиль уже сбил человека
И к происшедшему отношения не имеет

ГОРОДСКАЯ ЗАРИСОВКА

Бомж по кличке Селезень и бомжиха из Рязани промышляли в одной из префектур города Москвы.

Он шастал по магазинам, высматривая что где плохо лежит.

Она в метро, выставив на всеобщее обозрение посиневшую от холода культю.

Оба обитали в закоулке котельной какого-то совместного предприятия.

Кочегар не возражал. Плата за постой была подходящая.

Да и выпить иногда перепадало.

Все бы ничего.

Но однажды Пелагею нашли мертвой.

То ли сожитель придавил ее во сне ненароком, то ли сама задохнулась в пьяном угаре.

Начальство распорядилось оперативно.

Бомжиху в морг

Бомжа в каталажку

Там и выяснилось, что бомжик-то не простой, а является обладателем двухкомнатной шикарной квартиры в Гнездниковском переулке, которую сдает приезжающим из-за бугра иностранцам

За СКВ...

ШАБАШ

Пришла бригада работяг рыть траншею
Чтобы проложить кабель
Копнули раз
Копнули другой
Надоело
Сбросились на бутылку
Послали одного который порезвей
Выпили
Не показалось
Еще раз пришлось парню бежать в палатку
Еще выпили
Потом прилегли на землю
Сколько лежали
Не считали
Когда очухались
Солнце успело опуститься до самого горизонта
Ладно
Сказал бригадир
Шабаш

СОЛОМА

Славна наша Русь великими умами: Ломоносов, Мечников, Менделеев,

и прочие непревзойденные светочи науки.

Вот и председатель передового колхоза в районе Иван Степаныч Задира решил от светочей не отставать, думал-думал и придумал такое, что всем умам мира не придумать.

Первое. Скот в колхозе кормить нечем.

Второе. Людей, членов коллективного хозяйства,— тоже нечем.

Если что из пропитания можно добыть, то нужно чесать в столицу, в город Москву, за триста с лишним километров.

А когда?

На чем?

На какие шиши?

Иван Степаныч решил облегчить страдания своего народа. Снарядил бригаду, направил ее из Рязанской в Одесскую область, чтобы закупили они там побольше соломы.

Исходил он из тех соображений, что если скотина проголодается, то и солому будет жрать за милую душу.

Но основное проявление ума Задиры выразилось в том, что тот же рецепт посчитал он подходящим и для самих жителей села.

И вот что произошло через два-три месяца.

Сам я этого не видел, но сведущие люди заверяли в подлинности происходящего.

Через указанное выше время у коровок начали отваливаться рога и хвосты, взгляд стал более осмысленный. И даже с некоторых пор в бессмысленном мычании стали слышаться какие-то осмысленные слова вроде:
масло,
мясо,
колбаса.

Люди в противоположность скотине все как-то сгибались долу, как бы ища опоры на всех четырех конечностях. А у некоторых индивидов начали отрастать рога и хвосты.

В общем, дела в колхозе и без указанных выше Ломоносовых, Мечниковых, Менделеевых и других ученых мужей пошли на лад.

КУРИЦА

Мужик
Как угорелый гонялся во дворе за курицей
Но, как ни старался, так и не смог поймать
Залетела на крышу риги
Пока искал лестницу
Забыл, что хотел сделать
Думал
Думал
Ничего не придумал
Пошел в сельмаг
Купил на двоих с приятелем бутылку водки
После первой
Раздавили еще одну
Затем третью
Мозги у мужика полезли куда-то в сторону
— Ах ты, курица
Заорал он на приятеля
Вот я сейчас отрублю твою поганую голову
Высказав эту мысль
Пошатываясь
Поплелся за топором.
Пока шел
Забыл, за чем шел
Упал на траву
И уснул

ТРУДЯГА

Тихон Кудрявцев из деревни Кудрявка был владельцем собственной лошади, сивой кобылы в летах уже, но еще жилистой, безотказной трудяги.

Ездил он на ней каждый день без праздников и выходных в город.

Привозил одним одно, отвозил другим другое.

Дела шли хорошо. Деньжата у Тихона водились.

И, как водится, ни дня у мужика не обходилось без склянки емкостью 0,5 литра, которую он и распивал прямо на дороге, не доезжая одного километра до дома.

Было у него одно излюбленное местечко возле развесистого куста крушины.

Выпив, по давно укоренившейся привычке закусывал рукавом старого брезентового плаща, неизменного спутника жизни.

Достигнув определенного градуса, Тихон принимался обсуждать свои житейские делишки. Все они сводились к нему самому и к его кобыле Тане.

— Скажи-ка мне вот что, кобыла, нравится тебе наше крестьянское житье? По глазам вижу, нравится.

Пораскинь-ка своими лошадиными мозгами, все у нас с тобой есть. Дом славный, поросенок подрос. К новому году мы его того-этого. Сала хватит на весь год. Бабы у нас нет, да шут с ней, с бабой. Обойдемся.

Невтерпеж будет — можно к Пелагее забежать. Помнишь, какой платок подарил ей на Пасху? У самой председательши сельсовета такого нет.

И сколько Тихон ни произносил веские, убедительные слова, кобыла Таня не желала раскидывать мозгами. У нее на уме было свое:

Сено

Овес

Сено

Овес

Сено

Овес

КРИВАЯ УЛИЦА

Новый председатель сельсовета деревни Лишняги, бывший армейский полковник, начал свою деятельность с радикальных перемен.

Показалось ему, и не без основания, что улица, на которой помещается дом совета, кривая.

Для человека военного этот неприглядный пейзаж показался вопиющей несправедливостью.

Срочно созван депутатский совет, состоящий из доярки Фроси, бригадира вечнопьяныча Григория, медсестры Темкиной и еще из двух маловыразительных личностей.

После пространного доклада председателя на эту тему постановили: улицу выпрямить.

В первую очередь снесли при помощи бульдозера дом бабки Груши. Затем та же участь постигла сад пастуха Васьки.

Главным препятствием оказалась речка Малявка, мост стоял не там, где нужно.

Сломали мост.

Отвели воды речки в другую сторону.

А именно:

В сторону коровника.

Когда убедились, что коровник затоплен основательно и безвозвратно, стали думать, что делать?

Приказ полковника был так же прост, как и гениален.

Скот пустить под нож, отправив на бойню.

А вместо коровок и телят развести водоплавающую птицу!

КУРАГА

Когда я помру, дорогой мой друг Герман Гицевич, я уверен, что на моей могиле вырастет большое раз-

весистое дерево, на ветках которого вместо яблок, апельсинов, ананасов будут расти кульки с курагой.

Приходи, Герман, рви сколько надо, не стесняйся.

Пусть и другие люди делают то же самое. Пополняют запас кальция в организме.

Помни, что эта курага — семя от семени, плоть от плоти той, которую ты принес мне в Остроумовскую больницу 14 февраля 1993 года, когда я прозябал там в третьем терапевтическом отделении, в 619 палате, угнетаемый какой-то неизвестной мне, а тем более врачам, болезнью.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

У калмыка Карима Салиджанова умерла жинка, с которой прожил день в день 25 лет.

По этой причине впал он в непреодолимую апатию. Сидит дома и произносит всего одно слово: Маруська, Маруська!

А ведь прежде частенько поколачивал ее, да еще как.

Однажды запер в погребе, а сам кутил где-то целую неделю.

Хорошо, что вино под рукой какое-то оказалось, да кусок вяленой баранины. Тем и осталась жива.

Таким Карим был человеком.

И удивительно, занимая, по номенклатурным понятиям, невысокую должность начальника уголовного отдела одного из районов города, дружбу водил со всеми, от первого секретаря до последнего инструктора.

И все они уважали его, а многие боялись, припоминая каримовское мафиозное прошлое.

Жена, русская или еврейская по происхождению, все сносила от мужа. Ни разу за 25 лет слова

не промолвила против, только глаза округлялись, когда буйный муж являлся ночью домой.

А он на другой день, как бы во искупление вины, придя на работу, выгонял всех арестованных за дело и просто так.

Сослуживцы удивлялись:

— Что с тобой, Карим?

А он махнет рукой:

— Рожи эти обрыдли. Не беда. Скоро заберем по новой.

Теперь же решительный Карим, мужественный Карим, в некотором роде разбойный Карим, гроза уголовного мира района, несмотря на все уговоры друзей, тосковал.

Все деятели города побывали у него, и даже первый секретарь горкома.

И твердили одно:

— Карим, дорогой, хватит унывать. Померла жинка, ну и что? Подыщем тебе другую Маруську. Вон капитан Бабаев третью Маруську похоронил. И ничего. Не изводит себя зря. Подыскивает четвертую. Давай выпьем, Карим, и грусть пройдет.

И выпивали. А тоска не проходила.

Уговоры жениться еще раз действовали на него, как укус комара на верблюда.

На девятый день он тихо скончался. И похоронен с женой на городском кладбище.

ЗАБРОШЕННЫЙ УГОЛ

Если бы инопланетяне каким-то чудесным образом посетили село Нагорное Рязанской области бывшего Советского Союза, они бы страшно удивились.

Что за странное племя проживает тут и как члены его ухитряются мыться, не имея для этой цели специально приспособленных помещений?

Почему в их покосившихся хибарах во всех щелях проживают странные насекомые, которые днем сидят в щелях, а ночью поедом поедают спящих мужчин, женщин и детей, проще, питаются человеческой кровью?

И другие насекомые, не такие кровожадные, которые копошатся в одежде и головах, чем заставляют людей все время почухиваться что, естественно, мешает и жить и работать?

Почему воду здесь для хозяйственных нужд не наливают из крана, а достают бадьями откуда-то из-под земли?

Почему ходят в какое-то странное строение под названием «Сельмаг», в котором стоит за прилавком мордатая тетка, а полки за ее спиной пусты?

Почему, чтобы приготовить пищу и отопить развалюхи, жители уничтожают красивейшую во всей Вселенной природу. А именно: срубают топорами замечательные деревья, распиливают их на чурки и сжигают в печах?

Почему, вырастив и заколов порося, не едят мясо сами, а отвозят в ближайший город и стоят там на рынке, как истуканы?

Почему их дети не ходят играть в Диснейленд, как дети других цивилизованных стран, а целыми днями копошатся в пыли на дороге перед домом вместе с курами и другой живностью?

Почему члены племени одеты в какое-то жалкое тряпье: дырявые валенки, латаные-перелатаные телогрейки?

Почему один-единственный приличный дом на селе, на куполе которого сохранились остатки православного креста, приведен в полное запустение и стоят в нем какие-то трактора и молотилки?

Ответил бы я инопланетянам так:

Проживает тут племя русских людей, при помощи которых пытались построить светлую жизнь под названием коммунизм...

Не получилось!

ПРЕДАННОЕ СУЩЕСТВО

В деревне Рановка Рязанской области скончалась бывшая деревенская

Хохотунья

Плясунья

Певунья

Старуха Паша

Теперь жалкое беднейшее создание

Хоронить некому в доме одно ненужное тряпье в гроб положить не в чем

Да и самого гроба тоже нет

Соседка бывшая Пашина подружка

Поворчала

Поворчала

Но пошла к председателю колхоза

Тот встретил бабу матюками

Не до вас

Стервы

Сев на носу

Голову снимут

Но приказал плотнику Григорию сбить гроб из неструганых досок да сказал инвалиду войны Михею чтобы взял лошадь и отволок старуху на погост

Движется траурный кортеж по пустой деревенской улице

Впереди колченогая коняга запряженная в скрипучую телегу на облучке инвалид Михей рядом с ним бывшая Пашина подружка продолжавшая ворчать что-то себе под нос

Позади поскуливая бежит собака Жучка

Единственное верное и преданное до гробовой доски существо

ПЕСНЯ

Посреди невспаханного пахотного поля стоял человек и поносил при помощи джентльменского набора деревенского тракториста все на свете, в том числе и палящее с утра солнце.

Настроение по этому поводу — хуже не придумаешь:

Потому что жара

Потому что зверски хочется пить

Потому что идти за водой нет сил

Потому что дали вчера ваучеры, которые он и пропивал вместе с дружками.

Потому что, когда пришел домой, жена отметелила бесчувственное тело ухватом.

Потому что теперь все тело ноет и страдает.

Потому что прислали штраф за оскорбление участкового милиционера. А когда он его оскорблял?

Потому что больше всего себя жалко.

— Только ты, мой Милюня, верный до гроба товарищ, — обернулся он к трактору, пытаясь обнять пыхтящий во все ноздри движок, но обжегся о коллектор, плюнул, пнул колесо ногой и полез на сиденье, загорланив на всю округу невероятную песню.

На понятном ему одному языке.

БАБКА

Терентий, местный совхозный шофер, безуспешно пытался донести воду из колодца к стоящей возле дороги полуторке.

Но у него ничего не получалось.

Ведро было худое.

И вода выливалась прежде, чем он успевал дойти до машины.

Проходящая мимо бабка Нюшка сказала:

— Ты, сынок, подгони свою авту к колодцу и напои ее из колодезной бадьи.

— Пошла ты куда подальше, старая курва, не до тебя!

Но когда бабка свернула в закоулок между домами, он быстренько подогнал автомашину к колодцу и налил воды в радиатор.

Старая-то курва оказалась посмекалистей этого деревенского балбеса.

НЕВЕСЕЛЫЕ МЫСЛИ

Игнат Трушин, бывший партийный секретарь колхоза, сидел на завалинке собственного начавшего уже местами приходить в негодность дома.

И размышлял примерно так:

— Мировую коммуну создать не удалось, помешали враги, социал-демократы, продавшиеся буржуазии. Свой, Советский, нерушимый, вот-вот было построили, а он взял и развалился неизвестно по какой причине. Что, кажется, надо: на парады с красными знаменами ходили, песни революционные пели, митинги устраивали, вождей славили, казни врагов народа требовали — и все пошло прахом.

Затем мысли Трушина устремились в другом направлении.

Возможно было бы у себя в районе или на худой конец в колхозе организовать светлую жизнь?

И сам же себе ответил. Как?

— Председатель райсовета — хапуга!

Глава местной администрации — хапуга!

Спелись, сукины сыны, обирают народ и государство как хотят.

А там и прихлебники от начальников не отстают. На одной приватизации нахапали миллионы. Землю распродают, как свою собственность. Председатель колхоза и агроном тоже хороши ворюги. Один дом двухэтажный кирпичный за счет колхоза отгрохал, другой... Да что там говорить, каждую чурку колхозную тащит к себе во двор.

В отдельно взятой семье можно было бы попробовать, но и тут проруха: дети и внуки разъехались по другим городам и странам, старуха скончалась лет пять тому назад...

Да и сам Игнат Трушин стар стал и немощен.

Не до коммунизма теперь.

КОЗА

Когда Матвей Нянькин отправлялся в Москву на съезд избранников как народный депутат, теща по этому случаю дала ему строгий наказ, чтобы купил козу.

Лучше всего белую.

Улучив момент, когда на очередной говорильне дело чуть ли не дошло до драки, бросился Матвей на Птичий рынок.

Слава тебе господи, козы там, как и говорили, оказались.

Совсем белую не нашел, зато, хоть с пятном на боку, хорошенькую купил.

Засунул в рюкзак.

И на заседание.

В гостиницу заскочить времени недостало.

В зале к своей фракции пробиться тоже не сумел. Плюхнулся посреди демократов. Рюкзак поставил рядом, прикрыл газеткой.

Один спрашивает:

— Что там у тебя?

— Да козочку теще купил.

С одной стороны, хорошо, что рядом демократы, народ понимающий, а с другой — один из злобной оппозиции, который особенно вонюч, заметив неладное в стане врага, бросился к президиуму, лезет на стол. За ним и другие горлопаны ринулись в атаку. Машут какими-то бумажками возле самого носа председателя.

П р е д с е д а т е л ь. Успокойтесь, прошу вас, успокойтесь, присядьте на свои места, дайте съезду работать, не оскорбляйте председателя!

— Ну что там у вас?

— Демократ один пьяный явился. Сидит, мекает на весь зал.

П р е д с е д а т е л ь. Прошу комиссию по этике проверить и доложить съезду.

Матвей, пока заварушка была, успел смыться.

Так что ни его самого, ни козу обнаружить не удалось.

П р е д с е д а т е л ь. Вот всегда так, бузят, бузят, а фактов нету. Предупреждаю, буду строго наказывать!

Какой у нас следующий вопрос?

Ставлю на голосование!

Конечно, вы скажете, господа, что не может депутат пройти в Кремлевский дворец с рюкзаком и козой за плечами, не пустят!

И я скажу, что не пустят.

Но прошел ведь, однако!

ВЕРЕВКА

На пятачке возле сельсовета три действующих лица:

Председатель, волосообразный мужик.

Шофер, о цвете одежды и лица которого приходится лишь догадываться.

Грузовик, газовская полуторка неизвестно какого года рождения.

Председатель. Эфиоп! Ну, хоть еще сделай одну ездку! Хлеб в магазин с базы привези. Твоей же семье жрать будет нечего!

Шофер. Как ее сделать, если ремня у вентилятора нет, из карбюратора на коллектор капает бензин. Вот-вот вся машина сгорит. Борт у кузова оторван, раз сто гаишник на перекрестке останавливал, хорошо, что свояк. Рессора, полюбуйся, мочалой привязана.

Председатель. Получше ничего не нашел?

Шофер. Попробуй повеситься, куска веревки не сыщешь в деревне.

Грузовик, как предмет, замученный тяжелой неволей, безмолвствовал.

РАСЧУДЕСНАЯ ЖИЗНЬ

Колхозный конюх Савелий Козлов лежал на телеге. Солнышко весеннее пригревало хорошо. По этому поводу в голове Савелия роем возникли самые замечательные мысли.

А именно:

— Если бы потихоньку удалось смыться из колхоза, жизнь в котором обрыдла окончательно. И не просто смыться, а чтобы дали десятины три земли, да конягу в придачу, хотя бы вот этого солового мерина.

Мерин стоял послушно, как бы улавливая мысли Савелия, кивая в такт этим мыслям вислоухой

головой, давая понять, что и у него тоже жизнь будет расчудесная.

А Савелий продолжал рассуждать.

— Хрен с ним, телегу могут не давать, телегу он и сам может свободно смастерить, невелика наука. Соху тоже сделает что надо. При помощи сохи вспашет как надо свою родную, только ему принадлежащую землю.

Семена Нюрка, колхозная кладовщица, даст. Баба своя в доску. Сунет ей пару бутылок первача и ладушки.

На одной десятине можно высеять кукурузу, благо она тут растет с оглоблю величиной. Корма для скотины будет невпроворот, на другой десятине высеять ржи побольше, да пшенички для собственного пользования, чтобы баба пирогов румяных к празднику напекла. Третью десятину под бахчу пустим, чтобы огурчики вкупе с горохом росли, а то и чечевица с турнепсом.

Амбара нет, где все это добро хранить. Да ничего, на первое время для зерновых можно в хате соорудить сусеки. Овощи, как и полагается, в погреб, а то и бурты у себя в саду устроить.

Когда заморозки ударят, тогда по хорошей дорожке излишки можно на дровнях на рынок стащить, продать по выгодной цене.

Продав товар, постараться необходимые в хозяйстве предметы купить, коровку присмотреть, которая понадойней, поросяток штук пять взять, о птице говорить нечего, пусть по двору гуляет.

Делянок теперь для личного скота не выделяют, так не составит труда с лесником за некоторую мзду договориться, на лесных полянах не одну скирду сена накосить можно.

Вот какая расчудесная жизнь будет у Савелия Козлова.

Мерин тоже кивнул, что и у него она будет не хуже.

Но тут эти возвышенные мысли были прерваны самым бесцеремонным образом. И не кем иным, а председателем товарищем Силкиным.

— Ты чего разлегся, жопа сраная, я тебе приказал, что делать, за комбикормом ехать на склад, а ты, залупа конская, решил подремать на солнышке? Я тебе вот покажу, как штрафану рублей на двадцать, тогда будешь знать, храпоидол несчастный, сладу нет с этими бездельниками!

Савелий. Разорался тут, а все зря. Чем орать понапрасну, посмотри лучше на колесо, которое почти лопнуло, доедет это колесо до склада, а? Кричать тут многие горазды, а чтобы телегу поправить, таких нет.

Председатель. А плотник для какого ляха существует?

Савелий. Где он, твой плотник? Укатил с самого ранья за гвоздями, а дадут их ему — это бабушка надвое сказала!

Председатель. А сам, паразит, не мог поправить?

Савелий. Не мое дело. Мое дело — мерину хвост закручивать. И пошел ты, вот что я тебе скажу, в манду!

На эти слова председатель не нашел, что ответить, махнул безнадежно рукой.

И подался прочь.

ВОЗ

Хилый мост, переброшенный через речку. На одном берегу воз сена и малый при нем. На другом — председатель колхоза, орущий на малого.

Лошадь артачится.

Не хочет идти.

— Тяни ее за узду, балбес, за уздечку, говорю, тяни!

Подошел заскорузлый мужичонка с деревянными граблями на плече.

— Не пройдет ваш воз. Зря стараетесь. Недавно тут один с пустой телегой в воду шкандыбнулся, а у вас воз. Через брод ехать надо, в объезд.

Председатель. А я говорю, пройдет. Давай, малый, чего встал?

Малый прикрикнул на конягу. Лошадь тронулась с места и робко вступила на шаткие доски.

Когда достигла середины, одна доска настила лопнула. Воз, покачнувшись, перевернулся и вместе с малым пошел в воду.

Лошадь удалось спасти.

Малый оказался расторопный, успел перерезать гужи.

Телега утонула.

Сено плывет по течению.

Председатель долго еще стоял, разинув рот, на берегу.

Недоумевая:

— Что же все же произошло?

САЛО

Мужик из Рязанской области, заколов увесистую свинью, поехал в Москву, чтобы продать сало и купить что-нибудь для хозяйственных нужд.

Встретили его некие подозрительные личности еще на подходе к рынку.

— Почем сало?

— А вот узнаю настоящую цену, тогда и скажу почем.

— Слушай, лапоть, мы все для тебя устроим. Выручку разделим так: половину тебе, половину нам.

Не согласился мужик.

И зря.

Пока хлопотал насчет весов и места за прилавком, сало у него увели.

Бросился в милицию.

Там в окошке дежурный капитан. Рожа настолько просалена, что вот-вот сало начнет капать с подбородка.

— Помогите, товарищ начальник, сало украли!

— Кто украл?

— Не могу знать. Крутились около двое подозрительных, может, они и украли.

— А чем докажешь, что оно у тебя было? Много тут всяких шастает. Эй, Сидоров, дай-ка ему по загривку!

Так и вернулся мужик в свою деревню не сально хлебавши.

ЯДРО

Василий Кучин работал на кране, который состоял из кабины для машиниста и длинной стрелы с огромным металлическим ядром на конце.
Короче, специальность Кучина была крушить дома те, которые приказывало непосредственное начальство в виде бригадира и прораба участка.

Дома попадались разные.

Одни при ударе разлетались, как крестьянские избы. Над другими приходилось трудиться, прикладывая значительные усилия. Некоторые безмолвно принимали удары судьбы, некоторые роптали, стонали, недовольные печальной участью.

Встречались и такие, которые вставали грудью на защиту своего права на существование. С ними приходилось повозиться. Обычно в подобных случаях Василий, выйдя из себя, бил с такой силой,

что на ядре оставались заметные вмятины, что наводило Кучина на грустные размышления по поводу неблагодарности, какую проявляли эти, с его точки зрения, упрямые предметы.

И вот в один прекрасный день Василий, придя на работу, получил задание — где-то в Замоскворечье сровнять с землей полуразрушенную и временем и людьми небольшую церквушку.

Приехав на место, Кучин первым делом осмотрел со всех сторон кирпичные стены этого невзрачного строения, с какого бока сподручней долбануть так, чтобы хилый храм рухнул в один миг.

Когда ядро первый раз со всего размаха стукнуло по стене, то, к удивлению Василия, оно не только не нанесло ущерба зданию, а отскочило от него, как резиновый мячик.

А на колокольне, от которой, собственно, остались крохи, раздался еле слышный малиновый звон.

Чем сильнее Василий бил ядром по стене церквушки, тем этот звон раздавался сильней и сильней.

А через некоторое время и в самом помещении зазвучал торжественно церковный хор: «Отче наш, сущий на небесех, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе...» И еще: «Боже, спаси и помилуй нас!»

Постепенно из соседних домов и переулков стали собираться люди. Они стояли и с удивлением слушали и колокольный звон, и пение внутри храма.

А Василий неистовствовал. Он бил ядром с такой силой, что если бы это была гора Эверест, а не маленькая церквушка, то от нее не осталось бы следа.

Наконец один из толпы крикнул:

— Посмотрите, он же сошел с ума! Нужно срочно вызвать «скорую».

И действительно, Василия нельзя было узнать. Безумные, вылезшие из орбит глаза блуждали из стороны в сторону, с губы на комбинезон стекала пена.

Когда примчалась «скорая», санитарам с большим трудом удалось извлечь его из кабины и уложить на носилки.

А ядро?

Говорят, что во время одного особо сильного удара оно оторвалось и покатилось по улице.

Куда?

Этого никто не заметил.

ХОДЫ-ВЫХОДЫ

Пришли к мэру города Ряжска два господина, предложили купить на выбор Эйфелеву башню или Панамский канал.

Мэр, несколько оторопев от неожиданного предложения, вымолвил:

— А на хуя?

Ну, как же, прямая выгода для города и мира.

Купите шедевр французского градостроительства, турист иностранный валом попрет. Жители воспрянут духом, начнут сдавать свои развалюхи за СКВ.

Возьмете канал — еще лучше, на рынках появится океанская рыба. Завалите продуктом всю Рязанскую губернию, всю Россию.

Доходы потекут в казну неимоверные.

Хорошо поразмыслив, мэр остановил выбор на Эйфелевой башне.

Когда загадочные посетители ушли, мэр спохватился:

— А кто вы такие будете?

Поздно, посетителей хвост простыл.

Через три дня на рыночной площади вылез из-под земли сначала шпиль, потом вся башня заморского чуда.

Рынку это не помешало, а народ истолковал явление в смысле, что городские власти решили возвести над рынком крышу.

Вскоре торгующий и покупающий люд к существованию явления привык, а местное начальство превратило башню в доходное предприятие, точнее, в парашютную вышку.

Туристы, как и предполагали загадочные господа, повалили со всех сторон.

Французы, заметив исчезновение достопримечательности, обратились с просьбой в Интерпол, помочь отыскать пропажу.

Что было исполнено.

Возник международный инцидент.

Власти Ряжска заявили, что башню у французов не крали, что она сама оказалась в городе без всяких усилий с их стороны.

Мэр Парижа Жак Ширак обратился в ООН, чтобы как можно скорее разрешили досадное недоразумение.

Полномочным представителем от Ряжска поехал в ООН юрист и дока Зяма Рубинштейн.

Он-то и выдвинул неопровержимый аргумент в пользу родного города, спросив с ехидной улыбочкой у представителя французской нации, из какого металла сработана вышеозначенная башня?

Ему ответили, что из доброкачественной стали.

— Наша из золота, — отрезал Рубинштейн, — и катитесь вы все...

Проверили.

Зяма оказался прав.

Вот какие пироги.

Тут в первую очередь возникает вопрос, что за господа, которые продали башню, как ухитрились перетащить такую махину на такое необозримое расстояние?

На оба вопроса можно ответить одним.

Видимо, в подземном царстве существуют свои

ХОДЫ-ВЫХОДЫ.

БОЖЬЯ ТВАРЬ

Зарезал житель села Нагорное Валентин Соболев свинью. Привез мясо в город Ряжск на рынок продавать.

Нашел поудобней местечко.

Подскочила собачонка. Хотела стяпнуть какую-то ошметку.

Он ее поймал. Давай охаживать кнутовищем.

Визжит собачонка.

Подошел дед, спрашивает:

— Не жалко божью тварь?

— Не жалко, чего жалеть!

— Смотри.

Обернулся мужик — ни лошади, ни мяса.

Выругался.

Сам виноват, смотреть надо.

С расстройства чувств влез в оглобли. Потащил телегу домой.

Смотрит, во дворе гуляет лошадь, в избе мясо лежит на лавке.

Понял, в чем дело, кто был дед.

ПРОСТИ

Моисей Иваныч Мирошников, работая на предприятии в городе Ряжске программистом, случайно обнаружил: один из компьютеров довольно старого образца фиксирует его мысли.

К примеру.

Подумал Моисей Иваныч, что директор — форменная свинья.

Тотчас на дисплее выскочили слова:

«Директор — свинья».

Решил:

Завтра самый подходящий день, чтобы, улизнув от жены, сходить, взяв бутылку шампанского, в гости к знакомой по институту подружке.

Компьютер и это взял на заметку.

— Что же там у него в памяти зарегистрировано?

Посмотрел, ужаснулся.

Всё!

О властях предержащих, что о них думает, о сотрудниках, которые тащат с работы что попадается под руку.

Махинации главбуха.

И многое другое про себя и про других.

Моисей Иваныч не выдержал. Встал на колени перед дисплеем и взмолился:

— Друг, за что с твоей стороны в отношении меня такая немилость? Прости, если виноват!

Компьютер побурчал-побурчал, подмигнул зеленым огоньком, высветил на экране слово

ХОРОШО

И затих!

ТУДА-СЮДА

Эдик Павлюк, придя домой, вынул из кармана зарплату, полученную в мастерской по ремонту велосипедов и другой подобного рода техники.

Всего двадцать тысяч рублей.

— Сволочи, колбаса любительская в продмаге стоить три тысячи за кг, как жить?

Вдруг на его глазах ничтожные госзнаки превратились в зелененькие американские тугрики.

— Что за чертовщина?

— Вот именно, — раздался тоненький голосок.

— Что с ними делать в нашем задрипанном Ряжске?

— Погоняй в Москву, тысячу наших дают за один.

Эдик так и поступил.

Привез кучу денег.

Оказалось, что и рублей такое количество в Ряжске некуда девать.

Черт под печкой смеется:

— Погоняй в Москву, доллары покупай!

Скачет Эдуард

Туда

Сюда

За каждую поездку уйму денег заколачивает.

ОШИБКА САТАНЫ

Жил Спирин

Работал Спирин

Пил Спирин

Женился Спирин

Нарожал кучу детей, которые, со старухой вместе, поумирали прежде, чем сам.

Когда очередь дошла до Спирина, похоронили на городском кладбище.

Начало.

Оказавшись на том свете, вызван Спирин Сатаной.

— Рано умер, Антон, — так звали старика, — полезай обратно на тот свет!

— Куда полезу, куда денусь там? Комнатушку в коммуналке, как только умер, заняли соседи.

— Ничего, другую дадут.

— Ты спятил, дьявол пархатый, кто даст? Знаешь ли ты, чертов сын, что лет двадцать нужно в очереди постоять, чтобы получить жилплощадь? Не знаешь? А паспорт, а прописку кто даст?

Надоело Сатане выслушивать причитания, нажал на педаль, видимо, сильно нажал.

Взвился Спирин вверх, как американский космический корабль «Шаттл», промахнул мимо родного города Ряжска и оказался в бездушном космосе, на другой планете, чтобы там доживать век.

На какой?

Шут его знает, на какой!

ПЕС

Как-то Ольга Малухина, нестарая вдова-«афганка», подобрала возле дома бездомного щенка.

Не из жалости подобрала. Так, неизвестно почему.

На другой год вымахала огромная псина.

Отношения сложились обычные. Иногда Ольга потреплет пса по холке, иногда пес на нее порычит слегка.

Через шесть лет сбил Тунгуза, так звали собаку, грузовик.

Зарыла пса в огороде. Честно сказать, хоть пустила слезу, но через некоторое время позабыла о нем напрочь.

Однажды — дом стоял на отшибе — проникли ночью грабители.

Заткнули перепуганной насмерть женщине рот тряпкой, собрали в узел вещички. Собрались уходить.

Один говорит:

— Давай попользуемся.

Повалили на кровать.

Содрали юбку, трусики.

Женщина не думала сопротивляться.

Тут из угла избы, где прежде спала собака, раздался оглушительный рык.

Бросился Тунгуз на грабителей.

Одному прокусил руку, треснула кость, другому вцепился в глотку.

Ольга с большим трудом успокоила разъяренного пса.

Грабители смылись.

Пес подошел к Ольге, подставил холку, чтобы потрепала, сам рыкнул слегка.

И ушел.

Пришел и ушел.

Пришел и ушел.

СОВПАДЕНИЕ

Вот в чем оно заключалось.

Если провести вертикальную ось из кабинета шефа Аида в бесконечность, то ось прямехонько пройдет через избу Файзулы Пустоватого, имевшего местожительство в городе Ряжске.

Жизнью Файзула доволен.

Хоромы не нажил, но и бедняком себя не считал.

Не по душе Сатане соседство, ох как не по душе.

Не выдержав, призвал резвого молодого чертенка.

— Иди к мужику Файзуле. Насоли так, чтобы появилась охота перебраться в другой конец города.

Сказано.

Сделано.

С другими мужиками легко справиться, но не с Пустоватым. Спиртного не принимал, не курил, предков уважал, каждую неделю ходил или в церковь, или в мечеть.

Трудно пришлось чертенку, да помог случай.

Давно одна разбитная бабешка положила глаз на Файзулу, на его пышную, шелковистых оттенков бороду, на его солидную стать.

Как водится, при помощи сердобольных кумушек и некоторого содействия чертенка удалось окрутить мужика.

— Теперь, — радовался чертенок, — занудная бабешка сживет деда со света, потребует отдельную квартиру со всеми удобствами

Нытье насчет отдельной квартиры началось. Но осталось со стороны Файзулы без внимания.

Тут Сатана вышел из себя.

— Спалить треклятую избу!

Спалили.

Сидит Пустоватый около бывшего жилья. Костер развел. Греется.

Рядом жинка. С горя ныть перестала.

Что делать?

Сколько Файзула Пустоватый ни обивал пороги разных учреждений, везде отказ по случаю дефицита жилплощади

Пожалел чертенок мужика. На свой страх и риск решил помочь бедолаге.

Прикинулся инструктором обкома КПСС.

И в райжилотдел.

— Почему не даете жилье инвалиду Отечественной войны?

Забегали чиновные крысы. Дали мужику небольшую отдельную квартирку.

Баба довольна. Файзула высказал противоположное мнение. Нет печки. Не на чем прогревать бока и поясницу.

Но потом пообвык. Приставил лавку к батарее парового отопления.

Возле нее дрыхнет.

Ничего.

Все стороны конфликта остались довольны.

СЕРОЕ ВЕЩЕСТВО

Когда из высших сфер управления мелкими предприятиями города Москвы просочился слушок о том, что предстоит значительное сокращение штатов, один из не очень значительных итээровцев сказал себе:

— Главное — удержаться на плаву.

Сказать-то он сказал, но как?

Думал

Думал

И придумал.

Написал заявление об уходе с работы по собственному желанию.

Подал директору.

И сработал стереотип прежних времен:

— От нас не уходят просто так, да еще по собственному желанию. Мы сами знаем, кого выставить, а кого оставить.

Несмотря на то что уволили добрую половину сотрудников управления, наш шутник остался цел и невредим.

ЛИРИКА

Карманный воришка Василий Жучкин, поднабравшись где-то уже порядочно, сидел в чебуречной на Сухаревской площади и проклинал все на свете. В первую очередь свою собачью фамилию. Проклинал бабку, у которой час тому назад стянул в булочной из сумки кошелек.

Кошелек этот был многообещающий, пухленький, хоть и потертый слегка.

К великой скорби, в нем оказались одни рубли и трояки.

Это обстоятельство более всего раздражало Жучкина.

— Не могла старая карга взять купюры покрупней, возись теперь с этими сушеными!

Потом настроение переменилось, бабку стало жалко.

— Может, побирушка какая или пенсионерка. В следующий раз встречу, дам ей тысячу рублей. Нет, не тысячу, пять тысяч. Что мне стоит. Наколю какого-нибудь фраера из новорусов — и ладушки. И другим старухам дам по тысяче рублей, — лепетал он, соскальзывая потихоньку под стол.

Тут подошли два здоровенных амбала, подхватили под ручки, вытолкали на улицу, положили на зеленую травку.

Кошелек выскользнул из кармана. Рубли и трояки разлетелись в разные стороны...

Как осенние пожухлые листья.

ЖЕСТКАЯ ЖИЗНЬ

▪ ▪ ▪

ЖЕСТКАЯ ЖИЗНЬ

Эпизод первый

Пенсионерка без всяких льгот и привилегий, старуха Серафима Рудерман, пришла в булочную, что на углу Садово-Спасской и Панкратьевского переулка. Постояла у застекленной витрины, за которой как раз напоказ лежат ее любимые конфетки «Клубничка». Хорошо чаек с ними попивать. Но, увы, цена такая, что глаза лезут на лоб.

Калачи и плюшки тоже не стала покупать, не по карману.

Купила батон черняшки за 16 р., которым при желании можно заколачивать гвозди.

Дома согрела водичку. Отрезала кусок хлеба, присыпала солью слегка, да с кипятком и попила на ночь глядя.

И до самого утра снились ей конфетки «Клубничка», калачи да плюшки.

Эпизод второй

Руководитель совместного предприятия Николай Мыльников в радужном расположении духа явился домой прямо из коммерческого шопа с двумя сумками, набитыми всякой снедью: несколько

батонов сервелата, увесистый кус балыка, две коробки конфет, не тех, которыми любовалась старуха Серафима, а тех, которые стоят три тысячи за одну коробку.

И многое другое.

Завтра воскресенье, и все это добро нужно свезти своим на дачу.

Но не тут-то было.

Из другой комнаты, обставленной новой импортной мебелью, вышли два притаившихся там амбала с такими ножами в руках, что ими легко можно отрубить голову бегемоту.

Первый. Заклей-ка пасть этому хмырю, чтобы не вякал!

Второй. Посмотри-ка, бля, даже бутылка коньяку из сумки торчит!

Первый. Будет и выпивон и закусон. Не жизнь, а малина.

Второй. Ну ты, сучонок, где тити-мити запрятал?

Нож приставлен к горлу. Вот-вот войдет в живое тело.

Деньги пришлось отдать.

Амбалы смылись.

Мыльников еле-еле отодрал клейкую ленту с лица. Посидел, ошарашенный, на кухне. Выпил чашку кофе.

Лег спать.

И целую неделю во сне, кроме этих амбалов с ножами, ничего не видел.

Просыпался раз пять за ночь в холодном поту.

Эпизод третий

Спикер парламента, высокая шишка. На работу в «чайке», с работы в «чайке».

Дома в десятикомнатной квартире с улучшен-

ной планировкой охранники, широкоплечие омоновцы, человек пять, дежурят постоянно.

В машине тоже парочка на заднем сиденье с автоматами наизготове. Да еще следом черная «Волга» с охраной ни на шаг не отстает.

Льготы ему, в отличие от старухи Рудерман, любые, привилегии разные. Стоит пальцем пошевелить, как несутся холуи стаями.

— Что изволите?

Депутаты и те отдают низкий поклон.

Одному нужна квартира для тещи, хоть без улучшенной планировки, но трехкомнатная. Другой командировку за бугор выпрашивает.

Еду, как этому из СП, нет надобности тащить в сумках домой. Другие припрут из любого торга.

Все, кажется, у человека есть, а жизни нет.

Каждую ночь одолевают видения.

Такое иногда привидится, что этому из СП в самом страшном сне не привидится.

То террористы с бомбами гоняются, то свой же охранник из пистолета целится в затылок, то непримиримая оппозиция начинает яму рыть, да такую, что заглянуть в нее страшно.

Не жизнь, а сплошной кошмар.

Эпизод четвертый

Амбалы, прикатив к дружкам, таким же амбалам, на краденых «жигулях», всю ночь гужуются. Улов сегодня подходящий.

Снов они ни плохих, ни хороших не видят, потому что каждый раз набираются до усрачки.

Спят, как мертвяки.

Вот вам четыре эпизода, господа.

Который из них выбираете?

Я лично, с вашего позволения, пас!

ПИЛАТ ПОНТИЙСКИЙ

Человек, крестьянин деревни Погореловка Рязанской области, у которого я проживал долгих три дня, будучи командирован в те места для сбора статистических данных о наличии колорадского жука, был молчалив. И только в последний день моего пребывания разговорился и поведал мне в приватной беседе, что он есть тот, кто в стародавние времена носил имя Пилата Понтийского.

Потом уже люди исказили честное имя и стали называть его Понтием Пилатом.

Кличку «Понтийский» получил отец, который трижды в морских сражениях спасался с горящих кораблей и добирался до берега вплавь. И дал ее ему сам великий Цезарь.

— Клянусь, — добавлял он, — домашними ларами, что никогда ни я, ни отец мой не служили в Иудее и никто из нас не состоял в этой провинции в должности прокуратора.

Был отец римский гражданин из всаднического сословия. И всю сознательную жизнь находился в войсках нескольких императоров в должности трибуна легиона. В положенное время вышел в отставку и в Кампании, где был у него приличный, данный в награду за верность и полученные в сражениях раны клочок земли, занялся выращиванием оливок и разных сельскохозяйственных злаков. Родил двух мальчиков и дочь.

Он же сам, деревенский мой хозяин, проходя положенную службу, сражался с парфянами и с непокорными галльскими племенами.

В последние же годы по приказу императора легион был переброшен на Восток и квартировал в Сирии.

В Иерусалиме случалось бывать несколько раз.

Но он не помнит, кто в это время исполнял обязанности прокуратора.

Должность эта, между прочим, была малозначительна, о которой, кроме чиновников императорской канцелярии, мало кто знал.

Прокуратором мог быть назначен воин из числа командиров манипул и даже отличившейся в боях центурион.

О человеке по имени Христос он тоже ничего не знает. Хотя краем уха слышал о некоем бродячем философе, который утверждал, что он Божий Сын. Или еще что-то в этом роде.

За эти дерзкие слова прокуратор по требованию иудейского народа и первосвященника приказал столбовать его на видном месте, которая называлась у этого народа Голгофой.

— Но вы сами-то верите в Бога?

— Верую, конечно, верую, — отвечал он, — вот мои боги: Марс, Юпитер, великий Цезарь, несравненный Август и бесподобный Тиберий.

Других не признаю.

Слушал я и думал, кто передо мной: сумасшедший или человек, обладающий способностью созерцать прошедшие времена и свое положение в них?

Почему мы, собственно, каждого индивида, который мыслит не так, как бы нам хотелось, должны принимать за человека, лишенного ума, почему?

Стереотип мышления, ограниченность взглядов, как все это прикажете понимать?

Хотел задать несколько вопросов этому чудаку, но не задал. Торопился на автобус, который вот-вот должен был подойти.

Через несколько месяцев, когда я вновь оказался в этих краях, то узнал скорбную весть:

Крестьянин, мой гостеприимец, скончался две недели тому назад.

Жаль.

НЕНАВИСТЬ

Марина Дробкина.

Маловыразительное, припадающее слегка на левую ногу существо.

Отец — бывший высокий партийный чин.

В настоящее время тихий алкаш.

Мать — старая дама, бывшая колхозная доярка, всю жизнь старалась выглядеть женщиной легкого поведения. До сего времени красится так, что наволочки после употребления годятся лишь на тряпки.

Только дед, чекист Дзержинского, возможно, палач, стрелявший жертвам в затылок, скрашивал как-то незавидное существование, давая крупицу человеческого тепла. Но дед умер несколько лет тому назад.

Когда выгнали няньку, Марину перефутболили в спецдетсад со всеми прелестями коллективного воспитания по системе Макаренко.

После детсада — школа-пансионат для детей ответпартработников.

Из института отчислили за неуспеваемость.

Отец старался, хлопотал, но ничего не получилось, не те времена.

На работу, однако, устроил секретарем какого-то совместного предприятия. По этой части остались еще связи.

Шефу СП, конечно, хотелось иметь секретаря погрудастей, да и чтобы глазки были повыразительней и все остальное.

Но пришлось смириться.

Молодые люди и в привилегированном пансионате, и потом в институте обходили ее стороной.

Крутился один прыщавый, но этому она сама дала от ворот поворот.

И такая нестерпимая ненависть возникла у нее ко всему человечеству, что, будь ее воля, не раздумывая, нажала бы на атомную кнопку, чтобы вся эта мерзость жизни взлетела на воздух ко всем чертям!

ОХЛАМОН

Сближение между ними началось с того момента когда, выходя с очередного собрания в правлении колхоза, он хлопнул ее по ягодице ладонью, сказав при этом:

— Хороша крутожопка!

Она, вильнув задом, ответила:

— Не балуй!

Потом уже, во время сенокоса, прижал возле копны по-настоящему.

Она, впрочем, и не помышляла о сопротивлении. Легла на спину, задрала подол юбки, под которым ни трико, ни чего другого не оказалось, говоря этим:

— Давай, чего ждешь?

Он спасовал.

Лежит рядом и ничем не может помочь бедной женщине. Промеж ног болтается что-то вроде куска веревки, не более.

Она полежала.

Подождала.

Затем встала. Отряхнула клочья сена с юбки и кофты.

И пошла нескорой походкой, бросив через плечо:

— Охламон!

ОБЩЕСТВЕННОЕ ИМУЩЕСТВО

Дорога вдоль села грязная. Телега увязла по самые ступицы. Мужик сидит на облучке и остервенело стегает конягу сыромятным кнутом.

Коняга тощая, еле держится на ногах.

— Но! Не балуй, блядь старая, пошла, пошла!

Телега стоит на месте.

Лошадь при всем желании не может сдвинуть воз.

Когда совсем стало невмоготу, она упала сначала на колени, как бы кланяясь какому-то существу, а потом завалилась набок и уткнулась страдательной мордой в грязную жижу...

Подошел председатель колхоза, принялся поносить мужика:

— Ты что, остолоп, не мог поехать по дороге, которая за домами! Там посуше. Теперь будем судить как вредителя и погубителя общественного имущества!

— Судите, судите, а за что?

Он стегнул еще раз бесчувственное животное, но оно так и осталось лежать в грязи посреди дороги.

ОСЕЧКА

У мастера литейного цеха одного из московских заводов города Москвы Сонькина, когда с перепоя не хотелось идти на работу, был один замечательный козырный туз, который во всех случаях жизни срабатывал безотказно.

Провалявшись до обеда, как бесчувственная колода, направлял он стопы в поликлинику к своему участковому врачу.

Войдя в кабинет, под историю болезни подкладывал чирик, который немедленно исчезал в недрах докторского стола.

И больничный лист обеспечивался ему как минимум на три или четыре дня.

Но однажды произошла осечка. В кабинете оказался новый врач, девушка лет двадцати пяти.

При виде денег она покраснела, как эта самая десятирублевка. А затем потребовала, чтобы Сонькин немедленно убрал деньги и удалился из кабинета.

В истории болезни молодой специалист сделала выразительную пометку: «симулянт».

Так что Сонькину ничего другого не оставалось, как обложить новую докторшу матом и убраться восвояси.

На работе мастер получил за необоснованный прогул строгача и штраф в придачу в виде лишения тринадцатой зарплаты.

МОТОЦИКЛ

Сельмаг находился от деревни Засекино километрах в пятнадцати. Но мужикам, Семену Скобцову и его гостю, свояку Ухмылкину, ужасно хотелось выпить.

Те две бутылки, которые они купили часа два тому назад, приказали долго жить.

Семен говорит:

— Не волнуйся, брат, я мигом слетаю в магазин. Сейчас заведу своего стального жерёбца в двадцать лошадиных сил, и того!

И в самом деле вывел Семен из сарая мотоцикл марки «Ява», завел и айда.

Только крикнул свояку:

— Жди, падла, не рыпайся!

Когда Семен возвращался назад, то решил слегка отпить из купленной бутылки.

Отпил раз, отпил другой, когда доехал домой, водки в бутылке осталось не больше глотка.

— Ах, мать-перемать, придется еще раз смотаться!

Налил на всякий случай бензину в бак. Крикнул свояку еще раз:

— Жди!

На этом история могла бы и закончиться.

Но не тут-то было.

Оказалось, что главные события впереди.

Разумеется, что Семен еще раз отпробовал из вновь купленной бутылки

А может, и не один раз.

Потому что мотоцикл выделывал на слегка оледеневшей дороге такие коленца, что ему позавидовал бы любой танцор из ансамбля Моисеева.

И доплясались они до того, что бухнулись преспокойно в кювет, где Семен и заснул в один миг.

Хорошо, что мимо проезжал сосед на своей коняге. Заметив некое человеческое обличье, слегка припорошенное снежком, остановил лошаденку, отряхнул с лица человека снег и узнал пьяного Семена, почти уже окоченевшего.

Погрузил его на сани и привез в деревню.

Где еле-еле привели мужика в чувство.

А мотоцикл в это время кто-то увел неизвестно куда.

ПЕРЕСТАНОВКА ШТАТОВ

Разговор двух сотрудников одного управления мясомолочной промышленности.

Да, брат, плохи наши дела, скоро и мы вылетим в трубу. Главного инжа уволили, вместо него поставили замзава отдела снабжения. Главбуха переместили куда-то о-хо-хо! Днем с огнем теперь не сыскать. Вместо электрика поставили экономиста,

специалиста высокого ранга. По этой причине свет и тухнет раз десять в сутки.

Электрика переквалифицировали в слесаря-водопроводчика.

В туалете по этой причине вода хлещет как хочет.

— А я бы, — отвечал другой, — пошел кочегаром в котельную, хоть кандидат наук.

— Подожди, брат, это что за

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Требуется квалифицированный дворняга

ТИХИЙ МАНЬЯК

Врач-психиатр Николай Севастьяныч Полухин, ординатор одной психушки, как всегда, ехал на работу в Москву электричкой от станции Нахабино, где проживал.

Как специалист хорошей квалификации, стал он за последнее время наблюдать за собой некую странную особенность.

А именно:

Вот, — думал он, — подойти сейчас к бабке, что сидит недалеко от него, попросить ее под каким-нибудь благовидным предлогом выйти в тамбур и выбросить на полном ходу из вагона. Любопытно посмотреть, как она будет кувыркаться. Или вон мальчик сидит у окна. Рядом с ним никого. Подсесть. Погладить отечески по головке. А потом руку на шею и — раз! Даже вскрикнуть не успеет. А если кто пройдет мимо, то подумает, что пацана сморил сон. Или вот девушка. Тоже одна. В электричках, когда много свободных мест, стараются сидеть по отдельности. Эту из вагона не выбро-

сишь, не придушишь. Но можно пригласить после работы прогуляться в парке «Сокольники», посидеть в шашлычной или еще где. А на самом деле заманить подальше в лесок да огреть тяжелым предметом по голове.

Придя на работу, Полухин переоделся в ординаторской на пятом этаже. И пошел на ежедневную пятиминутку к главному врачу, которая обычно длилась минут сорок пять.

После совещания переоделся. И, не заходя в палату к больным, выбросился из окна.

Дирекция больницы по этому поводу пришла к следующему заключению:

Вроде не сам Николай Севастьяныч покончил с собой, а произошел несчастный случай. Присел на подоконник, не совсем удачно повернулся и упал вниз.

Вызвали милицию. Составили акт о несчастном случае. И все шито-крыто.

По словам же няни, которая говорила товаркам:

— Больно грубо он за последнее время обращался с психами, не они ли порешили?

ТРУДНАЯ ПРОФЕССИЯ

Литературный критик Карасев, которому в газете «Светлый день» была заказана статья о современной русской литературе, сидел у себя дома в двухкомнатной квартире и мучительно размышлял, как ему выйти из такого пикового положения, чтобы не потерять свое реноме.

Судите сами.

Если похвалить вышедшую недавно книжку стихов поэта Жиркова с его деревянными стихами, то кровно обидится поэт Оськин, у которого стихи еще деревянней.

Если же о них ничего не сказать, то хорошего не жди.

Жирков — замзав отдела в толстом журнале, а Оськин работает в Литфонде российских писателей.

И кто-то на днях шепнул по секрету Карасеву, что от этого типа зависят командировки за бугор.

Если похвалить их обоих, то обозлится прозаик Палканов, главный редактор журнала «Красный вымпел», который на дух не переносит ни Оськина, ни Жиркова.

А поскольку критик Карасев две недели тому назад собственной персоной присутствовал на пьянке по поводу презентации книжки указанного писателя из времен Отечественной войны и не только хвалил эту слабенькую вещичку, но и занял у Палканова пятьдесят рублей, которые ни в этом, ни в следующем году не собирался отдавать.

То судите сами, с какими тут можно оказаться синяками.

И для чего он только выбрал эту говенную профессию?

Вот что придется, пожалуй, сделать: указать, что литературный процесс нашей родной литературы одновременно находится и на подъеме и переживает период некоторого упадка.

Есть несколько замечательных имен.

Возьмите, к примеру, поэта Ж., пока еще рано говорить во весь голос о гениальности этого литератора, думаю, однако, что через пару лет талант его окрепнет, как и талант поэта О. и прозаика П. Эссеиста А., который пока в начальстве не состоит, можно лягнуть слегка.

Эврика!

Ведь на буквы Ж О П А писателей как собак нерезаных, всех не перечесть.

Пусть теперь поломают головы, ху есть ху!

ПОСЛЕДСТВИЯ

Тетка из окна второго этажа пятиэтажного хрущобского дома выбросила на улицу стеклянную банку из-под соленых огурцов.

Банка

Описав в воздухе дугу, стукнула по башке проходящего мимо милиционера.

Голова милиционера была одета в форменную фуражку, что смягчило удар. Да и сама башка у него была крепкая.

Милиционер отделался легким испугом. Он рванул в сторону и наступил на лапу собаке. Та завизжала и выскочила на проезжую часть.

Шофер КамАЗа, не разобрав, в чем дело, думая, что под колеса машины катится ребенок, крутнул что было силы баранку и врезался в дерево.

Дерево сломалось. И толстой веткой стукнуло тетку по голове, которая у нее не была такой крепкой, как у милиционера.

Пришлось вызывать «скорую».

На ней и отправили тетку в ближайшую больницу.

РЫБАКИ

Каждый воскресный день Семен Скворцов, токарь завода «Серп и Молот», и его сосед по лестничной клетке Петр Попов, заведующий сапожной мастерской, чтобы не торчать дома, приобретя рыболовные снасти, садились на электричку с Курского вокзала и ехали в Купавну на Бисерное озеро ловить рыбку.

На самом же деле, захватив с собой пару бутылок «Столичной», прохлаждались недалеко от воды на травке, выпивая и закусывая всласть.

На обратном пути, заглянув в рыбный магазин «Океан», покупали по рыбине и, счастливые, возвращались домой.

Неизвестно, сколько бы времени это длилось, если бы продавщица однажды не обмишурилась и не засунула им в целлофановые пакеты не по живому карпу, а по жареному лещу.

Хорошо, что у Семена баба не ревнива. А каково пришлось Петру, у которого сущая мегера, а не жена?

РЕВНИВЫЙ МУЖ

Давно известно, что ревнивый муж хуже стихийного бедствия.

Михаил Шкворнев был как раз таким.

И не повезло ему вдвойне:

Во-первых, жена-лупоглазка, из тех, что больше всего обожают крутить задом перед мужиками. Во-вторых, дом мужика находился недалеко от военного городка.

И довела его баба до такого состояния, что стал он ее смертным боем бить каждый вечер, перед тем как лечь спать.

Она ничего.

На другой день, хоть и с подбитым глазом, опять стоит у калитки, лыбится...

А солдатам что?

КОРОВА

По дороге к райцентру шел мужик. Вел на веревке привязанную за рога корову. Корова была еще не очень старая, но молока давала мало. Вел

он ее на бойню, чтобы потом продать на базаре мясо. И на вырученные деньги хорошо покутить. Эта мысль была запрятана глубоко в его проспиртованном мозгу, чтобы баба, которая бежала позади, не докопалась до сокровенного смысла.

А баба крыла мужика почем зря всякими непотребными словами: зверюга, мародер, кабан вонючий.

— Куда ты ведешь Буренку, она ведь мне как дитя, я же ее махонькую из соски поила, растила ее? Что из того, что молока мало дает, что у нас, маленьких детей куча? Все свои уже вымахали с версту и разъехались кто куда. Видишь, чурбан бесчувственный, Буренка плачет, думаешь, она не знает, куда ты, ирод, ведешь ее? Знает лучше тебя!

Наконец, когда они прошли уже полдороги, бабу осенило:

— Вот что я тебе скажу, изверг рода человеческого, если мы теперь вернемся домой, куплю тебе в сельмаге две бутылки водки.

Эти слова на молчаливого мужика подействовали в положительном смысле.

Он повернул назад и быстрыми шагами повел Буренку домой в деревню.

Но, увы, сельмаг оказался закрытым на учет.

ЖЕРДИНА

Пошел мужик в лес. Срубил подходящую дерево.

Обтесал.

Только хотел взвалить на спину, откуда ни возьмись лесник.

Пришлось давать на бутылку.

А жердина двадцати коп. не стоит.

КОЗЕЛ

Не то чтобы Люба Крошкина чуралась мужиков, нет. Но до поры до времени избегала более плотных отношений с ними, пока не втюрилась в Степана Козлова. Был он парень крупногабаритный. На рожу так, ничего, но вертихвост.

То одну тащит в укромное местечко, то другую.

А она переживает.

Недаром в одной из наших пословиц говорится: Любовь зла, полюбишь и козла!

НОСТАЛЬГИЯ

Славно было в давние времена село Нагорное на всю Рязанскую губернию. Церковью, колокольню которой в хорошую погоду можно видеть за двадцать верст, праздниками с пряниками и орехами (на этих гульбищах молодые люди выбирали невест), резвыми конями, первостепенными кулачными бойцами, способными одним ударом кулака уложить жеребца, румяными бабами и не менее румяными пирогами.

Теперь наступили другие времена.

Церковь почти совсем развалилась, кровля ее заросла бурьяном и невысокого роста березками. Праздники редки. В месяц раз привозят кино.

Мужиков осталось человек тридцать, да баб штук пятьдесят, да старух и стариков сотни полторы.

Вот и весь, как любил выражаться председатель сельсовета тов. Костин, контингент.

Но контингент был. И посему на всеобщие выборы народных депутатов долженствовал собраться возле сельсовета, в помещении которого находился избирательный участок.

Посреди кабинета председателя на столе стоял сколоченный из фанеры ящик с дыркой с блюдце величиной. В нее и полагалось бросать бумажку с именем кандидата в депутаты, который находился тут же перед сельсоветом в толпе мужиков и баб, поскольку был односельчанин.

Все было бы хорошо, но мужики вспомнили про удаль отцов своих и дедов, и поскольку по случаю праздника выпили уже порядком и водки из сельмага, и самогонки от бабки Агафьи, то и затеяли драку.

И уж председатель вкупе с участковым милиционером кидались их разнимать, и бабы орали на всю державу, ничего не помогало, драка кипела и ширилась.

Как у нас на Руси заведено, когда не хватает кулаков, то идут в ход колья, вырванные из заборов.

Скажу сразу, чтобы не затягивать повествование, выборы в этот день не состоялись. Не отдали свои голоса трудовые крестьяне за депутата в верховный совет по той простой причине, что кандидату кто-то проломил голову дрыном, и его, еле живого, отвезли в районную больницу на милицейской мотоциклетке.

О выборах как-то в суматохе позабыли.

А одна оглашенная баба бежала вдоль улицы села и орала:

— Рятуйте люди добрые, депутата в кандидаты убили!

ИГРА ПРИРОДЫ

Лет сто пятьдесят тому назад одну деревенскую дуру выдали замуж за африканца, который состоял в услужении у помещицы Ряжского уезда Струковой.

И вот с тех самых пор нет-нет да выскочит, как гриб из-под земли:

Чернявенький

Курчавенький

Губастенький паренек.

И каждый раз бабы ахают, удивляются:

Откуда он взялся, пострел?

РУССКИЙ ВОПРОС

Районная больница. Посреди комнаты операционный стол. Над ним не очень яркая лампа. С потолка что-то капает, вода или моча из туалета второго этажа. В ведре у окна огрызок пальца и кусок ступни.

Руки пожилого хирурга в крови по самые локти.

Очередная жертва, которой кромсают живот, вопит на всю вселенную. Хирург умоляет анестезиолога, чтобы дал этому чертяке еще хоть один укол.

— У него же перитонит!

И слышит в ответ:

— Где взять?

Руки помыть нечем.

Горячей воды нет.

Антисептиков нет.

Ваты и бинтов нет!

Наконец сестра догадалась. Подогрела воду в тазике на спиртовке.

Результат?

Операция закончилась благополучно. Больной сполз со стола. Обложил врача и сестру трехэтажным матом.

И как ни в чем не бывало пошел на четвереньках домой.

СВЕЧА

Пришла бабка Дуняша в церковь, свечку поставила обожаемому Николаю Чудотворцу.

Ждет, когда тепло дойдет до Угодника.

Хотела помолиться, слова на ум не идут.

Дома нелады.

Мужик внучкин, тоже Николай, прежде, как все, работал токарем на заводе.

Теперь к предпринимателям перекинулся.

Не миновать беды.

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ

Если бы Прохорову еще неделю назад сказали, что он по билету денежно-вещевой лотереи выиграет автомобиль, он бы этого человека обозвал самыми непотребными словами.

Однако именно ему, Прохорову, привалило такое непомерное счастье.

И билет этот, собственно, он не покупал. Кассирша в булочной всучила вместо сдачи, сказав, что в кассе нет разменной монеты.

И вот когда пришло время розыгрыша по этим вещевым билетам и вышла в газете «Труд» таблица, Прохоров не поверил своим собственным глазам, номер и серия сходились.

И обозначался выигрыш: автомобиль марки «Москвич».

В сберкассе противная тетка-кассирша крутила бумажку и так и этак, вроде он сам взял и нарисовал выигрышный билет, потом сказала:

— Гражданин, билет ваш отправим на экспертизу.

Месяца через два или три хождений по разным конторам и управлениям начальник сказал Прохорову, что билет настоящий, и предложил взять вместо авто деньги.

Но Прохоров с презрением отказался от такого неразумного предложения. А потребовал автомобиль, сказав:

— Что выиграл, то и давайте.

Еще через три месяца предоставили ему новенький «москвичок» небесного цвета.

Ездить на нем Прохоров не мог по двум причинам.

Во-первых, не умел.

Во-вторых, был инвалид войны.

Соседи смеялись:

— Зачем он тебе нужен? Продай лучше, пусть пользуются другие.

На это Прохоров отвечал:

— Я выиграл, а вы нет. Когда выиграете, тогда и продавайте!

И каждый день, отправляясь на работу, он бережно поглаживал машину по капоту, произнося ласковые слова вроде:

— Ну как, миленок, все в порядке?

А время шло.

Прохоров заметно старел.

И «москвичок» тоже старел. Краска на нем стала уже не небесная, а какая-то грязно-серая.

Некоторые детали отвинтили мальчишки, а некоторые поснимали специалисты по этой части.

Чем больше с машины снимали частей, тем Прохоров сам становился смурней и немощней.

Когда какой-то делец открутил последнее колесо, Прохоров окончательно захирел.

Слег в постель и через некоторое время умер безболезненно и тихо.

Что у нас в таких случаях происходит, известно. Нашлись какие-то дальние родственники, оттащили Прохорова на Ново-Архангельское кладбище.

А останки «москвича» школьники сдали в металлолом, за что получили благодарность от своих учителей.

ПОЗДНЕЕ ВРЕМЯ

Молодой парень Сергей Копылов был в гостях у приятеля из соседней деревни Всеволода Калачева, а проще — Севы.

Выпили как надо. Сева еще что-то соображал, а Серега находился на грани полной отключки. И как приятель ни уговаривал его, чтобы он, ввиду позднего времени, не шел домой, а оставался ночевать.

Говоря:

— Ложись с дедом на печи, хоть со мной на полатях. Куда попрешься в такую темень, лесом ведь топать, волки сожрут!

Но Серега слушать ничего не желал. Вышел на улицу и загорланил на всю округу:

Выхожу один я на дорогу...

Дальше этих слов песню он не знал. Поэтому, считая, что повторенье — мать ученья, как испорченная пластинка, повторял одни и те же слова.

А ведь Всеволод как в воду смотрел, когда предупреждал приятеля.

Напали на Серегу не в лесу, а на окраине деревни, и не волки, а собаки, которых хозяева согнали со двора ввиду дороговизны пропитания и которые теперь по ночам собираются в собачьи стаи и шастают по всем окрестностям.

И быть бы Копылову покойником, если бы в это самое время мимо не проезжал на своей полуторке шофер предприятия с ограниченной ответственностью местного леспромхоза Ваня Квасов, которому удалось не без труда отогнать псов монтировкой.

ПОСТРАДАВШИЕ

Бились не на жизнь, а на смерть мужики в пивнушке, кто больше выпьет.

Добились.

Всех троих загребли в отделение милиции.

Там они продолжали битву, после которой: первый пострадал крепко, второй не так крепко, а третий менее всего.

Установить:

Их ли била милиция,

Они ли били милицию, не удалось.

Пострадавший крепко оказался директором СП.

Не очень крепко — чиновником префектуры.

А менее всего — помощником прокурора по надзору.

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА

Когда Ваня Пильщиков завел себе любовницу где-то в Свиблове, соседи по коммунальной квартире, воспользовавшись этим обстоятельством, вытеснили стол Пильщикова из кухни не при помощи силы, а по договоренности при посредстве двух бутылок водки, заверив последнего, что если он вернется, то уж местечко ему найдется.

И вот теперь, через год, вся квартира семи суверенных государств в смятении.

Пильщиков вернулся.

Инженер Мосэнерго Василий Крутиков, который занял Ванино место, целый день ползал по квартире на четвереньках, чертил и перечерчивал весь пол мелом вдоль и поперек и вынес свое квалифицированное заключение, что единственное место можно выкроить на лестничной клетке.

Было и еще одно предложение: чтобы от стола соседки Крутикова Хрюкиной и от инженерского отпилить по куску, а в промежуток втиснуть Ваню со всеми его потрохами.

Но это было легкомысленное предложение.

И вот второй вечер подряд воздух кухни сотрясался от выкриков, воплей, ругательств.

Больше всех шумела Хрюкина, она же в конце концов больше всех и пострадала.

Над столом инженера Крутикова висела трехэтажная полка с разной ненужной рухлядью: дырявые кастрюли, алюминиевые миски, старая кофемолка, чугунок, в котором когда-то варилась каша.

И над всем этим красовался медный таз для приготовления варенья.

Вот этот таз, не выдержав сотрясения, свалился на голову Хрюкиной, которая тотчас брякнулась на пол ни жива ни мертва.

Гром от встречи таза с головой Хрюкиной был такой силы, что другая жиличка, бабка Анисья, от страха повалилась рядом с телом Хрюкиной.

Врач «скорой», вызванный кем-то, сказал, что Хрюкина находится в глубоком обмороке, а старуха скончалась скоропостижно, скорей всего, от инфаркта.

Хор жильцов:

— Вот и освободилось местечко!

Последними словами в этой истории были слова инженера Крутикова:

— Я же говорил, что вопрос решится сам собой!

Хотя когда он это говорил?

ВДОЛЬ ПО ПИТЕРСКОЙ

Сельский совет села Сыроваткино получил телеграмму из Москвы, которая привела в полнейшую прострацию не только председателя Коробова, но и всех членов совета.

Вот текст:

«Вохрята, как там вам вохрюется? У нас тут полный амбец, если не сказать большего!

Поставил сучке из тридцать пятой квартиры голубой унитаз польского производства, не хухры-мухры, думал подхалтурить, а она, блядво, триста пятьдесят рубчиков недодала. Уголовный элемент, больше нечего сказать.

А еще лярва Кузькина, назначил свидание, не пришла, хотя на той неделе купил для нее шоколадку за двести рублей.

Все.

Не желаю больше вкалывать в этой шараге, перехожу к фирмачам».

Президиум Совета внеочередного созыва в полном составе несколько часов ломал голову над загадочной бумажкой: что бы это значило?

Одни говорили, что это шифровка, предупреждающая о грядущей ревизии, а у нас падеж скота на ферме выше всякой меры: свиньи завшивели, птичник вот-вот развалится. Послали цыгана на базу за комбикормом, а он его на обратном пути пропил.

Другие трезвые головы талдонили другое.

Нечего зря лалакать. Нужно обратиться туда, откуда пришло сообщение, в Московский телеграф.

Обратились.

Начальник, отвечающий за посылку телеграмм, ругается:

— Так работать неможно, Сидорова, коза, выскочила замуж, Афонина ушла в отпуск по бере-

менности, Сорокина с кубинцем на Кубу укатила, пришлось на один из аппаратов посадить слесаря-водопроводчика Смекалкина!

— Эх, вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской, да с колокольчиком...

Начальник еще не прохмелел. Вчера отмечали юбилей любимого Московского телеграфа.

Истинное содержание телеграммы таково:

Город Иванов. Ситценабивная фабрика.

Вам по недоразумению, в котором повинно Министерство путей сообщения, отправили мохер голубого цвета импортный в плотной целлофановой упаковке. Переадресуйте всю партию в Москву. Получатель отдел легкой промышленности Центрального округа.

Точка

ТЕРРОРИСТ

Старый партиец, слесарь Сыродойников Пантелей Никитич, когда приезжал к внучке в Москву, то чуть ли не каждый день ходил в Мавзолей Ленина, внимательно приглядывался к мощам вождя мирового пролетариата.

И с каждым разом все больше нравился ему Ильич своим уверенным спокойствием, какой-то неуловимой близостью его истертой временем душе. Нравился внушительный антураж, созданный вокруг Великого человека, часовые, застывшие у входа, мраморные ступени, ведущие вниз, в подземелье.

Так бы шел по ним, и шел, и шел, до скончания времен.

Пока Пантелей Никитич приглядывался к вождю, к нему тоже приглядывались.

И вот настал день, когда подошел плюгавый тип в макинтоше и шляпе, предъявил красную книжечку, сказав:

— Пройдемте!

Еще через неделю осудили старого коммуниста, обвинив в терроризме, в попытке покушения на Владимира Ильича.

Дело в том, что в кармане пиджака оказался у него перочинный ножик собственного изготовления с внушительным лезвием.

Положил он его в карман не случайно. Хотел после осмотра достопримечательности съездить в Сокольники, срезать в парке палку для половой щетки.

И вот что из этого вышло.

ПАМЯТНИК СМУТНОМУ ВРЕМЕНИ

Года два тому назад прислали в кооперативное хозяйство, забыл уже какое, из Волгограда или из Челябинска трактор.

Красавец.

С десятком новейших приспособлений, с кондиционером в кабине тракториста.

По плану Госплана это чудо техники пришлось ждать лет десять.

И вот какая картина предстала перед ошарашенными кооператорами.

Задние колеса у машины на месте, а передних нет.

Принялись писать письма: и в Министерство железных дорог, может, кто снял в пути, и на завод.

Ответ был таков:

По плану того же Госплана передние колеса должны дослать через год.

А поскольку Госплан теперь ликвидирован, то неизвестно когда дошлют.

И стоит этот трактор на русской земле.

Как памятник Смутному времени.

КУКУШКА

Алеше Матвееву, ученику четвертого класса средней школы села Сучилино, приходилось ходить на занятия пешком через небольшой перелесок.

Идет он.

Вдруг кукушка невдалеке закуковала.

Алеша загадал, сколько ему лет жить на свете?

Раз кукукнула кукушка, два, три...

И замолчала.

— Вот зараза, так мало накуковала!

Надо сказать, что Алеша был мальчик с небольшим приветом: учился плохо, устраивал в школе драки, приставал к девчонкам.

Родителей чуть ли не каждую неделю вызывали к директору школы, грозились выгнать мальчугана за хулиганство, неуспеваемость.

И вот неожиданно для всех мальчишка притих. Ходит хмурый. За стол обедать сядет — ложка из рук валится. На улицу к ребятам не бежит.

Почуяли родители неладное, поговорили меж собой, решили отвести сына к бабке Маланье, главной на селе колдунье.

Бабка приказала родителям, чтобы вышли во двор и там почекали, пока она с сыном погутарит.

— Ну что, шустряк, какая беда стряслась?

— Кукушка, — ответил Алеша, — всего три годика жизни накуковала

— Успокойся, кукушка над тобой подшутила, не будешь в школе хулиганить, будешь мамку с

папкой слушаться, к людям по-доброму относиться, она тебе восемьдесят лет накукует.

И правда, как в воду бабка Маланья смотрела. Дожил Алексей Иваныч до восьмидесяти одного года. Отлично окончил школу.

В институте получил приличный диплом. Долгое время работал в своем селе председателем сельсовета. Побывал в райкомовских инструкторах.

Теперь персональный пенсионер республиканского значения. До всесоюзного не дотянул. Медленно продвигался по службе в связи с отсутствием жесткости в работе.

Начальство так и говорило:

— Превосходный работник Матвеев, да характер для партийной работы мягковат, а в нашем деле это качество со знаком минус.

КРЫСА

На окраине Москвы в районе Свиблова горел трехэтажный деревянный дом. Крыша пылала. Стена с одного бока начала обваливаться. В окне не так еще пострадавшей части дома что-то все время металось из стороны в сторону.

Пожарные не ехали.

И тут стоящий в толпе зевак хулиганистый парень Зенон Квасцов, подумав:

— А если там ребенок, полез по трубе, как мартышка, вверх.

Но там оказался не ребенок и не кошка, а крыса, бегающая

с одного конца подоконника на другой.

Заметив Зенона, она кинулась к нему без всякого страха, как бы говоря:

— Спаси?

Зенон Квасцов, взяв одной рукой притихшую крысу и посадив к себе за пазуху, достойно спустился вниз.

— Ну что там, кто там был?

— Да никого не было. Показалось.

Отойдя от галдящей толпы метров на пятьдесят, Квасцов достал крысу и отпустил на волю.

Крыса отбежала метра на три и внимательно посмотрела на своего избавителя.

— Да беги ты, дура!

Говорят, Зенон Квасцов через две недели после этого случая выиграл по лотерейному билету, который нашел недалеко от помойки, автомобиль «Москвич».

Что это, совпадение или игра природы?

БОЛВАНКИ

По литейному цеху завода им. Войкова раздавался чугунно-львиный рык мастера:

— Серега, падла, я же тебе приказывал взять три двухпудовые медные болванки и отвезти токарю Михаилу Новикову в инструментальный цех, а ты что, сукин сын, сделал, загнал их по дороге какому-то кооператору, что теперь будем делать? Под суд тебя, ворюгу, придется отдавать. Медь теперь дороже золота!

На другой день начальник цеха, имея на руках докладную мастера, накатал телегу в прокуратуру.

Суд был.

Но какой!

Пока бумага ходила по всем инстанциям, слово «болванки» превратилось в слово «болваны».

По бумагам получалось, что подсобный рабочий Сергей Салкин взял три двухпудовых болвана и,

вместо того чтобы отвезти в другой цех, кому-то продал по дороге.

Судья, имеющий достаточный опыт работы, долго ломал голову над этой галиматьей: что бы это значило?

Во-первых, для чего нужно было везти болванов, почему они не могли дойти сами?

Во-вторых, кто в наше время сплошной дороговизны купит даже одного болвана, кому он вообще может потребоваться даже задаром?

Если в первом вопросе при большом желании можно усмотреть хоть какой-то смысл, скажем, люди повредили руки, или ноги, или еще что.

То второй в любом случае оставался без ответа, кто мог купить:

Болванов

Идиотов

Кретинов?

Судья, посоветовавшись с народными заседателями, чтобы не попасть впросак перед начальством, принял решение:

Дело прекратить за отсутствием улик.

Серега, выйдя из зала суда, лыбился во всю обезьянью пасть.

Болванки он слямзивает до сих пор.

Но теперь часть выручки отстегивает мастеру.

И мастер Сереге лучший друг.

ЛУЖА

Когда с легкой руки генерального секретаря КП СССЭС Михаила Сергеича Горбачева прокатилась по всей стране кампания по борьбе с пьянством, в село Синькино приехал сам прокурор района товарищ Подопригора, для того чтобы просветить жителей

по вопросу недостойного употребления спиртных напитков.

Как водится в таких случаях, согнали в дощатое помещение, которое на местном наречии называется клубом, односельчан.

Прокурор произнес перед немногочисленным собранием зажигательную речь, в основном делая упор на то, что пьянство снижает производительность труда, подрывает здоровье крестьянского люда.

Возьмите, к примеру, вашего индивида Чукина, тракториста с большим производственным стажем, что он вытворяет? По словам председателя колхоза товарища Усова, пьян каждый день. А недавно посреди села врезался в телеграфный столб, чем нанес колхозу большие материальные убытки.

Пьянству — бой! Организуем в каждом доме общество трезвости!

После собрания председатель пригласил прокурора и сопровождающего его милицейского старшину к себе, чтобы отметить эту знаменательную дату.

Старшина и так лыка не вязал, поднабрался где-то вместе с бригадиром, пока прокурор произносил речь.

Пили первач, закусывали яичницей с салом, квашеной капустой и солеными огурцами.

В результате, когда выходили из избы, прокурор еле-еле держался на ногах и все тараторил о правильном горбачевском указе.

Как они ехали вдоль села, неизвестно, то есть известно, но уму непостижимо. Мотоциклетка бросалась из стороны в сторону, как бешеная, стукалась обо все, обо что можно стукаться, чуть не задавила какую-то зазевавшуюся старуху.

На окраине села почти круглый год сияла примечательная, известная всему району лужа.

Вот в ней они и застряли по самые уши.

Пришлось звать того самого тракториста, пьяницу Чукина.

Когда за ним пришли и сказали, что его срочно вызывает прокурор, Чукин со страха забрался на сеновал и ревел на все село:

— За что, я ведь как ягнятко, малое дитятко?

Но, поняв своими пропойными мозгами, в чем дело, завел машину, зацепил стальным тросом мотоциклетку и вытащил на сухое место.

Так обстояло дело с антиалкогольной кампанией в селе Синькино.

А как в других местах?

КЛАДОВЩИК

В колхозе «Путь коммунизма» Ряжского района Рязанской области работал кладовщиком Владислав Салазкин, или, как он сам себя называл, Вадик.

Так вот, этот Вадик был отменный ворюга. Только послушайте: без зазрения совести тащил со склада все, что попадалось под руку.

Хищения эти порой принимали умонепостижимый оборот.

Кому, скажите на милость, могут потребоваться старые колеса от трактора «Беларусь»?

А он их упер и кому-то толкнул.

Начальство долго терпело, наконец не выдержало.

Выгнали Вадика со склада. Назначили пастухом к телятам.

Это дело оказалось не менее прибыльным для ворюги и хапуги.

Пошел Салазкин к приятелю в соседнее хозяйство, а там в это время произошел падеж скота.

Купил у него пару дохлых телят за пару бутылок водки, которые вместе и распили.

Бросил эту падаль в канаву, а вместо них загнал пару живых, улавливаете?

Когда пригнал стадо домой, у него потребовали отчет:

— Куда подевались телята?

— А вон в канаве валяются, подохли!

И с этой должности поперли голубчика. Приставили сторожем к сельсовету.

Тут уж нечем будет поживиться?

Не скажите, была бы голова на плечах.

УТОПЛЕННИК

Матрена, жена Костика Косого, повадилась шастать к соседу Филе в амбар.

О том, что Матрена спуталась с соседом, знали мужики и бабы всей деревни.

Сам же Филя и растрепал новость.

Наконец и до Костика дошли слухи.

А что он мог предпринять, если и в лучшие годы Матрена имела над ним непререкаемую власть.

Баба Костику досталась дебелая, своенравная, злющая, как змея.

Пошел было Косой к Филе выяснять отношения, но и тут осечка. Кулаки у Фили как кувалды, работает он молотобойцем в ремонтных мастерских колхоза.

И вот решил Костик свести счеты со своей несложившейся жистянкой. Взял железяку пуда в два весом, привязал к пузу — и в речку.

Хорошо, что проходили мимо мужики, которые в это время на другом берегу убирали сено. Услышав всплеск, успели схватить подлеца за пятки.

Пожурили малого, сказав:

— Что ты, сбрендил, сукин сын, она же тебя нарочно до этого доводит, чтобы избавиться. А бросься ты, парень, данную местность, дуй куда-нибудь подальше. Работу трактористом везде найдешь!

Надо, к чести Костика, сказать, послушал он своих приятелей.

Пришел домой. Собрал кое-какие вещички и на вокзал.

С отъездом Костика жена Фили, баба под стать своему оболтусу, такие скандалы принялась устраивать Матрене, хоть вслед за мужем из деревни беги.

Каждый день на потеху всей деревни свары и драки.

А Филя стоит, подперев плечом дверной косяк, лыбится во всю пасть, вроде это его не касается.

О Костике с тех пор ни слуху ни духу.

Сгинул Костик.

А может, мужики не успели схватить его за пятки,

И вода затянула утопленника на глубину под корягу?

ВАЖНЫЙ МУЖ

У Пелагеи Рыськиной муж Игнат укатил в город Рязань на заработки да так и не вернулся. Как в воду канул. Деньжат для детишек не шлет. Весточки о себе не подает.

И тогда решила Пелагея ехать в город сама, до которого верст сто пятьдесят, а она дальше своего районного центра Ряжска никогда не бывала.

Взяла каких-то гостинцев: сала кило два, маслица домашнего горшок и подалась на железнодорожную станцию.

6–4491

Город Рязань показался ей каким-то чудищем, которое возьмет сейчас и проглотит ее со всеми потрохами. Домины в нем такие, что в одном можно целую деревню поместить.

Бросилась к одному прохожему, к другому, не встречался им случайно мужик Игнат Рыськин, тут он в городе проживает?

Все над ней смеются, приехала из деревни дура!

Наконец нашлась одна добрая душа, разъяснила, что нужно делать. А именно: обратиться в милицию, где все граждане прописаны.

Мордатый начальник вначале на нее цыкнул, а потом посмотрел в книгу, и сказал, что Игнат работает швейцаром в гостинице, и адрес назвал.

Добралась Пелагея куда надо. А как увидела Игната возле раззолоченных дверей, ножки подкосились, а может, и еще что.

Стоит он весь в галунах и при соответствующей фуражке, дверь проходящим открывает.

На Пелагею не смотрит.

Потом выбрал время и говорит:

— Чего приперлась, в оглоблю твою мать?

— Как же, Игнатушка, соскучилась о тебе. Детишки спрашивают, где папанька наш?

Повел Игнат после работы бабу к себе домой. А там фуфыря сидит. Космы во все стороны завитками торчат, губищи накрашены до самых ушей.

Городская.

Как вскочит она да на Игната:

— Ты кого притащил, паразит, что это за сучка?

— Жинка деревенская приехала.

— Убью обоих. Катись из моего дома туда, откуда прикатился!

Вытолкал Игнат жену из комнаты да крикнул, чтобы больше не показывалась!

Правда, уже возле двери сунул незаметно в руку сто рублей.

С этим Пелагея вернулась домой.

И когда бабы спрашивали, как там поживает Игнат, она неизменно отвечала, что живет он, как большой барин, что должность у него важная.

При этом в подтверждение слов показывала сторублевку как доказательство важности момента.

И было это не так уж давно.

ОШИБКА

Жулики Кирюха и Кирим решили грабануть нарпитовский продовольственный склад.

Сказано

Сделано

Подошли к этому действу с научной точки зрения: изучили местность, обследовали досконально забор, где лучше подкопать, установили время, когда сторож ложится спать.

Прокопали ход.

И оказались на запретной территории.

Все учли, но в одном допустили промашку.

На складе была собака. Старый кобель неизвестной породы, который свой долг исполнял исправно и добросовестно.

Не заметили они его по простой причине.

Будучи дряхл, целыми днями дрых он в норе под сараем. А ночью прислушивался, что там делается в человеческом мире?

Он-то и поднял хай на всю округу.

Вслед за ним проснулся и выскочил из будки сторож и пальнул два-три раза из берданки.

Кирюха и Кирим бросились бежать, да с перепугу не в ту сторону.

Тут на выстрелы примчался милиционер.

Сцапали голубчиков.

Вот к чему приводит даже самая незначительная ошибка!

ПИРОГИ

Пироги да пышки, синяки да шишки.

В семье Усякиных все и произошло по этой немудреной формуле.

Испекла жена пироги. Пироги получились так себе. Не мастерица баба по этой части.

Пришел с работы муж, повел носом.

— Пироги пекла?

— Пекла.

— Подавай.

Откусил Усякин кусок, чуть не вывернуло.

— Ты что, баба, совсем чокнулась, почему пироги тухлые?

— Сам ты тухлый. Не хочешь — не жри!

Усякин на это ничего не ответил.

Встал

Вышел из-за стола

Врезал жене:

Первый раз в глаз

Второй раз по скуле

Третий раз по загривку.

После чего собрался и пошел во двор играть в домино с такими же жлобами, как сам.

ПИСАТЕЛЬСКИЙ САБАНТУЙ

Борис Леонидыч Пастернак, великий русский поэт, сидел в Переделкине на литфондовской даче, где теперь помещается музей его имени, и думал о том, как дальше существовать?

За опубликование в западных странах без разрешения начальства романа «Доктор Живаго» это начальство грозится стереть его в порошок, пропустить через идеологическую мясорубку, то есть лишить работы, вернее, средств к существованию.

Глядишь, и дачку заберут, охотников на нее предостаточно. Дачка пастернаковская, с какой стороны ни глянь, привлекательна и уютна.

И отобрали бы ее уже давно, да, как говорят сведущие люди, первый секретарь ЦК Никита Хрущев приказал травить писателя всенепременно, а апартаменты не трогать.

И вот, когда рассуждения поэта дошли до наивысшей точки, раздался:

Внушительный

Решительный

Властный стук!

Выглянул Борис Леонидыч в окошко, у крыльца «чайка» черная. А тарабанит сам

А.Т. Твардовский.

Не успел еще Пастернак приоткрыть дверь, а Твардовский кричит:

— Водка есть?

— Нет.

— Сбегай, дорогой Боря, купи бутылку, а то окочурюсь. Вызвал, понимаешь, Суслов в ЦК, приказал проработать тебя. Сам, сукин сын, не пьет и другим не дает. По дороге кагэбэшник следил, чтобы не напился. А как я тебя трезвый буду прорабатывать, об этом он не подумал!

Борис Леонидыч, как человек интеллигентный и будучи по характеру еще и человеком необыкновенной доброты, натянул на себя кое-какую одежонку и пошел в продмаг.

Пройдя полдороги, догадался, что денег нет.

Где занять?

У Ильи Сельвинского вышел недавно огромный том галиматьи под названием «Три богатыря».

— Этот пятерку даст.

И не ошибся.

Отстегнул ему Илья не петушка, а целый чирик.

Подходя к магазину, вспомнил Борис Леонидыч, что и Сельвинский коллективное письмишко в партийные инстанции подмахнул.

— А шут с ним!

Когда опальный поэт вернулся домой с бутылкой водки в кармане и колесом польской колбасы под мышкой, то узрел такую картину.

За длинным, неизвестно откуда взявшимся столом, покрытым зеленым сукном, уставленным выпивоном и закусоном, сидело все политбюро Союза писателей СССР во главе с героем «Удэге» Фадеевым, который в левой руке держал граненый стакан, а правую прижимал к левому карману гимнастерки военного образца, где хранился партийный билет.

Признаюсь, я не очень хорошо разглядел, может, это был не Фадеев, а Федин или Сурков.

Симонов К., заметив поэта, крикнул:

— Я как все, я — за!

И смылся.

А Щипачев шизоидно доказывал всем, что он за одну только поэму «Павлик Морозов» получил уйму денег, потому что издательство «Советский писатель» посчитало и те строчки между строчек, которые он не писал.

Леонид Соболь, про которого к тому времени не было известно, жив он или умер, заявил:

— Гнать нужно таких предателей и проходимцев не только из писательской организации, но и из страны!

Сеня Мешалков крикнул:

— К стенке таких надо ставить!

Точно неизвестно, слова эти, возможно, принадлежат не Мешалкову, а Шолохову или еще кому, кто их разберет. Но точно, что кто-то добавил, что в Гражданскую войну таких, как Пастернак, шашками рубали!

А Сеня Мешалков, не успокоившись на сказанном, вскочил на стол и принялся отплясывать неповторимый танец, смесь украинского гопака с грузинской песней «Сулико».

Бутылки и стаканы от этой бешеной тряски полетели на пол. А стоящий в углу комнаты возле печки Корней Чуковский, презрительно взглянув на пляшущего Мешалкова, погрозил ему кулаком.

Борис Леонидыч, посмотрев на эту сумасшедшую картину грустными лошадиными глазами, лег на диван. И от великой скорби скончался.

— Вот теперь исключать не надо, — пролаяли из-под стола Марков и Сартаков. — Сам себя исключил!

И вся эта гоп-компания ринулась на улицу, напевая:

Страна моя,
Москва моя,
Ты самая любимая...

Через несколько дней состоялись похороны замечательного писателя на местном, переделкинском кладбище.

Отовсюду стекались толпы людей, чтобы отдать последний долг:

ПОЭТУ
БОРИСУ ЛЕОНИДОВИЧУ
ПАСТЕРНАКУ

Тут уж наши хваленые органы были бессильны что-либо предпринять.

В заключение хочу сказать, что ЦК под руководством своего фюрера Н. Хрущева издало обязательное для исполнения постановление, чтобы в

самое ближайшее время переместить могилу поэта подальше от московских пределов куда-нибудь на Сахалин, а лучше на Курильские острова.

Но из этого ничего не вышло, постановление оказалось невыполненным. Испугалось цековское начальство и своей, а более мировой, общественности.

Может, именно тогда «могучий», «нерушимый» дал первую маленькую трещину, имеющую такие огромные последствия!

МИЛИЦЕЙСКАЯ ДУБИНКА

Парня Сергея Местечкина, слесаря авторемонтных мастерских, отца троих детей, по отзыву дирекции, человека положительного, забрали в отделение милиции на ст. метро «Баррикадная» только за то, что он пытался провести через контроль своего хорошо поддавшего собутыльника.

Дружка милиционеры отправили в вытрезвитель, а самого Местечкина, который не показался, обработали, как сноп на току цепами, резиновыми дубинками тут же в отделении.

Били двое:

Сержант Мазутин и старшина Рогов.

В особенности злобствовал старшина:

— Мне, — говорит, — его жидовская рожа не нравится (Местечкин был по национальности мариец), поддай-ка, сержант, еще!

И сержант, науськанный Роговым, бил и бил лежащего и не оказывающего сопротивления мужика, пока тот не затих.

Забегая вперед, скажу, что вся спина у Сергея сделалась сплошным синяком, к тому же лопнули два ребра.

Утром судья Милкина, пошевелив слегка милицейские бумажки, добавила к необоснованным побоям еще 14 суток общественно полезных работ.

Но вместо этого администрация оказалась вынужденной отправить мнимого преступника в больницу.

На этом, казалось бы, история должна закончиться, но нет!

Через день, возвращаясь с работы домой, сержант Мазутин поскользнулся на ровном месте и сломал ногу.

На голову старшине Рогову упал кусок лепнины, какими любят украшать станции метрополитена, и его отправили в реанимацию.

Врач сказал, что дела у старшины плохи.

С судьей Милкиной, дебелой бабищей из бывших партайгеноссе, ничего не случилось.

Пострадал сын.

Шестнадцатилетний оболтус приставал на улице к девушкам.

Проходящий мимо постовой милиционер огрел его дубинкой по плечу. Рука повисла, как мертвая. И неизвестно, когда она придет в норму.

А я вот что скажу в заключение, господа:

Правда существует не только на небесах, но и на земле.

Чему и является подтверждением этот рассказ.

СОСЕДИ

Петр Хвостов пришел домой в возбужденном состоянии, злой как черт: что-то не ладилось целый день на работе, то труба лопнула в котельной, которую удалось починить с большим трудом, то

пришел собутыльник и товарищ по работе в ЖЭКе Георгий Стульчиков и потребовал долг в пятнадцать рублей.

А тут, только войдя в квартиру, сразу заметил, что жена куда-то смылась.

Ладно.

Пошел на кухню, проглотив какую-то холодную картошку, вспомнил, что давно собирался вбить гвоздь в стену, чтобы повесить купленную год назад репродукцию Шишкина «Мишки». Нашел подходящий гвоздь, достал с полки увесистый молоток, приладился да как стукнет.

Не рассчитал: гвоздь отскочил от стены, а сама стена рухнула в соседнюю квартиру работника торговли Кирилла Уточкина.

И вот какая картина предстала перед изумленным взором Петра:

За столом сидел сам Уточкин, а на его коленях жена Хвостова. И оба как ни в чем не бывало дуют шампанское.

Поскольку Петр был сердит, то у него возникло определенное желание, захотелось кокнуть и Уточкина, и свою неверную супругу.

Но потом он передумал, подсел к столу. Налил себе стакан водки, выпил, налил еще. Когда прикончил бутылку, потребовал другую. Вместо водки получил коньяк, потом пил шампанское и еще какую-то дрянь.

В конце концов Хвостов так нализался, что с трудом удалось дотащить его до кровати

На другой день обратились в ЖЭК, чтобы заделать стену.

Пришли мастера, залатали часть, на другую не хватило материала. Осталась дыра величиной с дверь.

Мастера посоветовали завесить дыру дерюгой.

Так и поступили.

Теперь Хвостов каждый вечер ходит беспрепятственно к Уточкину, чтобы выпить.

Главное, и тот и другой живут в мире.

Только вот скоро явится супружница Уточкина из больницы, а она у него сущий черт в юбке.

«АФГАНКА»

Марья, вдова убитого в далекой нерусской стране сержанта Смелова, проживала на краю деревни Нагорное возле самого буерака.

В колхоз на поденщину не ходила, а гнала дома самогонку, чем и кормилась.

Мужики к ней хаживали за самогоном и так. Переспит ночь, а утром от ворот поворот.

И тянулось это до тех пор, пока не забрел к ней прохиндей, некий Гаврила Гулько из соседнего села.

Угостила первачом, нарезала сала.

А утром вытурить не может.

Она его из избы, а он разляжется во дворе на травке и дрыхнет целый день, как боров.

Вечером сжалилась. Пустила опять.

Так и пристал как банный лист.

И оказался Гаврила не только первостепенной пьянью, но и лодырем таким, что гвоздь ленится заколотить.

Чуяло Марьино сердечко неладное.

И не зря чуяло.

Спалил избу пьяный Гаврила. И сам в адском пламени сгорел.

Марья каким-то чудом спаслась. Выползла из вспыхнувшей избы в одной ночной рубашке.

Села возле пепелища и горько рыдает.

Благодарит Господа, что осталась жива.

Посочувствовала ей соседская бабка. Пустила к себе.

Поначалу Марья, как пришла в себя, в колхоз подалась. Взяли на разные работы, картошку окучивать, морковку прореживать.

Быстро бабе надоело горбачить задарма.

Вернулась к прежнему занятию. Хоть опасно, но выгодно.

Не прошло и двух лет, отстроила новый дом, обзавелась хозяйством.

Теперь мужиков даже на ночь не оставляет.

Выпил. Закусил. Сделал свое дело.

И пошел вон!

СОБАЧЬИ ДЕЛА

Электрик ЖЭКа одной из префектур города Москвы Марусин Николай был избит до неузнаваемости дежурным по отделению милиции лейтенантом Головешкиным и выброшен на улицу в пять часов утра.

Поскольку время для Марусина давно перестало существовать, то он, стоя посреди мостовой на четвереньках, напряженно размышлял, куда податься, чтобы еще хоть граммов двести принять.

— За что он, собственно, меня избил? Жидом его обозвал? А может, он и есть форменный жид или чеченец!

В этом месте Марусин, рыгнув, обратился к пробегающей мимо собаке:

— Послушай, дружище, дай руку, помоги встать!

Собака остановилась, посмотрела на пьяного мужика грустными глазами.

И побежала по своим собачьим делам.

ТРИ ЧУРБАКА

Пришли трое с ломами и лопатами
Надо вырыть яму
Попробовали землю
Мерзлая
Сели
Закурили
Что делать
Один сказал
Нужно оттаять грунт
Принялись искать дрова
Разыскали где-то бревно
Пилы нет
Послали малого за пилой
Склад оказался закрыт
Кладовщик ушел на обед
Выпросили ржавую пилу у соседского мужика
С горем пополам отпилили три чурбака
Топора тоже не оказалось
Наконец разыскали топор
Накололи дров
Разожгли костер
Оттаяли землю
Отогрелись сами
Тут и рабочий день подошел к концу

ДЕВЯТЫЙ МУЖ

Анюта Сивцева была женщиной любвенеобъятной. Семь раз выходила замуж.

Подчеркиваю, выходила официально: с шампанским во Дворце бракосочетаний, со свадебным маршем Мендельсона.

Каждый раз устраивались грандиозные свадьбы в «Метрополе» или «Национале». Приглашались

друзья — человек сорок пять, пятьдесят, а то и больше.

И каждый раз рождался очередной младенец. После чего Анюта давала очередному мужу по шее.

Попадались одни хахали. Любители пожить за чужой счет.

Восьмого мужа не нашла. Крутилась как белка в колесе среди фирмачей.

По этой причине родила восьмого неизвестно какой породы: волосы и цвет кожи, как у африканца, нос испанский или римский, глаза маленькие, раскосые.

И бывают же в жизни сюрпризы. Восьмого не нашла, а девятого подцепила.

Взял ее один человек и увез в Германию.

Думаю, что такое случается не чаще, чем один раз в сто лет.

Пир был горой. Вино в буквальном смысле текло, как из водопроводного крана. Черную икру, во всяком случае, мы с приятелем ели столовыми ложками.

Провожали Анюту в Германию, как принцессу. В вагон внесли на руках вместе с девятым мужем и всеми отпрысками.

Через несколько месяцев прилетело в Москву письмишко от Анюты.

«Живу, как в раю. Забеременела. Как рожу, пришлю весточку. Приглашаю всех. Места хватит. У мужа огромный дом.

На первом этаже супермаркет.

Своих бойскаутов вожу по городу строем. Привезите барабан и красный флаг.

Муж то ли католик, то ли протестант, то ли мусульманин, то ли квакер, то ли мормон, то ли сумасшедший, до сих пор не пойму».

Три молодых человека
погибли при защите
Белого дома.
Но была еще одна...

ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕРТВА

Моисей Иваныч Пудаки, бывший оператор бойлерной при ЖЭКе № 2, а ныне пенсионер и ветеран войны, проснулся утром с каким-то недобрым предчувствием.

Включил радио.

В это время как раз передавали постановление ГКЧП о смещении власти.

— Нужно пойти поглядеть, что в городе происходит, — решил он для себя.

Натянул быстренько порты, надел кирзовые сапоги, взял холщовую сумку, положил в нее офицерский плащ-размахай, купленный в свое время на Преображенском рынке.

Выйдя из подъезда дома и не заметив никаких перемен, сел на тралик Б и поехал в сторону площади Восстания, чтобы посмотреть, что там?

Где-то возле Маяковки водитель, объявив, что машина дальше не пойдет, потребовал, чтобы граждане освободили салон.

— Ничего, — подумал Моисей Иваныч, — пойду дальше пешком.

По Садовому кольцу уже друг за другом двигались колонны танков, и народ толпами валил к Белому дому.

Нет, героем Пудаки не был, не собирался подставлять плечо президенту Ельцину, когда тот будет взбираться на танк, чтобы произнести свою историческую речь, не собирался защищать его своей грудью, не собирался идти в атаку на пулеметы.

Для этого были люди помоложе.

Для него было важнее другое.

По собственному житейскому опыту знал, что солдат, которые сидели в танках и бэтээрах, подняли по тревоге ночью. И естественно, как у нас водится, забыли накормить, погнали голодных в Москву.

И вот, не долго думая, Моисей Иваныч бросился в гастроном, купил на все деньги, которые были, колбасы и хлеба.

Ходит от танка к танку, от машины к машине и предлагает:

— Не хотите ли, сыночки, бутербродиков отведать?

И солдаты брали хлеб и колбасу. Говорили спасибо.

А он топал дальше. Обращался с теми же словами к другим солдатам.

Когда хлеб и колбаса закончились, он помог каким-то людям тащить железную решетку для баррикады, помог старой женщине, которая почувствовала себя плохо, отдал ей последнюю таблетку валидола, хотя у самого в груди начиналось подозрительное колотье, сбегал для кого-то за сигаретами, промок под бесконечно моросящим дождем, обсушился у костра, к которому подпустили его молодые ребята.

И так, не зная ни сна ни покоя, хлопотал он до самого 21 августа, когда наконец закончилась эта заварушка.

Танки и бэтээры ушли из Москвы.

Народ начал потихоньку расходиться.

Площадь перед Белым домом пустела.

Короче, дело было сделано.

По радио объявили, что народ отстоял демократию и своего президента.

Вернувшись домой в свое стариковское логово, Моисей Иваныч почувствовал себя плохо.

Ослаб.

Лег на диван и умер.

Только на третий день соседи по квартире спохватились, что это Моисеич не кажет из комнаты носа?

Позвали участкового милиционера.

Тот приказал взломать дверь.

Врач сделал заключение: у человека случился третий инфаркт. Сердце было так слабо, что неизвестно, как он с таким сердцем вообще мог жить на свете...

Вечная память тебе, четвертая жертва событий августа 1991 года.

ТОЛСТЫЙ ЖУРНАЛ

«Раньше так не издают», — такими нелепыми словами встретил меня редактор литературного отдела одного, как их прежде называли, толстого журнала.

Знал же я, что в подобных случаях автору вступать в полемику бесполезно, что существуют горы стихов и рассказов на эту тему. Но вступил, вернув ему ту же самую фразу:

— Почему же раньше так не издают, рассказ ведь недурен?

Редактор. Вот это предложение я перенес бы в начало опуса. Была бы ясней выражена мысль. А слово «сопеть» убрал совсем. И еще, обратите внимание на конец, конец должен быть мужественным, определенным, наконец, упругим, а не как у вас, окончанием, не говорящим ничего ни уму читателя, ни сердцу.

— Но позвольте, позвольте! Там, куда вы суете упомянутое предложение, оно примет другое значение! А слово «сопеть», что же в нем недозволенного? Все мы иногда сопим. И не только сопим, а едим, спим, моемся, пыхтим и совершаем другие необходимые действия, — начал я выходить из себя, — вы, что же, сами не спите, не сопите, не храпите, черт вас подери!

После этих моих слов глаза у редактора округлились, приняли какой-то красноватый оттенок.

— Да, и мы сопим, очень часто сопим, читая вот такие бессодержательные, невразумительные творения.

Выручил телефонный звонок.

Я схватил рукопись и выскочил в коридор.

Ощущение было такое, что все это время меня не только варили, но и солью присыпали слегка.

НЕВЕСТА

Алевтина Турусина — крупногабаритная блондинка — работала бухгалтером в научно-исследовательском институте легкой промышленности.

Вращаясь среди образованной публики, она и о себе возомнила более того, на что способен ее небольшой и не очень развитой ум.

Женихи были: кладовщик Умнов, экспедитор Травкин и другие. Но она отвергала их одного за другим в ожидании принца.

И он явился в лице младшего научного сотрудника Трофима Зотова, приехавшего в институт по каким-то делам из рязанских пределов, который быстренько окрутил разборчивую невесту.

Короче, принц оказался обыкновенным провин-

циальным мужиком. Правда, ростом высок и синеглаз.

— Вы мне очень нравитесь, не хотите ли сходить в кино или в театр на современную пьесу, — говорил провинциальный ловелас Алевтине.

Через две-три недели — срок командировки — поженились.

Прописала у себя в однокомнатной квартире.

С этого времени началось.

Выяснилось, что муж не только пьяница, но и бабник.

Удивительно, как прохвост ухитрился продержаться какое-то время, выдавая себя за порядочного человека.

Собственно, на первом месте стояло пьянство, а баб подыскивал за тем, чтобы пользоваться жизненными благами. На что те, обычно буфетчицы или продавщицы, шли охотно.

Когда все это открылось, Алевтина заявила, чтобы он убирался к чертям собачьим.

А любезный муженек отвечал, что и с места не сдвинется. Право на квартиру он имеет такое же, как и она!

Дрались они при помощи кулаков и ногтей. Но со временем дело дошло и до более ощутимых предметов.

Когда же в пылу очередной драки супруги нанесли друг другу серьезные повреждения: он проломил ей чем-то голову, она пырнула его ножницами в живот,

судили.

Дали по году условно.

Вот она, социалистическая, коммунистическая, специфическая, всенародная, благородная, образцовая, гуманная, ко всему еще сознательная советская семья!

ИНЕЙ

Ну и погодка в конце двадцать первого века на дворе в январе.

С утра — дождик

После обеда — дождик

На ужин, на сон грядущий, тоже дождик

А дед клялся, что снег в стародавние времена сам видел.

И морозы были о-хо-хо!

— Про снег мы знаем, показывают в кино. А вот что такое мороз?

— Мороз — это когда идешь по улице, а он кожу дерет, как стальной щеткой. Если борода и усы на лице, то на них образовывается иней.

НАУМОВНА

По-настоящему верующей в семье Крикуновых была бабка Глафира Наумовна. Остальные давно уже порастеряли те малые крупицы духовного начала, которые пыталась вложить в их затемненное идеями коммунизма сознание Наумовна.

На ее-то долю и выпало самое большое испытание.

Однажды в летнюю пору, когда трудовой люд на работе, ворвался в избу пьяный мужик.

В руках топор. Им-то он и крушил все подряд.

Вот уже жуткое железо сверкнуло над кроваткой, в которой крепко спала внучка Наденька.

Тут только Глафира Наумовна опомнилась. Схватила вилы, которые каким-то чудом оказались в углу возле печки. И, ничего не соображая, кинулась на пьяного, вонзив их с необыкновенной для семидесятипятилетней женщины силой в спину.

Мужик рухнул замертво, а бабка выскочила вон из избы и завыла на всю улицу:

— Не убий!

Не убий!

Не убий!

Так и выла потом всю неделю.

А в понедельник повесилась в сарае на перекладине.

Я все это понимаю так:

Пьяного мужика покарал Господь, тут дело ясное, руки Наумовны вкупе с вилами были Его карающей десницей!

А Наумовну покарал кто?

ВТОРОЙ КРУГ

Галя Шишмарева по уши влюбилась в сокурсника Тимура Скворцова.

Любовь была тиха и безропотна. Заключалась она в том, что Галя как собачонка ходила за Тимуром следом, не говоря ни слова.

Тимуру это страшно надоело.

Он скучал.

И наконец, не выдержав, подошел к ней и сказал:

— Послушай, хватит хвостом служить. Предупреждаю, у меня есть другая девочка.

Галя ничего на это не ответила. Но в душе у нее все как бы перевернулось. Прежде мир так славно был устроен, вот Тимур, вот она, а больше ничего не нужно.

И начала Галя страдать.

Высохла вся.

Один носик остренький торчит. На лекции не ходит.

И вот в один прекрасный день решила с этим негодным Тимуром порвать.

Пошла на Москву-реку топиться.

И утопилась бы, дура, я в этом уверен, психоватости у таких недозрелых девиц хоть отбавляй.

Но встретился на пути Мишка Сомов.

Облапил.

Закрутил вокруг себя, пикнуть не успела.

— Ты почему в институт перестала ходить? Да ладно. Вот что я тебе скажу, пошли мороженое хавать.

Купили в киоске по паре эскимо, сели на лавочку.

Хорошо в Москве в конце мая, когда вся земля цветет и улыбается каждому живому существу.

Пока ели мороженое, Галя увидела, что влюблена в Мишку. И думает только о нем.

И еще она подумала, что теперь придется страдать по второму кругу.

СРАВНЕНИЕ

Мне всегда казалось, что хирурги похожи на средневековых палачей: волосатые, могучие, измазанные кровью руки, решительные жесты.

Орудия пыток: секач для вскрытия грудных клеток, клещи, шприцы, бинты, куски ваты, похожие на распустившиеся розы.

Застывший в позе ужаса подопечный на операционном столе, напоминающем плаху.

Жесткий взгляд врача из-под накрахмаленной шапочки, говорящий:

— Вот мы сейчас оттяпаем тебе, голубчик, полголовы!

СТЕНА

Муж и жена Костылевы вернулись домой из гостей. Свадьба была, день рождения или еще что.

Хорошо, что дочурку по этому поводу отправили к тетке.

И вот.

Пьяными они особенно не были. Так, как все, хорошо поддавши.

Правда, дома, уже вдвоем, раздавили еще бутылку.

Может, эта капля и добавила кое-что к их нетрезвому состоянию.

Соседи показывали потом, ссора какая-то у Костылевых была, но не очень.

И вот в разгар этой не очень значительной перебранки муж схватил свою толстозадую половину и с такой силой дербулызнул головой о стену, что черепная коробка лопнула, как скорлупа куриного яйца.

И супруга в один миг отправилась на тот свет.

Сам же Костылев лег рядом с ней прямо в лужу крови и уснул.

Только утром, очухавшись, обнаружил, что жена мертва.

Следователь при допросе спрашивал:

Почему, почему и за что ты ее убил?

Не знаю, ничего не знаю, скорей всего, так.

Вот это «так» и есть, черт подери, знамение нашего времени.

«Так» какой-то подросток пырнул ножом в очереди за хлебом ни в чем не повинного старика. «Так» юноша затащил в подвал знакомую девушку и не только изнасиловал, но и зверски убил, превратив лицо в неузнаваемое месиво.

«Так» какие-то парни, предварительно закрыв дверь, подожгли палатку предпринимателя, когда тот находился внутри.

Человека удалось спасти, палатка и товар сгорели дотла.

Стоп!

Хватит!

Что это:

Общественная шизофрения, распущенность нравов?

Что вы думаете по этому поводу?

ЧУЖИЕ

СНЫ

■ ■ ■

ГОЛОВА

Александр Евграфыч Пыльников спешил на работу. Дорога пролегала вдоль железной дороги. Недалеко от моста через речку заметил: рельсы поднялись дыбом, загнулись в сторону.

Электричка близко. Слышен свист рассекаемого воздуха, стук-перестук колес.

А люди?

Александр Евграфыч бросился навстречу опасности.

Удар!

Руки отскочили в одну сторону, ноги в другую. Туловище разлетелось на мелкие куски.

Только голова цела.

Она-то, попав под переднее колесо локомотива, остановила состав, выполнив роль тормозного башмака.

В ознаменование несравненного подвига жители установили на площади перед зданием вокзала памятник голове Пыльникова.

Граждане нескончаемым потоком проходили мимо героической головы, бросая к пьедесталу букеты живых цветов.

Душа самого Пыльникова витала рядом. Он радовался, как малое дитя.

Но ужасно разочаровался Александр Евграфыч, когда выяснилось, что ему, мелкому служащему Ряжского почтового отделения связи, привиделось это во сне.

РЕШЕТО

Крестьянин села Нагорное Ряжского района Рязанской губернии Николай Жилкин, переболев мыслимыми, немыслимыми инфарктами, параличами, имел заветную мечту достать живой и мертвой воды.

Но мечта так бы и осталась мечтой.

Помог случай.

Подвернулся по дороге в райцентр старичок, в котором Николай узнал соседа Никиту, известного на селе враля.

Но как же?

Никита умер года три назад, ковырнувшись на тракторе под откос.

Так вот.

Повстречались. Никита говорит:

— Есть вода, о которой ты, Николай, мечтаешь. Возьми решето. Сходи на речку Рановку, что до дому донесешь — то мертвая вода, а живая — вся, хоть из речки, хоть из колодца.

Николай так и поступил.

Долго бегал на потеху сельчан от речки к избе.

По капле, по капле, на склянку водицы насобирал.

Выпил.

Сидит на лавке. Чувствует, сила над немощью верх берет.

— Жена, мать твою, ку-ка-ре-ку!

Выздоравливаю!

Ничто не длится вечно.

Проснулся мужик утром, понять не может, что с ним происходило, не черт ли подтрунил ненароком?

Здоровья, однако, с тех пор поприбавилось.

ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ

Когда у Иннокентия Ягодкина спрашивали, как он поживает?

Иннокентий отвечал:

— На одном боку сплю, сон вижу хороший, водку с чертом пью. На другой перевернусь — с другим чертом закусываю.

Чем не жизнь!

ДЫРА

Проснулся старик Мельников посреди ночи. Что-то квакает под кроватью.

Полез.

Шарил-шарил, вытащил лягушку.

Отнес в туалет.

Спустил в унитаз.

Через время чувствует, опять что-то шебуршит. Оказался крокодил. Хоть небольшой, в унитаз не поместится.

Нахальный.

Шарит по сторонам зенками.

Трубку закурил.

Схватил старик первое что под руку попалось.

Запустил.

Оказался будильник фирмы «Слава».

Что-то дзынкнуло.

Крокодил исчез.

Утром ворочался-ворочался Мельников, холод задувает под одеяло.

Посмотрел.

В окне дыра.

Подумал:

— Опять пацаны, черти, снежками разбили!

ЗАГАДКА

Перед тем как уснуть, Самуил Васильевич Орлов произносил слова:

Засыпаю, засыпаю, засыпаю.

И засыпал.

Сегодня не сработало. Мысли лезли в голову. Чушь, которую выбросил из головы, как ушел на пенсию из сбербанка..

Вроде:

Ваучеры, индексации и другие облигации.

Сосед приперся посреди ночи. Просит взаймы трояк. Трояк дал. Потом вспомнил, сосед год назад попал под КамАЗ.

Скончался в городской больнице.

Зачем понадобился трояк?

Промаялся ночь, стараясь разгадать загадку, пока не проснулся.

ПОЗДНИЙ ЗВОНОК

Сима Самохвалов спал крепко.

В два часа ночи раздался глухой решительный телефонный звонок.

Трубка прошипела:

— Жди!

И все.

Первая мысль: куда запрятать деньги?

Куда?

Три пачки по сто червонцев в каждой.

Одну засунул в пакет с гречневой крупой, другую сунул в морозильник, третью положил на вешалке в старое пальто.

Резину, четыре колеса для «жигулей», приобретенные на черном рынке, в карман не засунешь.

Два под диван, два в ванной залил водой.
Видно.
Хер с ним, не пойдут туда!
Сделав дело, сел, стал ждать.
Никто не пришел.
Сон
Или не сон?
Сон
Или не сон?

КОНСПИРАЦИЯ

Коммунист Семен Пушков обнаружил себя на Красной площади, стоящим на коленях перед бюстом отца всех народов товарища Иосифа Виссарионыча Сталина.

Пушков рыдал.

И было отчего.

Во-первых, вождь оказался лысым и безусым.

Во-вторых, на мраморе красовались слова:

МОИСЕЙ АБРАМЫЧ ШНЕЕРСОН

Первая мысль как удар молота:

Вредители!

Диверсанты!

Потом:

Конспирация!

Вождь ушел в подполье!

Проснувшись утром, тайком от жены Семен Пушков положил в рюкзак кусок черняшки, щепоть соли.

И ушел из дома навсегда неизвестно куда.

ПУГОВИЦА

Познакомился Ник. Ник. Перевозчиков во сне с хорошим человеком.

Посидели возле тихой речушки. Поговорили о том о сем, о хлебе насущном, который теперь подорожал о-хо-хо!

Разговор получился складный.

Договорились встретиться в следующем сне.

Но при следующей встрече узнал Ник. Ник. знакомца с трудом. У него вместо рук и ног были ласты, а на голове выросли развесистые оленьи рога.

Разговор вышел неважный.

На третий день дошло до того, что Ник. Ник. признал приятеля только по пуговице на пиджаке.

Да и разговор не склеился.

ЧУЖОЙ СОН

Приятно видеть приятные сны.

Вот и Григорий Степаныч Корин любил такие, в которых он не только гулял вместе со знаменитыми на весь мир актрисами или топ-моделями, но и покупал им мороженое эскимо, наблюдая, как эротично красотки округляют губки, обсасывая шоколадную корочку.

Проснувшись утром, долго потягивался, благодарил судьбу за желанные сновидения.

На этот раз выползла из норы гадина о трех головах и полезла к нему целоваться.

Проснувшись в холодном поту, дрожа от страха, Григорий Степаныч решил, что это не его, а чей-то чужой сон.

АТОМНАЯ БОМБА

Ивану Карапетяну, по специальности подрывнику Московского метро, не снились ни цветные, ни черно-белые сны.

А тут.

Не только приснился сон, но он сам сделался его непосредственным участником.

Чем бы кончилось, сказать трудно, если бы Иван не проснулся.

Сон оказался до чертиков реалистичен.

Вот в чем он заключался.

Когда Карапетян после порядочной выпивки с друзьями возвращался, пошатываясь, домой, к нему подошла группа людей, состоящая человек из пяти.

Бомжи не бомжи, бродяги не бродяги, одеты в какие-то старомодные пиджаки, сапоги и косоворотки.

Не страх, Карапетян работал подрывником, со смертью встречался частенько, а что-то засосало под ложечкой, застряло как кость в горле.

Больно уж омерзительными казались рожи.

— Пойдешь с нами!

Удивительно, неведомая сила заставила Ивана повиноваться нелепому приказу.

Спросил:

— А кто вы такие, чтобы приказывать свободному человеку, и куда я должен с вами идти?

— Слыхал про партию Народной воли? Так вот, мы являемся членами этой организации, тергруппа. Эти, — кивнул говоривший в сторону остальных, — висельники, в свое время наводили ужас не только на царских сановников, но и на своих. Казнены через повешение после одного неудачного покушения на царя. Организация тогда же дала клятву отомстить ненавистным сатрапам!

— Что за чушь несете, господа, какие в наше время сановники, какие цари? Вы что, чокнулись, крыша у вас поехала? В Кремле теперь проживает президент России Борис Ельцин с помощниками!

— Нам все равно! Дали клятву взорвать Кремль — логово угнетения российского народа — и взорвем!

За разговорами подошли к какому-то люку. Один поднял крышку. Остальные вслед за ним спустились под землю.

— Но постойте, черт вас возьми, где вы возьмете столько взрывчатки, которой потребуется вагона два?

— Имеем атомную бомбу. Купили у одного шаромыжника из Министерства обороны.

ДУЭЛЬ

Владислав Стульчиков, кладовщик хозторга, оказавшись в объятиях Морфея, представлял себя гулякой и дуэлянтом...

В этом качестве пребывал вторую неделю.

Дуэли следовали одна за другой, из которых Стульчиков выходил с честью.

Но последняя стычка с каким-то графом прошла не совсем удачно.

Хотя Стульчиков сражался храбро, противнику приходилось туго, но сам он, в конце концов, получил удар клинком в бедро.

Жена, услыхав стоны мужа, поинтересовалась, что происходит.

— Ранен на дуэли!

— На какой дуэли?

— Дрался с графом!

— Ты в своем уме? Как можно получить рану в собственной постели?

Но, увидев окровавленную простыню и пододеяльник, супруга безотлагательно вызвала «скорую».

Осмотрев больного, врач сказал, что рана не очень глубокая, не опасная, что больной через неделю сможет выйти на работу, что о происхождении самой раны он сказать ничего не может. Возможно, пациент сам поранился во сне о какой-то острый предмет.

О какой?

СМЕРТЬ ВЕЧНАЯ

Писатель Эдуард Кислицкий с храпом и свистом влетел в собственный сон.

Сделав несколько кругов, он благополучно приземлился на берегу небольшого озера.

Вода в озере напоминала по внешнему виду кровь.

На камушке записка:

«В озере не кровь, а вино. Выпей, получишь Смерть Вечную».

И ковшик тут.

Писатель — человек любопытный.

И в этом случае думал-думал и решил узнать, что это такое.

— Была не была, — воскликнул он и осушил целый ковшик одним махом.

Вино оказалось высший класс.

Но случилось непредвиденное, ноги как-то сами пошли в озеро. Вот он уже по колени увяз в кровавой жиже, по пояс, сейчас голова окажется там.

Но откуда ни возьмись прискакала жена, схватила за волосы и давай тянуть.

Баба тянет в свою сторону, а сила неведомая вглубь влечет.

Баба есть баба.

Вытянула мужа на берег, хоть он сопротивлялся изо всех сил.

Сидят рядышком.

— Ты откуда взялась?

— Откуда, от верблюда. Почуяла неладное, уснула вслед за тобой.

Так и не удалось писателю Кислицкому узнать, что такое Смерть Вечная.

НЕПРОШЕНЫЙ ГОСТЬ

Семен Бубенцов, инвалид войны второй группы, с недавних пор стал вести себя довольно странно: как уснет, так всю ночь хихикает, ногами дрыгает.

Жена не выдержала, спрашивает:

— Что с тобой, Семен?

— Как засну, понимаешь, черт является, начинает за пятки цапать, мне щекотно, вот ногами и дрыгаю.

— Дурень, не знаешь, что делать, возьми палку да по спине его!

— Где же на том свете палку взять?

— С вечера приготовь!

Так Семен и поступил. Как только непрошеный гость явился, отдубасил за милую душу.

С тех пор черт отцепился от мужика.

ГОРЧИЧНИКИ

Карлу Морковичу с недавних времен начало сниться что-то длинное, круглое, синее, скользкое, пучеглазое, шипящее, извивающееся, нестерпимо воняющее.

Проснувшись, каждый раз делал попытки отогнать ненавистное видение.

Но оно некоторое время продолжалось наяву.

Лечащий врач в районной поликлинике сказал:

— Все ты врешь, пей поменьше!

— Не пью, в рот не беру. Три месяца как бросил!

— Старое осталось, — последовал исчерпывающий ответ.

Психоаналитик, к которому обратился, не помог.

Что делать?

Как назло, чудище сделалось еще длинней и вонючей.

Один из сослуживцев, узнав, в чем дело, посоветовал обратиться к бабке Матрене, уборщице из смежного отдела, большой мастерице по части заговоров и премудростей.

Сходил.

Выслушав страдальца, бабка, покачав слегка головой, изрекла:

— Дело простое. Перед сном приклей к пяткам горчичники да носки надень, чтобы не отклеились.

Помогло.

Чудище уползло.

Сны теперь Морковичу снятся приятные.

ГРАНЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Ивану Петровичу Кабакову частенько, когда переходил грань действительности, то есть напиваясь до положения невменяемости, и засыпал мертвецким сном, виделся сон, в котором он оказывался без одной ноги.

Долго шастал пострадавший по переулкам, закоулкам, разыскивая неожиданную пропажу.

В некоторых местах предлагали замену пропавшей ноги, но не то, что нужно.

У одной — десять пальцев, у другой — ступня похожая на ласту.

Кабаков с негодованием отвергал несуразные предложения и просыпался.

Ощупав собственную живую ногу, убедившись, что конечность находится на месте, переворачивался на другой бок.

И засыпал сном победителя.

СОН ШМЕЛЬКОВА

По поводу опоздания на работу Шмельков, дежурный диспетчер Московского механического завода, писал: в этом повинен не он, а черт полосатый, который является во сне чуть ли не каждую ночь.

— Говорю, пора просыпаться. Он свое, давай выпьем еще по одной на посошок.

Как отказаться?

РАЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Каждый раз Самохин решал для себя одну и ту же проблему: что делать?

Во сне так прекрасно. Девушки возникают перед взором особенные, выпивки — сколько душа пожелает, птички поют только райские.

Тут?

Жена обрыдла до неузнаваемости, зарплата мизерная, за которую купишь разве что кукиш. Начальнику, если бы не был законопослушным гражданином, давно перерезал бы глотку.

Решил Самохин больше не просыпаться.

Утром жена смотрит — супруг не шевелится.

Врач «скорой» засомневался, но, заглянув в остекленелые глаза покойника, подписал акт о смерти.

Когда гроб подносили к свежевырытой могиле, Самохин, очухавшись, крикнул:

— Вы что, мужики, сбрендили?

Слово «мужики» выкрикнул по-английски.

ПОЛЕТ

Во сне к Геннадию Сапожникову подошел крепко взлохмаченный человек в кожаной тужурке с наганом за поясом, взял Геннадия за руку, возвел на высокую скалу, приказав:

— Прыгай!

Сапожников взглянул и, увидав под собой черную бездну, возопил:

— За что, не виноват!

Но, получив удар по заднице казенным армейским сапогом, полетел в пропасть.

Тьма по мере приближения расступалась, обозначив контуры огромного размера валунов.

— Пиздец, прощайте, люди!

Но валуны оказались не валуны, а непомерных размеров грибы.

Плюх!

Все!

Утром супруга обнаружила благоверного рядом с кроватью. Налицо вывих левой ноги, перелом ребра, глубокая царапина на голове...

— Странно, — заключил участковый врач, осмотрев пострадавшего, — создается впечатление, что больной упал не с кровати, а с потолка.

Но как он туда забрался?

ТОМЛЕНИЕ ДУХА

Сева Лопухов, лет тридцати молодой человек, считал: главное удовольствие в жизни — сны. Даже после того, как однажды, в черный понедельник, пришлось совокупляться с мерзкой тварью, мнения не изменил.

Однажды приснился погожий весенний денек, полянка, усеянная экзотическими травами и цветами, он, бегающий за некоей нимфой в мини-бикини.

Красотку Сева не догнал, споткнувшись о корягу или кочку, грохнулся с размаха на землю.

Подкатила «скорая», выскочили два рыла, скрутили Лопухова, хотя последний не помышлял о сопротивлении.

Засунули в машину.

Больница.

— Куда?

— На операционный стол. Оттяпаем яйца!

Оттяпали.

Проснувшись утром, Лопухов почувствовал внутри томление духа, щемление промеж ног.

Присмотревшись внимательно, не обнаружил детородных органов, а обнаружил вместо них дырку.

Хирург в районной больнице, выслушав и осмотрев больного, сказал:

— Чудите, молодой человек, делать, что ли, нечего, яйца ваши и все остальное на месте!

— Доктор, разве не видите, у меня вместо них дырка.

— В жопе у тебя дырка, — подумал врач.

А больному, переменив тактику, сказал:

— Не волнуйтесь, молодой человек, у каждого имеется нужное количество дырок, идите домой, отдохните, выпишу больничный на недельку, еще капельки, принимайте по две перед едой три раза в день. Все будет о'кей!

В самом деле Сева прожил с дыркой оставшуюся жизнь.

Женился.

Нарожал кучу детей

Сны, которые снятся, старается не запоминать.

ГОЛОВЫ

Президент республики явился Гарику Гецевичу в виде снегоуборочной машины.

Машина всеми угрожающими лопастями что-то загребала, загребала, сбрасывала в самосвал.

Когда Гарик заглянул в кузов, то увидел, что он до краев наполнен человеческими головами кавказской национальности.

Гарик, который месяц тому назад прошел курс лечения от алкоголизма у известного психотерапевта, не удержался.

Запил снова с большей силой.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

Этой ночью Сеня Санкин видел двойной сон.

В первом — обнаружил себя сидящим верхом на взмыленной, немолодой, с обвислыми телесами лярве. Мчались с космической скоростью к мерцающим вдалеке скоплениям звезд и созвездий.

Несуразность происходящего состояла в том, что подгонял не он ременной плеткой, а она его.

Во втором — та же лярва сидела на нем, и мчались не к звездам, а в противоположную сторону, в подземную пустоту.

Вот две противоположности.

Скажите, каким образом они могут дополнять друг друга?

ЖИВЫЕ РОЖИ

Роберт Курков по поводу страшных снов рассуждал так:

— Ничего страшного в страшных снах нет. Можно в любую минуту проснуться. Рожи во сне не настоящие. А от живых, чтобы черти их слопали, куда деваться?

Заснуть?

Но не всегда удается.

ПРЕТЕНЗИЯ

С этим человеком Степан Метелкин дружил. Распили не один пузырек.

И нате!

Теперь бывший почти что друг и собутыльник, умерший год тому назад, является к нему каждую ночь во сне, предъявляет претензию, вроде Степан занимал у него в свое время трояк и не отдал.

Степан доставал кошелек, отсчитывал три хруста, швырял бумажки этой омерзительной роже в рожу.

Утром означенный трояк валялся на полу.

Ночью покойник являлся вновь, грозился утащить на тот свет.

Степан подметил, призрак являлся к нему в одно время, в 12 часов ночи.

— Ну погоди!

Вот что придумал: нашел во дворе увесистых размеров железный прут, положил рядом с собой, чтобы огреть по башке непрошеного посетителя.

Но покойник перестал навещать Степана.

ВЕТЕР

Савелий Смехов заснул уже
Стук в дверь
Открыл
Что-то прошебуршало
На столе пепельница, полная окурков
Окурки полетели хозяину в рожу
Недопитая бутылка вина, стоявшая на столе, взвилась вверх, едва не трахнув Смехова по кумполу.
Вещички полюбовницы
час назад ушедшей
вылетели в окошко и угодили в помойный бак.
Смехов догадывался
события происходили по другую сторону бытия
но курить бросил, пить бросил, с Танькой Карасевой сходил в мэрию.
Расписался.

ДВА ЛИМОНА

Поэту Сергею Черпакову за гранью реального существования повстречался человек.

Говорит.

— Я Гораций!

— И что? У нас пес во дворе Гораций, скотина вислозадая, к моей Милюнке кадрится, раз недоглядел — обрюхатил, подлец.

Посмотрел бы, какие уроды произошли от королевской пуделяки!

— Я настоящий Гораций, поэт древности. Писал стихи. Теперь не пишу. Целыми днями смотрю клипы.

— Я тоже поэт современности, но теперь не до стихов. Прихлопнут тяжелой неволей. Квартира

однокомнатная, проживаем трое, не считая собаки. Собираю деньгу на новую, кооперативную из трех комнат, недостает двух лимонов. Где взять?

На перекрестке Гораций, повернув направо, скрылся.

Утром Сергей Черпаков первым делом увидел свою псину. Та, сидя возле постели, держала в зубах ключ от почтового ящика.

— Схожу за газетой, — подумал Черпаков.

Вместо газеты в почтовом ящике оказался конверт, в нем два миллиона как один рублик, как раз столько, сколько недостает на покупку новой квартиры.

ПОМИЛУЙ МЯ

Министр среднего машиностроения Куцый до ужаса боялся встреч с отцом всех народов Сталиным. Готов забраться в любую щелку, сидеть там до скончания веков.

Когда не удавалось увильнуть от встречи, читал молитву:

— Господи, помилуй мя.

Сталин подкрадывался сзади, хлопнув незадачливого министра по спине, спрашивал:

— Ты что нашептываешь, заговор против товарища Сталина готовишь?

Заплетающимся языком министр отвечал:

— Нашептываю:

Сталин наша слава боевая...

— Заткнись!

Когда вождь сыграл в ящик, министр не перестал бояться всего, что имело к тирану непосредственное отношение: портретов, скульптурных изваяний.

Однажды министр повстречал вождя во сне.
Тут с человеком что-то произошло.
— Нашептываешь? — поинтересовался Сталин.
— Нашептываю! — ответил министр.
Схватил палку да бывшего кумира по бокам!
Звон разнесся по Вселенной, как при ударе по железной бочке.
Кумир оказался пустой!

ТИХАЯ СМЕРТЬ

Бродил
Бродил
Михаил Софроныч Ситников
По извилистым дорогам сна
Заблудился
Не смог попасть домой
К жене-булке
К дочке-пышке
К сыну-бутерброду
К любимому авто «запорожцу»
На другой день по дому распространился слух
Скончался Михаил Софроныч из седьмой квартиры
Умер во сне тихо и безмятежно

НОРА

Жила у крестьянина Смелякова курочка Пеструшка, единственное достояние.
Вдруг пропала.
Ходил-ходил, искал-искал мужик, не нашел.
Обозлился.
Поджег курятник.

Посреди пепелища дыра.

Полез в дыру.

Лез-лез, бока протер.

Оказался в другом измерении.

Там Пеструшка на царском троне восседает.

— Приполз?

— Приполз.

— Ползи обратно. Дом теперь новый на месте развалюхи стоит. В курятнике кур полно.

Так и случилось.

Живет Смеляков припеваючи.

ГОРЮНОВ И ГОРЮНОВ

Самый примечательный сон Горюнова тот, в котором встретил самого себя.

Остановились.

Узнали.

Решили выпить.

Выпили.

Не понравился Горюнов Горюнову.

Возникла драка.

Бились кольями, выдернутыми из забора.

Целую неделю Горюнов залечивал синяки и шишки.

ЗАБЫТЫЙ СОН

Сеня Пальчиков, ученик третьего класса московской средней школы, как свернулся вечером калачиком в своей постельке, так и покатился в необъятные просторы Вселенной.

На пути поздоровался с Большой Медведицей, попросил водицы у Водолея, прокатился мимо Змее-

носца. До Полярной звезды не добрался, очень далеко.

Утром приключившееся с ним вспомнил с трудом, и то не все.

СБОЙ

Федор Чулаки, инженер Московского завода пластмасс, умело планировал не только производственные процессы, но и собственные сны.

Захотелось побывать в ресторане «Савой», полакомиться черной икоркой, цыпленком табака — да здравствует «Савой»!

Нужны билеты в Большой театр на балет «Спартак» — билеты уже на столе.

Но неожиданно произошел досадный сбой.

Вместо приятных сновидений стал являться директор завода в образе черта.

И грозит увольнением по собственному желанию.

Бессилен оказался Чулаки изменить положение.

Тогда вот что придумал.

Подал на обидчика в суд за нанесение морального ущерба.

Интересно, чем закончится процесс?

РАК

Серега Лаптев занемог.

При тщательном обследовании в Институте онкологии поставили диагноз — рак, с добавлением: болезнь запущена, излечению не подлежит!

Выписали.

Отвезли домой.

Положение серьезное. Серега сам прекрасно сознавал: конец!

Однажды на исходе сил то ли уснул, то ли так, почувствовал: вместе с постелью опускается вниз.

Когда достигли дна, блеснул свет костра.

У огонька бабка.

— Давно, милочек, жду, как дела?

— Как сажа бела.

— Ничего, парень, не дергайся.

Засунула бабка руку в горло по локоть.

Шурует.

Серега вопит.

— Терпи, терпи, — шепчет бабка, — сейчас!..

Вытащила из желудка кусок мяса, бросила в костер. Вспыхнуло пламя до небес.

Потухло.

Посмотрел парень — ни бабки, ни костра. Лежит дома.

При повторном обследовании в институте следов рака у Сереги Лаптева не обнаружили.

СТИХОТВОРЕНИЕ

Петя Амбарцумян во сне сочинял стихотворение.

Несмотря на свои 15 лет, он считался искушенным человеком в области стихосложения. Одно из произведений напечатали в газете «Пионерская правда», другое хотели издать в журнале «Юность», но обстоятельства помешали затее.

Стихотворение, которое сочинял теперь, не давалось.

Рифма не шла.

Размер не укладывался.

Слова, возникающие из небытия, возникали глупые, никчемушные.

Петя упрям. Трудился до седьмого пота, стихотворение сочинил.

Утром, придя в себя, убедился, что это стихотворение написал поэт Константин Симонов.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди...

— Черт возьми, — сказал Петя.

ГЛУПЫЙ СОН

Стас Сысоев, как бильярдный шар, катился по гладкому полю до тех пор, пока не наскочил на дерево. Увидев, что макушка достает до хрустального неба, вскочил на ноги и полез вверх.

Лез

Лез

Добравшись до макушки, увидел табличку:

«Зачем залез, дурак?»

От неожиданности Сысоев выпустил ветку, за которую держался, и, полетев вниз, разбился на мелкие куски.

Врачу в психушке с большим трудом удалось собрать пострадавшего и склеить.

ТАМ И ТУТ

В сон Егор Селезнев вошел через золотые ворота.

Казалось, и сон приснится соответствующий.

Ан нет!

Долго бродил по переулкам незнакомого города, пытаясь найти приятное для глаз, но неземная юдоль

выглядела серо и нудно, не радовала, не вдохновляла.

Иногда встречались не очень презентабельные, пропахшие тухлятиной существа, ужасно напоминающие прежних знакомцев.

Выхода из царства тьмы не нашел.

Душа тут.

Остальное дома.

ЖАЖДА

Частенько Виталий Портников видел во сне любимую селедку.

Если атлантическую, баночную, пряного посола — то на другой день целый день мучила непреодолимая жажда, если бочковую — жажда мучила вдвойне.

ЗАКАЗНОЙ СОН

Евгений Сергеич Борщев обладал уникальной способностью заказывать сны.

Объектом вожделений избрал соседку Клавдию Алексеевну, женщину лет 35, не утратившую загадочных прелестей.

Замужнюю.

Проделывал с ней что хотел и как хотел.

Муж Клавдии Алексеевны, тренер спортивного общества «Динамо» по карате Миша, стал с некоторых пор примечать: с женой творится несусветное. С вечера ложится без внешних признаков усталости, утром встает изможденная, с синяками под глазами во все лицо.

После утомительных расспросов жена призналась, в чем дело: ночью к ней является сосед Борщев и чем они занимаются..

Произошел грандиозный скандал со всевозможными угрозами в адрес соседа и неверной жены.

Когда выпустили пар, муж опомнился. Стали думать, что предпринять?

Клавдия Алексеевна сказала, что двоюродная сестра Вера, понимая толк в тайных науках, присоветует что-нибудь толковое.

Так и случилось

Вера сказала: случай обыкновенный, к оккультным наукам отношения не имеет. Посоветовала родственнице класть на ночь между ног острый предмет.

Вечером, перед сном, Клавдия Алексеевна взяла кухонную рукавичку, понатыкала в нее достаточное количество иголок и положила, куда посоветовала Вера.

После полуночи в квартире раздался истошный крик.

Когда супруги повскакивали на ноги, то обнаружили на простынях местами подозрительные пятна цвета алых роз.

На этом закончилась история.

Сосед надоедать перестал.

Супруги живут в мире и согласии.

СУКИН СЫН

Станислав Петрович Бессемейный проснулся в субботу в безрадостном состоянии духа.

Во сне привиделось, что вернулся он в недалекое прошлое, сытное, стабильное.

Числился Станислав Петрович в этом прошлом видным сотрудником органов безопасности в чине полковника.

После известных перемен в стране в 1991 году из органов его ушли за слишком ретивое отношение к врагам народа и другим двурушникам.

Во сне, просматривая прошедшую жизнь, как кинофильм, постарался узнать, кто же больше всего ему напакостил?

Оказалось, непосредственный начальник, генерал Хрущев.

Прокручивая дело в подробностях, полковник Бессемейный увидел воочию подлые выкрутасы своего начальника.

Проснувшись, полеживая в еще не остывшей постельке, рассуждал так:

— Буду писать жалобы в высшие инстанции: председателю КГБ Крючкову, генеральному секретарю партии Горбачеву, в контрольную комиссию ЦК. Добьюсь справедливости. Упеку мерзопакостника в места, в которые он собирался упечь меня.

Вспомнилось, с какими ехидными улыбочками смотрели на него молодые сотрудники отдела, когда получал документы об увольнении:

— И вам достанется, сукины сыны!

Размышляя таким или примерно таким образом, Станислав Петрович снова заснул.

Но это был другой сон.

ВЕРБЛЮДА НЕ БЫЛО

Семен Израйлевич Варенников, в домашнем обиходе Сима, парторг на заводе «Серп и Молот», с четверга на пятницу видел сон.

Он солидный мужчина, занимающий важный пост в советской иерархии, мчался с предельной скоростью по пустыне, а за ним гнался верблюд.

В сознании Варенникова проскальзывала мысль: верблюд — животное домашнее, не разорвет.

Другая:

— А вдруг?

Безотчетный страх гнал вперед и вперед.

Когда, обжигая ступни о раскаленный песок, готов был упасть, неведомая сила подхватила его, и он оказался дома в постели.

Варенников чувствовал шестым чувством: сила, вознесшая его, неземного происхождения. Однако запах пирогов, доносившийся с кухни, где жена, как обычно, в субботу пекла пироги и пышки, притупил никчемную мысль.

Ход событий на этом эпизоде не закончился.

Проходя мимо полуразрушенной церкви, в которой с давних пор помещался склад горюче-смазочных материалов, Семен Израйлевич незаметно оказался у входа,

Не собираясь заходить в храм, парторг обернулся и увидел того самого верблюда.

Безотчетный страх овладел партийным боссом.

С возгласом:

— Господи!

Вбежал внутрь храма.

Верблюд исчез.

На другой или на третий день Симу Варенникова вызвали в цековский дом для заполнения очередной анкеты.

В графе «вероисповедание» написал:

Атеист!

Альпинист!

Не троцкист!

Про себя подумал:

Не было верблюда,

Не было!

ЧЕРНОЕ—БЕЛОЕ

Каким образом Моня Семенов оказался на Крымском мосту, при всем желании объяснить он не мог.

Факт остается фактом.

Главное, клялся и божился:

— Мост соединял не два берега реки, а разъединял Свет и Тьму.

Потом Моня сам разъединился на две половины: черную и белую.

Таким черно-белым обнаружен среди ночи проезжающим мимо милицейским патрулем.

Ученые, изучив досконально предмет, заключили, что этот не совсем обычный случай выходит за рамки земного существования.

ВЕЩИЙ СОН

Александр Прудников стоял под моросящим дождичком на автобусной остановке и ругался:

— Эти автобусы всю жизнь опаздывают!

— Не автобусы опаздывают, а сам хорош хрен! — раздался голос за спиной.

И непонятная сила, подхватив Александра, понесла вперед.

Момент.

Опля!

Оказался в автобусе на любимом месте, на заднем сиденье возле двери.

Впереди торчали головы лысиков. Вначале не рассмотрел, кто такие, а потом увидел — свиные рыла.

Раз, два, три... двенадцать штук.

«Присяжные заседатели», — мелькнуло в приторможенном мозгу.

В подтверждение раздался мертвый голос:

— Встать, суд идет!

«За что, за что, за что собираются судить? Я ж не виноват!»

Только тут Прудников догадался — сон.

Легче не стало.

Мысль продолжала работать.

— Сейчас засудят!

В подтверждение объявили приговор:

Именем Кубинобалтийскойкитаепольскойрумыноанглийской Советской республики...

Сознание искало выход.

Понимал, нужно окончательно проснуться.

Но сон оказался крепкий. Жена утром еле разбудила мужика, пихая в бока и в спину.

Опоздал на работу.

Получил выговор от начальства.

Вещий сон.

КОРОЛЕВСТВО ДАТСКОЕ

Засыпая с вечера, Валериан Чекин оказывался в королевстве Датском.

Более других импонировала ему роль принца Гамлета. Но она как раз его и погубила.

Оказался сраженным шпагой друга. Найден на другой день в собственной постели мертвым.

Врач подивился своеобразию бескровной раны от какого-то ржавого предмета.

Следователь, подполковник Рыжков, предположил: злоумышленник, так записано в протоколе, проник в квартиру с неопределенной целью.

Следы яда следствию установить не удалось.

ПРОРОК В ОТЕЧЕСТВЕ

Бенедикт Чупринин, обыкновенный советский инженер,

работал в конструкторском бюро авиационной промышленности. Что-то конструировал, изобретал.

С недавних пор стали сниться мужику сны, в которых проявлял себя с самых наилучших сторон.

Что это за сны, сказать не мог, проснувшись утром, напрочь забывал, что снилось.

Однако след снов проявился самым неожиданным образом

Однажды

Коллега чертил сложное по конструкции крыло для нового самолета.

Крыло не выходило.

Когда Чупринину окончательно надоело смотреть на творческие потуги товарища, взял карандаш, провел две решительные линии...

Все!

Все стало на свое место.

Коллега не то что был изумлен, а сражен наповал. Никто в КБ не считал пустоватого Чупринина способным на самостоятельную работу.

Тут нате!

В другой раз за минуту времени рассчитал конструкцию шасси, на расчет которой обычно тратилось несколько месяцев.

Так что Чупринин вскоре прослыл гением среди сослуживцев.

Один доморощенный скульптор слепил бюст выдающегося ученого и поставил на видном месте.

Через полтора года, попав под автомобиль, изобретатель скончался.

Бюст с изображением стоит в конструкторском бюро до сих пор.

БОТИНКИ ЖМУТ

Снилось Суркову: лежит он в красивом гробу, который переливался на солнце глазурями и парчой, но был тесноват.

А тут по пути влез какой-то толстяк величиной с корову, требует, чтобы потеснился.

На законный вопрос:

Почему?

— Да так, — отвечает толстяк, — понравился ты мне! Как кукарекается?

И толстяк что было силы притиснул Суркова к стенке.

— Ничего, — выдавил из себя едва не задохнувшийся Сурков, — ботинки жмут, для чего надели?

Когда траурная процессия проследовала по Садовому кольцу к Октябрьской площади и повернула в сторону Шаболовки, стало ясно, везут в крематорий жечь.

Варвары!

За что?

НИЗШИЙ РАЗРЯД

Больше всего Владислава Борисыча Октябрьского возмущало, что похоронили его на Химкинском кладбище по низшему разряду. А родственники, стоящие возле свежевырытой могилы, не думали думать о его заслугах перед семьей, перед трудовым коллективом, перед обществом, решали потихоньку свои трудноразрешимые дела.

После, как два дюжих молодца не очень осторожно опустили гроб в яму, один из присутствующих, кто именно, не разглядел, воткнул в образовавшийся холмик палку с прибитой к ней дощечкой, гласившей:

Октябрьский В. Б.

Как он старался, работая на маловыразительной должности заведующего склада готовой продукции! Кажется, что оттуда можно увести?

Уводил.

Для этой цели переменил скудную фамилию Вяльцев на революционную Октябрьский, вступил в КПСС. Прикрытие ничего, но не совсем. Любили они для острастки сдавать одного-двух работников злачных мест куда надо.

Паршивый народ.

Но Октябрьский, упреждая подобные закидоны со стороны начальства, выдал старшую дочь за инструктора райкома партии, который предупреждал в случае необходимости о грозящей опасности.

В результате продуктивной многолетней деятельности в Подмосковье возникла дачка. Не такая, как у директора, но крепко стоящая на своих десяти сотках, машина, хоть не «Волга», «Волга» ему без надобности, бензину пожирает тьму, да и бросается в глаза.

Золотишка приобрел по случаю кило два, бриллиантов в общей сумме каратов пятьдесят.

Валюту не держал. Казалась она предметом эфемерным, ненадежным.

Бумажки, и все дела.

Запрятал в подходящем месте. Никакие органы днем с огнем не сыщут.

Ах, черт!

Про золото жена не знает. Не найдет, дура, без меня!

Необычайное облегченье охватило бывшего Вяльцева, когда убедился, что это всего-навсего никчемушный сон.

Слава!

Кому — не договорил.

ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА

В районную поликлинику к врачу по нервным заболеваниям пришел водитель автобазы Вадим Шусть с жалобой на черта, который является каждую ночь.

— Какая от этого помеха, расписку, что ли, кровью написанную, требует?

— Бутылку водки приносит, распиваем вместе.

— И что?

— То, что за нетрезвый вид гаишник три раза отбирал водительские права!

ДОСТОЙНЫЙ ПАМЯТНИК

Дело происходило в достопамятные коммунистические времена.

Умер верный сын партии, крупный партийно-хозяйственный деятель.

Похороны пышные. Духовой оркестр играл похоронный марш Шопена. Проникающие в душу речи партийных ораторов наполняли сердца щемящей тоской и скорее походили на диспут о победе в недалеком будущем коммунизма в отдельно взятой стране, а потом во всем мире.

Могилу засыпали свежей землей, забросали живыми цветами.

Местная власть поклялась в скором времени установить на могиле достойный памятник сыну партии.

Но общая стройность события оказалась нарушенной самым неподходящим образом. Появилась неизвестная женщина, которая кричала:

— Люди, что вы делаете, вы похоронили живого человека. Петр Семеныч жив.

И будет жить вечно!

Некоторые из присутствующих узнали в женщине последнюю любовницу покойного, но не проявили себя в этом направлении, решив, раз процесс пошел, то о чем можно говорить!

Но милиция решила иначе:

— Вдруг баба права.

Разрыли яму.

Вскрыли гроб.

Покойника не оказалось. Вместо него красовалась куча конского навоза.

Оказалось, вышеупомянутое лицо служило в свое время директором конного завода.

Еще говорят, никаких похорон не было, а охватил обывателей города коллективный сон.

Как такое могло случиться?

А так!

КАПАЛО ЦАРАПАЛО

В первой половине сна
Капало
Капало
Во второй
Царапало
Что капало
Что царапало

НЕВОСТРЕБОВАННАЯ МОГИЛА

В контору кладбища провинциального города Ряжска позвонили из Москвы, из кремлевского ХОЗУ. Приказали приготовить могилу для знатного лица, добавив: по самому высшему разряду. Директор похоронных дел слегка удивился: почему тут?

Но промолчал.

Трое дюжих парней трудились целый день. Грунт оказался трудный, каменистый.

Наконец закончили.

Но покойник не появился. Возможно, передумали, замуровали в Кремлевскую стену.

Директор кладбища сел на пенек. Размышляет, на кого списывать произведенную работу? За один месяц три невостребованные могилы.

В такую кого угодно не засунешь даже во сне!

ОРЛИНЫЙ ПРОФИЛЬ

Очнулся Мих. Мих. Тетерятьников на операционном столе замороженный. Хирург, в серо-зеленого цвета халате, подошел, постучал скальпелем по голове.

Голова зазвенела.

— Готов? — спросил другой хирург.

— Готов.

Оба врача заняли позиции для работы.

— Какие там в запасе мозги? — спросил один у сестры.

— Поросячьи!

— Давай поросячьи, не все ли равно!

После окончания операции Мих. Мих. оттаял.

И, проснувшись, очутился у себя дома.

Но что-то произошло.

На работе сослуживцы заметили:

После каждой сказанной фразы Тетерятьников стал добавлять звук, напоминающий хрю-хрю.

Нос потолстел.

На конце образовался нарост, напоминающий пятачок.

Так жить нельзя!

Пострадавший отправился к знахарке, которая сказала:

— Горю помочь могу за одну тысячу в американской валюте.

Образ примешь орла.

Тетерятьников взмолился.

Знахарка проверещала, что у нее только один остался профиль, орлиный.

Что делать?

Согласился.

Живет припеваючи.

Женщины виснут на шее.

Один раз, набравшись смелости, попробовал летать.

Перелетел с крыши на крышу.

ПАЛЕЦ

Приснился
Рассказывал Беня Татаринцев:
Маленький
Маленький
На что похожий
Не разглядел
Подпрыгивал
Подпрыгивал
Пытался цапнуть за губу
Промахнулся
Укусил за палец
Откусил совсем
Кровь, как из брандспойта
Подлец
Хотел кричать
Ни звука
Пытался бежать

Ноги приросли к почве
Утром смотрит
Палец на месте
Царапина небольшая

ЗВЕРЮШКА

Увидел Трофим Передреев во сне чепуху. Крутится возле ног зверюшка: ласка или хорек.

— Закрой, — говорит, — глазки.

Закрыл.

Красавица голая выскочила.

— Догони!

Догони!

Догони!

Бросился.

Споткнулся о пенек.

Набил на лбу шишку величиной с еловую шишку.

Как на работу идти?

— Скажу, кастрюля на кухне с полки упала!

ТОВАРИЩИ

Говорят, сны быстро забываются. Директору завода «Слава КПСС» приснилось такое, что не забудется до конца жизни.

Именно.

Как только оказался за гранью бытия, то был сразу окружен отборной нечистью, потребовавшей, чтобы директор сжег партийный билет.

И он дал согласие.

— Шут с ним, быть бы живу.

— Пиши расписку, что сделал это добровольно! — приказал главный.

— Как напишу, чернил нет, бумаги нет!

— Кровью! — раздались голоса.

Один шустрый чертенок подскочил, чиркнул ножичком по запястью.

Директор проснулся.

На другой день решил сходить в партком покаяться товарищам.

Товарищи смеялись.

Но через некоторое время директора понизили в должности, перевели начальником цеха.

Это не все:

Сняли с начальников.

Поставили бригадиром.

Потом сказали:

— Подавай заявление об уходе по собственному желанию.

РАСТЯЖКА

У Артура Лыкова, чуваша по национальности, имелась заветная, неистребимая, всепоглощающая мечта: подрасти хоть самую малость. Был он ростом до неприличия мал, сто пятьдесят с небольшим сантиметров.

Однажды в парке «Измайлово» подошли четверо в масках. Взяли за руки, за ноги. Затащили туда, где березки погуще. Наклонили пять молодых березок. К одной привязали голову, к другим ноги, и потом отпустили, сказав:

— Растягивайся, дружок!

Сколько времени Лыков висел в муках, сказать не мог.

Но когда проснулся, растянулся.

Теперь, к вящему удовольствию, имеет вместе с каблуками сто шестьдесят девять сантиметров.

Каждому бы такой сон.

ЧУЖАЯ ГОЛОВА

Путешествуя по лабиринтам сна, Тимур Панкратов оказался в старинном доме.

Две двери.

На одной надпись: «постучать».

На другой: «покричать».

Думал-думал, решил покричать.

Дверь раскрылась.

Посреди комнаты стол

На нем меч и табличка: «Отруби себе голову».

И хотя голова у Тимура Панкратова была неважнецкая, дважды посещаемая инсультами, каждый день дававшая о себе знать головными болями, но это была его собственная голова.

Терять ее не хотелось.

Поэтому наш путешественник решил поскорее убраться.

Но дверь оказалась закрытой.

Вторая мысль:

— Как же я сам себе отрублю голову?

— Это мы устроим, — раздался глуховатый голос.

Дальнейшее произошло с молниеносной быстротой.

Меч сверкнул.

Голова, слетев с плеч, покатилась по полу.

На ее месте выросла другая, принадлежащая неизвестно кому.

Дела!

Дверь раскрылась.

Почувствовав, что кто-то дал пинка под зад, покатился, покатился и оказался дома.

Жена спрашивает:

— Что-то у тебя, Тимурчик, нос какой-то странный, вроде чужой, с горбинкой?

8—4491

— Да так, — отвечает муж, — стукнулся о телеграфный столб.

— Что-то у тебя глаза сделались карими?

— От телевизора. Надо поменьше смотреть.

Головные боли прекратились. На службе Тимур стал проявлять чудеса сообразительности.

И вскоре был избран секретарем партийной организации главка.

Вторая дверь, что там?

Об этом мы никогда не узнаем.

БРУДЕРШАФТ

Начальник Семена Семеныча Коваля — гроза для подчиненных.

Девиз имел.

«Чем больше распекаешь чиновника, тем усердней служит».

По этой причине никому не давал поблажки.

Семену Семенычу — человеку, обезоруженному перед житейскими невзгодами, — доставалось больше всех.

Иногда приходилось по целому часу выстаивать перед распоясавшимся самодуром, выслушивая несусветную галиматью.

Однажды директор приснился С.С.К. во сне, где они не только сблизились, но стали закадычными приятелями.

Выпили на брудершафт.

— Ты — Семен, — говорил начальник, — я — Коля. Давай без субординаций.

После таких и подобных слов следовали объятия и поцелуи.

При очередном административном обходе начальника, не во сне, в действительности, Семен Семе-

ныч не нашел ничего лучшего, как задрать на американский манер ноги на стол.

Сказать, что начальник побагровел, — значит ничего не сказать. Любитель распекать подчиненных раскалился до того, что на его лысине можно было при желании зажарить яичницу с колбасой.

— Как ты смеешь, подлец, задирать ноги перед шефом?

— А так, как видишь, Коля.

И вот на глазах оторопевших сотрудников, впервые за свою карьеру, самодур струхнул.

Повернулся.

И вышел вон.

ИДЕЯ

Иван Петрович Вшивцев, как полагается доброму семьянину, любящему мужу, заснул с вечера в собственной постели.

Супруга посапывала рядом.

Утром проходящие мимо школьники обнаружили его привязанным к дереву в Кузьминском лесопарке.

Следователь, занимавшийся этим делом, никаких следов насилия на теле пострадавшего не обнаружил.

На вопрос:

Как Вшивцев, проживающий у Сретенских ворот, попал в Кузьминки?

Твердил одно:

— Позвала Идея.

— Кто к дереву привязал?

На второй вопрос Иван Петрович ничего вразумительного ответить не мог.

СОВЕТНИК

Во сне Георгий Мухаметдинов свободно изъяснялся на нескольких иностранных языках: итальянском, испанском, инглиш и на французском. Кроме того, знал досконально диалект одного африканского племени.

В повседневной жизни, однако, даже на родном русском говорил с большим трудом, поскольку от природы косноязычен.

Во сне карьера складывалась благополучно, уже ожидалось в скором времени назначение на должность советника одной латиноамериканской республики. Подписан уже, как узнал у сведущих чиновников, указ.

Это там.

А тут?

Начальство перевело из старших в рядовые бухгалтеры, мотивируя решение тем, что Мухаметдинов за последнее время сделался нагл и заносчив.

А затем уволило под предлогом профессиональной непригодности.

НЕВИНОВЕН

Зиновию Головастикову, главбуху райкома партии, три ночи подряд снился антисоветский сон с уклоном в сторону ревизионизма учений Маркса и Ленина.

Поразмыслив, Головастиков пришел к определенному мнению:

Роют.

Кто?

Первый секретарь райкома Судариков? Для чего это ему нужно?

Зав. отдела пропаганды Шишкин?
За него Головастиков ручался, потому что
Друг!
Хоть кто его знает!
Особист?
Не может быть. Вместе воевали под Москвой в 1941 году.
Не придя к определенному мнению, решил Зяма податься в бега.
На столе в служебном кабинете оставил записку:
Невиновен!

АМУНИЦИЯ

В первую очеред Зарип Натаныч Квасов, погрузившись в беспробудный сон, увидел черта в хозяйственной лавке, который перекладывал амуницию с одной полки на другую.

— Эй, мужик! — крикнул черт.

— Я не мужик, — обиделся Зарип, — я инженер-электрик.

— Все равно. Купил, понимаешь, лавку вместе с барахлом, как что называется, не знаю. Помоги?

Зарип, городской теперь житель, происходил из крестьян Рязанской губернии из города Ряжска. В молодые годы работал на колхозной земле.

Поэтому сказал:

— Все вещи служат, чтобы запрячь лошадь в телегу.

— Телега есть?

— Есть!

— Полезай в оглобли.

Хомут одевается на шею.

Черт. Жмет.

Зарип. Привыкнешь. Супонь, чтобы посильнее затянуть хомут.

Черт. Дышать нечем.

Зарип. Не балуй

Дальше мелочи: чресседельник, шлея, кнут.

Когда черт оказался надежно запряженным, Зарип, щелкнув кнутом,

Крикнул:

— Пошел!

Так и въехал он в родной город в телеге, запряженной чертом!

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

■ ■ ■

УЧЕНЫЙ МУЖ

Попал черт каким-то путем в гости к преподавателю физики Коломийцеву, ученому мужу, известному всему городу Ряжску.

Коломийцев, узнав, что перед ним представитель темных сил, взволновался и забормотал:

— Прочь, нечистая сила!

— По-твоему, есть чистая? — поинтересовался черт.

— Есть!

— А по-моему, — продолжал черт, — у кого деньги, у того и сила.

Что можешь возразить?

Ученый муж возразить не мог.

Черт, вежливо раскланявшись,

Исчез через печной дымоход.

Как в старые добрые времена.

ПОГАНЕЦ

Повадился в избу к Ибрагиму Похлебкину черт.

Придет Ибрагим с работы — вот он, выскочит из-под печки. Сядет за стол, канючит:

— Сыграем, Ибрагим, в картишки?

Надоело Ибрагиму:

— Сыграем, только, чур, не мухлевать! Видишь крюк на потолке?

— Вижу.

— Подвешу за хвост. Будешь болтаться, как музейный экспонат!

Черт сказал, что играть будет честно.

Раз раскинули карты, другой. Смотрит Ибрагим, только что была на руках девятка червей и туз козырный, а теперь обернулись: туз — шестеркой, девятка — тоже шестеркой.

— Ах ты, поганец! Договаривались без шахер-махера! Отвечай, у кого надувать честных тружеников научился?

— Не знаешь, у кого? У твоих начальников! Откуда у бывшего зампреда исполкома магазин взялся, а у секретаря райкома бывшей КПСС — ресторан на центральной улице?

Ибрагим подумал-подумал, посмотрел на черта, на крюк и сменил гнев на милость.

— Правда твоя.

НОМЕНКЛАТУРА

Перед самыми выборами мэра города Ряжска обывателей взбудоражило и обрадовало одно обстоятельство

Именно:

На центральной площади, рядом с памятником вождю мирового пролетариата В.И. Ульянову-Ленину, появилась бочка. Из тех бочек, в которых в конторе «Заготовощ» квасят на зиму капусту. Никто бы не обратил внимания, если бы не известная всему городу выпивоха Юлька Хетамада.

Она, проходя мимо и поводя носом в сторону стоящей тары, сразу учуяла спиртное...

Чиновники мэрии лично и через средства массовой информации разъясняли, что водка отравлена, что пить ее нельзя, что достаточно в городе смертных случаев, что горбольница переполнена опившимися гражданами.

Такого рода агитация не помогла, скорее сыграла отрицательную роль.

Кто слыхом не слыхивал о случившемся, теперь, ухватив банки, ведра, канистры, мчались, чтобы успеть что-то цапнуть.

Жители города, пропьянствовав всю избирательную кампанию, так перепились, что в день выборов на избирательный участок добирались на четвереньках.

Следствие:

В мэры выбрали не бывшего первого секретаря райкома КПСС тов. Хвостатого, как предполагали финансовые круги, а известного в городе бомжа Петьку Хвостова.

Возможно, из-за созвучия фамилий, может, так.

На другой день к бомжу явилось начальство и потребовало, чтобы Хвостов от власти отрекся.

Хвостов заявил:

— Нашли дурака. Сам буду управлять.

Как управлять, не добавил.

Но это значения в нашей повести не имеет.

Основные события происходили не тут, а на том свете, в апартаментах шефа Аида, который пришел в неописуемую ярость, поскольку кандидат в мэры — его протеже.

Три ближайших консультанта полетели вверх тормашками и оказались прямехонько в котле с кипящей смолой.

В Аду произведена генеральная чистка.

Для замещения вакантных должностей потребовались свежие покойники.

Среди них оказался неудавшийся кандидат в мэры, который был обласкан Сатаной.

— Не дрейфь, не вышло там, подберем подходящую должность тут.

Что ж, номенклатура — она везде номенклатура,
Что ни говори!

ПОЖАР

В городе Ряжске в полночь вместо крика петухов раздался вопль:

— Пожар!

— Пожар!

Жители повыскакивали на улицу в чем мать родила.

Тревога оказалось напрасной.

Успокоились.

Улеглись с подружками, пышками и плюшками.

Уснуть не дали.

Через время опять:

— Пожар!

— Пожар!

Снова неуместная тревога.

При третьем заходе обыватели увидели себя сидящими на пепелище сиротливого жилья с узлами, котомками, прочим домашним скарбом.

Дети орали.

Женщины рыдали.

Мужики тех и других поливали матом, рыская
по универсамам,
барам,
ресторанам,
в надежде разыскать выпивон.

Увы!

Попытки оказались тщетными.

Спиртное выметено как метлой.

Ближе к рассвету промчался всадник на японского производства белом мотоцикле, оповестил:

— Сидите тихо.

Следом понаехало техники видимо-невидимо: тягачи, подъемные краны, бульдозеры, бетономешалки.

Местами высовывались танки и бэтээры. Даже межконтинентальные ракеты с атомными боеголовками.

К обеду на месте старых покосившихся лачуг вырос новый город с высотными домами и небоскребами.

На центральной площади красовался транспарант:

ГОРОД НОВОРЯЖСК

По поводу происшедших событий существовало несколько версий:

— Потрудился Сатана с присными, — мнение старух и остального сброда.

Интеллигенция обвиняла бывших коммунистов.

Бомжи и иной бездомный люд заявили:

— Пиздец всему!

Мнение знахаря, признанного народного философа, Евтуха Салазкина:

— Надо копать яму глубиной до центра Земли!

Для чего — не пояснил.

Кто прав?

ЗАБАВНЫЙ СЛУЧАЙ

Забавный случай произошел незадолго перед разделом СССР.

Придя на работу, первый секретарь Ряжского райкома КПСС тов. Темкин обнаружил в кабинете дохлую лошадь.

Вызвав начальника охраны, приказал дохлятину убрать.

Что немедленно исполнили.

Лошадь убрали. Пятно на ковре осталось.

Убрали ковер.

Пятно перекочевало на паркет.

Не помог переезд в другой кабинет, в другое здание.

Пятно, как рок, преследовало секретаря по пятам.

Главное, издавало скверный запах.

— Ладно, — думал Темкин, — свои ничего, привыкнут. Если нагрянет начальство из области, тогда что?

После долгих размышлений решился на крайнюю меру.

Позвал в райком бывшего священника храма Иоанна Крестителя, в котором теперь размещались трактора и сеялки.

Попросил кабинет освятить.

Отец Михаил в просьбе секретарю не отказал.

Пришел.

Покропил в углы святой водой. Пятно исчезло. На радостях первый секретарь приказал инвентарь из храма убрать. Сам храм вернуть верующим.

За непозволительное вольнодумство Темкина обвинили в идеологической диверсии.

С работы сняли.

Погоревал незадачливый секретарь, успокоился.

С приходом новых порядков открыл на площади возле рынка коммерческий ларек.

Торгует водкой и сигаретами «Мальборо».

Ничего, доволен вполне.

АЗОХЭНВЭЙ

Начальник пожарной команды города Ряжска бравый майор Копылов был большой любитель выразиться покрасивее.

Услыхав на рынке восклицание «Азохэнвэй», быстренько приспособил к делу.

Звучало это так:

«Азохэнвэй твою мать!»

Даже после того, как ему разъяснили истинное значение слов, понятия не изменил.

Огнеупорный был человек!

ЕДИНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

В помещении бывшего Дворца пионеров, ныне коммерческого, краеведческого музея, состоялась выставка известного в этих местах художника Чертострокова.

Посетителей немало удивило, что персонажи картин слегка смахивали на чертей.

Большое полотно изображало совещание или съезд трудящихся, на котором хор армейских плясок исполнял гимн города.

На полотне большего размера

Встреча.

Два государственных мужа:

Хрундочертов

и Чертобреждев

Слились в едином поцелуе.

Наконец, на огромном холсте: демонстрация обывателей с флагами, транспарантами, портретами вождей, торжественно проходящая мимо трибуны, напоминающей Мавзолей Ульянова-Ленина.

Парад принимает хорошо известная личность в лице мэра тов. Чертобрыкина, окруженного по-собачьи преданными соратниками тех и этих времен.

Радость беспредельна!

Восторг бесконечен!

Ликование ни с чем не сравнимо!

Только ночной сторож Никифор говорит, художник — черт или чертов свояк!

ПОВИТУХА

Жила в городе Ряжске бабка Матрена Горячева. Работала в родильном доме фельдшерицей. Но не брезговала за особую мзду принимать роды у себя в избе.

Милиция знала о левых заработках Матрены, но мер не принимала по простой причине: жены не только рядовых милиционеров, но и офицерского состава шли рожать не в больницу, а на дом к Матрене.

Знали истину.

Младенцы, которых Матрена принимала в больнице: хилы, рахитичны, золотушны.

Дети, принятые дома, отличались отменным здоровьем.

Мужики, как на подбор, российские богатыри. С афганской войны, таковых половина города, вернулись живыми, здоровыми.

Все про мужиков.

Бабы отличались плодовитостью не хуже свиноматок.

В свое время Матрена скончалась.

Нашлись родственники, заказали гроб, обитый красной материей (в молодости Матрена состояла в молодежной организации ВЛКСМ).

Вот.

На похороны сошлась огромная толпа.

Впереди траурной процессии шествовал духовой оркестр городского дома инвалидов.

Разносились звуки похоронного марша Шопена.

Широченная пасть вечности в виде кладбищенских ворот поглотила толпу скорбящих.

Люди шли.

Никто из них не вернулся назад

Сгинули жители

Сгинул гроб с Матреной

Сгинули музыканты вместе с медными трубами

Куда?

Одни уверяли, людей в связи с нехваткой рабсилы угнали копать картошку в другую губернию.

Другие настаивали, дело не обошлось без вмешательства потусторонних сил в лице самого шефа подземелья, которому Матрена приходилась, хоть и дальней, родственницей.

А при чем тут жители города?

Так, для общего фона.

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ

Ряжск.

В разгар дня независимости России, в чистом, голубого цвета, небе раздались звуки гимна Советского Союза.

В одночасье город преобразился.

Как сморчки из-под земли, повылезли партийные граждане и сочувствующие ветераны войны, пенсионеры, угрожающе размахивая партбилетами и красными флагами.

Многие повыставляли в окнах портреты бывших вождей.

Нашлись предводители.

Но взгляды руководящего состава на существо вопроса разошлись.

Одни предлагали идти к мэрии, громить незаконные оккупационные власти.

Другие, более энергичные, требовали немедленно отправляться в поход к холодным и теплым морям.

Возобладало первое, более умеренное мнение. С морями решили подождать, заняться делом.

В окна мэрии полетели первые из арсенала мирового пролетариата орудия в виде булыжников, которых в городе хоть отбавляй.

Со стоном разлетались стекла бывших особняков.

Неизвестно, чем бы закончилось это светопреставление, но один из новой администрации проявил похвальную сообразительность, позвонил в танковую воинскую часть.

Так при помощи броневого батальона, нескольких холостых залпов подавили ростки новой, теперь уже Июньской, революции.

Народ, несмотря на отчаянные призывы лидеров, разбежался по домам.

На другой день на завалинке избы бывшего кладовщика треста столовых Петра Зуева сидели двое: сам хозяин и какой-то пришлый тип, одетый в вывернутый полушубок и лакированные, порядком уже стоптанные туфли.

Говорил пришлый.

— Что затеял, Петр? Взбудоражил весь город! Хорошо, обошлось без человеческих жертв. Хозяин подземелья выразил неудовольствие. Послал узнать, в чем дело?

На что Петр ответил:

— Надоели, понимаешь, постные рожи. Затосковал я. Когда тоска, сам знаешь, хоть в петлю.

Вот решил повеселиться. Да, видно, не ту мелодию взял. В следующий раз придется сыграть «Боже, царя храни».

Или свадебный марш Мендельсона.

ОКАМЕНЕВШЕЕ ИСКОПАЕМОЕ

Страстное желание, о котором мечтал Филипп Макарыч Тараканов, заключалось в том, чтобы при жизни поставили ему персональный памятник. Не бронзовый, как Ильичу Ленину, не мраморный, как отцу всех народов, хотя бы гипсовый, выкрашенный бронзянкой.

Поскольку должность у Филиппа Макарыча мизерная (работал начальником Ряжского леспромхоза), то шансы на памятник оказывались, как и должность, мизерными.

Желание было.

Сильное желание.

То ли силы небесные, то ли подземные пошли страдальцу навстречу.

Но в системе произошел сбой, каменеть стал сам Тараканов.

Вначале окаменела голова, потом кисти рук, ступни ног.

Поступь сделалась тяжелой. Следы оставлял глубокие.

Однажды ненароком зацепил угол кирпичного дома. Угол рухнул.

Телеграфный столб, по которому стукнул кулаком, переломился пополам.

Городское начальство обеспокоилось.

— Что делать?

Нашлись шустряки, которые предложили:

— Пусть убирается из города!

Начальство подобному шагу воспрепятствовало. Другие времена. Что там скажут?

Наконец решили поговорить с самим виновником.

Как?

Вызвать в мэрию?

Нет!

Лестницы переломает.

Провели совещание в огороде у самого Тараканова.

— Что тебе надо, скажи? — обратился мэр тов. Соткин к Филиппу Макарычу.

— Памятник хочу!

— Где поставим, если все места заняты? На улице Калинина стоит памятник Калинину, на улице Свердлова — Свердлову. Для 26-ти бакинских комиссаров места не нашлось!

— Поставьте на рынке. Там места много.

На этом порешили.

Отвели два квадратных метра земли. Установили окаменевшего Тараканова, где он обретается до сих пор.

Табличка гласит:

СЕЙ ПАМЯТНИК СООРУЖЕН
В ЧЕСТЬ ОХРАНИТЕЛЯ ЛЕСОВ
Ф. М. ТАРАКАНОВА

ПОСЛЕДНИЙ СЕКРЕТАРЬ

Сорок один год Тимофей Спиридоныч Кобылянский состоял

в рядах Коммунистической партии СССР. Тридцать из них секретарствовал в разных райкомах КПСС.

Когда в августе 1991 года, после достопамятных событий, пришли в уютный райкомовский кабинет новые люди, сказав, что в городе к власти пришла новая демократическая власть, покорился безропотно.

Снял со стены написанный заезжим московским художником портрет Ильича. Завернул в газетку.

И ушел.

Только дома осознал ужас происшедшего.

Как же он теперь без райкома? Кто будет управлять городом, коммунистами вверенной ему организации?

Кто?

Эти крикуны и голодранцы?

Разве смогут?

Никогда!

Так в последнее время народ распустился. Работают спустя рукава. Дом культуры в деревне Корзухино не достроен, похоже, не достроят. Зашел намедни в красный уголок хлебопекарни — вместо партийной точки частная торговая точка по продаже спиртного располагается.

Упал бывший секретарь на диван, затосковал.

Жена взволновалась.

— Встань, Тимошенька, голубчик, скушай кусочек сальца, хоть одну пельмешку, посмотри, какие славные приготовила, хочешь со сметаной, хочешь с маслицем?

Не получив ответа, Марья Игнатьевна бросилась к соседям. Только от них узнала, Тимофея сняли.

— Что за беда? Не такое за советскую власть видывали. Помнишь, как в шестидесятом, при Никите, под суд отдавали?

Обошлось.

И теперь обойдется. Лишили власти? Пустое. Дома своя партийная организация. Целых девять человек. Детишек трое. Младшему шестнадцать.

Назначим секретарем комсомольской организации. Тетка Аграфена подойдет на должность заведующей женотделом.

Сестра Нюра и брат Константин будут членами райкома. Свояка — в секретари парторганизации.

— Бабку Феклу куда денем? — подал голос с дивана Тимофей.

— Куда, куда! Пусть возглавляет Комитет защиты мира!

ГОРЬКАЯ ЖИЗНЬ

Василий Шубин, парикмахер горкомхоза, пил горькую. Ничто не могло остановить мужика в незавидном стремлении.

Раз пять отправляли на принудительное лечение, раза три пытался бросить пить сам.

Тщетно.

Вот что с ним произошло.

Возвращаясь в полночь с очередной попойки с дружками, такими же алкашами, приметил возле избы живое существо, которое хрипело, кашляло по случаю моросящего дождика.

Василий поднял страдальца с мокрой земли. Затащил в избу, увидев, что субъект смертельно простужен, достал из заначки бутылку самогона, вылил почти всю в глотку незваному гостю.

Потом уложил на печь. Сам лег на лавку и захрапел на всю Вселенную.

Утром мужика нет...

Ушел.

Шут с ним.

История, однако, не закончилась.

Через пару дней субъект явился сам с двумя литровыми бутылками водки «Распутин».

Когда дело дошло до определенного градуса, Василий поинтересовался:

— Из каких мест будешь, приятель?

— Из тех самых.

— Из каких тех самых?

— С того света. Спасибо, что не оставил в беде. Огрел кто-то из хулиганов дрыном по башке. Полз, полз, еле до твоей халупы дополз.

— Хочешь сказать, что черт?

— Вот именно.

Василий отозвался, что ужасно не любит, когда вешают на уши лапшу.

— Не веришь?

— Не верю.

— Хочешь побывать в подземном царстве?

— Почему нет?

В одно мгновение оказались в Аиде.

Сидит Василий в подземной канцелярии, напротив черт.

— Хорошо перенес перегрузку?

— Ничего, голова раскалывается.

— Поможем.

Достал черт бутыль.

И они продолжили начатое на земле дело.

Затем черт отвел Василия в комнату, напоминающую гостиничный номер люкс.

— Вот твоя обитель. Живи сколько влезет. Особое внимание обрати на пульт с рычагами. Теперь в аду полная механизация и компьютеризация. Нажмешь на рычаг номер один — выпивон и закусон обеспечен, нажмешь на второй — выскочит Марфутка — синеглазка, толстозадка, кувыркайся ночь напролет. Дверь направо — в баню, налево — в сад. Учти, сад у нас почти как райский.

Пожил Василий дня три, затосковал по земным безобразиям. Печку вспомнил, дружков вспомнил.

Такая скука напала, хоть в петлю лезь.

Как?

Деревьев в саду много, веревок нет.

Пошел к черту. Просит, чтобы отправил обратно:

— Душа, понимаешь, скорбит по родным пенатам.

— Ладно. Будет сде...

Выпили посошок на дорожку.

— До скорой встречи, — сказал загадочно черт.

Не успел Василий глазом моргнуть, как оказался в родном краю.

Ходит по городу. Улицы те, дома те, вот пожарная каланча, вот дореволюционные торговые ряды, а люди другие.

Только когда наткнулся на объявление такого содержания: «19 августа две тысячи тридцать седьмого года состоится общегородской субботник».

Ба!

Только тут наш путешественник догадался, в чем дело. Не три дня, а три с лишком десятков лет прогостил Василий.

После, как дошло, в чем дело, пошел мужик в городской парк культуры и повесился на первой попавшейся осине, веревок оказалось в государстве сколько угодно.

Не на это ли намекал служитель тьмы, говоря о скорой встрече?

Хитрец!

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

У закройщика ателье по пошиву верхнего женского платья Вилли Рубцова с недавних пор стали случаться в избе кое-какие мелкие пропажи.

То исчезло новое эмалированное ведро, в котором жена засаливала огурцы, то галоши, предназначенные для хождения по ночам в сортир, который размещался в огороде метрах в десяти от основной постройки.

Ладно.

Когда сперли кровно заработанные денежки, двадцать пять тысяч рублей, а двери и окна были надежно заперты, Рубцов сообразил, чьих рук дело.

Вышел во двор.

Повернулся на все четыре стороны.

И принялся поносить непрошеных гостей при помощи российского национального достояния.

Вернее, мата.

— Хуи-муи вашу мать!

Лаялся минут двадцать пять.

Перебрав весь набор нужных словечек деревенского джентльмена, вернулся в дом.

Глядь!

На столе денежки лежат.

Пересчитал.

Вместо украденных двадцати пяти сорок тысяч оказалось.

То-то!

Подействовало!

ДВЕ ВЕРСИИ

Алексей Петрович Пряжников числился человеком маленьким, должность имел маленькую. Работал преподавателем в ремесленном училище города Ряжска.

Но народ в посткоммунистическое время не только выдвинул Алексея Петровича в кандидаты городской думы, но избрал мэром города.

И не ошибся.

Предвыборные обещания новоявленный мэр выполнил.

Центральную улицу, на которой даже в засушливое лето грязь стояла по самые уши, приказал замостить.

Сверх обещанного выстроил баню с парным отделением.

Не всем новый хозяин города пришелся по нраву. Пошли доносы в область, в Москву самому президенту.

Писали, что на посту мэра оказался:

Самозванец

Хапуга

Прохвост.

И вот Пряжников Алексей Петрович исчез.

По городу ходили две версии.

Первая заключалась в том, что мэр умер в городской больнице от малоизученной болезни. Похоронен на городском кладбище.

Вторая. Укатил на юг с любовницей Катькой Толоконниковой, известной лярвой.

По поводу первой версии можно сказать одно, что никаких следов ни в ЗАГСе, в отделе регистрации смертей, ни на кладбище не обнаружено.

Насчет того, что Катька была любовницей, прокол.

Катька действительно из города исчезла. Но у нее обнаружили растрату.

Любовник Катькин не Пряжников, а бывший первый секретарь райкома КПСС.

Когда у Пряжниковой бабки спрашивали, куда подевался внук, отвечала одно:

— Утащили черти!

За что?

ТРУБА

На северной окраине Ряжска, в месте, где берет начало шоссейная дорога Ряжск — Рязань, возвышается кирпичная труба.

О происхождении, времени возведения люди не ведают. На вопрос обычно отвечают:

— Кто знает, торчит сто лет!

С годами среди обывателей распространился слушок, что через трубу пролегает дорога в Ад.

Отцы города постановили: трубу от греха подальше с лица земли убрать.

Не тут-то было. Не только труба, но и земля вокруг оказалась такой крепости, что ни бульдозеры, экскаваторы и другая не менее внушительная техника ничего не могли поделать.

Даже когда из России в Молдавию проходила 14-я армия командарма Лебедя. И власти попросили генерала посодействовать, взорвать ненужный предмет.

Путного ничего не получилось.

Военные саперы заложили такое количество взрывчатки, что злополучная труба должна была бы взлететь на воздух метров на сто.

Труба, выдержав мощь взрыва, лишь накренилась в сторону земли.

В тот же час из нее потекла то ли кровь, то ли непонятное вонючее дерьмо.

ТРИ ГОЛОВЫ

Хоронили видного сановника, первого секретаря Ряжского райкома КПСС.

Пока гроб с телом покойного выставлялся в просторном зале Дома культуры для прощания, пока траурная процессия двигалась по улицам города,

сопровождаемая друзьями, соратниками и простыми обывателями, все шло как надо.

Венки,

Траурные ленты,

Почетные грамоты,

несли студенты педучилища, в котором в свое время учился сам в бозе почивший секретарь.

Только у кладбищенских ворот произошла заминка.

Неожиданно из гроба высунулись три головы. И, перебивая друг друга, обратились к собравшимся с пламенными словами.

Одна голова лопотала что-то про экономную экономику.

Другая талдонила, что с поворотом азиатских рек нужно торопиться.

Третья вещала о процессе, который пошел...

Люди слушали. Чего-то ждали.

И дождались.

Гроб взорвался и взлетел на воздух со всеми потрохами.

Слава Создателю!

Из граждан никто не пострадал!

На месте взрыва возник памятник в честь покойника о трех головах

СОБАЧЬЕ ДЕРЬМО

Приехавшие в город Ряжск какие-то подозрительные спецы первым делом купили за хорошие деньги избу у мужика Арсена Дронова, переселив последнего в трехкомнатную квартиру девятиэтажного дома, в котором проживает городской истеблишмент.

О Дронове все.

Через месяц на месте дроновской халупы вырос двухэтажный особняк.

У входа объявление:

СКУПКА АКЦИЙ

Акций жители города не имели. В контору никто не шел.

Работа росла и ширилась.

Целую ночь окна мерцали синеватым светом. Изнутри доносились звуки гимна бывшего СССР на мотив «Жил-был у бабушки серенький козлик...».

К подъезду подкатывали «мерседесы», «вольвы», другие машины, исключительно иномарки.

Мэр с присными бегал трусцой

Туда-обратно

Обратно туда.

Затем деятельность прекратилась.

Обыватели вначале робко, затем смелей принялись заглядывать в окна.

Когда обнаружилось, что дом пуст, прикатила милиция во главе с майором Каблуковым.

В одной из комнат нашли брошенный сейф.

После, как местный умелец из мастерской «Металлорем» Гарольд Петлицын по приказу майора вскрыл усложненный фокусами замок, на полке обнаружили подробный план строительства в городе на территории «Заготскота» нового коровника и кучу собачьего дерьма.

ДЫБА

В семье Смеховых проживала бабка. Откуда взялась, кем доводилась — никто не помнил.

Была бабка непомерно зла.

Самим Смеховым, у которых она приживала, и соседям по коммуналке доставалось изрядно.

Только слышалось целыми днями:

Гав

Гав

Гав!

Догавкалась бабка до того, что вскоре превратилась в паршивую собачонку.

Сосед из угловой комнаты, бухгалтер Лебедев, первым вычислил нового жильца.

— Смотрите, поганцы Смеховы собаку завели! Не имеют права, не полагается. Пусть убирают тварь куда хотят!

Смеховы отнекивались как могли, говоря, что собачонка им не принадлежит, что у них малое дитя на руках, им не до собаки.

Если интересовались, куда подевалась бабка, отвечали, что понятия не имеют.

События развивались своим чередом.

Собачку из квартиры изгнали при содействии участкового милиционера.

Началась у бабки собачья жизнь.

Поначалу приютилась у сторожей на мукомольне, но вскоре турнули за то, что гавкала по любому случаю, не давая сторожам спать.

Некоторое время кружилась около общественной столовки. Но еле унесла ноги. Едва не разорвали другие псы.

До такой жизни дошла бабка, что живодеры, поймав, отпустили, посчитав облезлую шкуру непригодной для шапок.

После этого собачонка приутихла.

Как только это произошло, приняла прежний облик и явилась домой.

— Где тебя черти носят, — спросили Смеховы,— за ребенком некому приглядывать!

Прежде на подобные грубые слова нашлась бы бабка, что ответить. Теперь смолчала.

В дальнейшем если проявляла дурной нрав, не более одного раза в месяц.

Терпимо.

Когда у бабки спрашивали, где была?

Отвечала:

— Нигде не была!

Сама смутно вспоминала, вроде ее какое-то время сжимали под прессом, потом растягивали, как на дыбе.

ДЕД

Жил в деревне Нагорное, что в двенадцати км от города Ряжска, дед.

Черт, а не дед.

Дед
Горлопан,
Дед
Хапуга,
Дед
Прохиндей.
Дед
Который самому Сатане показал фигу в кармане.

ТЕРАКТ

На центральной площади Ряжска произошел колоссальной силы взрыв, способный уничтожить целый квартал.

Виновником оказался газовый баллон, зарытый злоумышленниками недалеко от памятника Владимиру Ильичу Ленину.

Жители остались целы.

Но кое-что произошло.

Директор универсама товарищ Сопрыкин вылетел из окна руководимой им торговой точки, сидя на мешке сахара, и оказался дома.

Третий секретарь райкома КПСС Мухин обнаружил себя лежащим в номере Дома колхозника вместе с женой инструктора того же райкома Солдаткина.

Владимир Ильич, нахлобучив на лысую голову бронзовую кепку, руки опустил по швам.

ТОРГОВЫЕ РЯДЫ

На совещании у шефа Аида молоденький черт докладывал:

— Был на днях в городе Ряжске. Обыватели отбились от рук.

В Бога не веруют

Сатану не признают

Частную собственность на землю вводить не собираются.

До сих пор верят в мифический коммунизм, при котором все равны, посему работать не надо.

Поклоняются какому-то Ильичу.

Сатана, подумав, приказал город взорвать.

— Экселенц, — возразил докладчик,— жаль город. Там такие уютные торговые ряды. Для проживания нашей братии весьма подходящие.

— Тогда вот что:

Заменить жителей!

НУ И ЧТО

Забегал иногда к Алику Засекину чертенок

Ничего

Не мешал

В картишки перекинутся

Разопьют бутылку водки, которую приносил чертенок

Однажды

Пришел Алик с работы, видит

сидит чертенок на полу, с него мазут стекает ручьями

— Что с тобой

— Ничего

В Ад по делам бегал

К приятелю заглянул

Покутили славно

На обратном пути заблудился

— И что?

— Пришлось продираться сквозь нефтяные пласты

КОЛДОВСКИЕ ШТУЧКИ

Студент Ряжского педучилища Гарик Растрепин снимал небольшую комнатушку у старухи Веселовой, торговки яблоками.

Плата — пятнадцать руб. за месяц.

Жил бедно.

Кроме мизерной стипендии в тридцать хрустов, других доходов не имеет.

Ходил в залатаных-перезаплатаных штанах, которые сам чинил.

По этой причине бóльшую часть свободного времени сидел дома, долбил как дятел педагогическую науку.

Старуха Веселова в меру сил, испытывая к молодому человеку некоторую симпатию, то вечерять позовет, то даст десяток яблок или еще что.

Так жил.

Однажды Гарик, придя после лекций домой, обнаружил под кроватью старый треух.

Взял, сунул в помойное ведро, вынес на огород и выкинул в яму вместе с другим мусором.

На другой день обнаружил треух на прежнем месте.

Рассердившись, швырнул через забор на улицу.

Не тут-то было.

Вернувшись, увидел: шапка лежит там, где лежала.

— Чертовщина. Фиг с ним.

Пульнул его под кровать.

Под Новый год, как всегда, сидел Растрепин дома, думал невеселую думу. Студенты-приятели решили в складчину устроить встречу Нового года. Гарику сказали, чтобы без бутылки водки не приходил.

— Где взять?

Вдруг услышал голос:

— Загадывай желание.

Обернулся вокруг. Никого нет. Догадался, что голос доносился из-под кровати.

Треух?

Загадал.

На столе ниоткуда оказалась бутылка «Столичной».

Гарик Растрепин был человеком рачительным, злоупотреблять сделанным открытием не стал. Спрятал треух, подарок судьбы, подальше в фанерный чемодан, купленный на местном рынке за трояк, и отправился в гости.

Лежал в заначке треух до тех пор, пока Растрепин не обзавелся шустрой бабенкой, которая быстренько раскусила, каким бесценным кладом обладает простоватый сожитель.

Началось.

То шубу купи

То платье подай новое

То сапоги типа ботфорты

Требования возрастали с каждым днем.

От старухи Веселовой приказала съехать.

Наконец, когда Гарик был дома один, треух заговорил.

— Послушай, я твой дед Кирюха. Ты меня не помнишь. Жил в селе Нагорное. Хорошо жил. Село богатое, большое, что твой город. Одних коней у мужиков штук четыреста. Рогатого скота не меньше.

В первую очередь, когда началась коллективизация, раскулачили Растрепиных.

Сослали на Колыму.

Там у местных шаманов научился всяким штучкам.

Так вот, Гарик, бабешка твоя скоро смотается. Не расстраивайся, появится другая, настоящая. Сделай вот что, сколько у стервы шуб?

— Три.

— Хорошо.

Когда завтра, вильнув хвостом, отправится к хахалю, фельдшеру местной больницы, растопи печь, брось в огонь одну шубу.

Не жалей.

Посмотришь, что произойдет.

Гарик послушал деда.

Когда бабешка, придя домой, полезла в шкаф и обнаружила пропажу шубы, то, сверкнув гневно глазами, спросила:

— Куда шубу дел, паразит?

— В печке сжег!

Началось.

Баба выла, как ведьма, скрежетала зубами.

На другой день Гарик вторую шубу отправил вслед за первой.

Нервы у бабы не выдержали. Схватила скалку. Хотела перепоясать Гарика по горбяшке. Заметив увесистые кулаки, ударить побоялась, подхватила вещички и смылась, крикнув на прощание:

Дурак

Кретин,

Жулик!

Хотя почему?

В заключение скажу: Маруся, так звали новую жену Гарика, родила ему сына и дочку.

КРАСАВИЦА

Толик Балабанов приехал в город Ряжск из провинции поступать в педучилище.

Поступил.

С общежитием произошла заминка. Временно поселился в Доме колхозника.

Погрустив некоторое время по дому, по маманьке, по пирогам с капустой и горохом, решил прошвырнуться по городу.

Сказано,

сделано.

На перекрестке двух улиц, Марксистская и Буденновский проспект, перед ним возникла девушка.

— Скучаешь, мальчик?

— Скучаю, — доверительно ответил Толик.

— Пойдем, у нас вечеринка, одного парня не хватает.

Толик по натуре человек рискованный, согласился, ответив:

— Почему бы нет.

— Пошли.

— Бутылку надо бы взять?

— Не надо. Там всего достаточно.

Шли недолго.

Городишко маленький.

Подошли к кирпичному забору с железными воротами, которые сами собой перед ними раскрылись.

Толик глазом не успел моргнуть, как оказались в подвале.

Веселье в полном разгаре.

— Смотрите, смотрите, — раздались со всех сторон голоса, — Алевтиночка кавалера привела. О, да он душка.

— Она сама у нас недурна.

Алевтина шепчет:

— Ничего не бойся. Ни на что не обращай внимания!

Танцевали, Толик заметил сразу, кто во что. Одни отплясывали мазурку, другие вальс-бостон, какой-то чубатый тип в широких шароварах отбояривал гопак.

Главное, пляска происходила под мелодию: «Я вас любил, любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем...»

Поначалу у Толика возникли смутные подозрения. После четвертой или пятой рюмки они развеялись сами собой.

Когда спросил у подружки, что за праздник, ответила:

— Отмечаем сороковины вон того седовласого господина.

— Сороковины по живому? В этом чувствуется что-то новенькое.

— Да ладно, какой любопытный. Пошли лучше танцевать!

— Сейчас я им сбацаю брейк!

— Дорогой, тут избранное общество, такую чушь, как твой брейк, не танцуют. Если хочешь, можем исполнить аргентинское танго.

Толик не слушал, схватил девушку в охапку, потащил в другую комнату.

Целует.

Обнимает.

Смеется.

Повалил на полусгнивший диван. Задрал юбку...

Тут, как бы с того света, раздался голос:

— Балабанов, умер? Иди к телефону. Звонят из дома.

Очухался.

Осоловело смотрит по сторонам.

Куда делась девушка?

На другой день решил проверить, где побывал.

На этом перекрестке стоял. Подошла девушка. Припомнил, по какой улице шли. Вот кирпичный забор, железные ворота.

А там?

Оказалось городское кладбище

Так вот в чем дело.

Тут вспомнился разговор про сороковины.

Выругался.

Сразу не сообразил, балда.

Не поленился. Сходил в кладбищенскую контору. Поинтересовался, кто умер сорок дней назад?

Не очень симпатичная, не очень любезная женщина буркнула: у местной мафии происходила разборка. Застрелили главаря группировки. Он-то и похоронен.

Значит, побывал на балу покойников?

Фиг с ним, девушка-то была красавица!

СОКРОВЕННАЯ ТАЙНА

Знахарь, инвалид войны, Тимоха Чуркин, как его называли в городе Ряжске, Колдун, более за то, что внешность имел мистическую, лечил приходящих без разбора чинов и званий.

Лечил, надо признаться, добросовестно и бесплатно.

Если какая жалостливая бабка принесет десяток яиц или шматок сала, подношение возьмет, но с безразличным видом, без благодарности.

Поговаривали, даже хозяин районного комитета КПСС товарищ Кокорин наведывался несколько раз, имея болезнь печени.

Неожиданно старик скончался.

Умер тихо, безболезненно.

После похорон, осмотрев домишко, околоточный капитан Пряхин ничего примечательного не обнаружил.

Возле стены стояли две деревянные лавки, стол из неструганых досок, железная кровать, покрытая старой армейской шинелью.

Внимание людей привлек подвал. В нем колодец такой глубины, что от одного посмотрения кружится голова.

В глубине что-то мерцает синеватым светом.

Приехавшее из области начальство, не найдя колодца, сделало скоропалительное заключение: колодец является досужим вымыслом обывателей с неустойчивой психикой.

Обыватели имели на сей счет другое, противоположное, мнение, считая не без основания, что не каждому открывается сокровенная тайна.

До тех пор люди ходили на поклон к избе старика Тимохи, пока местное начальство от греха подальше не прислало парочку резвых бульдозеров, которые стерли тимохинскую развалюху с лица земли.

ТЕМНЫЙ НАРОД

Зойка Лавкина по прозвищу Косая, хотя в жизни косой не была, работая в Ряжском райкоме КПСС уборщицей, водила домой различного возраста клиентов, в основном командировочных.

Все ничего. Но, неизвестно по какой причине, с недавних пор обыватели посчитали Зойку знахаркой, как теперь выражаются, экстрасенсом.

Приходит баба или мужик, слезно просит:

— Помоги, Косая, век не забуду, спина, понимаешь, не разгибается.

Другие говорят, что пальцы на ногах ломит.

Она ругается, гонит посетителей прочь.

Чем больше ругается, тем больше непрошеные гости радуются.

Считается, что брань больше всего помогает.

Что взять, темный народ.

Наконец, когда соседям сделалось невмоготу терпеть, как они выражаются, безобразия, отправились с жалобой к первому секретарю райкома партии Полищуку, чтобы принял меры в отношении самозванки.

Секретарь, выслушав внимательно жалобщиков, приказал Зойку из коммуналки отселить.

Дали небольшую однокомнатную избушку на окраине города на улице академика Лысенко.

Огородик небольшой при доме.

Хотела картошку посадить, мужики и бабы лезут.

— Бессовестные, — кричит Зойка, — креста на вас, иродах, нет, убирайтесь, подлецы засратые, огород не могу вскопать!

— Поругай нас, поругай. Огород сами вскопаем, картошку, морковку посадим. Палкой поколоти!

Зойка ругала.

Палкой колотила.

К батюшке в храм бегала.

Тот руками разводил, что поделаешь?

Терпи!

Зойка терпела.

Люд приходил, приходил.

По слухам, многие излечивались.

Что это такое, спрашивается?

Может, баба обладала малоизвестным даром, о котором не подозревала?

Чего не бывает на Руси!

ОТМЕТИНА

Я городской житель. В лес не ездил много лет. Тут вроде кто-то толкнул под локоть.

В июльский погожихй денек собрался — и айда. То ли за дарами природы, то ли просто так, прошвырнуться по лесным чащобам.

Купив билет на Рижском вокзале, сел в вагон, доехал до Снегирей.

Грибов оказалось невпроворот.

Набрал корзинку, показались не очень хорошими.

Выбросил.

Насобирал других.

Тут заметил, заблудился.

Стою.

Не знаю, в какую сторону податься.

Хорошо, что вскоре набрел на лесную глухоманную деревушку.

Думаю:

— Хоть дорогу разузнаю.

Не тут-то было. В домах ставни заколочены. Только в одном увидел мерцающий огонек.

Постучал.

Открыла баба лет пятидесяти. Одета опрятно.

— Заходи, братец.

Гляжу, в комнате прибрано. Стол холщовой скатертью накрыт. В углу горит лампадка.

Когда сел за стол, обратил внимание: лампадка не простая, выделана из черепушки, возможно, человеческой.

Подумалось:

— Попал к нечистой силе.

У бабы спрашиваю:

— Ведьма, что ли?

Отвечает.

— Ведьма. Да и ты нашенской породы.

— Как так?

— А так. Твой прадедушка женился на моей прабабушке, которая в те далекие годы занималась ведовством.

— Специально заманила?

— Специально, братец, решила на родственника взглянуть. Кроме нас, родни в роду не осталось.

— Не могла в город приехать?

— Не могла.

На столе появилась закуска, водка.

Налил стакан.

Выпив, подумал:

— Не намешала ли ведьма зелья?

Водка оказалась нормальной.

Когда от выпитого появилась некоторая игривость в голове, говорю:

— Чем занимаешься, сестрица, в этой глуши?

Отвечает:

— В основном знахарством. Лечу травами приходящих людей и скотину у окрестных крестьян.

Выпив еще стакан, захмелев изрядно, кричу:

— Врешь, сучка! Истинных христиан с истинного пути совращаешь!

— Что ты, братец, наш род не таков. Мы занимаемся только добрыми делами.

Я свое:

— Врешь!

Как трахну кулаком по столу! Посуда от удара жалобно затренькала.

Очнулся.

Лежу на кровати дома.

Выходит, привиделось во сне?

Глядь, на кухне корзинка, полная грибов, в углу комнаты лампадка точно такая, как у ведуньи.

Отметила.

Вот еще что: собаки от меня с тех пор в стороны шарахаются.

СТАЯ ЧЕРТЕЙ

Утром в городе Ряжске жители, идя на работу, обнаружили на плече у памятника вождю мирового пролетариата В.И. Ульянову-Ленину сидящего слесаря коммунхоза Сергея Жихаркина.

Когда подоспевшая милиция предложила Сергею спуститься вниз, он заявил категорично, что не слезет!

Пришлось вызывать пожарную команду, которая при помощи раздвижной лестницы и дюжих молодцев стащила Жихаркина с плеча Ильича.

Рассказывал сам Серега.

Дело было так:

Вышел он из городской столовки, которая по вечерам превращалась в кабак.

Но не в этом дело.

Шел и, будучи хорошо поддавши, пропустив по случаю получки достаточное количество горячительных напитков, распевал песню поэта Глеба Горбовского:

Когда качаются фонарики ночные,
И черный кот бежит по улице, как вор,
Я из пивной иду, я никого не жду...

Еще раз напомнил, что не в этом дело.

Подходя уже к дому, услыхал позади топот.

Обернувшись, увидел, что прямо на него несется стая чертей.

— Растерзают, — мелькнуло в воспаленном мозгу.

Рванул Серега в сторону и бросился бежать.

Как бежал. Как вскочил на памятник. Как оказался на плече великого человека?

Действительно, как?

Пьедестал — метра четыре. Хорошо отшлифован. Фигура вождя ничего себе, гладкая.

Вскочил.

Начальник милиции майор Шишмарев возмущался:

— Что ты брешешь, парень, откуда в городе черти, да еще целая стая? За время, пока у нас советская власть, о них ни в каких книгах не упоминается.

Жихаркин не менее резонно отвечал, что брехать не собирается, которые маловеры могут полюбоваться на искусанные и искарябанные пятки и икры.

Не сам же он искусал и искарябал, в самом деле?

Когда о ЧП доложили первому секретарю райкома КПСС товарищу Ложкину, спросив, как быть, если придется докладывать в высшие инстанции?

Секретарь, подумав (мудрый человек),

Изрек:

— Укажите, что данный субъект в нетрезвом состоянии, перелезая через колючий забор городского парка отдыха, изодрал себя в кровь.

Послушали!

ДРУГОЙ ЧЕРТ

В прошлые времена, рассказывал старожил города Ряжска Савелий Петрович Кадочников, чертовня знала время и место для безобразий. Теперь распустились.

Что недавно отчубучили!

У самого представителя президента среди белого дня сдернули с головы пыжиковую привезенную из Москвы шапку.

Тю-тю!

Поминай как звали!

Приказал представитель начальнику милиции произвести общегородской шмон.

Нашли дохлую крысу в универсаме в мешке с пшеном.

Пыжиковую шапку до сих пор носит какой-то другой черт!

СПРАВКА

Севастьян Гершуня, токарь ремонтной бригады Ряжской МТС, вышел из городской столовой, где принял достаточное количество алкоголя.

Хотя слово «вышел» тут неуместно, потому что два мужика вышвырнули молодца с помпой на улицу.

Отдохнув некоторое время на травке, поглазев вдоволь на звездное небо, вначале ползком, потом на плохо послушных ходилах почапал домой.

Но шел в противоположную сторону.

Когда Гершуня окончательно заплутался, то махнул безнадежно рукой, загорланив на всю округу:

«Куда ведешь ты нас, Сусанин?..», решив, не все ли равно куда топать, если земля круглая и вертится в одну сторону.

Оказавшись за городом, не заметил, что кругом снежная пустыня, продирает мороз, а он в майке и кедах.

В конце концов, выбившись из сил, бухнулся герой в сугроб и уснул мертвецки.

Так бы и замерз Севастьян в белоснежной степи вблизи родных пределов.

Сволокли бы его родные, близкие на кладбище под звуки похоронного марша Шопена.

На его счастье, мимо проходил мужик ихней МТС, который хорошо знал Гершуню. Не раз выпивали вместе в той же горстоловке.

Знакомый Гершуни более всего поразился тем, что человек почти замерз, когда на улице температура плюс восемнадцать градусов.

Оттер мужик Севастьяновы порядком закоченевшие конечности. Снял пиджачишко, накинул на плечи пострадавшему.

— Куда тебя носило, где был?

— Шут знает. Бесенок под ногами вертелся, рожи корчил, мне смешно.

Об этом происшествии выходила заметка в местной газете «Городская правда». За что главный редактор Стеклов получил нахлобучку от партийного начальства, которое выразилось так:

— Нечего в советской прессе разводить мистику.

Самое невероятное в этой истории то: хоть не очень сильно, но руки и ноги Севастьян Гершуня слегка подморозил.

О чем в районной поликлинике получил справку, которую показывал встречным и поперечным.

Пока не потерял.

ПОЖАРНАЯ КАЛАНЧА

Что произошло?

Теперь происшествие позабыто. Записи подобных случаев в анналах города не отмечались.

Проснувшись в воскресенье утром, жители города живо обнаружили: исчезла городская достопримечательность — пожарная каланча.

Не заметить пропажу нельзя, потому что находилась рядом с рыночной площадью, где по выходным дням происходила торговля всяческой снедью, куда люди валом валили, чтобы по сходной цене произвести закупки у местных крестьян.

Теперь вместо архитектурного памятника, построенного лет двести назад, перед изумленными взорами обывателей предстали посаженные елки и березки.

Милиция сбилась с ног.

Потуги найти исчезнувшую каланчу оказались тщетными.

Вызвали на ковер местного колдуна Ерохина.

— Куда подевал каланчу? — грозно вопросил милицейский майор.

— Да что вы, гражданин начальник, для чего она мне потребовалась. Клянусь, ничего не ведаю.

— Сидоров, прими меры.

Сидоров, приблизившись к колдуну на удобное расстояние, врезал чугунным кулаком так, что бедняга перегнулся, как брошенный на спинку стула махровый халат.

— Теперь скажешь? — ехидно поинтересовался милицейский начальник.

— Что я могу сказать, граждане-товарищи?

— Сказать нужно, куда, паразит, каланчу спрятал?

— Два месяца на улицу носа не кажу, — взмолился пострадавший. — Сижу, как кобель в конуре. Болею.

— Участковый инспектор Лоскутков подтвердил, что за гражданином Ерохиным темных дел не числится. Живет смирно.

— Ладно, Сидоров, вытряхни вонючку из помещения. Видно, самому придется перед райкомом партии отдуваться.

Все произошло не так, как предполагал бравый майор. Видимо, другие ветры подули из московских пределов в послесталинские времена. Первый секретарь воспринял новость довольно спокойно.

— Исчезла так исчезла, что тут поделаешь, селяви!

Человек он был образованный.

Референтше сказал, чтобы отчет в область не писала.

Редактору местной газеты приказал:

— Дай информацию, что никакой каланчи в городе не существовало отродясь.

Ничего не скажешь, похвальное решение!

ДАЛЬНЯЯ ПРАБАБУШКА

Василий Петрович Суконкин, критик, пушкинист, проживал в гостинице провинциального города Ряжска.

Номер набит всякого вида живностью: клопами, тараканами, разного рода мошками, полчищами мух, неограниченным количеством комаров по случаю теплой погоды на дворе.

Единственное, что утешало душу, — сверчок, который нет-нет да заведет немудреную песенку.

Это вступление.

Суть заключалась в другом.

Приехал Василий Петрович в город с единственной целью — порыться в архиве местного краеведческого музея.

Интересного ничего не находилось.

Суконкин скучал.

Однажды, вернувшись из музея, обнаружил на столе небольшой ларчик. Точно такой, сработанный местными мастерами, видел на городском рынке, даже купил на память, но потерял или забыл взять у продавца.

Теперь, осматривая вещицу, приоткрыл крышку. Тотчас выскочила маленькая девочка величиной не более двух вершков, топнула ножкой, обернулась замечательной красавицей.

Василий Петрович не удивился, принял явление спокойно, бросившись обнимать прекрасное создание.

Девушка воспрепятствовала, сказав:

— Всему свое время, дорогой, для любовных утех предназначена ночь, теперь в этой конюшне нужно навести какой-то порядок, приготовить ужин.

Пока она занималась, Василий Петрович сбегал в гостиничный буфет, купил бутылку шампанского, ибо этот превосходный напиток продается в провинции на каждом шагу.

Кто его там пьет?

Затем дело дошло до утех.

Лена, так звали девушку, рассказала после первой проведенной ночи о вещах удивительных.

Как явствовало из сказанного, она была дочерью бывшей здешней помещицы, имение которой отстояло от города верстах в двадцати.

Мужики спалили усадьбу в 1918 году.

Остатки фундамента видны до сих пор.

В дальнейшем Василию Петровичу удалось выяснить, что Ленина дальняя бабушка была хорошо знакома с Александром Сергеичем Пушкиным, которому при первой встрече в Санкт-Петербурге на балу у князя Вяземского закатила знатную поще-

чину, когда неосторожный молодой человек шепнул на ушко непристойную шутку.

Александр Сергеич кипятился, грозился вызвать девушку на дуэль.

Приятели втолковали рассерженному поэту, что от дамы не требуют сатисфакции.

После чего Александр Сергеич успокоился.

Благодаря эпизоду они стали большими друзьями.

Вот почему дальняя бабушка, переселившись в провинцию, вела с господином Пушкиным обширную переписку, некоторые из писем хранятся в краеведческом музее.

— Что ты говоришь, — воскликнул незадачливый пушкинист, — я там перевернул все вверх дном, но ничего путного не обнаружил!

Не обнаружил, потому что в те далекие времена письма в провинцию старались посылать не по почте, а с оказией, посему адресов на конвертах не указывали.

— Вот балда, видел письма, но не обратил внимания!

Еще вот что скажу: дальняя бабушка занималась модной в то время оккультной наукой, достигла неплохих результатов. Пристрастил прабабушку небезызвестный Данзас.

— Секундант Пушкина?

— Да!

— Благородный человек!

— Могу сказать, дорогой, что и Дантес не считался в то время злодеем в эполетах, каким его представляют ретивые советские литературоведы, а являл себя молодым человеком, статным красавцем с очаровательными голубыми глазами, свет которых окрашивал гибкую фигуру.

Ты догадываешься, на что я намекаю?

Женщины Дантеса не интересовали.

Натали Пушкина слыла преданнейшим, любящим поэта существом.

Все.

Через несколько дней Лена сказала:

— Милый, пришла пора расставаться. Такой короткий срок отпустили мне, чтобы свидеться с тобой. Дольше наше свидание длиться не может.

— Почему?

— Не судьба.

— Скажи, зачем приходила?

— Секрета нет. У Данзаса была подружка, милая дворовая девушка из прислуги. От Матрены, так ее звали, идет твой род.

Когда у Матрены родился сын, то ее выдали замуж, дав хорошее приданое, за камердинера Данзаса, фамилия которого Суконкин. Так что вот так. Хоть мы не родственники, но некоторая связь есть между нами.

Василий Петрович прижал девушку, она таяла, таяла в объятиях, пока не растаяла.

Остаток ночи несчастный Суконкин провел в большой тревоге. Утром, укладывая вещи, взяв в руки ларчик, почувствовал исходящее тепло.

Тот ли это тот самый ларчик, который Иван Петрович купил на рынке, то ли другой, сказать затруднительно.

СПРАВЕДЛИВЫЕ СЛОВА

Бабка Арина, когда стукнуло семьдесят лет, почувствовала силу, способную оказывать целебную помощь в излечивании закоренелых болезней.

Но бабка была верующая. Не хотела пользоваться исключительным даром, пока не явился к

ней во сне священник церкви Сорока Мучеников, умерший три года тому назад отец Петр.

И сказал:

— Используй способность, Арина. Лечи без разбора.

Первой к бабке приплелась баба лет сорока, проживающая на соседней улице, у которой обнаружилась язва желудка. Делали операцию. Теперь предполагают рак.

Бабка Арина положила бабу на кровать, поводила старческой ладошкой по больному месту, приговаривая:

— Ничего, ничего, не пугайся, лежи смирно.

И кухонным ножом, которым перед самым приходом бабы чистила рыбу, вырезала больное место.

Затем, пошамкав что-то беззубым ртом, вновь поводила ручкой над больным местом.

Рана затянулась.

— Следа не осталось, — удивлялась баба и показывала, задравши поневу, больное место.

Вторым явился мужик. Яйца, извиняюсь, распухли, как корневильские колокола.

Целительница проткнула мошонку вязальной спицей, вода ударила, как из фонтана.

Мужик помчался домой, приплясывая от радости.

Молодую женщину лечила скалкой, ударяя по спине.

— Завтра придешь. Позвонок съехал в сторону.

Народ повалил к Арине валом.

Затем произошло вот что.

Как водится, бабку притянули к суду за то, как было сказано в протоколе, что она устраивала у себя на дому издевательства над людьми в крайних антисанитарных условиях.

Молодой защитник доказывал, что ничего страшного не произошло, никто от действий знахарки не пострадал.

Но добрые слова молодого человека упали на каменистую почву.

Судья так и выразился, зачитывая приговор.

В тюрьме к бабке Арине явился священник отец Петр.

Ничего не говорил.

Только умиленно улыбался.

Через две недели бабка Арина скончалась тихо во время сна в тюремной камере.

На другой день здание суда сгорело дотла.

То ли поджег кто?

То ли вспыхнуло само?

Хорошо, что никто не пострадал.

ИГРУШКА

Жил в городе Ряжске старик Аким.

Долго жил.

Сколько — сам не помнил.

Во-первых, не считал.

Во-вторых, считать не умел.

Пенсию от государства имел мизерную. Прирабатывал тем, что изготовлял из соломы забавные игрушки.

Коровку, которая бодается с поросенком, или курочку-рябу, снесшую яичко такой величины, что сама ко-ко-ко, удивляется.

Однажды как бы кто-то дернул старика за ниточку, смастерил чертенка, который тотчас спрыгнул со стола на пол и принялся как угорелый скакать по избе.

— Вот теперь будем жить вместе, — заявил чертенок.

— Пошел вон, бесовское отродье!

Произнеся эти слова, Аким перекрестился, а на чертенка наложил крестное знамение.

Не помогло.

— Не старайся зря, — смеется чертенок, — только в сказках крестное знамение действует на темные силы. Вот что скажу, папочка...

— Какой папочка, бес лысый — твой папочка!

— Ты меня смастерил, чего отпираешься? Подам в суд, тебе будет хуже. Так польза кое-какая может возникнуть. Сейчас выпить тебе, Аким, хочется?

— Хочется.

— В кармане сквозняк?

— Сквозняк, — подтвердил мужик, — вчера последний трояк истратил.

— Видишь, я тебя ублажу. Погоди. Дверь не запирай.

Черт мигом шмыгнул на улицу. Минут через пятнадцать явился с бутылкой отличной «Столичной», колесом украинской колбасы, соленым огурцом в кармане.

Выпили.

Закусили.

Старик продолжал сердиться.

— Назавтра пойду к батюшке. Выкурим из избы.

— Не выкурите. Сам батюшку из храма выкурю. Не знаешь, что за прохиндей? Водку лакает, как кока-колу. Девок, баб, приходящих помолиться, ощупывает. Скоро все детишки на селе будут на него рылом смахивать.

— Ладно, живи, шут с тобой. Чур, не хулиганить. Палкой по горбяшке смажу.

Где там, чертенок оказался пронырой. Городские сплетни знает лучше «Московского комсомольца».

— Начальник милиции, ха-ха-ха!

— Чего лыбишься?

— Чуть директора столовки в тюрягу не засадил. Любовницу, черти полосатые, не поделили. Заведующий продмага Красулин столько денег нахапал, что девать некуда. Все заначки знаю.

— У него водку таскаешь?

— У него. Почему нет?

На другой день чертенок смылся. Явился через неделю. Рот до ушей.

— Ты чего?

— Ничего. Завтра прикинусь артистом Жванецким. Пойду свататься к дочке первого секретаря райкома. Женюсь, потом тебе подберем подружку.

— Ладно, шутник!

Сам ухмыляется в кулачок.

Радужным мечтам сбыться не удалось.

Затопил Аким печку. Чертенок невзначай ткнулся к выпавшей головешке, позабыл, что из соломы.

Вспыхнул.

Сгорел.

Старик охнуть не успел.

Жалко чертенка.

Привык.

Собрал горстку пепла, отнес в угол двора, похоронил.

На этом история не закончилась.

Наделает Аким игрушек.

Сходит на рынок.

Продаст.

Когда вернется, на столе стоит бутылка водки, рядом кусок сала или колбасы.

Старик прекрасно понимал, чьих рук дело.

Помалкивал.

СУМКА С ЧЕРТЯМИ

Шел Егор Трубников домой в приподнятом расположении духа.

На углу улицы Гоголя и улицы Академика Шмидта заметил нечто, что озадачило.

Из-под земли вынырнул чертенок.

Егор, не долго думая, цап за шкирку, и в сумку.

Вслед за первым выскочил второй. Второго туда.

Таким образом набралось тринадцать штук.

Двенадцать в мешке. Тринадцатого заткнул за пояс.

Что делать с нечистью?

Решил в речке утопить.

Так и поступил.

Про тринадцатого позабыл.

Придя домой, заметил, хвост торчит.

Этого куда деть?

Чертенок верещит:

— Глупый Егор, не знаешь, черти ни в огне не горят, ни в воде не тонут?

Глянул мужик, чертенята живее живых возле стеночки стоят.

— Скажите, черти, — взмолился Трубников, — какого черта, окаянные, нужно вам в моей чертовски скверной берлоге?

— С этого бы начинал. Начальник милиции тебе на прошлой неделе по роже съездил?

— Было дело.

— За что?

— Шут его знает. Скорей всего, просто так, из любви к искусству.

— Ты решил оставить дело без внимания?

— Что могу, у него сила?

— Мы можем.

— Тоже рожи набить?

— Хуже. Под самого районного Сатану яму копает. Мы ему устроим веселенькую жизнь. Попляшет. Пока поживем у тебя. За постой заплатим в СКВ.

— Живите, раз вперлись. Своими СКВ можете задницу подтереть. Куда с ними в Ряжске деваться?

Дальше произошло:

Проснувшись утром, милицейский майор обнаружил рядом с собой вместо пирогообразной супруги пьяного — известного в городе бомжа Петю.

Жену отыскали в деревне Нагорное за двенадцать верст от Ряжска.

Могла оказаться подальше, в Минске или в Новосибирске!

МОЛОДЫЕ ПОБЕГИ

Терентия Долбешкина по прозвищу Тереха, то ли дурачка, то ли придурка, нашли утром на земле мертвым, покрытым толстым слоем снега.

Возможно, огрел кто-то поленом по башке, потому что на затылке виднелась порядочной глубины царапина.

Бабка, которая в это время выходила во двор, утверждала, что с неба падали блестящие предметы.

Может.

Только вот зимой, в мороз, из-под лежащего Терехи выбивалась зеленая травка.

Когда Долбешкина доставили в Ряжскую городскую больницу, выяснилось: жив, но онемел, ослеп, ничего не слышит, ногами, руками не шевелит.

Лежит, как боров.

От тела исходит столько энергии, что в больничных палатах температура воздуха поднялась до необходимого предела, хотя котельная не работала два дня из-за отсутствия в городе мазута.

Всю зиму Терентий лежал без движения на больничной койке, всю зиму от него исходило тепло.

Когда наступила весна, пригрело солнышко, в домах повынимали вторые рамы, тело Терентия на глазах у больных и врачей скукожилось, уменьшилось в размерах.

Затем исчезло.

На том месте, где подобрали пострадавшего Тереху, за несколько дней вырос красавец дуб и, как шатер, раскинул во все стороны могучие руки.

Окрестные жители соорудили лавочку. Приходили в свободное от работы время отдохнуть от дневных забот.

И еще.

Замечена необыкновенность.

Стоило посидеть в тени чудесного дерева, проходила усталость, поднималось настроение.

Но идеологизированные партийные начальники не могли пережить такого, с их точки зрения, надругательства над основами материалистического учения.

Приказали дуб убрать.

Легче приказать, чем сделать.

Прислали бульдозер. Думали сковырнуть дерево одним махом.

Не тут-то было.

Дуб устоял.

Несмотря на неслыханной силы удары, даже не шелохнулся.

Прислали танк.

Наконец, повергли гиганта на землю.

Но на следующий год оставшиеся корни пустили молодые побеги...

ТРЕПЛО

Когда Костик Милашевский, трубач из оркестра ресторана «Малинка», явился часа в два ночи, хорошо поддатый, домой, обнаружил в своей постели красотку лет двадцати пяти, лежащую в розовом пеньюаре на голубого цвета простынях, каковых у Костика не бывало отродясь.

Поза самая соблазнительная.

Он, как голодный пес, набросился на лакомый кусочек.

Сделав дело, поинтересовался:

— Откуда взялась?

— Я коза, зовут Машенькой. Откуда взялась — не твое дело. Получай что дают. Никому ни слова. Разболтаешь — уйду.

— Настоящая коза?

— Настоящая.

— Где твои рожки, где твоя шерстка?

— Не задавай глупых вопросов. Шерстка там, где у всех, не знаешь? Рожки теперь не в моде даже у коз.

Костик был человеком покладистым.

— Коза так коза. Баба что надо. На остальное наплевать.

Таковыми были мысли у завзятого шалопая.

Зажили душа в душу.

Костик по вечерам на работе. Она, приготовив ужин, сидит, поджидает муженька. Или вяжет свитер из козьего пуха.

Главное, шерсть не нужно покупать.

Пить приказала бросить.

Бросил.

Справила новый костюм, туфли.

Не баба — золото.

Так жили в дружбе, согласии пока дружки не дознались, что у него завелась красивая девчонка.

Как-то раз, чуть ли не силком, подпоили Костика.

Того понесло.

— Знаете, черти полосатые, кто у меня живет?

Дружки моментально навострили ушки.

— Кто?

— Коза!

— Настоящая?

— Даже шерсть промеж ног козья!

— Нашел, чем удивить. У каждой бабы добра этого навалом.

Костик не сдавался

— От нее пахнет козой!

И это не удивило приятелей. Они сказали, что у всякого человека есть свой специфический запах, у одного козий, у другого лошадиный.

— Не верите, — заорал вышедший из себя Костик, — пойдемте, убедитесь сами!

Когда дружки с двумя бутылками шампанского явились в дом, то не обнаружили ни козы, ни женщины.

На столе лежала записка с одним-единственным словом.

Трепло!

СРЕДСТВО ОТ ПЬЯНСТВА

Струков — жэковский водопроводчик, получив получку, по установившейся с давних пор традиции, запил.

Вначале пил на Сухаревской площади в рюмочной один.

Потом, когда оттуда вышибли, купил 0,5 литра в коммерческой палатке.

Тотчас подвалила пара ханыг. Пришлось угощать. По этому случаю взял еще бутылку.

Остальные деньги вытащили, когда валялся где-то во дворе у помойного бака.

Может, эти самые ханыги и вытащили.

Досыпал ночь в сильно заплеванном подъезде соседнего дома.

Часов в шесть пришел домой, хорошо, что жена

и дочка в это время гостили в деревне. Пошел в ванную. Ополоснул рожу. Прилег на диван.

Состояние аховое.

Думал-думал, решил, что с такой неприглядной жизнью пора кончать.

Нашел на кухне бельевую веревку. Привязал к крюку, на котором висит люстра. Сделал петлю. Надел на шею.

Все.

Но тут в углу комнаты что-то хохотнуло.

Струков прислушался.

Еще раз хохотнуло, хи-хи-хи.

Подумал, нечистая сила.

Так вот кто повинен в его омерзительной жизни.

— Подлецы!

Снял с шеи веревку. Спрыгнул на пол. Показал чертям фигу.

— Будьте вы прокляты, черти полосатые!

Скорей всего, это были не черти, а скрипнула половица у соседа за стеной. Он как раз в это время собирался на работу в таксомоторный парк.

Впрочем, кто его знает!

Однако пить Струков, на удивление супруги и жильцов дома, бросил окончательно и бесповоротно.

ТЯНИ, БАБА, ТЯНИ!

Отец Григорий, священник церкви Покрова Богородицы, обладал способностью излечивать различного рода болезни при помощи молитвы, которую сам сочинил:

«Господи, исцели раба твоего
Через недостойного священника Григория».

Все бы ничего. Но произошел случай, по мнению клира, недопустимый.

Среди ночи ворвалась баба, известная в городе Ряжске спекулянтка барахлом.

На руках держала посиневшего младенца годиков двух.

— Батюшка, помоги! — вопила баба, упав на колени.

Отец Григорий, взглянув на ребенка, понял, что помочь едва ли сможет.

Торговка продолжала верещать:

— Доктора сказали, рожать больше не смогу, что-то оборвалось внутри. Как мне на свете жить без сыночка, без ненаглядного Ванечки?

Священник, до глубины души растроганный отношением бабы к дитяти, сказал:

— Ладно, попробуем. Попытка не пытка. Гарантии не даю. Будем надеяться на Всевышнего. Вот что, баба, положи младенца на стол. Подожди, простыню дам! Расстегни рубашонку. Так. Теперь берись за ножки и тяни, что есть твоей бабьей мочи, тяни. Я буду читать молитву.

Тянет, тянет баба, ребенок не тянется, как прилип к поверхности стола.

Батюшка кричит, весь из себя выходит:

— Да тяни же, стервоза, сильней тяни, еще сильней!

Сам молитву читает.

Баба орет на всю улицу:

— Не могу больше, сил нет!

Батюшка свое:

— Убью паскудину, тяни! Господи, Господи, спаси младенца и помилуй!

На крики и вопли сбежался окрестный народ. Прилип к окнам, пораженный необыкновенностью происходящего.

Наконец младенец чуть-чуть стронулся.

Потом пошло, пошло!

Через три, не более, минуты баба держала сыночка Ванечку на руках.

Синевы на личике как не бывало. Ванечка открыл востренькие васильковые глазки, потянулся к маманьке.

— Все, — сказал изможденный отец Григорий, опускаясь на лавку, — вытащили парнишку с того света. Теперь доживет до ста годиков.

Но, увы, еще не все.

Есть на свете подлые людишки.

Нашелся и в городе Ряжске такой. Накатал телегу владыке, что священник отец Григорий занимается недостойными высокому сану делишками, в данном случае колдовством.

Наряженная епископом комиссия, обследовав случай, колдовства не усмотрела, но недозволенность в действиях отметила.

Посему предложила священника от должности отставить.

Хотя отцу Григорию шел семьдесят пятый год, пора бы на покой, но расставаться с должностью не хотелось. Да и обида где-то возле сердца шевелилась.

Прихожане, надо сказать, поддержали старенького пастыря. Писали владыке просьбы оставить отца Григория при храме.

Едва ли владыка пошел навстречу, если бы не случай.

Случилось во сне видение.

Пришел старец, у которого епископ состоял послушником в монастыре.

Рек:

— Ты думаешь, раб Божий Афанасий (так звали епископа), что если Спаситель наш излечивал бесноватых, слепых, хромых, то рядовому священнику запрещено? Ошибаешься, отцу Григорию дано!

Отобрать дар никто не может. Сам давший, Господь, может!

После сказанного старец исчез.

Епископ, проснувшись поутру, поразмыслив хорошенько над сказанным старцем, тотчас дал указание: постановление о смещении отца Григория отменить.

Священника в дальнейшем обласкал отеческим вниманием.

ЕГОР И АЛИНА

У местного жителя города Ряжска, мужика Егора Постникова, сгорел дом.

Мыкался-мыкался, ходил-ходил без устали по властям предержащим, чтобы дали лес на строительство нового жилья.

Отказ.

Пришлось залатать оставшуюся в живых сараюшку, жить в ней.

Был он вдовец.

Жена скончалась в одночасье от малоизученной болезни.

Мужу перед смертью сказала:

— Если попадется хорошая баба, женись. А лучше подожди годика два.

Живет Егор, особенно не тужит. Заработок есть. Разгружает вагоны на товарной станции.

Как-то, придя с работы, заметил кошечку у двери. Когда вошел в дом, она следом.

На другой день воскресенье. Сидел мужик возле сарайчика, чинил прохудившийся сапог.

Подошла девушка и спросила:

— Добрый человек, не позволишь переночевать у тебя. Приехала издалека, знакомых, где бы остановиться, нет.

— У меня есть. Заходи, посмотри, что за халупа, найдешь местечко голову приклонить — милости просим!

Когда мужик, закончив работу, зашел в сараюшку, то несказанно удивился: гостья расположилась, как дома. Успела повесить на стену небольшой коврик.

Егор, когда пришла пора укладываться спать, достал из сундука старый овчинный тулуп, бросил на пол, чтобы удобней спать.

— Ты что, мужик, спятил? Нечего кобениться. Иди сюда.

Переполз на постель. После, как между ними произошло положенное, почувствовал, что женщина — девственница.

— Знаешь, — сказал утром Егор, — раз между нами случилось главное, оставайся, будем жить как муж и жена.

Через год домишко отстроили, у жены оказались деньжата, и он неплохо подработал.

Девушка пришлась по душе.

Предлагал расписаться, отказалась решительным образом.

В церковь не ходила.

Дойдет до ограды, скажет:

— Иди, Егорушка, подожду тут.

Егор решил про себя: жена — атеистка или комсомолка. Настаивать не стал.

Однажды довелось побывать в том селе, которое Алина назвала в день знакомства.

Решил зайти в сельсовет, разузнать про жену, может, остались родственники в живых?

Секретарь долго припоминала, потом вспомнила:

— Да ведь это Алька Огурцова. К сожалению, умерла два года тому назад. Бабка, как вам сказать, считалась местной колдуньей.

Когда Егор Плотников возвращался домой, ему подумалось:

Ведь его жинка скончалась два года назад?

Алину он застал в слезах.

— Ты чего?

— Узнал, все узнал? Твоя покойница послала. Я с ней хоть дальняя, но родня. Иди, говорит, мужик хороший, чего одному мыкаться.

— Да ничего я не узнал, если что узнал, пока ехал, позабыл.

Так и живут душа в душу.

БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ

Грабили Дуньку Козлика, продавщицу винного отдела продмага, посреди воскресного дня.

Хотя сама она вопила как зарезанная, собака во дворе выла на весь город, грабителей это не отпугнуло.

Не успокоились, пока не выволокли все до веника и совка.

Что же соседи?

В окна выглядывали,

точно.

Но не более того.

СВИНОЕ РЫЛО

В районном центре, городе Ряжске, произошло нечто называемое на языке номенклатуры ЧП.

Заключалось оно в следующем.

Придя на работу, чиновники райкома КПСС обнаружили на вывеске учреждения просвечивающее сквозь стекло свиное рыло, смахивающее на первого секретаря.

Последовал приказ: заменить вывеску!

Заменили.

Вместо красной повесили черную.

Не помогло.

Рыло просвечивает еще явственней.

— Пакость подстроил второй секретарь, — заявил первый, — его работа. Ничего, он у меня попляшет.

Поплясал.

Накатал первый телегу в обком, перевели второго в Тмутаракань.

Свиное рыло продолжало красоваться.

Проработали на бюро райкома начальника милиции майора Селезня, которому предписали:

— Не найдешь виновного — кубарем полетишь с насиженного места.

Майор взялся за дело рьяно.

В первую очередь объектом буйной деятельности оказалась местная интеллигенция в лице преподавателей педучилища и сотрудников краеведческого музея.

Затем через милицейскую мясорубку пропустили местного колдуна, участника войны, сломав два ребра.

Больше других досталось директору магазина «Игрушки» и заведующему городской баней.

К больничному персоналу подобраться не успел.

Приполз к Селезню на четвереньках известный всему городу бомж Вырубов. Дыхнув густым настоем денатурата, рек:

— Дашь на бутылку — скажу, в чем зарыта собака.

— Дам на две. Надуешь — изувечу!

Но увечить бомжа не пришлось, потому что, растолковав гражданину начальнику, в чем дело,

получив положенную мзду, бомж быстренько смылся.

Как оказалось, на доме по другую сторону улицы, как раз напротив входа в райком, наклеили плакат, призывающий колхозников перевыполнять план по заготовке мяса.

На нем была изображена художником мордатая хрюшка.

Плакат отражался на райкомовской вывеске.

Так или не так — не нам судить.

Плакат со стены содрали.

Но свиное рыло нет-нет появится.

Со временем жители привыкли. Перестали замечать.

ТРИСТА РУБЧИКОВ

Зима.

Вьюга.

Ни зги.

И такую погоду идет по улице старичок.

Деревня спит.

Постучал в один дом, в другой.

Молчанье.

Кому придет в голову в такую стынь слезать с печки, открывать дверь.

На другом конце села мелькнул сквозь вьюгу огонек.

Подошел.

Хатка небольшая.

Дверь настежь.

Из глубины доносится песнь удалая.

Постучал легонько, песнь оборвалась, вместо нее раздался охрипший от бесконечного оранья голос:

— Кого черти принесли, заходи!

Когда старичок оказался в избе, то увидел хорошо поддатого парня лет двадцати двух.

— Ты откуда взялся, дед?

— Откуда? Из зимы. Заплутал. Избы заперты. Темно. Вот к тебе забрел. Можно обогреться?

— Дедуля, о чем речь, дуй, обогревайся. Вот стаканчик горячительного, потом на печь.

От выпивки старичок отказался.

Парень спрашивает.

— Куда, дедушка, в такую непогодь наладил салазки?

— Так, — ответил старик неопределенно, — являюсь ходатаем по чужим делам.

Парня звали Глебом.

Был он трактористом из совхоза «Заветы Ильича».

Забулдыга, мот.

Бóльшую часть времени проводил не на работе, а в пьянках-гулянках.

Утром, когда Глеб проснулся, о ночном госте вспомнил с трудом.

Не до этого.

Пил с дружками, такими же охламонами, как сам, три дня.

Черт, вроде дед заходил, куда, подлец, подевался?

Но мысль быстренько улетучилась.

Протрезвев, увидел на столе склянку с аптечной этикеткой «Наружное».

— Черт, — еще раз упомянул Глеб черта, — что бы это значило?

Рядом с пузырьком записка. «Если ты, Глеб, хочешь вести образ жизни нормального человека, выпей жидкость, что в склянке. Не бойся, все будет о'кей!»

Дальше.

«Хоть ты и шалопай, но человек хороший. Дуй в Ряжск. Поступай учиться. Оставляю триста рубчиков».

Долго думал Глеб. Что в этой склянке? Любопытство победило. Махнул жидкость сразу.

Началось.

Блевал день и последующую ночь.

Выворачивало наизнанку.

Какой-то голос нашептывал:

— Терпи, Глеб, держись!

Держался.

Затем выворачивание прекратилось.

Болезнь ушла.

Перебрался на жительство в Ряжск. Окончил вечернюю школу. Уехал в Москву.

После благополучного окончания института махнул на Урал. Работал технологом крупного предприятия оборонной промышленности.

Завел семью.

К выпивке равнодушен.

ДЕЛЬНЫЙ СОВЕТ

Жора Трунин по окончании медицинского института работал патологоанатомом в городской больнице города Ряжска. Покойников и всего связанного с этим не боялся. Каждый день приходилось, как он выражался, дубарей кромсать вдоль и поперек.

Однажды, придя домой, проглотив что-то холодное, невкусное, называемое ужином, лег на диван, чтобы послушать городские новости, которые передавались в это время.

Однако вместо привычного голоса дикторши из приемника донесся голос умершей год назад супруги:

— Жорик, я к тебе скоро приду.

Мороз прошел по спине у Жоры. Не потому, что испугался, услышав голос с того света, а по другой, более прозаической, причине. Умершая жена была такая стервоза, хоть в петлю лезь. Не только Жорика держала в постоянном страхе, но и жильцов коммунальной квартиры.

На другой день та же картина, хотя радио включил в другое время:

— Жорик, я к тебе скоро приду.

На третий день жена явилась с чемоданом в руке.

— Не ждал, милый?

— Как мог ждать, если ты скончалась год тому назад?

— Что ты, не скончалась.

— Как не скончалась, мы же тебя похоронили на городском кладбище?

— В морге перепутали. Положили в гроб другую женщину. Я жива. Не веришь, вот справка из больницы.

— Ты что, за дурака меня держишь, по-твоему, я не видел, кто лежит в гробу?

— Не видел. Всю дорогу пялил зенки на фифу из соседнего подъезда.

На другой день Жорик позвонил приятелю, который немножко занимался оккультными науками.

Встретились.

Трунин, объяснив, в чем дело, попросил, не может ли приятель помочь изгнать из дома нечистую силу.

— На хрена, — выразился приятель, — ты что, стал бояться покойников?

— Не в этом дело, как-то, понимаешь, не по себе.

— Не по себе ему! Вот что скажу: поживи, посмотри, что будет.

Если хочешь знать, у нас добрая половина жителей в городе вроде покойников.

Дальнейшие события развивались так.

В один прекрасный день супруга принесла три тысячи рублей и приказала, чтобы купил кооперативную квартиру. Хватит торчать в коммуналке.

Насчет денег сказала, прислали родители из Одессы.

Жорик точно знал, никаких родственников в Одессе нет, но смолчал.

Надо признаться, жена после событий подобрела. Переменилась в лучшую сторону.

Через год переехали на новую квартиру. Стараниями супруги обзавелись мебелишкой, другим барахлом, необходимым для новой жизни.

Жорик на жену не налюбуется.

Золото.

Когда знакомый при встрече спрашивает, как дела?

Отвечает:

— Живем хорошо. Может, в самом деле похоронили другую женщину?

Что же тут такого, собственно говоря?

ЖИВИ И РАДУЙСЯ

Степан Спицын, сапожник, проживающий в городе Ряжске, поймал во дворе в ненастную погоду чертенка, маленького, скукоженного, ростом не более уличной кошки, такого же облезлого и несчастного.

— Попался, окаянный!

— Попался, — пропищал чертенок.

— Откуда взялся?

— У соседа, кузнеца Фили, жил. За что он меня кочергой огрел? Что ему сделал плохого? Сам не просыхает от постоянного пьянства. На других срывает зло.

— И ты решил поселиться у меня, православного христианина?

— Посмел, как видишь. Ты же, Степан, только на вид сердитый, в душе добрый.

Поскольку Степан в самом деле был человеком добрым, то сказал чертенку: живи!

Принес в избу, достал из сундука кусок овчины, бросил в запечный угол:

— Твое место. Чур, не баловаться, накажу строго.

Чертенок без мелких пакостей не может. То вместо сахара в сахарницу насыплет соли, то запрячет Степанову шапку, когда тому надо идти на работу.

Один раз сидит у себя в уголке, хихикает, рассказать что-то охота.

— Набедокурил? — поинтересовался мужик.

Чертенок признался, что заведующему райкомовского гаража в бутылку водки набухал тормозной жидкости. Пусть лакает, дрянь.

— Ах ты, поганец!

Чертенку хоть бы что, скачет вокруг Степана, как котенок.

Но стряслась беда. Степан заболел.

Сволокли мужика в больницу. Промучился там месяца два без пользы. Выписали, отправили домой.

Врач сказал:

— Помирать дома можно, у нас негде класть живых.

Лежит Степан на одре, чертенок рядом, ноет.

— Уходи, — просит Степан, — без тебя тошно!

— Правда, торчу, как пенек. Побегу в Ад. Авось помогут.

Смылся.

Через сутки явился, кричит:

— Держись, любезный, лечиться будем. Кровь у тебя отравлена от всяких алкоголических бед.

Помчался чертенок в сарай, выкатил железную бочку, натаскал воды, наколол дров, посадил в бочку Степана.

Дровишки горят. Вода кипит, человек, как ни в чем не бывало, в бочке сидит, варится, но никак не сварится.

Когда вода остыла, Степан почувствовал, что болезнь уходит вон, спрашивает, простая водица или какая?

— Простая с пришепотом.

На исповеди у священника (надо сказать, что батюшка был человеком просвещенным) Степан покаялся, рассказал, как было, спросил, что делать?

— Ничего не делать, — ответствовал батюшка, — живи и радуйся!

ПРЕКРАСНЫЕ МЕТЕЛКИ

Встретились недалеко от города Ряжска на перекрестке дорог две знакомые ведьмы.

Одна летела куда-то.

Другая откуда-то ехала.

П е р в а я. В городе в супермаркете выбросили прекрасные метелки. Купили три. Теперь хватит надолго Товар в нашем городе дефицитный. Торопись, подружка, пока не расхватали.

Вторая. Фу, какая гадость! Это не современно. Для меня черт Ванечка приобрел «мерседес». Комфортабельно, и задницу не простудишь.

— Кто он, номенклатурный?

— Ты его знаешь, черт высокого ранга. Референт у Сатаны.

Разболталась баба.

И зря.

Отбила подружка Ванечку.

Пожопастей была.

Теперь первая ведьма разъезжает по городам и весям в «мерседесе».

Вторая — на метелке, как на мотоциклетке.

Задницу отмораживает.

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Атаковала дом фининспектора Арнольда Кабатчикова чертовня.

Ни вздохнуть ни охнуть.

По крупному не хулиганили, так, по мелочевке.

То гвоздь вколотят в лавку, а он об него наколет задницу, то в горшки с цветами наложат чего поговнючей.

— Погодите, черти полосатые, — сказал самому себе фининспектор.

Взял бутылку емкостью в литр. Пошел в аптеку. Попросил налить слабительного.

Аптекарь удивился, но слабительное дал.

Затем купил в кондитерской торт. Придя домой, добавил в бутыль, больше для запаха, немного водки.

Поставил на стол и ушел в гости к приятелю.

Вернувшись, заметил: торт съеден, слабительное выпито.

— Хорошо.

Целую неделю продирал нечистую силу понос.

Засрали все городские кварталы.

После этого случая зауважала чертовня Арнольда Кабатчикова.

При встрече раскланивается, как со старым знакомым.

ЯМА

Расхулиганились в Ряжске черти не на шутку. Обывателей не трогают.

Начальству не стало от них житья.

Что отчубучили.

Во-первых, возле памятника вождю мирового пролетариата, мимо которого пролегала дорожка к райкому КПСС, вырыли яму.

И райкомовские чиновники, идущие на службу, падали в нее оптом и в розницу, до тех пор пока не перепадали все. Потом догадались зарыть.

Во-вторых, сменили вывеску на райкомовском здании, на которой значилось теперь:

У Н И В Е Р М А Г

Народ повалил валом, думая, раз открыли, значит, выбросят новенькое: стиральный порошок или колготки.

Сидят в кабинетах ошарашенные сотрудники, негодуют, откуда взялось непомерное количество незваных просителей?

Продолжались в городе безобразия, до тех пор пока постовой милиционер Сидоров, который хоть и был поперек себя шире, но ловкий, не схватил одного пробегавшего мимо чертяку за хвост, отдубасил задержанного резиновой дубинкой, притащил, за хвост же, в отделение.

Глядь, с ним рядом не черт, а господин в пыжиковой шапке.

Показывает подозрительный тип удостоверение личности. Оказывается, он сотрудник управления безопасности Рязанской области.

Начальник отделения майор Пуговкин едва не окочурился от страха.

Уж он извинялся, извинялся, расшаркивался, до тех пор пока едва не вывихнул поясницу.

Постовой Сидоров хоть и был, как теперь говорят, дуб, стоял на своем: не гэбэшник это, а форменный черт.

В подтверждение сего разгул чертей в Ряжске прекратился. Но в Скопине, отстоящем от Ряжска верстах в тридцати, подобные случаи участились.

Прав Сидоров, определенно прав!

ПРОИСШЕСТВИЕ

Иван Аверьяныч, служащий коммунального управления города Ряжска, человек цивилизованный, в темные силы не верил, считая выдумками досужих баб.

Когда возражали, что вот электрика монтажного управления Акима Сухова в прошлом году черти вместе с диван-кроватью перетащили на склад готовой продукции «Заготзерно»,

Иван Аверьяныч отвечал резонно, что электрик Сухов ежедневно напивается до бесчувствия, вытворяет всяческие непотребности, посему мог сам себя перетащить куда угодно, не только на склад.

Когда Костиков через пару дней зашел в горстоловку, чтобы проглотить рубленый шницель с перловой кашей, выпить стакан сухофруктового компота, к нему подсел некий субъект, которого он

вначале принял за цыгана, но потом разглядел, что перед ним гражданин кавказской национальности.

— Значит, не веришь в существование чертей?

— А вы верите?

— Не только верю, но сам черт.

Откинул субъект полу пальто, показал ногу, сплошь заросшую густой черной шерстью.

После этого черт встал и удалился, постукивая подковками ковбойских сапог.

Когда примерно через час Костиков пришел домой то, сколько ни ходил вокруг избы, ни дверей, ни окон не обнаружил.

Взяв палку, стал выстукивать стены.

В ответ раздавался подозрительный жалобный звон.

Промучившись некоторое время, неудачник пошел в сарай и завалился на сено, рассудив здраво, что утро вечера мудреней.

Проснувшись с восходом солнца, узрел такую картину:

Стекла в окнах на веранде перебиты бесповоротно.

Тут до Ивана Аверьяныча дошло: черт-то был настоящий.

Сослуживцам о происшествии не сказал ни слова.

Для чего?

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Сидя на лавке возле печки, бывший сторож Ряжского универсама, нынешний пенсионер Афоня Саблин чинит прохудившийся полушубок.

Вдруг как бухнет на чердаке.

Посыпались из щелей черти, может, шесть штук, может, чертова дюжина.

Схватил Афанасий веник, давай гнать.

Кажется, все?

Ан нет!

Один спрятался в печке за чугунок.

— Ладно, — решил дед, — пусть остается. Пользы от него никакой, а веселей.

Польза от чертенка оказалась.

Приучился ловить мышей.

ПОЛНЫЕ ВЕДРА

Пошла бабка Нюшка по воду на речку. Набрала полные ведра.

Дорога на горку поднимается.

Заметила, ведра чуть не в два раза сделались тяжелей.

Посмотрела, на коромысле черти по обе стороны уселись рядочком.

Заругалась.

— Ах, окаянные, не стыдно? Вместо того чтобы помочь старому человеку, расселись, как на именинах!

Соскочили черти с коромысла, подхватили ведра, донесли до избы.

— Бабушка, можно зайти погреться?

— Заходите, что с вас, чертей, взять!

ОБАЛДУЙ

Рабочий Ряжского элеватора Захарий Галкин решил покончить с не очень удачно сложившейся жистянкой.

Взял веревку.

Пришел в сарай.

Привязал веревку к балке.

Уже собирался сунуть голову в петлю, но услышал голос:

— Обалдуй, что делаешь?

Захарий оглянулся.

Никого поблизости нет.

Спросил:

— Кто ты?

— Черт.

— Этого недоставало. Не знал, что черти пекутся о наших никчемных делишках, говорят, они довольны, когда христианин вешается или стреляется.

— В книжках эту брехню описывают, в жизни все выглядит иначе. Очухайся, Захарий! Сам виноват, что жизнь имеешь треклятую.

Пьешь, не просыхая.

В крыше дыра.

Печка развалилась.

По этой причине жена смылась.

Взгляни на сарай, скоро рухнет!

Почесал Захарий затылок.

Стыдно мужику.

Снял веревку и пошел в избу.

ВЕГЕТАРИАНЕЦ

Повстречались два черта на привокзальной площади города Ряжска возле пивного ларька.

— Ну, как дела, — спросил первый, — что поделываешь?

— Так, — ответил второй, — пришлось ночевать в дырявом сарае на поленнице. Холодрыга жуткая. В избу сунулся — там такой пьяный дух, едва не окочурился.

— У меня хуже. Знаешь краснорылого мясника? Прилез к нему в избу, думал поживиться чем съестным. А у него щи наваристые с говядиной, картошка тушеная со свининой. Даже в компоте плавает кусок мяса.

— Ну и что, лафа?

— Но я же вегетарианец!

БАНКИ

Мужик, продавец продмага, Альберт Приходько не пришел, а приполз домой, пропив по дороге получку.

Ввалившись во двор, хотя и был пьян до бесчувствия, но заметил, что на лавке возле крыльца сидят черти и смеются над ним, разинув пасти от уха до уха.

Взял Альберт кол, чертям по башкам:

— Не будете, собаки, насмехаться над честным тружеником!

Баба, жена Альберта, подняла крик на всю улицу:

— Рятуйте, громодяне! Мужик, злыдень, все банки с помидорами перебил!

КОЛЕЯ

В ночь с 3 на 4 октября 1993 года жители города Ряжска дрожали, лежа в постелях.

Еще днем местное радио оповестило:

Света не зажигать

В окна не выглядывать

На улицу не выходить.

Приказ:

В нарушителей стрелять без предупреждения
Не выходили
За стенами домов
Урчало
Гудело
Скрежетало
Слышались возбужденные приглушенные голоса
На некоторое время гул и говор прекращался
потом возникал с новой силой
Когда рассвело
люди увидели пролегающую по центральной улице колею, глубиной местами доходящую до полуметра
которая уходила в близлежащие леса
И там терялась среди деревьев и трав.

КОРОВЬИ ГЛАЗА

На свет божий Дунька Кораблева появилась с глазами большими, как у коровы, и такими же грустными и бессмысленными.

Годам к двадцати пяти появился талант заговаривать зубы.

Но толку от этой способности не слишком много.

Дунька, по профессии проститутка, ночами пьянствовала с хахалями, днем дрыхла на печке как сурок.

По этой немудреной причине попасть к ней оказывалось труднее, чем на прием к председателю горсовета.

Однажды возник в избе неизвестно откуда представительный, с седой окладистой бородой, дед. То ли из-под земли выскочил, то ли сквозь стену прошел.

Окна закрыты, дверь на запоре.

Перекрестил бабу посохом три раза по горбяшке, сказав при этом:

— Доколе будешь, потаскушка, род позорить человеческий?

И ушел так же тихо, как явился.

Неизвестно, посох ли стариковский помог, но Дунька с тех пор:

Пить бросила, заниматься проституцией бросила, заговаривать зубы бросила, устроилась в городскую столовую посудомойкой.

Где и работает по сей день.

МУДРЕНОЕ СЛОВО

В городе Ряжске, когда все служащие в обеденный перерыв устремляются кто куда, одни, чтобы подкрепиться, другие — отдохнуть, посидеть на лавочке, ухватить немного свежего воздуха, неизвестные лица обчистили Госбанк.

Произошло все это просто.

Подъехала к входной двери пожарная машина. Офицер сказал, что необходимо проверить дымоходы на предмет случайного возгорания.

Директор, который по какой-то причине задержался, позвонил в пожарное управление и получил подтверждение, что такое мероприятие запланировано, людей необходимо допустить.

По старым печным дымоходам грабители денежки увели.

Старания районной и областной милиции найти преступников оказались тщетными.

Через некоторое время кое-что прояснилось, деньжата всплыли.

В первом случае:

На вокзале в зале ожидания с потолка упало несколько пачек червонцев.

Фью!

Разлетелись.

Народ не растерялся, ловит бумажки.

Бабы запихивают денежки в чулок и за пазуху. Мужики, цапнув красненькую, несутся в привокзальную пивнушку, чтобы выпить и закусить.

Во втором:

Подошел на центральной площади к остановке автобус, вышел одетый в черное человек, раскрыл кейс и давай разбрасывать деньги.

Подхваченные ветерком десятирублевки полетели, как птички, ку-ку!

Сам человек на глазах у публики прошел через кирпичную стену старого лабаза.

И был таков.

В третьем:

Старик Кубышкин, инвалид войны, стоит в зале универмага и глазеет с завистью на холодильник «Минск» ценой в четыреста рубчиков.

Где взять?

Вдруг ощутил тяжесть в правом кармане порток. Сунул руку, там деньги, ровно четыреста рублей. Тютелька в тютельку сколько необходимо для покупки желательного предмета.

Голос раздался над самым ухом:

— Помалкивай!

— Олрайт! — ответил опупевший от счастья дед.

Сам же подумал, что за басурманское словечко выпорхнуло из него?

ЗАБРОНЗОВЕВШИЙ ЗАЗУЛЯ

В воскресный день утром жители города Ряжска, вместо того чтобы идти на рынок, стояли, разинув рты, на центральной площади города.

Было чему удивляться.

На пьедестале памятника вместо В.И. Ленина стоял первый секретарь Ряжского горкома КПСС товарищ Зазуля И. В.

Обутый (на дворе лето) в валенки с галошами, одет в ратиновое пальто с каракулевым воротником, такие любили носить партийные боссы. В правой руке держал фетровую шляпу, левой указывал путь в светлое будущее, в коммунизм, на пути которого, если провести прямую линию от указующего перста, стоял привокзальный павильон «Пиво— воды».

Среди номенклатурных создался некоторый переполох. Собрались члены политбюро.

Кто-то принес лестницу, чтобы Зазуля мог спуститься на землю.

Зазуля безмолвствовал.

Когда председатель местного КГБ поднялся наверх, то заметил, что Илья Владимирович спуститься не может, забронзовел.

Начальство, вернувшись в райком, еще больше поразилось.

В кабинете секретаря за столом, живее всех живых, сидел Владимир Ильич и, ласково улыбаясь, спрашивал:

— Почему товарищи опаздывают на работу?

Тут начальники, почуяв недоброе, бросились бежать в разные стороны.

Но недоброе не произошло, кроме того, что к середине дня и Владимир Ильич и Зазуля куда-то исчезли. Вместо памятника на площади красовался холмик, заваленный цветами, а воткнутая дощечка гласила:

«Спите с миром, дорогие товарищи, на благо благодарных почитателей».

БОЛЬШОЙ МАСТЕР

Больше всего на свете тетка Настя боялась чертей.

Тут такое.

Наседка из одного яйца высидела не цыпленка, а чертенка.

Перепугалась.

Хотела утопить.

Посмотрела, он маленький, мокренький, несчастненький весь.

Жалко.

Принесла в избу. Сделала гнездышко в закутке возле печки.

Пусть живет.

Когда подрос, шустрый стал, работящий, баба не нарадуется:

Дров наколет.

Печь затопит.

Пол подметет.

Вечером требует, чтобы Настя сказку сказывала, сам возьмет гребешок, сядет рядом, вшей у нее из башки выколупывает.

Большим мастером оказался по этой части.

ЗВУЧНАЯ ФАМИЛИЯ

Художник Герман Шелопутников преподавал живопись в Ряжском педучилище для местных балбесов мужского и женского пола.

И вот что с ним случилось.

Стал он с некоторых пор замечать у себя в доме кое-какие нежелательные явления.

Придет, скажем, со службы, сядет за стол поужинать, а похлебка вместе с миской прыг — и в помойное ведро.

А то наоборот: помойное ведро само собой вскочит, извольте радоваться, на стол.

Догадаться, в чем дело, не составляло труда.

Растопил печь.

Закрыл трубу заслонкой.

Вышел во двор и стал ждать.

Минут через пятнадцать повалил из окон дым, а из избы выполз чихающий черт. И хотел было прошмыгнуть мимо Шелопутникова.

Но попался.

Проучил его хозяин хорошо при помощи хворостины.

Бил до тех пор, пока черт не взмолился:

— Отпусти, что хочешь для тебя сделаю!

— А мне ничего не нужно, — отвечал художник, — у меня все есть. Зарплаты в сорок тысяч руб. на прожитье хватает, потому что живу скромно, не пью, не курю, да и по части нежного пола уже не балуюсь.

— А выдающимся художником быть не желаешь?

— Не желаю. В молодые годы были потуги. А потом увидел, что таланта маловато.

— Не ври, талант у тебя есть, да провинциальная спячка одолела.

Бери карандаши, кисти, побалуемся.

И насел черт на художника: рисуй да рисуй!

Через год или более того явился результат.

Выставил Шелопутников одну картину, другую, публике понравилось.

Сделали ему персональную выставку в Рязани.

И пошло!

И пошло!

В прошлом году избрали в Российскую академию.

Академик Шелопутников, звучит неплохо!

СЕКС-БАБА

Когда из-за упадка производства сельхозпродуктов на селе черти решили перебраться на жительство в город Ряжск, они облюбовали для этой цели местечко — избу бывшего пожарного, нынешнего пенсионера Михея Германовича Секача.

При более детальном изучении вопроса посчитали, что выгодней выжить мужика из пределов города, лучше на тот свет. Но какое-то начальство воспрепятствовало произволу, решив, что этот вопрос лучше всего решить мирным путем, без применения силы.

Тогда черти придумали более оригинальный способ.

Напустили на Михея секс-бабу, продавщицу винного отдела гастронома Соньку Пирогову, нашептав, что у Секача припрятаны значительные деньжата.

Правильно решили, думая, что она своими непомерными сексуальными потребностями вгонит шибздика Секача в гроб.

Не тут-то было.

На вид Секач хил, но противником оказался достойным.

Провалявшись лет тридцать в пожарной части на одной и той же лавке, сохранив в целости телесные возможности, принялся с таким усердием охаживать бабу, что не она, а он ее едва не отправил на тот свет.

Чертям пришлось вторично менять план.

Поселились в Сонькиной однокомнатной квартире, припугнув бабу слегка привидениями, выжили ее в домик к Секачу.

Обе стороны, в конце концов, оказались удовлетворенными.

Когда буйство Михея поубавилось, все вошло в нормальную колею.

Чертям понравилась квартира со всеми удобствами.

А Сонька обосновалась у Секача на печке.

ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ

Проживали в Ряжске в собственном доме муж и жена.

Ночью ничего. Как только утро:

Муж за палку.

Жена за скалку.

Лупят по чему попало.

Вопят, на том свете слышно.

Терпел Сатана. Не выдержал. Призвал разбитного чертенка.

— Сходи, узнай, в чем дело, прими меры! Думать неможно, жить неможно!

Внедрился чертенок в жизнь парочки.

И вот что придумал.

Они на рынок, он на рынок.

Они в кино, он в кино.

Нашептывает тому и другому на ухо приятные слова.

Ночью спит. Нашел тепленькое местечко за печкой. Свернется калачиком.

Ночью миротворческая деятельность не нужна, подопечные ночь напролет занимаются любовными утехами.

Через некоторое время методика дала положительный результат.

Перестали ругаться.

Перестали драться.

Довольный проделанной работой, чертенок вернулся в Ад.

ГИПСОВАЯ СКАМЕЙКА

Прыгал.

Прыгал черт с одной планеты на другую, оступился и оказался в городе Ряжске на скамейке, которая стояла в местном парке отдыха имени Максима Горького и являлась частью скульптурного ансамбля в честь великого русского поэта

А. С. Пушкина.

Сам поэт тут же и восседал с раскрытой гипсовой книгой в руке.

Первая мысль, которая пришла на ум черту́, была, что попал он на необитаемую планету, сохранившую кое-какие окаменелости прежних времен.

Но планета оказалось обитаемой.

По календарю в этот день значилось 6 июня, день рождения Александра Сергеича.

В 14 часов по здешнему времени отметить эту знаменательную дату явился хор мальчиков и пропел песню на слова:

Неверную деву ласкал армянин...

Затем грянули пионерские горны, под звуки которых литератор Никита Пряжников прочитал стихотворение на смерть поэта.

Завершал праздник импровизированный парад трудящихся.

Мимо прошли пенсионеры и ветераны Отечественной войны, неся траурные венки и ленты от общественных организаций.

— Друг, — обратился поэт к черту, — избавь меня от этих кретинов, усадили, понимаешь, в какую-то дурацкую позу, вроде я не поэт, а вертлявая дамочка!

А я дитя своего века:

— Подать шампанское!

Подать новую колоду карт!

Подать пистолеты!

Черт. Шампанское не пью. В карты не играю. На дуэлях не дерусь. Не приучен.

Но тебе помогу.

Вынул черт из внутреннего кармана лапсердака небольшую блестящую палочку, какими обычно пользуются гипнотизеры во время показательных выступлений, взмахнул из стороны в сторону.

И скамейка.

И поэт.

И сам черт.

Как-то слегка засинели, засияли и растворились в предвечернем тумане.

Яма!

Вот что осталось от этого дурацкого места.

Но не тут-то было.

Плохо черт знал человеческую породу.

Ровно через три недели на месте старого памятника, возник новый:

«У лукоморья дуб зеленый»,

Где кот ученый слегка смахивал на Пушкина, Черномор — на черта, а тридцать трех богатырей изображали студенты Ряжского педагогического училища.

ПРОСТО ТАК

Идет по улице мужик, злой как чертяка. Кулаками размахивает.

Навстречу дед, приличный, бородатый.

Спрашивает:

— Ты куда такой злой?

— Жену бить.

— За что?

— Просто так!

— Пойдем вместе.

Пришли.

Женщина мертвая на полатях, как колода.

— Все равно буду бить, не остановлюсь!

Схватил муж ухват, да ухватом бабу раз-другой.

Баба открыла глаза, привстала.

— Муженек, спасибо. Черти куда-то волокли, по самые сиськи под землю затащили.

Тут ты.

Послесловие:

Муж,

Жена,

При чем дед?

При том.

От него мы и узнали, что узнали!

МНОГОТРУДНЫЕ БОКА

В один из дней над городом Ряжском не взошло солнце.

Обыватели не заметили. Проспали 24 часа. Только сторож универсама Кострюков, когда рассвело, выругался. Слишком долгим показалась прошедшая смена.

Поскольку спать на дежурстве приходилось на мешках с крупой или горохом, то впервые за многолетнюю службу отлежал многотрудные бока.

ПРАВИЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Иван Сысоич Кошкин, пребывая на скромной должности продавца скобяной лавки, холостой, проживал в коммуналке с бабушкой, не пил, не курил, не воровал.

Последнее обстоятельство вызывало негативную реакцию у непосредственного начальства. Раз не ворует, нам не будет отстегивать, а то и донесет.

Неожиданно Кошкин исчез.

Пришел домой после работы, поел, прилег на тахту, потом как сквозь землю провалился.

Думали, пошел к соседям. Соседи его не видели.

Спросили у бабки:

— Куда запропастился внук?

— Утащили черти.

Сколько ни бился следователь городской прокуратуры, ответ один.

Однажды во время первомайской демонстрации некоторые жители видели человека, похожего на Кошкина.

Что бы это обозначало?

Может, у любовницы обосновался?

Может, бабка права?

Если так, то возникает справедливый вопрос.

За что?

Один полоумный выдвинул бредовую идею:

За то, что вел правильную жизнь, Сатана дал номенклатурную должность на том свете.

Что же тут такого?

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Жил недалеко от города Ряжска в деревне Шелемишево шофер совместного предприятия Тихон Скобцов, известный на всю округу пьяница.

Жена сбежала, прихватив с собой все, что можно прихватить.

Не выдержала маразма.

Осталась у Тихона одна замызганная телогрейка.

И ту ухитрился кому-то всучить за сто граммов водки.

Черт, который проживал за печкой, сжалился над мужиком. Добыл новый овчинный полушубок. Повесил на вбитый в стену гвоздь.

Не помогло.

Тихон полушубок на рынке загнал.

Деньги пропил.

Тогда черт избрал другую тактику.

Набухал в бутыль из-под водки тормозной жидкости. Поставил на стол.

Хоть бы что.

Вылакал Тихон содержимое и завалился спать.

— Погоди, — думает черт, — ты у меня попляшешь!

Нашел бой-бабу злющую-презлющую.

Нашептал на ушко, что мужик Скобцов стоящий, работящий, непьющий.

Сам думает:

— Уж эта стервоза добьется своего, наведет в доме порядок.

Прошло пара месяцев.

Что?

Тихон бабу к выпивке пристрастил.

Хлещут в две руки.

Посмотрел черт на них трезвыми глазами.

И убрался куда подальше.

ТАЙНА

Шеф Аида сидел в кабинете на том свете. Одолевали невеселые мысли в связи с положением дел наверху. Дела, по всей видимости, были неважнецкие: энергетический кризис, нехватка продовольствия, и Сатана не без основания предполагал, что скоро попрут беженцы. Где прикажете размещать?

Тут доложили шефу о прибытии нового грешника.

— Позвать!

Как только человек предстал пред всевидящими очами Сатаны, последнего обуяла скорбь за род людской.

Вошедший оказался: ростом мал, телом хил, духом скорее тож.

Главное, настолько прыщав, что очередному прыщику едва ли нашлось место, где вскочить.

Когда же Сатана спросил:

— Как фамилия?

Тот, нимало не смущаясь, ответил:

— С вашего позволения Прыщик Соломон Яковлевич.

— Еврей?

— Никак нет, нанаец.

— Какую имел там профессию?

— Показывал на рынке разные штуки.

— Что за штуки, говори смело!

— А вот какие, подставьте ваше высокобесовское ушко.

Услыхав, что шепнул ему Прыщик, Сатана, грозно сдвинув брови, сказал:

— Убрать из моего ведомства этого чертова сына!

Что сказал Соломон Прыщик шефу Аида, до сего времени остается тайной.

ПАРА КОСЫХ

События, имеющие место в городе Ряжске на пороге третьего тысячелетия, у одних вызывали смех, у других слезы. Митинги и демонстрации, частенько переходящие во всеобщие побоища, происходили почти каждый день.

Выступающие перед народом горлопаны предлагали разное.

Один из популярнейших патриотов призывал как можно скорее идти к теплым морям, омыть в их водах кирзовые сапоги наших солдат.

Другой, не менее популярный, утверждал: чтобы сэкономить деньги, чтобы выплатить зарплату учителям, нужно не идти к теплым морям, а устроить их тут, возле города.

Третий настаивал на твердой руке.

И только один человек, штатный бомж Натан Пепельников, безучастный к этим возвышенным идеям, сидел у входа в павильон «Пиво—воды», положив перед собой замусоленную шапку и философствовал, прикидывая, сколько потребуется бульдозеров, чтобы стереть этот задрипанный городишко с лика земного, сколько нужно времени и сил, чтобы сжечь это дерьмо со всеми потрохами?

Затем мысли приняли другой оборот.

Если Пепельников не насобирает хотя бы пару косых, то Симка, уборщица при вокзале, не пустит ночевать, твою мать!

Никто пока не подавал.

ЗНАКИ

Евгений Ерофеич Варшавский, выпускник Московского университета, по профессии биофизик, по должности преподаватель Ряжского педучилища, с недавних пор стал замечать в избе присутствие посторонней силы.

Решив покончить с неопределенностью, сходил в продмаг, купил бутылку водки «Распутин» и, придя домой, поставил пузырек на стол вместе с банкой килек в томатном соусе, двумя солеными

огурцами, прихваченными по пути на рынке, стукнул кулаком по столу, сказав:

— Выходи, черт лысый, хватит придуриваться!

— Вот он я, — подал голос черт, слезая с печки.

— Не надоело, чего увязался, тошно в этой дыре?

— Без меня еще тошней. Согласись, доставил я тебе в некотором роде развлеченье, пока догадался, в чем дело? Умная голова, ничего не скажешь, такой голове на весь мир светить, а не прозябать среди провинциального невежества!!

— Льстишь, черт, не может ваше отродье по стародавней привычке жить без лести. Теперь выкладывай, зачем пожаловал, не за душой же моей?

— Не за душой. Душ сколько угодно, перед вратами Аида очередь. В год раз производим ревизию, кое-кого изгоняем в Рай. Еще добавлю: взгляд людей на нашу деятельность устарел. Николай Васильич Гоголь со своим «Вием» устарел, повесть больше смахивает на сказку, чем на реалистическое произведение.

Если бы шефу надоел школяр Остап, он бы вызвал к себе в канцелярию, поговорил по душам, потом отправил его подальше преподавать латынь таким же балбесам, как он сам. Все страсти-мордасти, которые развел великий писатель, не стоят выеденного яйца. О Гете не говорю, у этого сплошные сантименты. Пушкин Александр Сергеич в стихотворении «Гусар» (помните: «Скребницей чистил он коня, а сам ворчал, сердясь без меры») угадал суть дела.

Шутить и развлекаться — наш девиз.

— Но подожди, черт тебя подери, что мелешь? Разве можно смешивать божий дар с яичницей, смешивать искусство с реальной жизнью?

— Почему нет? Разве не писано в Библии, что Бог создал человека и увидел, что это хорошо? Где,

разумеется, акт создания есть искусство, а человек — природа, реальность. Что можешь возразить, молчишь, несовершенная тварь?

— Возражаю!

— Возражай, возражай! А я возьму приоткрою маленькую страничку Бытия, не страничку, крошечный уголок.

— Открой, премного буду благодарен.

— У людей говорят и пишут о том, что придет время, когда настанет время Страшного суда, да? Кто будет судьей, думал?

— Не знаю, но предполагаю, сам Всевышний?

— Вот, вот, ваш никчемный род способен только к одному, «предполагать».

Отвечу без предположений — Сатана! Неужели ты и тебе подобные могли подумать, что Светлый, Ясный, Сияющий Господь взвалит на плечи грязную работу.

— Вкрадывалось сомнение, но об этом страшно подумать.

— Чушь, царство на земле принадлежат моему Благодетелю. Разве забыл, чем Он соблазнял Спасителя, предлагал все царства на земле? Как ты думаешь, мог Сатана обещать то, что ему не принадлежит? То-то, друг любезный, не мог!

— Какова роль Спасителя?

— Не знаешь? Роль защитника, как прежде выражались, ходатая. Ладно, хватит трепаться, на улице рассвет, у нас водка вся. Не в службу, а в дружбу, сбегай, дорогой Евгений, в магазин, купи пару бутылочек!

— Сбрендил? Какие бутылочки? Магазин закрыт, продавцы дрыхнут как сурки.

— Мы остановим время на время, потом переведем часов на восемь назад.

Понимаю, забавная эта история может показаться вымыслом, бредом! Но были знаки, которые перед уходом черт начертил на крышке стола:

Круг

Треугольник

Квадрат.

После нелегких размышлений, выкладок, Евгений Ерофеич пришел к заключению:

Круг — Бог, замкнувший на Себе энергию Мироздания, Его дело: Любить и Миловать.

Треугольник — Спаситель, Защитник перед Отцом.

Квадрат — Сатана, Обвинитель всех и вся.

Все!

КРУЖКА ПИВА

По дороге в сторону реки шел тракторист Василий Сурков.

Шел не один, вел за собой привязанную за веревку из мочала собаку.

Которую собирался утопить.

— Вот сейчас дойдем до реки, привяжу железяку к шее — и концы в воду.

Что прикажешь делать,

Харч вон как вздорожал!

Колбаса более тысячи стоит за кг.

С ума можно спятить!

Картошка, которая прежде продавалась по 10 коп., продается по сто рубликов, и не хухры-мухры.

Избавлюсь от чертяки, закончил монолог Василий, поеду в райцентр, выпью с приятелями пивка — и ладушки.

Тут позади Василия кто-то хихикнул:

— Хи-хи-хи!

Обернулся.

— Кто там?

За веревку не Жучка, а черт привязан.

Он-то и хихикает вовсю.

Василий. Ты чего?

Черт. Так, ничего. Утоплю тебя, подамся в город, выпью пивка с приятелями.

Услыхав такое, Василий бросил веревку, а сам пустился наутек.

Когда примчался домой, первое, что увидел, — лежащую возле конуры Жучку, которая посматривала на хозяина хитрыми гляделками.

С этих пор у Василия отпала всякая охота топить собаку, несмотря на дороговизну продовольствия.

Хотя когда он покупал Жучке что-нибудь вкусненькое?

КУЗНЕЦ СВОЕГО СЧАСТЬЯ

Не повезло.

Продулся черт в карты. Хотел поставить хвост на кон, как последний шанс, но игроки только посмеялись.

Вспомнил, есть поговорка:

Каждый человек — кузнец своего счастья.

Чем черти хуже?

Говорят, ведем род от Каина.

Иначе откуда?

Побежал в ближайшую МТС к кузнецу.

Просит:

— Научи кузнечному делу!

— На хрена?

— Счастье буду ковать!

Ладно. Сбегай в универсам за водкой.

Взял черт деньги.

И дра-ла-ла.

Через полчаса прибегает, взмыленный, как черт, с пустыми руками.

— Водка где?

— Не дали. Не хватило тугриков. Цена подскочила в два раза.

Кузнец. Возьми стольник!

Опять осечка. Цена поднялась на несколько пунктов.

Скачет черт до сих пор из кузни в магазин, из магазина в кузню.

Цена на водку скачет вместе с ним.

МУЗЕЙ ВОСКОВЫХ ФИГУР

Когда на царя земных и подземных царств обрушивалась, как кара небесная, вселенская хандра, он торопился развеяться, отыскивая для этой цели какой-нибудь оригинальный способ.

Сегодня решил вызвать простого смертного из мира людей. Осчастливить доступным, понятным простому смертному способом.

Получилось вот что:

Выбор пал на обывателя российского города Ряжска, расположенного в рязанских пределах.

Обывателем оказался Вова Деревяшкин, который и предстал пред темные очи Сатаны.

— Что, Вова, как поживаешь? — поинтересовался царь тьмы.

— Неважнецки поживаю. Не я один. Вся держава гибнет под гнетом ненавистной демократии. Нужна твердая рука. Ее нет!

— Ладно, без тебя в курсе. Докладывают. Скажи лучше, чем занимаешься сам?

— Служу сторожем в универсаме.

— Родители?

— Отец — русский. Мать — зубной техник.

— Хорошо. Теперь вот что, даю шанс, можешь загадать желание, я его выполню.

— Хочу быть фюрером!

— Каким фюрером?

— Как Адик Гитлер!

Задумался Сатана.

Забыл за множеством рутинных дел о не очень удачном творении. Возник в сознании неясный образ шебуршистого человечка с чаплинскими усиками.

Немало подивился Сатана странному желанию. Делать нечего, нужно выполнять, раз обещал.

— Ладно, пусть будет по-твоему.

Тотчас новоявленный фюрер взвился ввысь и вылетел из-под земли с космической скоростью.

Оказавшись в родном городе, ощутив в себе необыкновенный прилив сил, наш герой направился в горстоловку, где обычно выпивал по вечерам с приятелями.

С порога, выбросив вперед привычным жестом правую руку, провозгласил:

— Хайль фюрер Деревяшкин!

— Ты что, Вова, чокнулся?— поинтересовались дружки. — Мы же тебя знаем как облупленного, какой ты, к ебене фене, фюрер?

Но Деревяшкин упорствовал.

И потерпел фиаско.

Был едва не до полусмерти избит собутыльниками. Затем отправлен в отделение милиции подоспевшим на шум участковым.

Капитан Лопатин со своей стороны врезал нарушителю спокойствия по шее хорошего леща.

Когда Деревяшкин снова начал выкрикивать, что он настоящий фюрер, капитан приказал отправить дебошира в дурдом, посчитав, что у того после ежедневной попойки поехала крыша.

Прибыв на новое место жительства, Вова принялся сочинять книгу, в которой делались намеки на какие-то холодные и теплые моря.

Но тумаки и подзатыльники продолжали сыпаться со всех сторон.

От врачей

От медперсонала

От таких же больных, как он.

Не выдержав издевательств, Вова смылся из психушки и явился к Сатане с жалобой на весь мир.

— Как делишки, — поинтересовался глава подземелья, — насладился перевоплощением?

— Обманут Тобой, Сатана, и собственным народом! Хотел организовать прекрасную жизнь, обустроить Россию, а напоролся на непреодолимую стену. Отвергли идеи великого человека!

— Сам виноват, — ответствовал Сатана, — не я выбирал желание. Фюрера из тебя смастерил настоящего, а подобрать подходящие обстоятельства бессилен сам Бог. Иди в свой мир с миром, голубчик, радуйся, что остался цел. Желанье надо выбирать поскромней.

Когда разочарованного, огорченного до крайности Деревяшкина выдворили из приемной, один из прихлебателей поинтересовался у шефа, что теперь делать с этим странным посетителем, не отправить ли обратно в дурдом?

— Нет, этот человек достоин лучшей участи. Пошли-ка его в столицу, в Москву, на должность директора музея восковых фигур. Надеюсь, такая

служба придется строптивому субъекту по душе. Пусть командует бывшими:

Цезарями

Королями

Президентами.

Прав оказался Сатана.

Чувствует себя в музее Деревяшкин как рыба в воде. Днем принимает посетителей, подписывает разные бумаги, по ночам устраивает смотры безмолвным подчиненным. Произносит зажигательные речи.

Вроде:

Ничто не забыто, никто не забыт!

Наше дело правое, враг будет разбит!

И скорей всего, по ошибке:

Коммунисты, вперед!

Если на глаза попадается Адольф Гитлер, Деревяшкин грозит ему кулаком.

ДОСУЖИЕ ВЫМЫСЛЫ

По поводу темных сил дьякон церкви Пресвятой Богородицы, человек образованный, но большой любитель заложить за воротник, отзывался так:

— Где Ад?

Под землей?

Нету там никакого Ада. Только огненная лава, которая иногда выходит наружу, доставляя людям ощутимые неудобства.

Черти, по мнению дьякона, живут не под землей, а крутятся среди нас, как черти.

Никаких хвостов или других излишних принадлежностей у них нет.

Все это досужие вымыслы атеистов.

НЕОБЪЯСНИМОЕ ЯВЛЕНИЕ

Кузнеца Арнольда Гирькина лягнул во время ковки старый сивый мерин.

Конечно, Гирькин, хоть отыгрался на мерине, врезав раза два хорошо рашпилем по ребрам, однако, сознавал: виноват сам, не смог предположить, что старая развалина не разучилась лягаться.

Но факт.

Колено распухло.

И опухоль увеличивалась с каждым днем.

Позвали знахарку бабку Ульяну, которая, посмотрев на опухоль, попросила подать подойник.

Потом вынула из кармана замусоленной телогрейки шило, ткнула в колено.

Как из водопроводного крана, потекла красная жижица.

— Кровь? — удивился кузнец.

— Не все кровь, что красного цвета, — прошепелявила старуха и выплеснула содержимое во двор.

Жидкость вспыхнула, горела всю ночь, окрашивая округу в розовое.

Обитатели, жившие по соседству, ничего не заметили.

КОРЫТО

Поселились у не очень старой бабы Шурки черти, целые три штуки. Откуда взялись, неизвестно.

Распалилась на них баба:

— Уходите, проклятущие, житья от вас нету!

— Какого житья, — поинтересовались черти, — думаешь, не знаем, отчего мужик дуба дал? Прекраснейшим образом осведомлены. Водкой опился.

И тебя, дуру, всю жизнь колотил. По этой причине состарилась раньше положенного срока.

Баба отвечала:

— На то мужик, чтобы пить, жену бить, не пьют только те, у которых денег нет да кому не подносят.

— Правильно, баба, говоришь, но мы твоему житью не помеха.

— Помыться как, что же мне, при вас раздеваться догола?

— Не съедим. Мы существа бесполые. Так что не стесняйтесь, — захихикали черти.

И принялись ублажать хозяйку.

Притащили большое корыто. Перину вместе с подушками где-то свистнули.

Помоют бабу. Спинку мочалкой потрут. Поясницу и все остальное помассируют.

Так хорошо пошли дела, что через некоторое время Шурку не узнать. Раздобрела от хорошего житья, порумянела, как пирожок.

Скоро жених нашелся. Столяр коммунхоза, непьющий, некурящий.

Как только баба привела в избу мужика, черти потихоньку смылись.

Корыто и перину с подушками оставили, как напоминание о пребывании.

КРУГОВАЯ ОБОРОНА

Администрацией города Ряжска получен факс такого содержания. Подпись неразборчива: то ли Чертов, то ли Четверочертов.

Первое. Провести в городе Ряжске и прилегающих к нему землях всеобщую амнистию зеков: быто-

виков и политических, находящихся под следствием за попытку государственного переворота.

Второе. Территорию тюрьмы, строения, расположенные на территории, передать в пользование коммерческому предприятию «Импульс» с целью последующей реорганизации тюремного комплекса в городское казино.

Присланное распоряжение смотрелось так убедительно, что не вызвало со стороны чиновников ни малейших возражений.

Казино работает круглосуточно, как хорошо отлаженный компьютер, напичканный различными программами.

Игра идет по-крупному. Приносит солидные доходы городу и шустрому чиновному люду.

А по улицам в это время рыскала банда грабителей из бывших зеков под руководством бывшего начальника милиции российской или кавказской национальности.

Первой жертвой оказалась бабка Анисья, у которой отняли пенсию в двадцать тысяч рублей. Хотели изнасиловать, но главарь запретил.

Вторым — инвалид Отечественной войны второй группы коммунист Селезень. У него отодрали деревянную ногу и забросили на крышу бывшего райкома КПСС.

Бабка Анисья слезно уверяла, что набросились на нее черти.

Комуннист Селезень ничего не сказал, поскольку с пионерского возраста числился атеистом.

Городская власть по поводу усиления в городе криминальной обстановки заняла круговую оборону.

Аминь.

НЕСОВЕРШЕННЫЙ МИР

Решил черт погулять по белому свету. Посмотреть, как наверху поживает род человеческий.

Для маскировки прикинулся собакой.

Зря.

Налетела стая голодная озверевших псов. Едва не растерзали. А еще пьяный мужик раза два врезал дрыном по горбяшке.

Когда любитель прогулок приполз обратно в Ад, коллеги спрашивали:

— Что стряслось, дружок, откуда такое буйное количество синяков и шишек?

— Да знаете, — отвечал черт, — мир несовершенен. У русских подавно. Дороги скверные. Одни колдобины. Споткнешься — шишка на лбу.

Когда возвращался, пробегал мимо рыночной торговки на базаре.

И эта старая грымза огрела каким-то тяжелым предметом.

О собаках черт не сказал ни слова.

КИРПИЧИ, БОЧКИ

В городе Ряжске объявили выборы мэра.

Кандидата два.

Оба из одной партии.

Первый — директор пивзавода.

Второй тоже директор, но предприятия, где изготовляется кирпич.

Началось.

Директор пивзавода покатил на конкурента имеющиеся в наличии бочки.

Тот не остался в долгу.

Выстроил кирпичную стену. Отстреливается кирпичами до сих пор, хотя давно в город введены войска соседнего государства.

Прежняя власть ликвидирована.

Жители сидят тихо.

Позже поползли слухи, что к этому делу сам Сатана руку приложил.

Так ли?

БОЛЬШОЙ САРАЙ

Амангельды Петров в поселке на Чукотке занимал две важные должности.

С одной стороны, был шаманом, с другой — состоял вторым секретарем райкома КПСС.

Одно другому не мешало, до тех пор пока по приказу высшего начальства не послали человека для повышения знаний в партийную академию.

Потом, сколько ни просился в родные края, отправили в места непривычные, в город Ряжск Рязанской области первым секретарем райкома.

По приезде в незнакомый город приказал он построить большой сарай, в нем, чтобы не видно, поставил юрту.

Стал жить.

Чукчи, которых в городе проживало штук двадцать, сразу распознали своего шамана, приходили, когда возникала нужда.

Он не отказывал, помогал.

А затем и по городу пополз слушок, что первый секретарь обладает особенностью излечивать людей от всякого рода недугов.

Тут и русские потянулись один за другим.

Амангельды говорил:

— Чукчам моя помогает, чукчи верят.

Русским не помогает, русские не верят.

Когда слухи дошли до областного начальства, оно приказало принять меры, Петрова арестовать и доставить под конвоем в область.

Майор милиции Казулин, большой любитель по части выполнения приказов, прознав, что к Амангельды пришла за помощью женщина с высохшей рукой, взяв десятка полтора милиционеров, ворвался в сарай.

Ни юрты, ни женщины, ни самого Амангельды там не обнаружил.

Только остатки костра дотлевали посреди сарая, да тоненькая струйка дыма струилась в потолок.

Сам Амангельды Петров сгинул навсегда.

Женщина возникла в городе Пронске у тетки.

Что было, как к тетке попала, сказать не могла.

Единственная памятка заключалась в том, что рука стала как живая, сухость прошла.

Значит, и русским Амангельды помогал немножко.

ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ

Хоронили первого секретаря Ряжского райкома партии тов. Зуева.

Собралось избранное общество, вся партийная и советская номенклатура.

После ярких траурных речей, трогательного прощания могильщики заколотили последний гвоздь в крышку гроба, подняли на лямках, чтобы потихоньку опустить в могилу, но почувствовали такое, отчего по телу забегали мурашки даже у этих видавших виды хмырей.

Гроб вместе с покойником оказался легким как пушинка.

Бросили. Пустились наутек, но были схвачены охраной и возвращены назад.

Сам гроб бухнулся на землю. Крышка отлетела в сторону. Покойника в домовине не оказалось.

Подушка, сшитая из алого шелка, исчезла.

Начальник милиции майор Хорьков, пошептавшись с начальником ГБ, приказал опустить гроб в могилу, делая вид, что ничего не произошло.

Грянула духовая музыка.

Обошлось.

На могилу навалили кучу живых цветов, траурных лент от общественных организаций.

Далее.

Ночной сторож Кузьма Кузьмич Бердников, побывавший вместе с другими райкомовскими на похоронах, придя вечером на работу, почувствовал особую атмосферу, шепоток по ковровым дорожкам, кабинетам.

Вокруг ни души.

Создавалось впечатление, что происходила значительная работа на всех этажах власти.

В двенадцать часов ночи мимо Кузьмича прошмыгнули: начальник милиции вкупе с начальником ГБ и скрылись в кабинете первого секретаря.

Перепуганный Бердников успел заметить, что в кабинете на почетном месте восседает тов. Зуев. Вдоль стола расположились начальники отделов, другие секретари.

Первый секретарь выкрикивал, как автомат, что процесс пошел. Полковник Гусев, командир местного гарнизона, вторил, что пошел в нужном направлении. Представитель финансовых кругов города твердил: не совсем пошел, для полноты картины нужно ускорить темпы приватизации, распродать землю.

На другой день Кузьмич пришел к настоятелю церкви Пресвятой Богородицы отцу Никифору. Рассказал, как есть, что видел, слышал в райкоме.

Батюшка повел себя странно, принялся доказывать Кузьмичу, тыча указательным пальцем в грудь, что Кузьмич в этих делах не смыслит, потому что вечно пьян, пьяному и не такое померещится.

Но Кузьмич знал твердо: пить бросил полгода тому назад, что за это время ни капли во рту не побывало.

Еще подумал, что батюшка с ними заодно.

С тех пор в церковь ни ногой.

Помолится в клети, и баста!

ЗАПУТАННАЯ ИСТОРИЯ

Милицейский старшина Карасик, закончив дежурство на перекрестке двух улиц — Пролетарская и Трудовая, сдав дежурному по отделению милиции младшему лейтенанту Завирюхе табельное оружие, возвращался домой.

Путь пролегал мимо дома предгорсовета Минкина.

Поравнявшись с домом, Карасик заметил странное явление. В окнах вспыхивал то красный, то синий свет.

Старшина решил заглянуть в окошко.

То, что увидел, поразило еще больше.

— Черт знает что, — подумал старшина, — дайка зайду, узнаю, в чем дело.

Зашел.

Благо дверь не заперта.

Еще больше удивился. В комнате пусто. Во всем доме ни души.

На столе выпивка, закуска. От окурков в пепельнице исходил непонятный сладковатый запах.

Все.

Дальше полный провал памяти.

Очнулся дома, ощутив себя лежащим рядом с булкообразной супругой.

С этого момента жизнь Карасика пошла не в ту сторону.

Усилия вспомнить, что произошло после того, как сдал пистолет, оказывались тщетными.

Неприятность состояла в чем: мысли так одолели, что бедолага начал хиреть и, в конце концов, заболел основательно.

Наступил день, когда не мог не только пойти на работу, но и встать с постели.

Врач, вызванный из поликлиники, осмотрев ослабшего Карасика, резюмировал, что нарушений в организме старшины не замечает, что надо пройти тест на СПИД.

Жена в слезы.

Карасик не обратил внимания на слова, сказанные местным светилом. Он-то знал, в чем дело, что его мучит. Желание вспомнить события вечера накатывалось на сознание волна за волной.

Еще через несколько дней, будучи при смерти, очнулся часов в пять утра, заметив рядом сидящее косматое существо.

— Все, — подумал старшина, — пришел черт по душу, — а вслух произнес: «Кто ты?»

— Черт.

— По мою душу пришел?

— Нет.

— Что?

— Помочь хочу

— Откуда взялся?

— У соседа живу. Решил оказать дурню содействие.

— Как ты окажешь содействие, если я сам понять ничего не могу?

— Так, давай вспоминать, что произошло после, как сдал пистоль.

— Пошел домой.

— Дальше что?

Карасика озарило.

— Вспомнил. В доме предгорсовета совершенно голая продавщица Дунька Петухова сидела на закорках у голого преда.

Через неделю после разговора с чертом старшина Карасик от болезни оправился, вышел на работу. Только там узнал новость, что как раз тогда, когда валялся больной, как бревно, в городе Рязани в номере гостиницы найден мертвым с проломленной головой городской голова.

Предположительно преступница — женщина, скорей всего, проститутка, которой удалось скрыться.

Продавщица Дунька с тех пор сгинула из города навсегда.

ПРИВЫЧКА

У Аллы Мешковой, медсестры горбольницы Ряжска, неизвестно с какой стати вырос небольшой, сантиметров десяти, хвостик.

Как избавиться от нежданного подарка?

При здравом размышлении сделать это оказалось нетрудно, не голой же ходит она по улицам города, под платьем хвостика не видно.

Летом?

Вдруг высунется из-под шорт или купальника?

Но и это поправимо.

На пляж можно не ходить, сказать подружкам, что врач запретил находиться на солнце, вместо шорт носить джинсы.

Самое опасное — дети, всегда подглядывают.

Главная беда — Костик, ведущий хирург больницы, долголетний любовник, от него не открестишься.

Ничего не поделаешь.

Призналась.

Он, опытный хирург, решил помочь. Сказал, можно сделать операцию, удалить лишний отросток.

Сделали.

Увы!

После непродолжительного выздоровления хвостик вновь вырос в больших размерах.

Страдала Алла.

Сильно страдала.

Когда страдать надоело, плюнула, даже принялась похваляться перед подружками, что не такая, как другие.

Ничего.

Сама привыкла.

Другие привыкли.

Некоторые завидуют.

ЧЕРТИ ОКАЯННЫЕ

Трое сотрудников Ряжского управления МВД: майор Копылов, лейтенант Подкопаев, старшина Пчельников, выпив предварительно по паре стаканов местной водки, потягивали пивко, расположившись на скамейке парка культуры и отдыха.

От нечего делать поругивали свое и областное начальство, пели песню «Из-за острова на стрежень...».

Когда надоело, пошли домой, ибо были соседи, жили в одном доме, на одном этаже.

Пришли черт-те куда.

С одной стороны, дом вроде тот, в котором живут, с другой — похож на Большой театр в Москве.

Из подъезда выскочил вихлястый молодой человек восточного обличья, распространяя во все стороны сладковатые улыбочки.

— Пройдемте, пройдемте.

Ждут!

Ждут!

Ждут!

И они оказались в кабинете своего непосредственного начальника, где за столом сидел монстр из ЦК КПСС, или сам шеф подземного царства.

— Протестуем против незаконного задержания,— неуверенно проквакали сотрудники МВД.

Сатана. Тихо, черти! Отвечайте, взятки берете?

— Не берем!

Голос откуда-то с потолка.

— Врут, врут, врут. Берут.

Да еще как дерут!

— Воруют?

— Почем зря!

Сатана. Всыпать по сорок палок. И чтобы в органах больше не ошивались, а шли горбячить на завод чернорабочими.

На другой день думали-думали, ничего не придумали, что же за история приключилась?

Финал таков.

Майор Копылов устроился в совместное предприятие. Зарплата 500 зеленых.

Лейтенант баллотировался в городскую думу, был избран.

Старшина охраняет хлебопекарню.

Ворует потихоньку муку.

ВИЗИТЕР

Проживал в городе Ряжске поэт Иннокентий Буянов.

Несмотря на фамилию, разбойничал только в стихах. В быту показывал себя с хорошей стороны, был человеком скромным, понимая, что по причине хронического безденежья высовываться не приходится.

К нему-то в городской столовке подсел довольно развязный тип из кавказцев.

— Что, выпить хочется, а монеты поют в кармане романсы?

— Тебе какое дело?

— Мне до всего дело, потому что черт.

— Врешь?

Черт. Чего врать. Сунь руку в правый карман! Сунул? Что нашел?

Буянов. Гы-гы-гы! Червонец.

Черт. Так-то!

Буянов. С какой стати ты мне червонец одалживаешь?

Черт. Не одалживаю, дарю!

— Тем паче?

— Симпатичен. Что-то в тебе есть такое. Живешь в подвальном помещении, страдаешь от притеснения участкового, потому что нигде не работаешь, а это ведь у них называется тунеядством.

— И это знаешь, черт пархатый?

— Как же, у нас полная компьютеризация. Весь род человеческий помещен в банк данных. Игры всякие есть. Шеф Аида обожает в игры играть. Вчера включил компьютер, на дисплее вместо игр картинка выскочила. Стоит какой-то Л.И. Брежнев на пьедестале, а подпись гласит:

ПОЭТ БУЯНОВ

Сатана заинтересовался твоей личностью. Когда узнал, что проживаешь в подвале, над головой грохочут грузовики, то сначала возмутился, потом распорядился выхлопотать квартиру поприличней. Пойдем, покажу.

Квартира оказалась — мечта. На кухне холодильник, стиральная машина.

Подивился Буянов.

Про себя подумал.

— Стиральная машина на хера, если у него одна рубашка, которая на себя надетая.

Черту сказал.

— Выгонят, как пить дать выгонят.

Черт. Не беспокойся. У нас без надувательства. Вот ордерок серия СА № 888. Живи.

В самом деле пришла на следующий день повестка из РЭУ такого содержания: «Просим погасить задолженность по квартплате за март месяц текущего года».

Вот образчик творческой деятельности поэта Буянова.

Войн дим
Остал дым.
— Солд беж, а...
Куда, куда
Да

Стихотворение в свое время было опубликовано в местной газете «Молодой энтузиаст».

СИБИРСКОЕ РАЗДОЛЬЕ

Жители села Нагорное Ряжского района Рязанской области имели по большей части фамилию Тараторкины.

Но одна Тараторкина по прозвищу Зубоскалка была всем Тараторкиным тараторка.

Через некоторое время благодаря этим своим качествам окрутила она тракториста, бригадира тракторной бригады, который поначалу казался ничего, а потом выяснилось — пьянь.

Бил он ее регулярно по понедельникам и пятницам, приговаривая:

«Бабу надо учить, как жить. Если бабу бить, то она в постели делается попроворней».

Тараторкиной такое обращение со стороны мужа не понравилось. И решила она извести его со света.

Припасла со склада мышьяку да и сыпанула благоверному хулигану в щи, который, промучившись всю ночь, к утру дал дуба.

Все бы обошлось. Похоронили мужика на сельском кладбище.

Но соседка, курва, которая через дом и у которой прежде был глаз на тракториста, видела, как Зубоскалка брала мышьяк со склада.

Донесла.

Приехала следственная комиссия. Провели эксгумацию.

Судили.

И загремела Тараторкина в сибирские раздолья сроком на десять лет.

Как она там кувыркалась, неизвестно. Но освободили ее через три.

Скорей всего, скалила зубы да крутила крутой задницей.

И вот что сделала эта стрекоза, вернувшись в село.

Возле села протекала речка Рановка. Через речку мосток.

Так вот.

Проследила Зубоскалка, когда доносчица возвращалась с фермы после вечерней дойки, натянула поперек мостика веревку, забралась в кустики и стала ждать.

И все произошло, как она предполагала.

Зацепилась соседка ногой за веревку и вместе с подойником в речку — бух!

Буль,

Буль!

Охнуть не успела.

Вылезла баба из кустов, и, как ни в чем не бывало, направилась домой.

Все тихо.

Но дня через два пришла Зубоскалка в избу, а за столом соседка.

— С нами крестная сила! — только и успела произнести.

— Ну что, — сказала соседка, — давай мириться. Я на тебя, ты на меня, что нам делить? Будем самогонку гнать. Деньгу зашибать.

Так и поступили.

КОРМИЛИЦА

Подохла у мужика корова
Думал
Думал
Потом зарыл за селом
Плохо спится
Тревожно
Сходил
Поставил крест на могиле кормилицы
Теперь приходит она каждую ночь
Даст молока
И убирается на тот свет

ДВЕ ПАРТИИ

В городе Ряжске при выборах в местный парламент борьбу между собой вели две партии.

В основе первой лежала идея В.И. Ленина.

В основе второй — взгляды И.В Сталина

Несмотря на близость позиций, борьба разгорелась нешуточная. Стенка на стенку, с применением подручных средств в виде дреколььев, выломанных из заборов обывателей.

То ли черти подшутили, то ли еще что, но вскоре рядом с памятником Ленину возник памятник Сталину.

Ильич подмигивает,
Иосиф Виссарионович кивает.
Один подмигивает,
Другой кивает,
Один подмигивает,
Другой кивает.
Так до сих пор.

ЗРЕЛИЩЕ

Хоронили видного сановника, директора Ряжского леспромхоза товарища Зубарева. Поглазеть на это зрелище приперлась добрая половина города. Венков, траурных лент набралось столько, что пришлось погрузить на грузовик.

Когда траурная процессия достигла центра города, произошло нечто.

Покойник высунул голову из гроба и крикнул:

«Пошли все к черту!»

Это была голова не директора леспромхоза, а бывшего подполковника милиции Убыткова, уволенного из органов за взятки и грозившего отомстить местным властям за увольнение.

Тут уж горожане бросились кто куда, в основном в сторону винного отдела гастронома.

Гроб с покойником, подпрыгнув метров на пять, взорвался.

Взрыв оказался такой силы, что его слышали крестьяне соседних деревень.

К счастью, ни окружающие площадь дома, ни обыватели, живущие в них, не пострадали.

Только памятник В.И. Ленину накренился слегка в правую сторону.

Поправел!

ПУСТОЙ ПРИЛАВОК

Иду по Центральному рынку. Мордастая тетка торгует кочнами капусты.

Присмотрелся:

Отрубленные человеческие головы лежат.

Ленина

Троцкого

Бухарина

Сталина в компании с каким-то знаменитым уголовником

Далее полководцы

Маршал Жуков

Рокоссовский

Баграмян

Тут же Мартин Лютер Кинг

Шварценеггер

Рейган

Головы Ельцина и Клинтона валяются, небрежно брошенные на неструганые доски

Рядом голова поэта Сапгира, притиснутая к голове какой-то девушки

Художника Льва Кропивницкого

Моя

— Чего уставился? — спрашивает тетка.

— Интересно, когда рубили, почем продаете?

— Что рубили?

— Головы.

— Хулиган, чего брешешь, милиционера позову!

Посмотрел, в самом деле страж порядка движется в нашу сторону.

Когда обернулся обратно, ни тетки, ни капусты, ни голов...

Пустой прилавок красуется передо мной.

ПОЗДНИЙ КЛАССИЦИЗМ

На площади им. 25 Октября в городе Ряжске, возле керосиновой лавки, за одну ночь вырос добротный пятиэтажный дом в стиле позднего классицизма.

Вывеска гласила:

КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК

500% навару

Увидев такую лафу, народ бросился к невиданному до сих пор в российской глубинке заведению.

Деньги, только недавно выпущенные Министерством финансов под руководством т. Павлова, потекли в банк, как из водопроводного крана.

Красивые деньги.

Лучше не придумаешь.

Весна стояла на дворе.

Солнышко светило.

Травка зеленела.

Птички распевали.

Одно портило общее впечатление: снизу, откуда-то из банковских подвалов, доносился ехидный смешок, на который поначалу в суматохе не обратили внимания.

Потом этот смешок кто-то припомнил, но было поздно, трамвай ушел.

А дело шло своим чередом.

Придя домой, люди обнаружили, что бланки, которые дали в банке, оказались пустыми.

Бросились назад.

На том месте, где банк красовался, обнаружили торчащий из земли столб с наклеенной на нем бумажкой:

КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК ПЕРЕЕХАЛ
НА ДРУГОЕ МЕСТО

Куда переехал, не упоминалось.

Больно уж доверчив стал российский люд.

ПРОЦЕНТЫ

(Продолжение рассказа «Поздний классицизм»)

Вскоре на том месте, где стоял банк, выросло дерево, макушка которого уходила в небеса и там растворялась в неизвестности.

На коре ствола были вырезаны буквы:

КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК ТАМ

Стрелка указывала острием вверх.

Ходили люди вокруг дерева, ходили.

Нашлись смельчаки, полезли, чтобы узнать, что там такое?

Назад не возвращались; несмотря на это, за ними и другие поползли, как муравьи.

И тоже с концами.

Через три дня все оказались у себя дома, напрочь позабыв, что с ними было.

А еще через шесть месяцев каждый обнаружил на столе конверт со своими деньгами, да еще с процентами на них.

Думается, происшедшее можно объяснить вме-

шательством более высоких сил, которые припугнули шутников.

Но возникает законный вопрос, для чего нужны такие сложные ходы?

Тут уж человеческий разум бессилен что-то объяснить!

СВОЙ ЧЕЛОВЕК

Черт, уроженец города Ряжска, проживающий за печкой у мужика Павла Чумакова, решил посмотреть на мир, как там поживают его собратья-черти?

Ускользнув из избы обычным путем, через печной дымоход, через две недели мытарств по российским пределам оказался на Чукотке.

Мороз дерет.

На градуснике минус пятьдесят.

Чуть не окочурился.

Увидев наконец смешное, из меха сделанное жилье, в нем сидящего на оленях и одетого в оленьи шкуры чукчу, зашел.

Слегка отогревшись, обратился к инородцу с такими словами:

— Слушай, друг, дай попить чего-нибудь горяченького!

Чукча ответил:

— Говоришь ты, чужестранец, очень хорошо. Питье есть. Пью один вторую неделю. Теперь будем пить вместе.

Бухнул чукча в посудину едва не целую бутылку неразбавленного чукотского спирта.

Черта, хватившего этой жидкости, едва не хватила кондрашка.

Но потом обвык.

Чукча едва успевает мотаться в райцентр и обратно.

Туда

Сюда

Сюда

Туда

Вконец загнал лучшую оленью упряжку.

Наконец черт не выдержал, спрашивает у собутыльника:

— Когда же ты работаешь, бродяга?

— Моя работает. Моя хорошо ходит за оленями. Когда чукча гуляет, олени ходят за чукчей.

Едва началась в тундре весна, черт ушел к своему бывшему хозяину, к Герасиму.

Все же свой человек.

ОККУЛЬТНЫЕ НАУКИ

Маша Сорокина слегка разбиралась в ведьминских делах, которые теперь называются оккультными науками.

И вот, приехав в город Ряжск из далекого села, решила подыскать подходящую для молодой девушки работу.

Посоветовали обратиться в горторг.

Сунулась, а там одни черти.

В тресте столовых та же картина.

Походила,

Походила.

Собой недурна.

Вышла замуж за черта, следователя прокуратуры, обладателя трехкомнатной квартиры.

Осталась довольна.

РАЗИНЯ

Больше всего на свете Вале Красавкиной хотелось иметь шубу, на худой конец кроличью, крашенную под какой-нибудь дорогой мех, чтобы можно было зимой по морозцу бежать, прижав воротник к подбородку.

Тепло

Уютно

Но увы!

Шуба не предвиделась даже в самой далекой перспективе.

За двадцать тысяч, которые она получала в конторе Горгаз, работая счетоводом, не только шубу, но и рукавицы овчинные не купишь.

Но однажды, возвращаясь домой после киносеанса, обнаружила возле забора черный довольно вместительный портфель.

Когда пришла домой и открыла, то ужаснулась.

В портфеле лежали деньги.

Много денег.

Пачки новеньких тысячных купюр.

Первым движением было отнести деньги в милицию.

Но оказалось, что час уже поздний. И она решила оставить деньги у себя до утра. Хотя какой-то вражий голос нашептывал:

— Не сдавай, не сдавай. Купи шубу, купи сапоги, такие, как у жены директора.

Но портфель Валя отнесла.

Сдала под расписку дежурному лейтенанту.

Найденные деньги оказались украденными из сейфа городского сбербанка.

Дело это не получило бы огласку, но как раз в это время по каким-то своим делам в отделение милиции заглянул корреспондент местной газеты «Сегодняшний день» Алексей Топорков.

Он-то и написал статью о случившемся.

Делать нечего.

Пришлось городским властям раскошеливаться.

Дали девушке премию, шубу, как бы угадав ее сокровенные мысли.

Валины подружки твердили в один голос:

— Эх ты, разиня, оставила бы деньги у себя. Купила бы на них пять шуб. И еще что-нибудь.

Но самое смешное заключалось вот в чем.

Когда бухгалтерия сбербанка составляла отчет, то выяснилось, что никакие деньги из сбербанка не исчезали.

А вот куда подевались найденные, кассир сказать не мог.

Бормотал одно: что вечером положил их в сейф, а утром обнаружил чистые бумажки.

Доложить начальству побоялся.

От себя скажу.

И правильно сделал, затаскали бы по прокуратурам. А толку что? Концы с концами сходятся.

Начальство, хоть и выразило по этому поводу недовольство, но не очень чтоб.

Шубу у бедной девушки забрать назад не посмели.

ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ХРУСТОВ

Пробирался по центральной улице города Ряжска черт и чертыхался:

— Черт подери, чертовски хочется чего-нибудь такого чертовского!

Позади плелся жэковский электрик, давно уже обрусевший татарин Егор Ибрагимов.

Услыхав причитания черта, подкрался поближе и огрел его по башке сумкой, в которой таскал немудреный инструмент.

Когда черт как подкошенный брякнулся на бу-

лыжную мостовую, Егор связал его куском электропровода и, засунув промеж выключателей, розеток и другого хлама, продолжил путь.

Придя домой, высыпал содержимое сумки вместе с чертом на лавку.

— Отпусти, Егорушка, век тебя не забуду! — взмолился черт.

— Хитрый какой. Так я тебя за так и отпустил!

— А чего же ты хочешь?

— Гони шесть тысяч хрустов!

— Зачем они тебе?

— Вот еще, зачем? Схожу в универсам, куплю за пять тысяч бутылку водки «Распутин» нерусского изготовления, пару соленых огурцов да черняшки кусок.

Черт сказал, что это без проблем, пусть только Егор засунет левую руку в левый карман, правую в правый. Денежки уже лежат там.

Что Егор незамедлительно исполнил.

Только!

Засунуть-то засунул, а вытащить не может.

Как приклеились.

— Попался, — обрадовался черт, — вот теперь я тебя высеку, снимай штаны!

— Как же я их сниму, черт ты окаянный, если руки в карманах?

— И то правда. Можешь вынуть на минутку.

Но татарин Егор был хват. Как только руки у него высвободились, схватил черта за шкирку и давай охаживать по горбяшке чем попало.

Тут уж черт по-другому запел.

— Давай, Егор, мириться, что мы с тобой не поделили? Оба хорошие хитрецы.

Мир был установлен.

Побежал черт куда-то, притащил четверть неразбавленного спирта.

Пьют вот уже третий день.

12—4491

ЧЕРТОВНЯ

У комбайнера колхоза «Заря коммунизма» Толика Сальникова случился в доме пожар.

То ли пьяный Толик бросил окурок на пол, то ли еще что.

Погода стояла сухая, жаркая.

Если бы огонь перекинулся на соседние дома, быть беде. Пострадало бы все село.

Усилия людей в таких случаях бессильны.

Помогла чертовня.

Повыскакивала
Из всех домов
Углов,
Щелей.

И давай таскать из колодца ведрами воду. Обдирать с крыши солому.

Сбили огонь. Отстояли свое жилье.

Уф!

НОВАЯ ИЗБА

Что-то шмыг да шмыг под окном. Вышел мужик Семен Воробьев из избы, а это черт в окошко заглядывает.

Изловчился.

Цапнул за хвост.

— Для чего, спрашивается, в окошко подглядываешь?

— Интересно, зачем ты бабу свою целую ночь утрамбовываешь, а потом она тебя, да ногами дрыгаете?

— Детей строгаем, — отвечает мужик.

— Дай и мне разочек стругануть?

— Чего захотел.

Черт пообещал мужику избу новую поставить.

Посмотрел Семен, а промеж ног у черта крючок вроде самоварного крана торчит.

— Нет, с такой штукой не получится.

— Отращу.

И отрастил черт к другой ночи стругалку.

О-хо-хо!

— Вот это подходящая.

Научил мужик черта, что и как делать, а сам повернулся на другой бок и захрапел в обе ноздри.

Утром смотрит, а рядом ни бабы, ни черта.

Увел черт бабу у Семена.

Обещание, однако, выполнил. Избу новую, пятистенку, по фасаду в четыре окна, поставил незадачливому мужику.

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

Родила баба сына, а сама скончалась.

Погоревал,

Погоревал мужик.

И понес младенца в храм, чтобы окрестить.

Да не тут-то было.

Перед самым носом двери храма сами собой захлопнулись.

Когда же пригласил священника в избу, чтобы дома осуществить этот немудреный обряд, то в печке такой поднялся свист и вой, что батюшка плюнул во все четыре угла и убрался восвояси.

А сын так и остался нехристем.

Ничего.

Парень вырос ладный, работящий.

Мастер на все руки.

И телик может починить, и автомобиль. Одному ученому мужу даже компьютер исправил.

Что же это такое было?

Может, баба с чертом согрешила?

ТРИ МИНУТЫ

Шла ученица третьего класса средней школы города Ряжска Маша Скворцова на урок музыки.

Торопилась.

Навстречу мужчина, солидный на вид.

Подошел.

Спрашивает:

— Хочешь, девочка, покатаю?

Откуда смелость взялась у крохи?

— Хочу.

— Полезай на закорки.

Посадил мужчина Машу на плечи:

Держись!

Взвились в лазоревое небо наподобие американского космического челнока. Только ветер в ушах посвистывает.

Мужчина говорит:

— Пролетаем над Москвой.

Взглянула Маша. Перед ней Кремль как на ладошке.

Не только крыши дворцов и башен видны, но и что происходит внутри: столы стоят, на стенах картины, люди носятся по коридорам.

— Видишь, дедушка Ленин работает в кабинете?

— Не Ленин вовсе, а Ельцин. Ленин умер давно.

Долетели до Северного Ледовитого океана. Посмотрели на бесконечные льды.

Маша заскучала.

Попросилась домой.

Когда прилетели обратно, выяснилось, что путешествовали три минуты.

Маша даже не опоздала на урок.

Мужчина предупредил:

— Никому ни слова.

Но Маша, первая в школе болтушка, растрезвонила о случившемся по всему свету.

Таким образом история дошла до меня.

ДВАДЦАТЬ ОДНО

Шел опечаленный Гаврила Харитоныч домой. Было с чего. Цены за последнее время выросли вдвое, пенсию не прибавили ни на грош. Как давали двенадцать тысяч, так и осталось.

Что на них купишь?

Кукиш!

Проходя мимо покрашенного зеленой заборной краской дома, услыхал такие слова:

— Я тебе говорю, у меня десятка червей, а не валет трефовый!

— Что за чертовщина? — подумал Гаврила Харитоныч. — Дом такой зеленый откуда взялся?

Любопытство одолело мужика, заглянул в дверь.

Черти за столом в очко режутся.

Кричат Гавриле:

— Чего стоишь, присаживайся!

Сел.

Бросили карту.

Посмотрел — семерка червей. Самая бездарная карта.

Ну да ладно.

Когда-то Гаврила Харитоныч любил в картишки с друзьями переброситься.

Решил рискнуть. Поставил на кон пенсию, была не была!

К семерке туз пришел. За ним дама.

Что такое, по пути красавица дама бубей превратилась в шестерку.

Рассердился Гаврила Харитоныч, бросил карты да кулаком об стол!

— У нас так не играют. Я человек честный, вы шулера!

Тут голос из недр земных раздался:

— Кто смухлевал?

— Я, — пискнул молодой чертенок.

— Вернуть деньги!

Началось.

Набили Гавриле Харитонычу деньгами сумку, по карманам натолкали.

Голос из-под земли:

— Еще, еще!

Придя домой, высыпал мужик купюры на постель.

Куча.

Не менее двадцати тысяч.

Деньги оказались со странностями.

Купит что в магазине, выйдет за дверь, денежки — порх!

Опять у него в кармане.

ПАЧКА ПЕЧЕНЬЯ

В коммерческой палатке возле метро «Сухаревская» человек что-то покупает. Отсчитывает деньги. И вдруг бросается бежать, выкрикивая:

Чертяка!

Чертяка!

Подошел милиционер. Поинтересовался, что происходит.

— Чертяка в палатке торгует.

Милиционер: Чего врешь, пьян, что ли?

— Посмотри сам.

Подошли. На двери замок, внутри пусто. Нет никакого товара.

— Что скажешь?

— Да я... печенье-то, вот оно!

Пачку печенья человек держал в руке.

Вдруг она хрустнула, хрюкнула и на глазах собравшейся толпы растворилась в воздухе.

— Ну и дела, — сказал милиционер!

Плюнул и пошел прочь.

— А деньги, деньги, кто вернет деньги? — завопил перепуганный насмерть покупатель.

НАДПИСЬ

В городе Ряжске.

Сам собой.

На месте, где прежде стоял памятник вождю мирового пролетариата, за одну ночь, как гриб, вырос внушительных размеров камень. На нем красовалась сделанная с подтеками, зеленой заборной краской, надпись:

«Да здравствует коммунизм!»

Люди проходили, смотрели, но понять ничего не могли, что бы это значило.

Милицейские чины взволновались. Закрасили надпись.

Не помогло.

Соскоблили — не помогло.

Вызвали из области экстрасенса.

Поколдовал,

Не помог.

Надпись исчезла, взамен возникли мужские и женские половые органы, как в привокзальном сортире.

— Ладно, — сказал мэр города. — Оставьте, как есть. Поглазеют, поглазеют, потом надоест.

Мэр оказался прав.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ЧЕРТ

Поселился у Савика Шустрикова в избе черт.

Видеть его мужик не видит, а присутствие ощущает: то краюшка хлеба исчезнет, то молоко из крынки вылакает.

На днях оковалок сала со стола чуть не на глазах — тю-тю, исчез, и с концами.

Надоела Савику неприглядная картина. Догадавшись, кто шкодник, решил проучить.

Придумал.

Пошел в сарай.

Взял железную бочку.

Притащил в избу.

Вынул кляп.

И стал заглядывать в дырку, вроде внутри что-то интересное.

Черта разбирает любопытство, что усмотрел хозяин?

Когда мужик как бы невзначай отвернулся — черт шмыг в дырку.

Савик только этого и ждал.

Засунул кляп.

Сколько черт ни умолял выпустить на волю, Савик неумолим.

Выкатил бочку, пустил под горку.

Народ останавливается,

Удивляется.

Бочка

Катится,

Катится...

Зачем катится?

Куда катится?

ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ

Наташка Солнышкина, городская потаскушка, перефекалась со всеми мужиками.

Потом постарела, вышла из тиража.

Бедная, загнанная скотинка.

Ночевала на вокзале. Если гнали, перебиралась в котельную или на чердак.

Летом лучше, можно и на травке у забора прикорнуть.

Вдруг обнаружилось, что эта бывшая блядь является обладательницей аккуратненького, в четыре окошка, кирпичного домика.

Тотчас явилась милиция в лице участкового капитана Шохина.

— Откуда, сучка, домик взялся?

— С чертом переспала, подарил.

— Не бреши, падла!

Из домика Наташку выставили. Хотя в жэковских документах значилось: дом на законном основании принадлежит, как выразился начальник ЖЭКа, курве.

Поселили на Наташкиной площади бывшего подполковника внутренних войск, теперешнего начальника секретного отдела педучилища тов. Рыбникова.

В первую же ночь хулиганы с чулками вместо масок на головах выкинули подполковника на улицу вместе с мебелью и дебелой женой, которая вообще оказалась сидящей на дереве.

На другую ночь представление повторилось, на дереве сидел уже сам подполковник вместе с собакой.

Пришлось городским властям оставить Солнышкину в покое.

Она, не будь дурой, загнала дом за хорошие деньги в СКВ новорусам.

И укатила в другие, более привлекательные, края.

ВИНОВАТЫ ЧЕРТИ

Однажды в отделение милиции города Ряжска явился известный всему городу парикмахер и пьяница Василий Сухарьков, который официально, так он, во всяком случае, выразился, заявил: в том, что он беспробудно пьет, вины его нет, каждую ночь являются черти.

Начинается пьянство, к утру переходящее в свинство.

— Как, скажи, начальник, простому смертному удержаться, не выпить?

Пью.

Чья вина?

— Сидоров, — крикнул подполковник старшине Гавриле Сидорову, — вызывай, подлец, санитарную машину!

Подполковник знал дело.

Отправил Сухарькова в психушку на излечение, думая, что у того белая горячка и черти ему мерещатся.

Подполковник заблуждался.

В психушке началась такая пьянка, что перепились не только больные, но и медперсонал. Сама больница проспиртовалась настолько, что случайная искра из трубы соседней фабрики, залетевшая в окно палаты, вызвала взрыв, после которого на месте психлечебницы образовалась огромная воронка.

Приехавшая из области комиссия пришла к заключению следующего содержания:

«На месте больничного строения в подвалах во время Отечественной войны располагался склад боеприпасов, который позабыли обезвредить. Он-то и взлетел на воздух со всем дерьмом».

Мы видим, что дело обстояло не так, как хотелось местному и областному начальству.

ДЕЛО

Юрий Семеныч Ершов, человек предприимчивый, как только начались в России экономические реформы, одним из первых завел дело, открыл коммерческий ларек на центральной площади Ряжска.

Самый ходовой товар в городе — водка. Она имелась у Юрия Семеныча в неограниченном количестве.

Торговля шла бойко, что вызывало зависть у других.

В одну из ночей ларек исчез вместе с хозяином.

Жена Ершова — в милицию с воплем:

— Пропал муж!

Милицейский капитан Стручков, осмотрев место,

Изрек:

— Что врешь, дура, ларька тут не было!

— Как же не было, все знают, что был.

— Не было!

— Муж где?

Капитан ничего не сказал.

Ушел в отделение составлять протокол.

В теплую погодку исходит от земли, где стоял ларек, какой-то благодатный винный дух.

Пьяницы любят собираться тут.

ПИРОГИ С ГОРЧИЦЕЙ

Повадился черт к бабке Анисье пироги воровать.

Хорошие пироги, вкусные.

Ну, погоди, доберусь до тебя, чертяка!

Взяла да горчицей начинила.

Пробрался черт ночью, цап.

Куснул раз, второй, только на третий понял, в чем дело.

Взвыл.

Да вон из избы, как всегда, через трубу.

Бабка вслед:

— Вкусные пирожки?

ПРЕЖНИЙ

Во сне ли, наяву к бывшему первому секретарю Ряжского райкома партии явился человек.

Когда Виктор Самсоныч Брутилин пожелал выставить непрошеного посетителя за дверь, гость подал голос:

— Ты не узнал меня,

Я Леонид Брежнев?

— Иди, многие тут побираются прежние!

РЮКЗАК

Возвращался Владимир Пильников с дружками из турпохода, вернее, из леса, который располагался верстах в десяти от города Ряжска.

Время не грибное, не ягодное. Погода ничего, теплая. Отдохнуть удалось в удовольствие.

Костер был.

Зажарили на вертеле пару импортных кур. Выпили по бутылке на брата.

Возвратившись, заглянули в городскую столовку, там пропустили по стаканчику.

Особа средних лет незаметно подмигнула Пильникову.

За ней-то он и увязался, надеясь поживиться насчет клубнички.

Любовь получилась страстная.

Порой казалось, что не он, а она на нем катается верхом по избе.

И уж больно волосата. Ладно на ногах, спина шерстью покрыта.

— Шут с ним!

На другой день в бане кто-то заметил, что спина у Пильникова ободрана, вроде прошлись по ней металлической щеткой.

Тут до него дошло, что побывал в лапах у ведьмы. Хотя забыл у нее рюкзак и запомнил, где зараза живет, но второй раз в гости не пошел, подумав:

Рюкзак можно купить новый.

АЙС-КРИМ

Приехал черт из сельской местности в город Ряжск поразвлечься, подышать городским воздухом.

Подошел к двум парням возле палатки «Пиво—воды» и, решив щегольнуть образованностью, спрашивает:

— Где можно купить айс-крим?

Парни, громыхнув мускулатурой, переглянулись.

Хотя отродясь не слыхивали такого мудреного слова, но, решив, что перед ними фирмач, повели к местной проститутке Дуньке Зябликовой, решив, что уж у нее этого айс-крима полно.

Шли долго дворами и закоулками.

Наконец добрались.

Впихнули черта в избу. Сами присели на завалинке.

Через десять минут внутри раздался Дунькин истошный крик:

— Кого привели, коблы? У него промеж ног пустое место, а тело в шерсти!

— Так, — громыхнули парни еще раз мускулатурой, — кавказец, сука, попался.

И пошли на оторопевшего искателя приключений, врезав хорошенько по шее.

Черт задал стрекача к себе в Ад.

Когда дружки спрашивали, кто разукрасил?

Отвечал:
— Крым!
Рим!!
Карабах!
Бах!
Бабах!

ЛЫСИК И ТОЛСТИК

После того как два черта, Лысик и Толстик, расхулиганились в особо крупных размерах.

Именно:

Мать троих собственноручно задушенных детей, женщину тихую, посадили в котел с расплавленным свинцом вниз головой и хохотали, глядя, как несчастное существо дрыгает ногами,

Сатана не выдержал.

За проявленные мерзости отправил наверх ко всем чертям.

Таким образом Лысик и Толстик оказались в городе Ряжске.

Обнюхались.

Осмотрелись.

Решили заняться коммерческой деятельностью.

Пристроили на центральной площади к другим палаткам ларек по продаже пива и водки.

Дело не выгорело.

Прогорело!

Явился фининспектор. Пришлось отстегнуть.

За ним последовали:

Пожарный капитан
Санитарная комиссия
Главный архитектор
Участковый милиционер

Ко всему ночью местные мафиози подожгли предприятие незваных гостей.

Пришлось закругляться.

Умудренные опытом, арендовали в горпарке им. Максима Горького чертово колесо.

Дело пошло на лад.

ЖИВЫЕ КИРПИЧИ

Люди кавказской или китайской породы купили или арендовали кирпичный завод.

Забор из бетона построили мгновенно.

Дело за забором росло и ширилось. Слышалось бормотание, продолжительные вздохи, временами доносились заунывные песни и отборный русский мат.

Работа шла.

Но на территорию завода ничего не ввозилось, не вывозилось.

Длилось до тех пор, пока путь милицейского старшины Сидорова не пересекся с загадочным местом.

Любопытство завладело мужиком.

Решил Сидоров проникнуть внутрь.

Проник.

Первое, что удалось увидеть, — в цехах не присутствуют люди.

Где они находятся — черт их знает!

Перемещаются кирпичи из цеха полуфабрикатов в печь для обжига сами.

Когда Сидоров захотел взять один, тот, подскочив, долбанул милиционера по затылку

Только голова Сидорова могла противостоять могучему удару.

Когда другие кирпичи предприняли попытку атаковать непрошеного посетителя, последний бросился сломя голову наутек.

Нашли старшину утром в придорожной канаве на окраине города.

Рассказу Сидорова про живые кирпичи не поверили. Отправили в психбольницу на излечение.

Санитар Смельков, закадычный Сидорова дружок, две недели излечивал собутыльника при помощи медицинского спирта и самогона.

С заводом получилось вот что.

Начальник Сидорова, подполковник Пискарев, решил убедиться лично, есть завод или нет?

Если есть, почему не приносят в нужное время положенную мзду?

Обнаружить на месте завода удалось деревянный сарай да глубокие ямы, из которых люди брали глину для собственных нужд.

На этом история с кирпичным заводом была тихо закрыта.

Жители окрестных мест, опрошенные в нужное время и в нужном месте, уверяли, что про завод ничего определенного доложить не могут, а забор был.

Мимо него ходили на городской рынок.

НЛО

Бомж Геннадий Кузнецов, более всего похожий на залежалый в огороде огурец, был не совсем бомж. Имел небольшой доставшийся от матери домик на окраине города Ряжска, в котором обретался редко, ночуя в зале ожидания вокзала или где на чердаке.

Однажды, заглянув в родные пенаты, увидел сидящую на трубе галку.

Удивился слегка, галки в город по случаю тотальной загрязненности воздушных просторов давно не заглядывали.

Гена решительно махнул рукой, пытаясь спугнуть птицу.

Птица не пошевелилась.

Ладно, пусть сидит. Места не жалко.

Когда на другой день птица оказалась на том же месте, это обстоятельство Гену заинтриговало.

Человек он образованный. В свое время закончил агрономический техникум. Кое-что почитывал из литературы.

Взяв лестницу, забрался на крышу и, к удивлению, убедился, что на трубе сидит не галка, а черт-те что. Какой-то неодушевленный предмет.

— Ты кто?

— Я неопознанный летающий объект.

— Что делаешь на моей трубе?

— Видишь, сижу.

— Вижу, что сидишь. Для чего сидишь?

Неопознанный объект ответил, что у него кончилось горючее, что лететь дальше не может.

Бомж сказал, что помочь беде нетрудно, что сейчас возьмет канистру, сходит на базу горюче-смазочных материалов, притащит литров двадцать солярки.

Объект ответил, что солярка не поможет. Требуется высокая температура в несколько тысяч градусов. Необходим большой огонь, чтобы его получить, нужно поджечь халупу. Тогда объект взлетит, уберется туда, откуда прилетел, в другое измерение, где ожидают родные и близкие.

— Что ж, — сказал бомж Геннадий, — давай сотворим большой огонь!

Сходил Гена в сарай, принес охапку соломы, положил возле дверей.

И поджег.

Хороший получился огонек.

Неопознанный объект

нагревался,

нагревался.

Раскалился докрасна и взлетел, как небольшая звездочка, в небо.

А на месте хибарки вырос двухэтажный особняк с колоннами, какие строят для себя новорусы и высокие чиновные шишки.

Хотя бомж Гена по-прежнему ночует на вокзале, раз в году новый дом освещается небесным сиянием.

Кажется, что Ангелы Света слетаются сюда со всех сторон мироздания на неповторимый праздник.

Души жителей города после посещения становятся намного светлей и чище.

КРЕМЛЕВСКИЕ ШУТКИ

■ ■ ■

ПЛОХОЙ ОТВЕТ

Сталин вызвал к себе в кремлевский кабинет Лаврентия Берию, шефа НКВД.

— Слушай, кацо, почему не поешь, когда члены Политбюро поют?

— Не умею, товарищ Сталин.

— Плохой ответ, дорогой, очень плохой ответ. Семен Буденный — балда балдой, а пляшет как? Помнишь, что товарищ Ленин сказал?

Берия, зная хозяина как облупленного, предпочел помалкивать.

— Товарищ Ленин сказал, нужно учиться, учиться, еще раз учиться. Добавлю, член Политбюро должен служить примером для рядовых членов партии и вдвойне учиться, учиться и еще раз учиться.

Иди, дурак!

ОТВЕТСТВЕННАЯ РАБОТА

Иосиф Сталин готовился к приему вызванных в Кремль лиц.

Обстановка должна создавать впечатление, что вождь денно и нощно трудится на благо Страны Советов.

Железная фронтовая кружка, реликвия времен

Гражданской войны — на месте, бронзовый бюст Ильича стоит.

— Что еще?

— Опять старая перечница, уборщица, утащила графин с водой и стакан.

— Убью паскудину!

Позвонил.

Первым вполз в кабинет плюгавый человечек с взъерошенной давно не мытой копной рыжих волос, в вонючей косоворотке.

Сталин. Почему, дорогой, твой металлургический завод не выполняет промфинплан, отстает по выпуску чугуна и стали на душу населения. Одна домна работает?

— Ме-ме-ме.

Сталин. Чего ты мемекаешь, боишься товарища Сталина?

— Так точно, боюсь.

— Не меня бойся, гнева советского народа бойся!

— Ме-ме-ме.

Сталин. Целый год завод в отстающих числится.

— Не-не-не... ГУМ и ЦУМ игрушками завалили, девать некуда.

Сталин. Я про сталь спрашиваю.

— Не виноват, не знаю.

Тут в голове вождя что-то мелькнуло.

— Ты кто такой?

— Заведую артелью мягкой игрушки.

Сталин. Опять портачи перепутали.

Ладно.

Иди.

Постой.

Выпить хочешь?

— Не откажусь.

Сталин нажал на какую-то педаль.

Тотчас выскочил крепкорылый дежурный с генеральскими погонами на плечах

Сталин. Нарисуй что-нибудь кудреватое на двоих.

— Будьсде!

Через несколько минут смазливая официантка притащила поднос с закусками: селедка, отварная картошка, банка квашеной капусты, бутылка коньяку «Ереван».

Когда выпили по третьей, вождь стал выплескивать коньяк под стол.

— Зачем, Иосиф, выливаешь такой замечательный коньяк. Не хочешь, не пей!

Пришлось вождю, следуя кавказскому обычаю, выпивать на равных.

Минут через двадцать они, сидя рядышком, распевали известную каждому россиянину песню:

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра...

Еще через некоторое время Сталин, похлопывая гостя по спине, говорил.

— Что, дорогой, у тебя за должность такая мизерная, подберем должность поважнее, выдвинем на руководящую работу. Хочешь быть министром железнодорожного транспорта?

От министерского поста гость отказался.

Перед расставанием Сталин пообещал гостю, что вызовет еще раз. Но обещания не выполнил. В гости не позвал. Должность, однако, подобрал.

Назначили Петра Телепешкина заведующим гужевого транспорта Краснопресненского района города Москвы.

Ничего не скажешь, ответственная работа.

ДЛИННЫЕ УСЫ

В Политбюро ЦК КПСС шла очередная тусовка.

Присутствовали свои: Ежов, Клим Ворошилов, всесоюзный староста Калинин, Каганович, Серго Орджоникидзе.

Решали за рюмашкой, кого отправить на Лубянку в первую очередь, кого погодя.

Сталин предложил.

— Давайте, как римляне, большой палец вниз — туда, вверх — пусть пока погуляет. Про Зиновьева что скажете?

Голоса:

— Уничтожить гниду.

Сталин. Сказал: при помощи пальца, олухи, зачем слова? Слова не вырубишь топором.

(Вождь обожал поговорки.)

— Бухарин?

— Рыков?

— Каменев?

Голоса. Ква, ква, ква!

Сталин. Следующий?

Кто-то крикнул.

— Семен Буденный!

Пальцы, хоть медленно, полезли вверх.

Сталин. Почему такая снисходительность?

Голоса. Усы большие!

Сталин. Хорошо решили, товарищи, одобряю!

Голоса. Ква, ква, ква!

Сталин. С Радеком как?

— Хе-хекс!

Что такое?

— Мозгляк, мерзляк, ляк, бляк!

Сталин. Товарищ Ежов предлагает небольшой список персон на шестьдесят, утвердим?

— Утвердим, в телегу их мать!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Неправда, что Иосиф Сталин, вождь советского народа, больше всего на свете боялся смерти.

Не боялся.

Давно в глубине души причислил себя к лику богов.

Вслух не произносил.

Опасался соратников.

Думая:

— Если эта недостойная шваль устроит дворцовый переворот, сошлют в лучшем случае в дальнюю сибирскую деревню в избу с клопами и тараканами.

Но опасался он зря.

Трусоватые соратники избрали другой, более безопасный, способ избавления от ненавистного тирана.

Яд!

Сыпануть решили в вино во время очередной ночной попойки, каковые особенно любил И.С. и на которые обычно собиралось пять-шесть человек, доверенных членов Политбюро.

Умели в ведомстве Лаврентия Берии приготовлять необходимые снадобья.

Так и случилось.

Диагноз врачей был иным.

Кровоизлияние в мозг.

Остается вопрос:

Кто сыпанул?

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Говорят, что у Иосифа Сталина благодаря болезни под названием паранойя отсутствовал механизм торможения. Вследствие этого действия имели налет непредсказуемости.

Неправда.

Сталин был сверх меры жесток, хитер, намного превосходил своих туповатых соратников умом. К тому же слыл политически прозорливым, обладал звериным чутьем, что позволяло работать на опережение.

Воля этого человека сосредотачивалась на одном — на сохранении, упрочении личной власти.

— Чего, — думал, — церемониться с недоумками.

Уничтожать!

Уничтожать!

И концы в воду.

Заодно народ согнать в одно место, чтобы легче управлять, в сибирские отдаленности. Пусть горбатятся за пайку хлеба, за черпак баланды! Строят социализм в одной стране. Если понадобится, и коммунизм, до которого шаг.

— Сделаем шаг!

Пока Сталин находился в расцвете сил, мероприятия удавались. Какие показательные процессы организовывались! Откуда набиралось такое непомерное количество врагов народа?

К началу пятидесятых лев одряхлел. Рык не пугал соратников. Верх научились одерживать шакалы. В особенности обнаглел один, Лаврентий Берия. Сталину приходилось заискивать, порой лебезить перед подонком.

Чувствовал вождь, приближается конец беспредельной власти.

Сталин не был бы Сталиным.

Выход нашел.

Решил удалиться в подполье.

— Там посмотрим!

Прежде,

Так,

На всякий случай,

Присмотрел человека среди кремлевской обслуги, слегка смахивающего на вождя.

Теперь субъект, оказавшись в центре сталинского плана, вызван в кабинет постаревшего хозяина.

Произошел разговор.

Сталин. Скажи, дорогой, любишь товарища Сталина?

— Люблю. Кто в нашей стране не любит отца всех народов? Те, кто не любит товарища Сталина, скорбят о незавидной судьбе в колымских пределах.

Сталин. Готов умереть вместо товарища Сталина?

— За товарища Сталин готов умереть.

Сталин. Вместо, кретин!

Посетитель чувствовал какой-то подвох, но ответил твердо:

— Вместо т. Сталина умереть готов!

Сталин. Хорошо. За тем и призвал, чтобы ты умер.

Соглашайся, соглашайся.

Не согласишься — попадешь к Берии на Лубянку! У тебя два сына-лейтенанта? Сделаю полковниками. Живешь в коммунальной квартире? Дам новую, со всеми удобствами, с дачей в Томилино в придачу.

— Как же я умру? Повеситься, что ли, надо?

— Зачем повеситься? Вот тебе капсула с цианистым калием. Раздавишь зубами, окажешься на том свете. Глазом не успеешь моргнуть, как окажешься.

Похоронят тебя вместо товарища Сталина с небывалыми почестями. Весь мир оросит твою вонючую могилу слезами. Тело никчемное выставят на всеобщее обозрение в Колонном зале Дома союзов.

Будет давка о-го-го какая. Передавят в твою честь тьму народа.

— Не хочу умирать!

Сталин. Не хочешь? Какой хитрый! На словах готов умереть за товарища Сталина, а на деле? Товарища Сталина решил надуть?

Не выйдет!

Вождь не обманул. Смерть наступила мгновенно. Квартиру и дачу семья умершего не получила, точно.

В ту же ночь вождь ушел в народ с котомкой за плечами, которую приготовила для него уборщица тетя Маша, доверенное лицо правителя, положив каравай черного хлеба и шматок сала домашнего засола.

Произошло, как и предполагал бывший вождь.

Страна рыдала от мала до велика. Кто от чистого сердца, кто так, для видимости.

В сутолоке соратники не заметили подмены. Может, заметили, но не хотели замечать.

Пошел бывший вождь по стране.

На первых порах приютила одна сердобольная вдова.

Думала:

— Хоть стар, да мужик все ж.

Но мужик не выдержал. Через неделю сбежал. Заели клопы.

Затем на Орловщине устроился сторожем при пекарне. Жизнь хорошая. Хлебушек дармовой. Но и тут беда. Невзлюбили собаки. Пришлось покинуть теплое местечко.

Потихоньку, перебиваясь нищенством, собирая в общественных столовых объедки, двигаясь в сторону теплых стран, добрался до Кубани и оказался в славном городе Мариуполе.

Все бы хорошо!

Не предусмотрел бывший вождь одно немаловажное обстоятельство.

Документы.

Они-то отсутствовали.

Отсутствовала даже справка о сдаче крови и мочи.

Пока пробирался по сельским местностям, раза три арестовывали как бродягу. Но отпускали. Кому охота возиться с какой-то старой развалиной, с нищим?

Как только вошел в славный город Мариуполь, нарвался на постового милиционера старшину Похлебкина.

— Предъявите, гражданин, документы, — потребовал страж порядка, — нет документов — тогда пройдемте в участок!

Когда старик попробовал отойти, получил пинка под зад.

— Не балуй у меня! Много тут шляется всякой швали!

Такое хамское обращение до глубины души возмутило фюрера страны. Кто же обидчик? Милицейский старшина? Не такую мразь, штук двадцать милицейских генералов, самолично отправил в места не столь отдаленные без права переписки.

— Знаешь ли ты, с кем разговариваешь?

— С бродягой, с кем же еще!

— Не с бродягой, с великим Сталиным Иосифом Виссарионычем! Скажу Лаврентию Берии, он тебя быстренько приведет в чувство!

Милиционер. Где твой Лаврентий, ворона. На том свете в жопе у сатаны кукарекает.

Сталин. Как так?

— Так так! Расстрелян по приговору военного трибунала как английский шпион, американский наймит!

Когда бывшего вождя доставили в отделение милиции, он и тут продолжал упорствовать, доказывая, что он настоящий Сталин, отец всех народов.

Но, кроме смеха, тирада старика у присутствующих других эмоций не вызвала.

Вскоре подкатила «скорая» с двумя внушительного вида молодцами, которые доставили бывшего вождя в психбольницу.

— Куда? — спросили санитары у дежурного врача.

— В тринадцатую! Там двенадцать чудиков отдыхают от мирских забот, этот будет тринадцатым.

— Коек нет.

— Постелите на подоконнике.

Палата № 13 была самой тихой палатой в дурдоме. В ней размещались Иосифы Сталины — 12 штук. Вели себя достойно. Ходили по комнате, произносили не очень громко коммунистические заклинания.

Поскольку не эти безумцы являются темой нашего повествования, то мы оставим их в покое и перейдем сразу к цели.

Подоконник, на который положили матрац и подушку, набитые соломой, достаточно широк.

Но из окна дует. Бывший вождь в первую же ночь простудился. И через несколько дней скончался от крупозного воспаления легких.

Случилось, в это же время местному медицинскому училищу понадобился новый скелет как наглядное пособие.

В дурдом прибыл представитель указанного учреждения с подношением в виде полугодовалого поросенка.

Получив разрешение, представитель спустился в подвал, где размещался морг. И из множества покойников выбрал И. В. Сталина.

— Это же натуральный неандерталец! — воскликнул представитель.

Директор училища, увидав скелет, выразился еще определенней:

— Перед нами, господа, — обратился он к членам ученого совета, — недостающее звено в цепи развития человечества!

Студенты на первом же занятии приладили скелету усы, на плечи прикрепили генеральские погоны.

Кто-то заметил, что набор костей чем-то смахивает на отца всех народов И.В. Сталина.

Экспонат до сих пор стоит в классе училища.

Если подойти поближе и слегка притопнуть ногой, то кости начинают поскрипывать. И в этом поскрипывании явственно слышится:

Мне тебя найти нелегко,
Где же ты, моя Сулико?..

ГЛАВНЫЙ

Дедушкин, немолодой человек, часов около двенадцати ночи, сидючи на кухне, мучительно размышлял: допить оставшуюся в бутылке водку или погодить?

Размышления были самым бесцеремонным образом прерваны стуком в дверь.

Пошел к ебене матери, опять Савельич приперся!

Но стук повторился более решительно!

— Нет, не Савельич, кто-то другой. Подлецы, подохнуть спокойно человеку не дадут.

Покряхтев, поднялся с табуретки и поплелся открывать дверь.

На пороге — двое в военных фуражках, в портупеях по голому телу.

— Дедушкин? — поинтересовался более мерзкий на вид.

— Он самый, — пролепетал насмерть перепуганный Дедушкин.

Хмель мгновенно улетучился из обремененной ежедневной порцией алкоголя головы.

— Собирайся!

— За что такая немилость? Я благонадежней покойника. Готов верой и правдой служить вашим милостям. Выпить не хотите ли, — догадался предложить непрошеным посетителям.

А посетители втерлись в комнату, внимательно рассматривают предметы, находящиеся в ней.

— Что за ящик?

— Телик, программы показывает. Интересного мало.

— При нас не было, — сказал тот, который ростом похилей. — Радио было, а чтобы показывать — ни-ни.

При этом разговоре у Дедушкина слегка отлегло от сердца. Может, не заберут? Но не тут-то было. Который поглавней опять рявкнул, чтобы одевался живо!

Поскольку Дедушкин по случаю теплой погоды и позднего времени находился в непрезентабельном виде, в одних рваных на заднице кальсонах солдатского производства с тесемочками вместо пуговиц, то принялся ползать по полу на четвереньках, разыскивая порты и рубаху.

Через несколько минут предстал он перед этими барбосами в совершенно неприглядном для нормального жителя столицы наряде: на одной ноге красовался опорок кирзового сапога, на другой — галоша, портки надеты наизнанку, вместо сорочки — ночная рубашка умершей в прошлом году жены.

Один из гостей безнадежно махнул рукой — ладно, сойдет!

Другой приказал взять инструменты, а какие — не уточнил.

— Отмычки, что ли, захватить, может, сейф придется вскрывать?

Работа по этой части знакома хорошо.

Выйдя на лестничную клетку, втолкнули арестанта в лифт, хотя квартира находилась на первом этаже. Хилый нажал на кнопку. Не нажал, а так, провел около нее рукой. И кабина начала как бы сама собой спускаться с головокружительной скоростью вниз. За несколько секунд отмахали этажей столько, что не сосчитать. В результате оказались в буквальном смысле черт-те где. Воздух — как в Московском метрополитене, слегка сыроват и тухловат. Коридор — как тоннель под проливом Ла-Манш.

Шли по коридору.

Наконец дошли.

У входа табличка: ГЛАВНЫЙ

Один из паразитов робко постучал в дверь, предварительно скорчив подобострастную харю.

Когда открылась дверь, Дедушкина чуть не хватила кондрашка. За столом сидела такая мерзкая рожа, что в самом пропойном сне не привидится.

Один из холуев, Дедушкин уже догадался, что за птицы нечаянные посетители, защебетал, как кенарь:

— Привели, ваша темность!

— Привели, привели, как под конвоем притащили. У нас теперь таких порядков нет, у нас демократия, а не хухры-мухры!

— Ладно, разберемся. Ты вот что скажи, милый, правда, что твой прадед в свое время блоху подковал?

— Подковал.

— А дед?

— Тоже мастер. Про отца говорить не приходится. Изготовлял фальшивые монеты не хуже настоящих.

— Ну а сам тоже мастер?

— В свободное от работы время люблю открывать сейфы, где денег побольше лежит.

— А блоху подковать можешь?

— Если надо, то и блоху подкуем.

— Хорошо, милейший, взгляни на копыто. Трет что-то, беспокоит. Ходить не можно.

Дедушкин. Посмотрим. Почему не посмотреть. Подними-ка, дьявол тебя возьми, ногу. Эхма! Какой черт подковал тебя, любезный? Я бы за такую никчемную работу дал пинка под зад. Вон гвоздь куда загнулся, так и без ноги можно остаться! У нас в деревне, где братан проживает, мерин, которого таким манером подковали, подох от заражения крови.

Дедушкин схватил дьявольскую ногу, зажал между колен.

— Эй, не дури, по горбу молотком огрею.

Стук

Стук!

Так.

Все.

Дело сделано.

— У нас не как у англичан. У нас в два счета. Как там тебя кличут?

— Вельзевул, слыхал?

— Слыхал. У нас у соседа такая фамилия, Вездебул.

Вельзевул. Молодец, Дедушкин. Работу сделал хорошо. На Доску почета твое фото повесить надо, да в прошлом году кто-то спер. Наградить — награжу. Выбирай три желания.

Дедушкин. Подумать можно?

Вельзевул. Думай-думай, да не обмишурься.

Дедушкин. Вот что я тебе скажу, дай-ка бутылку водки, потом галошину почти новую, пока

шли, обронил, пусть холуи поищут. Напоследок разреши с товарищем Сталиным повидаться. Отец ведь всех народов. Баяли, где-то у вас обретается.

Вельзевул. Кто такой, где этот Сталин служит?

Холуи. Писарем в ЖЭКе.

— Позвать!

Галдеж пошел по тому свету.

Сталин!

Сталин!

Сталина к самому!

Через несколько минут в кабинет к Сатане впихнули вислоусого, рябого старикана. Но узнать бывшего вождя советского народа можно вполне. Следы некоего величия сохранились, хотя потрепанный мундир генералиссимуса висел на нем, как на вешалке, и казался пустым.

Дедушкин. Извините, товарищ Сталин, больно захотелось на вас взглянуть! Один раз замочек ремонтировал в кремлевской вашей квартире, не помните?

Сталин. Сейчас в записную книжку загляну, там все значится. Да, был случай. Берия, прохвост, хотел дверь отмычкой отпереть.

Дедушкин. Прискорбный вид имел покарябанный замок

Сталин. Как у вас, помнят симпатичного грузина?

Дедушкин. Помнят, как можно не помнить.

Сталин. Толкуют что?

Дедушкин. Одни гутарят, великие были, другие — палач, кровопийца. Народу уничтожили целые сто миллионов.

Сталин. Велика важность. Им лучше. Меньшая потребность в продуктах питания. Если бы не уничтожил, с голода давно поиздыхали.

Д е д у ш к и н. Один писатель по фамилии Холин обнаглел, вашу великую личность Есев Сранычем называет.

С т а л и н. Ничего, доберемся. Наследники партии большевиков доберутся!

Д е д у ш к и н. Вы-то, Есиф Севрианыч, как? Говорят, тут на сковородках поджаривают?

С т а л и н. Ложь! Очередная утка буржуазной пропаганды. Живем получше, чем в раю. Помрешь — просись. Начальство не очень балует. Чуть чего, подаем на них в суд. Создали адский профсоюз. Харч хороший. Комната на одного. Бабы есть, выбирай любую.

На этом закончился разговор Дедушкина с бывшим великим человеком. О чем больше говорить?

История тоже закончилась.

А может, не было никакой истории?

Как не было? А бутылка водки откуда взялась? Стоит, голубушка, на столе. Этикетка чудная, не нашенская. Какой-то чертяка изображен. Содержимое — обыкновенный сучок.

Пожадничал Сатана.

Не мог «Столичную» дать!

АПЛОДИСМЕНТЫ

Можно ли характер палача определить по тому, как он рубит жертвам головы?

Почему нет?

Возьмем хотя бы такую слегка надуманную ситуацию.

Партия поручила членам Политбюро рубить головы врагам народа, как это делал в свое время царь Петр.

Молотов. Присел возле брошенного на плаху бывшего товарища по партии, покрутил чугунной задницей, бах! Вместо шеи топор попадает в спину.

У *Кагановича* замах богатырский.

Удар!

Шея цела. Плаха пополам.

Старичок Калинин. Топор не смог поднять, туда же.

Ворошилов. Меткий ворошиловский стрелок, чуть себе руку не отрубил.

Маленков. Покрутив топор туда-сюда, не понял, какой стороной ударить.

Берия. Со словами: «Я его сейчас изувечу», бросается, спотыкается, стукается башкой о чурбак.

Остальных к этой работе не подпускают близко, чтобы не позорили почетного звания члена партии.

Сталин прицелился, хоть и одной рукой, другая, говорят, отсохла в детстве, тщательно рассчитал удар и одним махом отрубил не только голову осужденному, но и ухо зазевавшемуся энкавэдисту.

За что сорвал бурные аплодисменты.

МЕЖДУ СТРОК

За какую провинность расстрелян без суда и следствия министр Силкин или Смолкин, стало известно недавно, после того как объявили перестройку и под нажимом общественности открыли доступ к некоторым секретным делам.

В одном из них популярный в сталинские времена сотрудник НКВД обронил несколько строк, проливших свет на случившееся.

Оказалось, в 1937 расстрельном году неудачливого министра вызвали в Кремль к Сталину для

доклада о ходе выполнения плана пятилетки по министерству.

Во время разговора министр случайно обронил одну из бумажек.

Нагнувшись, чтобы поднять, он замер в склоненной позе.

Под столом между ног у Сталина свисал хвост с черной метелкой на конце.

Сталин, сверкнув казнящими глазами, произнес:

— Решил подсмотреть, что у товарища Сталина под столом?

— Не видел, ничего не видел, клянусь!

— Не видел, чего оправдываешься?

Тут же вызвали Лаврентия Берию, которому Сталин приказал разобраться.

Берия все понял, намеки вождя схватывал на лету.

Через час с небольшим министр валялся в одном из подвалов Лубянки с простреленным затылком.

Что, если никакого хвоста не было?

Что, если там стоял веник?

Что, если это была очередная шутка вождя?

Но какое, в сущности, это имеет значение?

ЗОЛОТОЙ ПАМЯТНИК

Вождь почивал после очередного заседания ЦК и ЦКК дома на кожаном диване, протертом временем и партийными задницами, и размышлял:

— Немало пришлось ликвидировать врагов народа: троцкистов и других двурушников по ходу усиления классовой борьбы. А враги лезут и лезут из щелей, как тараканы.

Не на кого положиться.

Что затеяли, без моего ведома решили золотой памятник товарищу Сталину на Красной площади

поставить. Забыли, товарищ Сталин — человек скромный, золотой памятник такому деятелю не к лицу. Что подумает советский народ о своем любимом вожде? Не нужен товарищу Сталину золотой памятник.

Пусть ставят бронзовый!

КРАСНЫЕ РОЗЫ

После очередной партийной попойки, на которых по ходу дела решался не один немаловажный государственный вопрос, Сталин у себя в кабинете, не снимая полувоенного френча и сапог, прилег отдохнуть.

Вот что приснилось вождю.

Он молодой человек лет тридцати трех, красивой стати, одетый в шикарную черкеску с газырями, какую видел в детстве на проезжающем мимо осетинском князе, спускается по узкой тропинке с гор в родной аул Гори, сидя на резвой кобылице кабардинской породы. Навстречу выбегают красивые молодые женщины, устилая путь красными розами.

Отовсюду доносится музыка и слова песни:

К нам приехал наш любимый
Коба-Сталин дорогой...

Настроение такое, что в это время злейший враг мог быть друг.

Сталин наклонился, подхватил розу. Цветок оказался с шипами, о которые вождь уколол палец.

— И здесь, в родном городе, находятся враги народа, — подумал вождь, — хоть один есть.

Когда проснусь, поручу Лаврентию Берии, пусть разберется, в чем дело.

Примет надлежащие меры.

НЕНАДЕЖНЫЕ

Думал Сталин, отсиживаясь на кунцевской даче, и дума эта была не из веселых.

Кому доверять?

Некому доверять!

Подбираешь, подбираешь кадры соратников, стараешься.

Проходит полгода, в лес смотреть начинают, как волки.

Совершают ошибки.

Каганович Лазарь, когда попросишь у него персональный вагон для поездки в абхазскую резиденцию Цхалтубо, такой даст, всю дорогу скрипит как немазаная арба, на нервы товарищу Сталину действует.

Хрущев Никита. Поручил сельское хозяйство подтянуть до уровня мировых стандартов, что придумал: посадил на даче кукурузу на грядках, любуется, вроде совершил мировое открытие.

Ворошилов. Стрелок называется, да еще ворошиловский. Одолжил винтовку Мусина образца 1891/30 года, чтобы на даче пострелять ворон.

Дал.

Оказалась без мушки.

Жданов Сандро. Каждый раз приходится ждать свинью к обеду. Зачем отдал за его сына дочь Светлану?

Микоян. Дал важную бумажку, он на нее стакан с чаем поставил, может, селедку клал.

Берия — молодец, только намекнешь, чтобы новый процесс над врагами народа организовал, — организует, не подведет.

Так проведет, что у самого товарища Сталина волосы на голове поднимаются дыбом.

ЖОПЫ

Как-то раз Иосиф Виссарионыч Сталин, собрав помощников на очередное совещание, решил испытать их преданность своеобразным способом.

— Послушай, Михаил Калинин, можешь поцеловать мою жопу?

— Как всесоюзный староста или как частное лицо, скажи, Иосиф, я должен целовать ее?

Сталин. Не финти. Спрашиваю русским языком, можешь, старый пень, поцеловать мою жопу?

Калинин. Могу!

— Жопу Берия?

— Не только жопу, но и рожу не поцелую!

Сталин. Ты, Климент Ефремыч, можешь поцеловать мою жопу?

Ворошилов. Коба, мы с тобой друзья. Дай льготу! Помнишь, как под Царицыном?..

— Чего придуряешься, отвечай по-большевистски на поставленный вопрос!

— Если прикажешь, как человек военный выполню приказ беспрекословно.

— Жопу Лаврентия поцелуешь?

— С какой стати? Он такой же член Политбюро, как и я, пусть мою жопу целует!

Сталин. Ты, Каганович Лазарь, что скажешь?

Каганович. Не знаю. Если помазать вкусненьким, малиновым сиропом или еще чем. Насчет Берия категорически заявляю, молод, чтобы целовать ему жопу!

Сталин. Вячеслав Молотов, слово за тобой!

Молотов. Если подойти с научной точки зрения, можно поцеловать. Целуем же мы у своих жен не только жопы.

Сталин. Маленков, говори. Хотя ладно, молчи. Знаю, любую жопу поцелуешь.

М а л е н к о в. Только не Берии!

С т а л и н. Жданов Сандро?

— Могу поцеловать при одном условии, если в соседнем зале Большой симфонический оркестр СССР будет исполнять ораторию композитора Свиридова «Сталин — наша слава». От поцелуя жопы Берии отказываюсь категорически!

С т а л и н. Что скажешь, Берия? Видишь, сколько у тебя почитателей?

ТОВАРИЩ СТАЛИНА

Был у Сталина в юные годы товарищ, с которым они вместе бегали по бедняцким окраинам осетинского города Гори, лазали по деревьям, забирались в чужие сады за персиками и виноградом, воровали листья турецкого табака, покуривали тайком от родителей, забравшись в укромное местечко.

Затем их пути разошлись.

Сталина отдали в духовное училище, чтобы сделать священником. Биография его известна всему миру, разошлась неслыханными тиражами, стала бестселлером, и я повторяться не стану.

Приятель, грузин по национальности, Вано Пирцхалашвили, был отправлен в Тифлис более зажиточными родителями.

Там же, в столице Грузии, окончил технологический институт, работал инженером на заводе, управляющим.

Мобилизован во время Первой мировой войны в 1915 году.

Ко времени революции, которую не принял, командовал пехотным полком и в Белой армии был заметной фигурой.

Но, будучи ранен под Царицыном, попал в плен к красным.

На клочке бумажки «расстрелять» под списком из 100 человек стояла подпись Сталина и Ворошилова.

Смотрел ли член военного совета Сталин, кого приказывал отправить на тот свет? Скорей всего, смотрел. И разумеется, не мог не заметить грузинскую фамилию своего бывшего товарища.

И вот теперь, через тьму лет, этот товарищ явился к больному, но еще злобному старику.

Сталин в первую минуту онемел от неожиданности, а когда пришел в себя, спросил заплетающимся языком:

— Зачем? Для чего?

Почему ты мучаешь меня? И так целыми ночами сон не идет, все думаю, как бы людям устроить светлую жизнь, построить коммунизм в отдельно взятой стране. А они не хотят, сопротивляются. Приходится поучать этот неблагодарный народ для его же пользы.

— Вот зачем я пришел к тебе, кацо, чтобы предупредить, отравят тебя в скором времени соратники. Подохнешь ты, как шелудивый пес, вместе со своим коммунизмом. И как ты ни стараешься, ни зверствуешь, дела твои пойдут прахом.

— Кто посмеет, кто?

— Еще как посмеют!

После этих слов товарищ исчез, как бы его и не было вовсе.

— Плохой сон видел сегодня, — подумал Сталин, — очень плохой сон. Даже во сне враги покоя не дают.

На другой день, когда Лаврентий Берия, поплясав и поцарапав в дверь, проник в апартаменты вождя, то услышал какое-то бормотание:

— Плохой сон видел...

И больше ни звука.

О том, что обозначают эти слова, Берия решил подумать на досуге. Не делился Сталин сокровенными мыслями с подчиненными, намекнет иногда невзначай, понимай как знаешь.

Сегодня, как всегда, Лаврентий пришел не с пустыми руками, принес расстрельный список на 50 человек ученых и инженеров, среди которых значился и сын Пирцхалашвили.

Сталин подмахнул бумажку как бы нехотя, что поделаешь, если враг не сдается, его нужно уничтожать.

А вслух произнес:

— Хорошо поработал, Лаврентий, почему не маршал?

ПЛАТА

Если бы у Сталина имелась хоть крупица здравого смысла, мог бы догадаться, приближая к своей персоне Лаврентия Берия, что противопоказано приближать большего мерзавца, чем ты сам.

Не догадался.

За что поплатился.

ГОРСТКА ПЕПЛА

Говорят, после смерти труп Сталина начал излучать черный свет, такой черный, что лучи его, уходя в пространство, казались чернее тьмы.

В этом не было ничего сверхъестественного.

Всю жизнь человеком владел страх, который, как известно, черного цвета.

С каждым прожитым годом страх увеличивался, сердце больше и больше черствело, пока не почернело совсем.

Когда тело разложилось, черный свет потускнел, потух.

Горстка пепла осталась от былого величия.

Пфууу, пфууу, пфууу!

ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА

После очередного процесса над так называемыми врагами народа, Сталин, выступая перед членами ЦК, изрек:

— Так буржуазным наймитам и надо. Правильно наш пролетарский писатель Алексей Максимыч Горький сказал: «Если враг не сдается, его надо уничтожать!»

Я к этим правильным словам добавлю:

— Если враг сдается, его тоже следует уничтожать!

У присутствующих в зале от страха посинели губы и мандражировали конечности.

ВЫПИЛИ, ЗАКУСИЛИ

Как при Иосифе Виссарионыче происходили собрания Политбюро?

Просто.

В зале заседаний собирались члены и кандидаты в члены, которым надлежало быть.

Затем рассаживались за длинным столом в том порядке, в каком портреты вывешивались на стенах домов в праздничные дни.

Сидят.

Ждут.

Лакеи приносят вина и закуски.

Пить и закусывать боятся, потому что хозяин не любит, когда начинают без него.

От нечего делать рассказывают шепотком анекдоты про самих себя, передают друг другу кремлевские сплетни.

Наконец появляется Сталин, который часа полтора ругался с уборщицей тетей Машей. Старая перечница куда-то засунула ремень от штанов.

Сталин не в духе.

Забыл, для чего призвал этих.

Холуи тоже забыли, для чего их пригласили.

Но одно бесспорное напоминание присутствовало. На столе стояла выпивка и закуска.

Выпили.

Закусили.

Поаплодировали вождю.

И разъехались по домам.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

С уборщицей тетей Машей связана еще одна забавная история.

Берия оставил у вождя для подписания список на расстрел священников. Тетя Маша, убирая кабинет, цапнула бумажку для личных нужд, сбегала с ней в сортир. Так приспичило, что не успела найти более подходящий материал.

Пришел Лаврентий, просит у Сталина бумажку.

Сталин. Какую бумажку, не знаю никакой бумажки, сам потерял, а на товарища Сталина спихиваешь?

Наконец догадались допросить уборщицу.

Тут все выяснилось.

С т а л и н. Видишь, какие кадры для отца всех народов подбираешь?

Б е р и я. Вижу. Заменим.

С т а л и н. Не заменим. Не надо. Еще хуже пришлешь. Не моей, а твоей писулькой эта дура старую задницу подтирала.

— Что с попами делать?

— Отпусти, сам виноват!

ДУБЛЕНАЯ ШКУРА

За какую-то провинность Сталин отправил уборщицу тетю Машу к Берии на Лубянку для исправления.

Через неделю тот чуть ли не на четвереньках приполз в кабинет к вождю.

— Иосиф, дорогой, умоляю, забери проклятую старую каргу обратно! Житья нет. Приказал повесить, три дня висела, хоть бы что. Хотел расстрелять, шкура от долгого проживания на свете так задубела, что пули отскакивают!

— Ладно, присылай, с ней тошно, без нее скучно.

ПЕРЕХОДЯЩЕЕ ЗНАМЯ

В конце сороковых годов Иосиф Виссарионович Сталин по пути на ближнюю, кунцевскую, дачу решил завернуть на один подмосковный военный завод, но был арестован как иностранный шпион и под усиленным конвоем переправлен в Комитет госбезопасности на Лубянку.

Так.

Подъехала машина Сталина к проходной.

Вождь, гордый многозначительностью, вышел из авто и направился внутрь помещения. Но был остановлен окриком охранника.

— Куда прешься, старый мудила, давай пропуск!

— Ты что, не узнал меня? Я товарищ Сталин!

— Не пизди, какой ты Сталин? Не Сталин, а старая калошина, взгляни на портрет товарища Сталина, вот настоящий Сталин, генералиссимус Советского Союза.

Прибежал начальник. Тоже, не разобрав хорошенько, в чем дело, приказал отправить задержанного на Лубянку для дальнейших разбирательств.

Когда в камеру примчался взмыленный как жеребец Лаврентий Берия, то первые слова вождя были:

— Видишь, товарищ Лаврентий, какой у нас бдительный рабочий класс, с таким рабочим классом мы в два раза быстрее построим коммунизм в отдельно взятом Кремле, а ты говоришь?

Берия ничего не говорил. Он онемел от страха.

Сталин. Предлагаю за проявленную бдительность, мужество, находчивость наградить предприятие переходящим знаменем МВД.

Когда через несколько дней государственная комиссия приехала вручать знамя, никакого завода там, где он должен быть, не обнаружила. Увидела молодое поле, засеянное овсами и ячменями.

И одну сиротливую березку на краю.

ГЛАВНЫЙ КРИТИК

Держал Сталин в покоях уборщицу тетю Машу по той простой причине, что была страшна, как тысяча чертей. Сам в сравнении с ней чувствовал себя хоть не красавцем, но близко к тому.

Иногда вождь не выдерживал:

— Опять, блядища, грязь в помещении развела, посмотри, пол какой?

Бабка не оставалась в долгу:

— Чем других шпынять, уйми лучше свою бескультурную шпану. Семен Буденный: военный, представительный, приедет, рассядется в самом дорогом кресле, свернет козью ножку из газеты, набьет махрой и дымит целый час. Потом бросит окурок в угол, да плюнет вдогонку. Берия ноги никогда о тряпку в прихожей не вытирает, в комнату прется. Сколько раз казала, что товарищу Сталину пожалуюсь. Ему, злыдню, хоть что, говорит, что товарищ Сталин сам, когда в гости приходит, ног не вытирает, да еще вместе с сапогами на диван забирается. Один Молотов культурный, в ручку норовит чмокнуть. Убираю их от него под фартук.

Сталин. Давай-давай, критикуй. Придется бабку назначить главным критиком в Союз писателей!

СОБУТЫЛЬНИКИ

Сталин, будучи генсеком партии коммунистов, любил говорить,

— Посмотрите, товарищи, что у нас получается:

Киров — маленький,
Ворошилов — маленький,
Орджоникидзе — маленький,
Молотов — маленький,
Жданов — маленький,
Микоян — маленький,
Хрущев — маленький,
Один Ягода как каланча.

Не знаю, снизу его укоротить или сверху урезать?

КРАН

У Сталина в кремлевской квартире сломался кран умывальника.

Кап!

Кап!

Кап!

Терпел две неделе, надоело.

Вызвал слесаря из ЖЭКа,

Тот так крутнул кран, что сломал совсем.

Показывает Сталину дефект, трещину, через которую просачивается вода.

Отец всех народов задумался, затем изрек:

— Поставь новый.

— Где взять, на всю шарашку выдают в месяц один, крутись как знаешь.

— Ах так, мать вашу перемать, позвать начальника!

Начальник ЖЭКа сказал, что завод по выпуску кранов не успевает производить нужное количество кранов, те, которые выпускает, ни на хрена не годны.

— Позвать директора завода! Почему, дорогой, кранами не обеспечиваешь?

— Меди не дают, из чугуна дерьмовые получаются.

Сталин. Значит, так. Ну-ка, Берию срочно сюда!

Прибегает взмыленный Лаврентий.

— Почему, кацо, кранами не обеспечиваешь, у товарища Сталина кран сломался, а ты не чешешься?

Берия. Через пять минут кран будет.

Пошел Берия в соседнюю квартиру, где живет Молотов, отвинтил кран, принес Сталину.

— Вах, вах, вах, какой молодец. Учитесь, как надо работать. Этих, — Сталин кивнул в сторону

провинившихся, — директору — пять, пять по рогам, начальнику ЖЭКа — пять, пять по рогам, а нерадивому слесарю — десять без права переписки.

— За что такая немилость, Ёсиф Сервионыч?

— За дело. Не мог у Молотова кран отвинтить?

САПОГИ

Одно из любимых занятий, как теперь принято говорить, хобби Сталина, о котором не знала ни одна душа на свете, кроме уборщицы тети Маши, заключалось в ловле блох. Как прихлопнет зазевавшееся насекомое, рад, вроде выиграл по лотерейному билету.

Тетя Маша не раз говорила ему:

— Брось ты, Иосиф, это плебейское занятие, недостойное вождя.

В ответ:

— Отстань, старая зануда, не твое собачье дело, чем занимается великий человек.

Потом Сталин умер.

Нашлись умники, которые начали распускать по Москве слух, что тирана отравили помощники из страха, не найдя другого способа избавиться от полоумного старика.

Другие намекали, что никакого Сталина в природе не существовало, что придумало его коллективное руководство Политбюро, чтобы легче дурачить публику.

Тетя Маша, уборщица, на подобные инсинуации отвечала:

— Хромовые сапоги офицерского образца кому принадлежали?

Действительно, кому?

МУНДИР ГЕНЕРАЛИССИМУСА

Хорошо потрудились начальники после Октябрьской революции. Перепахали всю землю российскую вдоль и поперек. Нужное закопали, ненужное вывернули наружу.

Пустыня распласталась от Черного моря до Тихого океана.

С трудом переставляя одеревеневшие ноги, в подшитых валенках, в черной бурке, в папахе кавказского образа, с кубачинским кинжалом на поясе движется бывший вождь Иосиф Виссарионович Джугашвили, по кличке Сталин.

Череп какой-то вывернулся из-под ноги с дыркой в затылочной части.

Нагнулся.
Поднял.
Задумался.
Декламирует:

> Сей череп, склонен думать я,
> Был подданным моим по праву,
> А может, числился врагом,
> А может, защищал державу?..

Череп в ответ:

> Я дядя твой когда-то был
> Сванидзе. Ты меня убил!..

Сталин еще раз задумался.
Затем, швырнув череп в канаву,
Изрек:
Так тебе и надо, зачем не покаялся?
Взрыв!
Земля разверзлась.
Вверх взлетели останки:

Новостроек, колхозов, совхозов,
Лагерей системы ГУЛАГ,
Мотки колючей проволоки,
Мундир генералиссимуса тож.

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ

Среди ночи, часа в четыре утра, в Комитете госбезопасности раздался настырный телефонный звонок. В трубке послышался голос вождя. Но дежурный генерал спросонья не узнал фюрера, главу партии коммунистов.

— Кто говорит, кто говорит, олух, Сталин говорит, где Лаврентий Берия?

— Сейчас разыщем, товарищ Сталин

— Разыщешь потом. Теперь объяви боевую тревогу.

Через несколько минут к разговору подключился всесильный министр.

— Иосиф, дорогой, что случилось? Зачем волноваться, для здоровья вредно!

Сталин. Скажи, Лаврентий, граница у нас на замке? Муха, говоришь, не пролетит? А у меня вчера любимая трубка пропала. Не иначе в этом деле замешана буржуазная контрразведка. Не могу вспомнить, кто вчера вечером заходил? Память у товарища Сталина хорошая, вспомнить не могу. Помоги, дорогой, трубку сыскать!

В восемь утра, как обычно, на работу явилась уборщица тетя Маша.

Сталин. Куда засунула трубку, засранка?

— Нужна мне твоя трубка!

— Подожди, карга, у Берии на Лубянке заговоришь по-другому, признаешься во всем.

Тетя Маша, не обращая внимания на разглагольствования вождя, занялась делом. Когда убирала постель, в изголовье под подушкой обнаружила злополучную трубку.

— Вот, старый осел, твоя трубка. Нашел чем угрожать, «на Лубянку отправлю». Смотри, чтобы тебя, хрена старого, самого помощники туда не отправили!

Снова звонок в Комитет.

— Лаврентий, отмени тревогу. Враги трубку подбросили. Испугались доблестных органов. Придется попросить «всесоюзного старосту» товарища Калинина, пусть отличившихся сотрудников наградит орденами и почетными грамотами.

ПРОСЬБА

Берия доложил Иосифу Сталину, что один из бывших видных партийных, осужденный как троцкист за подрывную деятельность ОСО к высшей мере наказания — расстрелу, добивается позволения перед смертью сходить в Мавзолей товарища Ленина, в последний раз взглянуть на незабываемый образ Ильича.

Сталин. Вот негодяй, коммуниста из себя корчит. Какой он коммунист! Был бы коммунист, просился бы в последний раз посмотреть не на Ленина, а на товарища Сталина.

Почему не уважить такое желание?

ДВОЙНИКИ

Среди советского люда ходили упорные слухи о наличии у Иосифа Сталина армии двойников, которые совершают за него различные действия: поезд-

ки по стране, представительства на собраниях, заседаниях.

Только чьи двойники: настоящего — шишкообразного, рябого, сухорукого старикана — или двойники портретов, на которых вождь изображался молодым красавцем?

Еще.

Если бы вслед за фюрером другие вожди разного помола завели двойников?

Какое незабываемое зрелище предстало бы перед изумленными взорами жителей столицы во время парада на Красной площади!

Идет батальон двойников Сталина, за ним рота двойников Молотова, Ворошилова, Маленкова, Микояна, Хрущева, Леонида Брежнева, Андропова.

Замыкают шествие уже не роты, а полки, дивизии, армии двойников Союза ССР.

ДРАНЫЕ ПЯТКИ

В кабинете на железной койке в солдатских кальсонах, рубахе с завязками вместо пуговиц сидит генералиссимус Сталин, рассматривает протертые на пятках носки. Рядом по стойке смирно стоит уборщица тетя Маша, которой он выговаривает с военной строгостью.

— Ты что, старая химера, не видела, что у товарища генералиссимуса носки на пятках продрались?

— Видела.

— Почему не заштопала?

— Больно нужно за семьдесят рублей зарплаты носки ваши вонючие штопать, мое дело — полы драить, пыль вытирать.

Сталин. Заткнись. Расквакалась. Три рубля прибавлю. Теперь сходи, кликни дежурного генерала, скажи, генералиссимус зовет.

Тотчас как бы из ничего перед вождем возник подтянутый, седовласый генерал.

— Слушай, кацо, у тебя носки какие, не худые?

— Нет, товарищ генералиссимус Советского Союза, не худые.

— Кто тебе штопает?

— Жена, товарищ генералиссимус Сов...

— Не надо Советского Союза, говори генералиссимус.

— Есть, товарищ генералиссимус.

Сталин. У меня нет жены, штопать дырки некому, одолжи свои, вечером отдам. Да еще этого сукиного сына, как его, министра легкой промышленности, позови.

Будет сде... гав-гав-гав!

Разговор вождя с министром.

— Слушай, плохо работаешь, дорогой, наказывать будем, носки некачественные выпускаешь. Только три месяца прошло, как купил, а пятки прохудились. Посмотри, видишь, какие дырки у такого заслуженного человека, как я? Мундир в золоте, а на пятках дыры. На международную конференцию скоро поеду, что этот ехидна Черчилль скажет, что подумает о нашей военной мощи?

Сталин снимает телефонную трубку.

Разговор с Берией.

— Слушай, Лаврентий, тут у меня стоит министр Кособоков. Учти, я ему приказал до самой смерти носить носки, протертые на пятках, понятно? Ты проследи, приставь надежного человека, пусть присматривает.

Самое забавное в этой истории: Сталин давно отправился на тот свет, Хрущев разоблачил культ личности, оттепель миновала, наступил период застоя, а бывший министр ходит, на удивление знакомых и близких, в носках с драными пятками.

ПАДЕНИЕ НАРКОМА

Сталину приснился малоприятный сон. Привиделось:

в Георгиевском зале Кремля какие-то люди в черных мантиях, в масках судили его, Генерального секретаря партии и отца всех народов за то, что исказил дух России, доведя страну до полного обнищания.

Приговор гласил: четвертовать на Лобном месте, останки сжечь, пепел, поместив в жерло пушки, развеять по свету.

Когда зарядили пушку и пушкарь готов был дернуть за веревку, Сталин проснулся в холодном поту. Придя в себя, обрадовался тому, что всего-навсего привиделся глупый сон.

Спать больше не хотелось.

Встал.

Оделся.

Вышел из квартиры, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Каково же было изумление, когда не обнаружил охрану квартиры, вообще не обнаружил ни одной души: ни адъютантов в прихожей, ни секретарей в помещении заседаний Политбюро, которые обязаны быть тут.

Долго ходил по ковровым дорожкам коридоров и лестничных клеток.

Заблудился.

Оказался в полутемном подвале, где наконец встретил живого заспанного человека с пропойной рожей на плечах.

Первый вопрос Сталина:

— Что ты тут делаешь?

— Дежурю возле котлов.

— Где остальной люд?

— Ушли на похороны товарища Сталина, царствие ему небесное.

Сталин. Что городишь, чума, какие могут быть похороны, когда товарищ Сталин стоит перед тобой живее всех живых? За такие шутки можно на Лубянку угодить.

— Почто врать, посмотри газету сам. Вот «Правда» за вчерашнее число.

«После непродолжительной тяжелой болезни скончался великий человек, отец всех народов, гений всех времен товарищ Сталин. Похороны состоятся в ближайшие дни».

От государственной похоронной комиссии:

«Гроб с телом вождя установить в Георгиевском зале Кремля. Там же патриарх проведет отпевание. Затем гроб перенести в Мавзолей Ленина, поставить рядом с Ильичем».

Далее телеграммы трудящихся.

Соболезнуем

Соболезнуем

Соболезнуем

Сталин. Соболезнуют, сукины дети, человек жив, а они соболезнуют. Хотелось бы знать, чья работа?

И еще маленькая заметка:

«Безусловно, в смерти вождя повинны врачи-вредители еврейской национальности».

Снова от похоронной комиссии:

«Перенос тела из Кремля в Мавзолей будет иметь место в четыре часа утра».

Сталин сказал:

— Странно, несколько раз проходил через Георгиевский зал, ничего такого не заметил.

Что похороны должны состояться ночью, не удивило вождя.

На другой день, поразмыслив над происшедшим, приказал членам Политбюро снять с занимаемой должности наркома внутренних дел, переместить на другое место.

Куда переместили — гадают до сих пор.

ПЕРФОРМАНС

Март 1953 года.

В помещении бывшего Дворянского собрания Москвы, посреди зала с мраморными колоннами, хрустальными люстрами стоит сколоченный из неструганых досок, с золотым кистями по углам, с гербом СССР на крышке гроб.

Покойник, совершенно голый, как полагается на партийных похоронах, сидит на колючих венках из красных роз.

Вдоль стен застыли приглашенные на незапланированный праздник особо доверенные лица государства: члены Политбюро, маршалы и министры.

Потом они начнут подходить к поверженному смертью лидеру, будут целовать его окаменевшие члены.

Но вот примчалась стая художников, которым приказали перекрасить Колонный зал Дома союзов в революционный красный цвет.

Краски нет.

В связи со смертью вождя произошел спад производства, экономические связи разладились, инфляция, стагнация, другие хуяции. В магазинах жирные тетки, пустые прилавки.

Художникам повезло. По улице Пушкина, мимо Дома союзов течет река красной юшки.

На Садовом кольце у Самотечной площади и в других местах московский люд пытался прорваться ко гробу отца и учителя сквозь строй военных, восседавших на танках и бэтээрах, но оказался стиснутым грозными машинами, как овощ в соковыжималке.

Потекла кровушка человеческая на асфальт, как томатный сок.

Художники-молодцы догадались, раскрыли окна, макают кисти в протекающую жижу.

Через несколько часов покойник, гроб, чины у стены, сами стены, колонны Колонного зала, люди на улице, дома, заводы, новостройки, совхозы, колхозы — все было перекрашено в любимый цвет советского народа.

На хорах раздавались звуки музыки. Оркестр исполнял «Турецкий марш» Моцарта, переписанный на похоронный лад выдающимся композитором эпохи соцреализма Тимофеем Хреновым.

ХОРОШИЕ ПЕСНИ

Иосиф Виссарионыч третий день не показывается на людях. Сидит у себя в кабинете, скучает.

У дверей ошиваются члены Политбюро. Берия смотрит в замочную скважину.

— Ну как?

— Еда стоит, не ест, вино любимое не пьет. Совсем плохо человеку.

Наконец Лаврентию каким-то чудом удалось проникнуть внутрь. За ним остальные проползли в щелку.

Берия. Сосо, дорогой, вся страна и мы со всей страной опечалены. Что с тобой? Хочешь, пригласим кордебалет из Большого, там теперь такие пупсятки, любо-дорого смотреть! Не хочешь пупсяток — можно хор мальчиков позвать.

— Не нужен кордебалет, не хочу мальчиков. Хочу Русланову и Козина, пусть поют для товарища Сталина.

Берия. Пригласим, позовем. Через пару дней будут тут.

— Почему не сейчас?

— На Колыме на гастролях. Там лагерь для особо опасных преступников. Певцов вернем. Самолет за ними пошлю.

— Не вернем. Преступники, говоришь? Пусть преступники слушают хорошие песни, развлекаются, веселей будут работать на ударных стройках пятилетки. Преступниками, к твоему сведению, не родятся.

В этом месте Сталин не то расплакался, не то расхохотался:

Кха-кха-кха, ха-ха-ха, хве-хве-хво,

Хо-хо-хо, ух-хру-хру, хи-ха-хи, хва-хва ква.

хри-хре-хру,

хрю-хрю-хрю.

Берия. Пойдемте, товарищи, Иосиф Виссарионыч уснул.

Сталин. Руки вверх!

БАРАШЕК

Из солнечной Грузии приехала в Москву партийно-правительственная делегация во главе с первым секретарем.

Привезли в подарок отцу всех народов барашка.

Пока ехали, барашек протух.

Что делать?

Бросились в Елисеевский гастроном, там Вано, грузин, их человек.

Упросили.

Дал Вано барашка.

Принесли вождю.

— Прими, дорогой кацо, дар нашего благословенного края. Таких барашков у нас много, пасутся на отрогах Кавказских гор.

Хитроумный вождь взглянул и сразу заметил синий штамп мясокомбината им. Микояна, но ничего не сказал.

Потом кто-то из членов делегации предложил тост за великого кормчего, который уверенно ведет страну к полной победе коммунизма, за товарища Сталина, чтобы жил многие лета.

Потом выпили за великого ученого в области языкознания. И пошли красивые тосты один за другим.

Когда гости хорошо подвыпили, Сталин шепнул Лаврентию Берия:

— Вот что, Лаврентий, купи им билеты и посади в поезд в обратную от Кавказа сторону, пусть проветрятся. Никому не удавалось надуть товарища Сталина.

Вскоре в одном из лагерей колымского края появилась бригада лесорубов кавказской национальности.

Днем лес валят.

После работы сидят на нарах, поют песню:

«Где же ты моя Сулико?..»

ВЫПЬЕМ ЗА СТАЛИНА

Подали Сталину на обед вместо любимых кавказских блюд пустую манную кашу.

Долго смотрел вождь недоуменным взглядом.

Что за зверь?

Когда пришел в себя, велел позвать повара, подлеца.

— Ты что товарищу Сталину подсунул, отвечай? Стар, говоришь, товарищ Сталин стал? Кашей надо кормить товарища Сталина? Голодом хочешь уморить товарища Сталина?

— Не виноват, видит бог, не виноват, на коленях умоляю: жена, дети мал мала. Врач виноват. Говорил им, будет конфуз. Они сказали, что товарищу Сталину прописан диетический стул.

— Стол, дурак!

— Стол.

Сталин. Хотя бы изюму положил.

— Хотел, не дали, сказали, нет в наличности.

— Хватит язык зря трепать. Слушай, что товарищ Сталин скажет:

Сациви неси

Люля-кебаб неси

Цыпленка табака неси

Вино хванчкара неси

Налей два бокала. Выпьем за здоровье Генерального секретаря КПСС товарища Сталина.

Теперь признавайся, бестия, Берия приказал кашу подать?

По глазам вижу, он!

МЕТКИЕ ВЫСТРЕЛЫ

Недальновидные сановники из окружения вождя думали, что главное хобби Иосифа Виссарионыча Сталина — власть.

Ошиблись.

Охота.

Вот что доставляло тирану истинное наслаждение в жизни.

Выбрав подходящий момент, доставал он из-под матраца берданку центрального боя со сломанным затвором, сработанную еще в дореволюционные времена и выменянную в бытность в ссылке в Туруханском крае за бутылку горилки у местного жителя. Занимал позицию у окна квартиры в Кремле,

прицеливался и стрелял в пробегающих мимо людишек.

Вот, оглядываясь по сторонам, протрусил зайчишка, мелкая сошка из комендатуры, вразвалку протопал медведь, важный чин, сотрудник секретариата.

Оба убиты меткими выстрелами вождя наповал.

Особо удачная охота в дни съездов Советов и партийных сборищ, когда важные шишки съезжались со всей страны.

В такие дни удавалось ухлопать человек двадцать, а то и двадцать пять.

Попавшие на мушку звери с указанием занимаемой должности, звания заносились в купленный специально для это цели гроссбух.

Интересно, сохранился ли этот гроссбух в анналах ЦК КПСС?

БОЛЬШОЙ ШАМАН

Заболел каряк Хармурда Иванов. Выросла промеж ног киста размером с чайник.

Деревенский шаман не помог

Районный шаман не помог

Даже сам областной шаман ничего не мог поделать.

Сосед говорит:

— Один путь. Снаряжай оленей, погоняй в главный город, в Москву. Там есть площадь, как косынка у Маруськи, Красная. На площади Великий шаман живет. К нему не ходи. Он мертвый.

Иди в Кремль, там другой, Большой, шаман.

Усы отрастил

Трубку курит

Этот все может.

КРЕМЛЕВСКИЕ ПОКОИ

Был ли руководитель партии большевиков, глава Советского государства Иосиф Сталин уголовником? Достоверно утверждать трудно.

Хотя элементы мира у́рок при желании в его жизни можно найти несомненно.

Сведущие люди под величайшим секретом рассказывали, что в кремлевских покоях одна комната оборудована, как тюремная камера с двухэтажными нарами, с парашей в углу, с бушлатом, брошенным небрежно на колченогую табуретку.

В комнате этой вождь любит иногда отдыхать от непомерных мирских трудов, вспоминать дела давно минувших дней.

ПТИЦЫ

Хозяин Кремля Иосиф Сталин никогда, исключая парады на Тушинском аэродроме, не смотрел вверх, на небо.

Тут такой случай.

Гуляет с помощниками по территории Кремля.

Вдруг какая-то птаха какнула на партийную кепку.

Вождь поднял голову.

И только тут заметил на кремлевских башнях двуглавых орлов.

— Что это за птицы, — обратился он к Ворошилову, — почему с двумя головами?

— Не знаю, в четырехклассном училище, которое не закончил, этот предмет не проходили.

— Молотов знает?

— Так точно, Иосиф Виссарионович. Когда Римская империя разделилась на Восточную и Западную...

— У нас одна империя. Клим, прикажи артиллеристам, пусть затащат пушку на колокольню Ивана Великого и посшибают по одной голове.

Молотов намекнул, что передовые советские ученые давно вносили предложение птиц убрать, вместо них установить рубиновые пятиконечные звезды.

Сталин. Молодцы ученые!

Одобряю.

Думать стали.

Пора некоторым руководителям государства последовать их примеру.

БДИТЕЛЬНОСТЬ

В кабинете у Иосифа Сталина раздался робкий телефонный звонок.

Сталин протянул руку к аппарату, но передумал, зная, позвонят еще.

Действительно, через некоторое время звонок повторился.

Шепот.

— Иосиф Виссарионыч, это я.

— Кто такой?

— Я, Лаврентий.

— Почему шепотом говоришь?

— Простудился. На улице собачий холод, а мы после ноябрьского парада в трусах.

Сталин. Зачем на улице быть?

Берия. Враги пробрались на территорию Кремля, хотели выстрелить из Царь-пушки по Царь-колоколу. Мы их не только выследили, но и арестовали.

Сталин немало подивился такому нелепому желанию врага:

— Что они, совсем спятили?

Берия. Один академик, продавшийся иностранному капиталу, подсчитал, при встрече ядра пушки с поверхностью колокола звон раздастся такой, что колокольня Ивана Великого от страха упадет на землю.

Сталин. Вот и хорошо. На Кунцевскую дачу еду, торчит. С Кунцевской дачи еду, тоже торчит.

ГЕНИАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

В начале тридцатых годов в связи с наступлением повсеместного голода на Украине и других местах Советского Союза партийное начальство решило на территории Кремля организовать образцовый колхоз.

Сказано

Сделано

Доложили вождю.

Вождь к мероприятию отнесся положительно, сказав:

— Правильно решили, товарищи!

Товарищи взялись за дело.

В первую очередь взломали знаменитую кремлевскую брусчатку.

Перепахали. Переборонили поляны.

Освободившуюся землю засеяли зернобобовыми культурами.

К моменту сбора урожая вырос у них серп и молот.

Охуительной высоты.

С НАМИ КРЕСТНАЯ СИЛА

Вождю и учителю советского народа тайные благожелатели сообщили, что среди окружения есть предатель, английский шпион.

После доноса Сталин начал повнимательней присматриваться к соратникам.

— На кого думать?

Ворошилов — непроходимый дурак.

Молотов — лиса, побоится.

Каганович — жополиз, не рискнет.

О Хрущеве. Если узнаю, три шкуры спущу.

Булганин — осел.

Калинин. Ха-ха-ха.

Лаврентию Берия доверяю, сидит у меня на хорошем крючке.

Кто, черт подери?

Сталин покрутил ручку телефона.

— Лаврентий, ты? Запиши адрес: Марьина Роща, Третий проезд, дом, ну там найдешь, который. Проживает в нем бабка.

Давай ее сюда.

Берия. Будет сделано.

Через некоторое время.

— Как тебя зовут, бабка?

— Анфиса я.

— Погадай, Анфиса, товарищу Сталину да посмотри, какой злыдень воду мутит против своего вождя?

Анфиса. Посмотрим. Почему для хорошего человека не посмотреть.

Вот эта баба червей, паршивая бабешка, но не она, валет безусый, не он. Король усатый в самый раз.

— Король один. Товарищ Сталин — король.

— Так и есть.

— Брешешь, глупая старуха.

— Сам брешешь, как сказала, так и есть.

Сталин. Вот ты как с вождем разговариваешь, вонючая кикимора.

Арестую!

Сгною в подвалах Лубянки!

После грозных слов Сталин взглянул на старуху, а ее след простыл.

— С нами крестная сила, — прошептал вождь.

Когда отряд внутренних войск прибыл в Марьину Рощу, ни бабки Анфисы, ни дома, в котором она проживала, обнаружить не удалось.

СОКОЛЫ СТАЛИНА

Герои-летчики — Ребров, Пеньков, Митюхин во время воздушного парада в Тушино предложили Иосифу Сталину прокатиться на новейшей конструкции самолете, взглянуть с птичьего полета на свое царство.

Подошел Лаврентий Берия, прислушался, о чем речь.

Сталин. Вот предлагают товарищу Сталину обозреть окрестности с высот небесных. Что скажешь, Лаврентий?

Берия, поняв, в чем дело, сказал:

— Похвальное предложение. Но сначала пройдемте в буфет. Хороший у нас буфет. Примем граммов по сто в честь праздника грузинского коньячку. Не помешает?

— Не помешает. Сталинские соколы приучены к перегрузкам. Небо — наш родимый дом.

Берия. Так чего ждем, ребята?

С тех пор следы героев затерялись в недрах Лубянки или на просторах колымского края.

Классные были пилоты. Знали свое дело досконально. Но одного не знали, что Иосиф Виссарионович Сталин, их кумир, был патологическим трусом.

Лаврентий Берия знал.

ТРИ ОТЗЫВА

О Иосифе Джугашвили люди из ближайшего окружения отзывались:

Добрейший

Милейший

Чуткий к нуждам и чаяньям других человек.

Другие говорили про себя:

Преступный элемент

Параноик

Которого близко нельзя подпускать к власти.

Подпустили

Свое получили

Тетя Маша, уборщица в покоях вождя, имела на сей счет третье мнение, сообщая соседкам по коммуналке:

— Наш-то, бабоньки, Ёсиф Виссарионыч — настоящий кровопивец.

На что бабки кивали согласно головами.

Что ж, может, это самое точное определение сущности коммунистического правителя.

ГЛУПАЯ ВОРОНА

Сталин вызвал наркома внутренних дел Лаврентия Берию.

— Почему не любишь товарища Сталина, не заботишься о его здоровье?

— В чем дело, дорогой Иосиф, почему не люблю тебя, всегда люблю тебя, даже когда сплю, люблю тебя!

Сталин. Глупая ворона прилетает к окну товарища Сталина, каркает целое утро. Мешает вождю сосредоточиться на государственных делах.

Берия. Ликвидируем. Немедленно ликвидируем!

Но дело оказалось посложнее, чем думал сталинский нарком.

Батальон кремлевских курсантов гонялся несколько часов за вороной.

Поймать птицу не удалось.

Берия в отчаянии.

Помог случай.

У входа в один из дворцов стоял на часах курсант Гаврилов, который, зевнув, так разинул рот, что ворона, думая, что это дупло дерева, залетела туда.

Вытащили птицу.

Спасли ошалевшего курсанта.

С тех пор пошла пословица: «Закрой рот, а то ворона влетит».

А история с вороной имела некоторое продолжение.

Отправили негодницу на Лубянку, чтобы расправиться с ней по всем правилам.

Но где там.

Вырвалась птица из нежных объятий чекистов.

Теперь облюбовала другое место, именно — окошко самого Берии.

Каждое утро является, как на работу, чтобы развлечь пением второго в Союзе ССР человека.

Кар!

Кар!

Кар!

ЛЮБИМАЯ ШУТКА

Вот она в чем.

Для прибывшего по вызову высокопоставленного номенклатурного лица ставили в кабинете у вождя специальный стул с приделанными наживо ножками.

Если посетитель был худ и робок — получал за падение двойку, если дороден — вызывал гомерический смех и награждался высшим баллом «пять».

Говорят, один из членов Политбюро, Куйбышев или Щербаков, заработал после полета инфаркт и скончался.

Но смертельный исход не остановил шутника.

Лучшим исполнителем трюка считался Семен Буденный.

Хитер усач.

Специально отрабатывал полет на даче.

Министру Ежову не повезло. Никак Иосиф Виссарионыч не мог подловить незадачливого сановника. Был слишком мал и худ. Сидел на опасном стуле, как ни в чем не бывало.

За что снят с занимаемой должности.

И перемещен неизвестно куда.

ГЕМОРРОЙ

Иосиф Виссарионыч Сталин в кремлевском кабинете одним глазом склонился над столом, где лежала бумажка с начертанным на ней новым гимном СССР, другим — уперся в сидящего напротив на табуретке поэта Мартына Ухарькова, который ерзал толстой задницей туда-сюда, чего отец всех народов не терпел, признавая только одну позу у просителя — позу застывшего повиновения.

Упомянутый поэт — автор вышеупомянутого гимна.

С т а л и н. Неплохо, неплохо! Прочти еще раз!

У х а р ь к о в.

Отец всех народов,
Создавший державу,
На труд и на подвиги
Нас вдохновил...

Сталин. Отец — это хорошо, создавший державу — хорошо. Ты чего ерзаешь жопой по табуретке?

Ухарьков. С отроческих лет имею геморрой, в заднем проходе свербит.

Сталин. И у меня тоже свербит с недавнего времени. И какие-то шишки повыскакивали.

Ухарьков. Могу посмотреть.

Сталин. Как? Не становиться же вождю раком?

— Пощупать можно, товарищ Сталин, гульфик расстегните. Так. Хорошо.

Сталин. Осторожней, храпоидол!

Ухарьков. Болит, что ли?

Сталин. Щекотно!

— Сейчас закончу, не геморрой у вас.

— А что?

— Боооюсь.

— Не бойся, говори, я сегодня добрый.

Ухарьков. Каакашки у ваас.

Газеткой подтираетесь?

Сталин. Как и все, «Правдой».

— Не годится, жестковата.

Сталин. Вот подлецы, придется главного заменить.

Пусть подходящую издают.

Сюжет подсказал В. Пивоваров.

ЛЮБОПЫТНЫЙ МОМЕНТ

Самое блаженное время для державы Советов — когда вождь племени Иосиф Сталин после трудов праведных сидит дома и отдыхает.

Тогда его сподвижники и другие жители тоже сидят дома и отдыхают, именно:

Члены политбюро и ЦК

Министры

Директора крупных промышленных предприятий

Руководители совхозов

Прокуроры

Председатели военных трибуналов

Маршалы

Генералы

Начальники отделений уголовного розыска

Заведующие общественным питанием

Рабочие

Крестьяне

Классовая прослойка в лице советской интеллигенции

Думается, Маркс и Энгельс, безусловно, были правы, называя подобный момент моментом развитого социализма, хотя термин в последующие годы придуман другими, более хитроумными людьми.

Только коровы стояли в коровниках и мычали на всю страну, потому что:

Коров

Овец

Кур

Свиней

Другую живность, жившую, как известно всему миру, не по Марксу, Энгельсу, Ленину, Сталину, нужно кормить.

И притом кормить каждый день.

ПАРШИВАЯ ОБЕЗЬЯНА

Как-то раз Иосифа Виссарионыча Сталина уговорили посетить концерт симфонической музыки.

Такого рода произведения вождь не любил, возможно, не терпел.

По этой причине сидел в правительственной ложе и скучал.

Наконец не выдержал.

Подозвал Берию.

— Слушай, почему эта паршивая обезьяна (речь шла об известном дирижере) набрасывается на музыкантов, грозит палкой, кто он такой, чтобы в присутствии товарища Сталина допускать подобную вольность?

Позвали министра культуры, который сказал, что дирижер оркестра поступает неправильно, но исправится.

Сталин. Товарищ Берия поможет в этом деле.

После слов вождя немолодого человека отправили в исправительно-трудовой лагерь поближе к туруханским пределам.

Исправился он или нет, до последующих поколений этот факт не дошел.

СОБАЧИЙ НЮХ

Народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия где ползком, где на четвереньках утюжил кремлевскую брусчатку, обнюхивая углы зданий и осветительные столбы.

Сталин, приоткрыв окно в квартире, поинтересовался:

— Чего, Лаврентий, ползаешь, как навозный жук?

Берия. Нюхаю. Чует сердце, матерый враг проходил, куда подевался — неизвестно.

Сталин. Нюхай, нюхай, не знает, набитый дурак, что товарищ Сталин, гуляя, отметился на всех углах.

ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Иосиф Сталин задумался, потом произнес:

— Да, товарищи, жить стало лучше, жить стало веселей. Какие красивые, нужные слова. Придется собрать по этому поводу партийный съезд, обсудить создавшееся положение.

— Калинин, что ты думаешь?

Калинин. Хи-хи-хи. Конечно, бесповоротно стало жить лучше. Получил вчера из Астрахани бочоночек икорки. Отличная икорка.

— Заткнись, старая крыса, не про то спрашиваю!

— И я не про то, а про замечательную мысль, которую высказал наш великий Иосиф. Коба, отпусти жену из ГУЛАГА, сколько бедной женщине мучиться, вшей из одежды зеков выскребать. Жалко ее!

Сталин. Не каркай. Посмотрим. Построим коммунизм в отдельно взятом Кремле — отпустим.

У тебя, Берия, не спрашиваю. У тебя, подлеца, жизнь всегда веселая. С девочками любишь баловаться, да? Вино любишь грузинское, да?

Берия. Что остается бедному человеку делать? Работа тяжелая. Отмываешь, отмываешь руки под краном, а с них все что-то красное капает.

— Ты что скажешь, Никита, как считаешь, жить стало лучше?

Хрущев. Когда на Украине служил первым секретарем, была веселая жизнь. Галушки со сметаной — такая вкуснятина, о-хо-хо!

Сталин. У нашего маленького Карла Маркса одна жратва на уме.

Жданов сказал, что целиком и полностью согласен с генеральным секретарем. Но есть недостатки. На свадьбу сына и несравненной Светланочки на-

чальник четвертого управления Кремля не дал половины продуктов, которые заказал. Что прислал, оказалось не первой свежести. Пришлось обратиться за помощью к первым секретарям республик.

Сталин. Частный случай. Почему товарищу Сталину не сказал? Товарищ Сталин дал бы нерадивому начальнику по шее.

Теперь Молотов пусть скажет.

Молотов. О чем тут говорить. Живем не тужим, любимому вождю служим.

Спасибо великому Сталину!

Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овации.

Каганович. Хорошую мысль высказал вождь насчет построения коммунизма. Так надо и отметить в постановлении.

Берия. Доведем замечательную мысль вождя до сведения советского народа.

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Вот как все произошло.

Иосиф Сталин бодро шагал по коридорам Кремля в сопровождении соратников.

Навстречу сновали людишки.

Вождю надоело.

Принялся махать руками и выкрикивать, вначале тихо, потом громче, громче:

К стенке!

К стенке!

К стенке!

Когда достигли цели похода, зала заседаний Президиума Верховного Совета, Сталин обернулся и спросил у Берии:

Что там

Бухало,
Бухало,
Всю дорогу бухало?

Берия. Расстреливали тех, на которых указывал.

— На кого указывал?

— Говорил
К стенке!
К стенке!
К стенке!

Сталин. Вот черт, да я ведь так. Говори, сколько душ загубил?

Берия. 18 штук.

Сталин. Ладно, все равно подохнут.

После проведенных во второй половине тридцатых годов показательных процессов над врагами народа — английскими и другими шпионами — можно с уверенностью сказать:

Как в воду отец всех народов глядел, вглубь и вширь глядел, сквозь землю видел.

Великий был человек!

ЗАМКНУТОЕ ПРОСТРАНСТВО

Общеизвестно, Иосиф Сталин любил толстые стены, замкнутое пространство. В кругах, близких к диктатору, поговаривали, что видными инженерами и архитекторами был создан проект переоборудования кремлевских дворцов и покоев. Даже Георгиевский зал предлагалось реконструировать на предмет утолщения стен.

Но проект оказался не реализованным по причине возникшей новой идеи: строительства на глубине тридцати метров под землей бомбоубежища, где бы Иосиф Виссарионыч чувствовал себя спокойно.

Там он и сидел, никого не подпуская, общаясь с небольшим кругом помощников по телефону.

В последние годы перестал мыться, оброс шерстью. И от непомерного презрения к людям на спине у него выросли рога.

В конце концов сам куда-то исчез.

МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ

Среди обитателей Кремля разнесся слух: Иосиф Виссарионыч поймал крысу весьма своеобразным способом.

Обнаружив следы незваного гостя, достал шелковый шнурок, на конце смастерил петлю, положил возле норки вместе с кусочками колбасы и стал ждать.

Долго ждал.

Неделю ждал, две недели ждал.

Проявил необыкновенное терпение, выдержку, что говорило о незаурядности характера вождя.

Наконец крыса вылезла из норки, решив полакомиться колбаской.

Сталин дернул за шнурок — и враг оказался повешенным.

Члены Политбюро по этому поводу решили обратиться в Верховный Совет с предложением наградить товарища генсека орденом Красного Знамени, а из крысы сделать чучело, подвешенное на перекладине, и отправить в музей подарков товарищу Сталину.

Что торжественно исполнили другие, музейные, крысы.

До самого разоблачения культа личности красовался экспонат на самом видном месте.

БРЕВНЫШКО

В Кремле объявлен Ленинский субботник.

Вождь первым вышел с лопатой в руках.

— Где бревнышко, которое нужно нести? — поинтересовался Сталин у Берии.

Тотчас услужливые члены Политбюро поднесли этот предмет и положили на плечо своего кумира.

Бревно сырое, тяжелое.

Сталин зашатался под тяжестью древесины.

Сделав несколько шагов, споткнулся о малопривлекательную кучу.

Сталин. Ты что, Лаврентий, сукин сын, не мог бревно полегче подобрать?

Берия. Сосо, дорогой, все было сделано как надо. Художник из зековского контингента трудился целый месяц и такую штуку из папье-маше соорудил, что не отличить от настоящего. Враги в самый последний момент подменили.

Сталин. Что предпринял?

— Ведем следствие:

Найдем

Разоблачим

Привлечем

— Давай разоблачай.

Через день Берия доложил:

— Нашли!

Таким вступлением ознаменовал себя процесс над бухаринцами, зиновьевцами и другими иностранными шпионами в 1937 году.

СЕРЬЕЗНЫЙ ВОПРОС

Шло очередное заседание Политбюро. Вопрос один, как догнать Америку.

С т а л и н. Хоть бы в одной области догнать.

Б е р и я. Не только догоним, но и перегоним.

С т а л и н. Как?

Б е р и я. Просто. Пошлем бегуна на длинные дистанции на очередной чемпионат мира по легкой атлетике, есть у нас такой, который кого угодно обгонит.

С т а л и н. Не ври.

Б е р и я. Трехкомнатную квартиру пообещаю.

С т а л и н. Где возьмешь?

Б е р и я. Я не сказал, что дам, пообещаю.

С т а л и н. Нельзя обманывать советский народ, что скажет мировая общественность?

Кто-то из соратников заметил, что недавно судили одного министра, у которого хорошая жилплощадь.

С т а л и н. Куда дели?

Б е р и я. Отдал заму.

С т а л и н. Осуди еще одного.

Берия обвел мутным взглядом посиневших от страха присутствующих, давая понять, что поймать шпиона просто, хорошую квартиру найти потруднее.

На другой день исчез еще один министр.

Когда доложили Сталину об исчезновении человека, вождь изрек мудрые слова:

— Где-нибудь вынырнет.

Вынырнул министр на Соловках в лагере особого режима.

С бегуном тоже произошла история, достойная первых пятилеток.

Бегун обогнал американских бегунов.

Но квартиру получил не он, а очередной подручный Берии.

Спортсмена же по возвращении домой из Америки без пересадки отправили в тот же лагерь, где кукарекал бывший министр.

О бегуне Берия доложил Сталину.

— Вот подлецы, нельзя недостойный народец посылать за рубеж. Сразу становятся иностранными шпионами.

КРЕМЛЕВСКИЙ ШУТНИК

Один из членов Союза писателей СССР накатал в соответствующие компетентные органы анонимный донос. В нем говорилось, что писатель Федькин на очередном собрании писательской организации осмелился критиковать выдающегося писателя и политического деятеля всех времен товарища Сталина. Заявил, что в нашей стране якобы непростительно медленно выявляют врагов народа: шпионов, вредителей и других пособников империализма, церемонятся с ними.

Вождь в мягких кавказских сапожках, с трубкой возле усов медленно прошелся перед собравшимися членами Политбюро и сказал:

— Правильно подмечено, товарищ Сталин не Бог, а коммунист, ему как простому смертному свойственно допускать ошибки. Главная из них — благодушие, которое иногда проявляет.

Когда члены Политбюро расходились по домам, Сталин шепнул министру Берии.

— За Редькиным присмотри.

Берия не заставил себя упрашивать, присмотрел, да так, что человек оказался где-то в районе Магадана.

Только через много лет выяснилось, что донос был написан на Федькина Редькиным.

Что это, гениальная ошибка или очередная шутка кремлевского шутника?

КОМПРЕСС

У хозяина Кремля разболелась голова.

Вызвал одного знаменитого профессора, не помог. Отправили в места, которые ближе всего к вечной мерзлоте.

Вызвал другого, более знаменитого, не помог, отправили в те же самые места.

Голова раскалывается на две половины.

Терпел

Скорбел

Не выдержал

Обратился к уборщице тете Маше.

— Скажи, старая курва, как товарищу Сталину голову излечить?

— Очень просто. Схожу вечерком к знакомой бабке, возьму рецептик.

Вот этот

РЕЦЕПТ

1. Двести граммов березовой золы
2. Пятьдесят граммов перца
3. Три чайные ложки соли
4. Пять столовых ложек неразбавленного уксуса
5. Две столовые ложки горчицы
6. Полстакана скипидару

Всю эту смесь хорошенько перемешать.

Поставить в теплое место. Пусть согревается.

Полученную мазь прикладывать к одной и другой ягодице.

— Ты что, кретинка, у товарища Сталина голова болит, не жопа.

Тетя Маша. Как сказала, так сказала, нечего придираться зря.

Делать нечего.

Приложили.

Голова прошла

Заболела задница.

КАНАДСКАЯ ДУБЛЕНКА

Утром Берия буквально приполз к вождю с очень хорошим докладом о предполагаемых противниках Сталина.

Сталин знал, о чем будет просить верный пес Лаврентий.

— Слушай, Сосо, — начал Берия, — там на склад дубленки привезли, дай одну?

— Возьми.

— Не обманываешь?

— Тебе что, неизвестно, что слова у товарища Сталина не расходятся с делом?

Берия. Записочку черкни, знаешь, какие там бюрократы.

— Дам записку.

ЗАПИСКА

Кладовщик!
Подателю сего дай
Одну дубленку.

Генсек партии коммунистов
Иосиф Сталин

Пошел Берия на склад.

А Сталин позвонил кладовщику и предупредил.

— Слушай, как тебя зовут?

— Эрнст Кобыльников.

Сталин. Что за смешное имя?

— Родители назвали в честь германского коммуниста Эрнста Тельмана.

— Вот что, Эрнст, сейчас к тебе притопает Лаврентий Берия, записку предъявит с моей подписью, чтобы ты дал ему дубленку. Ты не давай. Сколько у тебя осталось штук?

— Десять.

Сталин. Скажи, что последнюю отдал заместителю министра среднего машиностроения.

— Будет сделано, Иосиф Виссарионыч!

Через несколько дней Сталин спрашивает у Берии.

— Тут встретил твою племянницу в дубленке. Красивая дубленка. По моей записке получил?

— Да нет, не досталось, пришлось конфисковать у одного продавшегося международному сионизму чиновника.

Сталин ничего не ответил. Именно этого человека хотелось ему убрать, но без шума.

Тут случай такой.

ОТРАВЛЕННЫЙ КАБЛУК

Сталин сидел в кабинете за письменным столом, работал, чинил собственный хромовый сапог военного образца.

Тетя Маша стояла рядом, ругалась.

— Идол, зачем сам чинишь, позови мастера, он тебе за одну минуту приладит что нужно.

С т а л и н. Дура, ничего не смыслишь в политике. Поэтому не лезь в чужие дела. На прошлой неделе отдал в мастерскую набойку набить, враги гвоздь отравленный в каблук всадили. Хорошо, что Лаврентий пронюхал, предупредил. Как советский народ без товарища Сталина будет жить?

Тетя Маша сказала, что брешет Берия. Сама видела, как крутился вокруг сапога.

— Крутился по моему заданию, хотел поймать врага с поличным.

Тетя Маша не сдавалась.

— А для чего молоток в руках держал?

С т а л и н. Чтобы отмахиваться от врагов народа и предателей.

ДЕРЖИСЬ, НАРКОМ

Тетя Маша, уборщица Сталина, хорошо знала все извивы характера своего хозяина.

Встал утром, не выспался, достанется коменданту Кремля. Почему охраны мало, почему ворона мимо окна пролетела?

Легкое недомогание: насморк, понос или запор, держись, нарком внут. дел.

После кремлевских попоек больше всего доставалось руководителям тяжелой промышленности.

Про себя добавляла, что ей крепче всего попадало, когда потеряется какая вещь: трубка или бумажка. Один раз засунул куда-то вставную челюсть. «Под суд, — кричит, — отдам, в лагерь упеку!» А потом забудет. Память стало за последнее время отшибать.

Перед большими судами над врагами народа ходит недели две сумрачный, злой как черт.

Откуда он только выколупывает такое непомерное количество вредителей и шпионов?

СВЕТ В ОКОШКЕ

Тетя Маша, сидя вечерком на кухне, жаловалась соседкам:

— Мой-то хозяин, Ёсиф Виссарионыч, сделался какой-то смурной. Все не так. Что придумал — приказал, чтобы его постель застилала красными простынями, на которых был бы нарисован его собственный портрет, а внизу стояла подпись: В. Ленин.

Не знаю, как из него эту дурь выбить, что скажете, бабочки?

— Перетрудился вождь твой. В газетах пишут, что целыми ночами не спит, думает за нас, как бы жизнь

коммунистическую устроить. Свет в окошке по этому случаю целую ночь горит, светит на всю страну.

— Что вы, не в своем уме? Сам Ёсиф говорит, что газеты врут. Вот еще что скажу, ни о чем он не думает. Дрыхнет до утра как пень. Свет в нужнике горит. Один раз пошел впотьмах, шарил-шарил, рукой в дерьмо вляпался.

С тех пор приказал свет не тушить.

И. В. СТАЛИН

Выдающейся революционер
Генсек
Глава Советского государства
Главком Вооруженных сил
Вождь
Отец всех народов
Великий флотоводец
Великий полководец
Великий философ
Правовед
Гениальный языковед
Заслуженный химик
Физик
Математик
Величайший актер
Комик
Трагик
Известный всему миру шутник
И вообще
Ще
Ще
Ще
Не верите
А советский народ поверил
Да как

АНГЛИЙСКИЙ АГЕНТ

Сталин решил проучить одного ответработника, секретаря Союза писателей СССР Тряпкина, который на каком-то совещании посмел возразить вождю.

Был этот человек вызван в Кремль в два часа ночи.

Когда дежурный генерал, приоткрыв слегка дверь в кабинет вождя, втолкнул туда оторопевшего возражателя, последний не заметил там ни одной живой души.

Вдруг откуда-то из-под кровати или с потолка раздался приглушенный голос Иосифа Виссарионыча:

— Проходи, садись за стол, бери:

Бумагу

Ручку

Пиши:

З А Я В Л Е Н И Е

Я, Тряпкин, будучи в кратковременной командировке в буржуазном городе Лондоне, был завербован английской разведкой, стал шпионом иностранного государства. По приезде в Москву ко мне на квартиру явился советский генерал, которому я, выполняя задание шпионского центра, передал план Московского метрополитена.

Голос Сталина. Теперь поставь подпись.

Когда формальности были окончены, Сталин вылез из-под кровати в слегка помятом маршальском мундире, подошел к позеленевшему от страха деятелю писательской организации, вырвал у него из рук бумажку, помахал перед носом:

— Попался? Теперь ты у меня на крючке! Знаешь, что будет, если эта штука попадет к Лаврентию Берии?

— Знаю.
— Что?
— Пуля в затылок без суда и следствия.
— Правильно уловил суть дела. Молодец. Будешь товарищу Сталину служить — товарищ Сталин спрячет бумажку до лучших времен.

Когда за писателем закрылась дверь, вождь добавил:

— Дешево купил дурака, а еще интеллигентом считается.

Щелкопер!

ЗАГОВОР

Вождь шел по коридору Кремлевского дворца по красной ковровой дорожке с черной каемкой и споткнулся

Не просто так споткнулся
Не мог споткнуться так
Раз споткнулся значит кто-то виноват
Складка на ковре была
Неровность была
Запомнил в каком месте споткнулся
Подумал
Лаврентий разберется кто виноват.
Буржуазные прихвостни виноваты
На большой всенародный процесс не потянет
Парочку-другую Берия допросит сделает соответствующие выводы
Три недели копали сотрудники с Лубянки
Сам Берия прополз три раза
Туда
Сюда
Дело для него было яснее ясного
Заговор оказался разветвленным
Виноватых разыскали

Ими оказались писатели
Хармс
Введенский
Бабель
Пильняк
Примкнувший к ним Мандельштамп.

Так была изображена фамилия выдающегося поэта

С буквой
П
На конце.

ХУЛИГАН

Привиделось Сталину, что в Кремлевском дворце жить опасно, слишком тонкие стены, сквозь которые к нему в квартиру может проникнуть матерый, опытный враг.

По этому случаю приказал построить посреди Кремля бункер.

Но и в нем, в этой неприступной крепости, вождь со свойственным ему обостренным восприятием нашел изъян. Показалось, что потолок может обвалиться.

Хотя Лаврентий Берия докладывал, что даже атомная бомба потолок не прошибет, Сталин отдал короткий приказ: укрепить.

С этой целью созвали в Москве Всесоюзный съезд архитекторов СССР.

Один мудрый академик подал правильную мысль: можно покрасить потолок в нежно-голубой цвет, нарисовать на нем луну, после чего он будет казаться легким и воздушным.

Берия с доводами академика согласился.

Но когда отец всех народов увидел, что сделано, он разразился непотребной бранью.

— О чем ты, Лаврентий, думал? Думал ли ты о

том, как товарищ Сталин может спокойно спать, когда с потолка смотрит на него эта мордастая блядь? Вернуть все в прежнее состояние.

Вернули.

Пришел маляр с маховой кистью, с ведром краски.

Когда работа была закончена, вождь поинтересовался: как можно укрепить потолок?

— Очень просто, — ответил маляр, — подпереть посредине бревном — и ладушки.

— Ты можешь это сделать?

— Могу.

— Делай.

Через день привезли из леса дубовый ствол едва ли не в два обхвата толщиной.

Мастер обтесал кору топором, установил бревно на место.

Явился Иосиф Виссарионыч.

Похвалил.

Когда маляр ушел, Сталин взял перочинный ножик, вырезал на стволе слово

С Т А Л И Н

Подумал

Вырезал еще раз

С Т А Л И Н

Потом еще раз подумал

И еще раз вырезал

Но уже что-то похожее на Царь-пушку.

Под ней нацарапал:

Хер товарища Сталина.

Тетя Маша, уборщица, каждый раз, проходя мимо, осеняла себя крестным знамением, произнося дорогие для каждого православного слова:

С нами крестная сила!

С нами крестная сила!

С нами крестная сила!

Добавляя:

Хулиган!

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Хоть редко, но все же Иосиф Виссарионыч читал письма трудящихся, присылаемые в необозримом количестве на его имя.

Делалось просто.

Вождь звонил в секретариат, спрашивал, много ли писем пришло.

Технический сотрудник, ведающий корреспонденцией, отвечал, что очень много, Иосиф Виссарионыч.

— Пришли парочку поскорей.

На этот раз одно оказалось от коллектива маловыразительного предприятия. Вождь поморщился, как от колик.

Второе заинтересовало. Писала, как казалось, женщина молодая, красивая. От бумаги исходил приятный сердцу аромат.

Вот письмо.

«Дорогой и горячо любимый вождь, мои чувства к вам безграничны. Я люблю вас не как вождя, а как мужчину. Великого мужчину. Вся моя грудь вздымается от переполнивших ее чувств. Сердце сладостно замирает. Мне хочется лететь к вам на крыльях любви. Лицезреть ваше красивое, неповторимое лицо. А потом умереть от переполнившего все существование счастья».

Что могло заинтересовать Сталина в этом банальнейшем письме? Но заинтересовало.

Вызвал Лаврентия, приказал:

— Привези!

Ни отправителя письма по указанному адресу, ни переулка, обозначенного на конверте, ни номера дома в природе не оказалось.

Розыск затянулся.

Берия не был бы Берия.

Проявив завидную смекалку, настойчивость, нашел не только переулок, дом, но и человека, написавшего письмо.

Отправитель оказался мужчиной.

— Что с подонком делать? — спросил Берия у вождя.

— Ничего не делать. Чувства души в людях нужно уважать. Пошли от моего имени букет роз.

ПТИЧКА

Существует расхожее мнение, что отец всех народов великий Сталин, не имея друзей, был окружен:

Льстецами

Подхалимами

Тайными недоброжелателями.

Враки!

Есть тому наглядное подтверждение.

Вот.

Однажды в 1937 году

Сталин

Сидя у себя в кремлевском кабинете, заскучал, и такая напала тоска, что решился вождь на несвойственный натуре поступок.

Взял телефонный справочник Союза писателей СССР, загадал страницу и, найдя, ткнул пальцем в первую попавшуюся фамилию, чтобы пригласить писателя в гости в надежде слегка поразвлечься.

Счастливым или несчастливым человеком, считайте как хотите, оказался поэт Засекин, о котором не то что ничего не было известно в литературных кругах, но неизвестно и то, каким образом эта личность вообще попала в престижный справочник? А сам он стал членом привилегированной писательской организации.

Позвонил вождь Засекину, пригласил к себе.

— Вот, — сказал, — накропал в часы досуга стишок:

Птичка прилетела,
На окошко села,
Песенку запела,
А потом улетела.

Засекин. Клево. Я бы сказал, конгениально!

— Не шутишь?

— Чего шутить, ты только взгляни, какое дерьмо в журналах печатают.

На первом месте:

Трактора

Лопаты

Кирки

Мотыги

Строят, строят и никак ничего путного не построят.

У тебя птичка, да еще поет.

Сталин. Ладно. Скажи, как поживаешь?

Засекин. Скучаю.

Сталин. И я скучаю. Целыми днями и ночами, понимаешь, товарищ Сталин скучает. Никому до этого нет дела. Окружают товарища Сталина свиные рыла. Посмотрел бы на партийных теток. С ума сойти, барки, не бабы.

Засекин. Послушай, что скажу, есть у меня на примете парочка буланых кобылиц, давай смотаемся? Девочки что надо, пальчики оближешь!

Сталин. Не могу на этой неделе. Мои коблы что придумали, слет ударников гужевого транспорта придумали. Торчи на нем, как сукин кот.

— Пошли куда подальше.

Сам числился ударником.

Липа.

Потом вышел в люди. Стишки начал кропать. Самое немудреное занятие. Выдумываешь ерунду, тебе денежки капают. Поэту из низов дорога открыта.

Сталин. Не в этом дело. У меня свой резон. Народ, понимаешь, товарища Сталина любит. Товарищ Сталин не может подводить народ, который должен представлять себе, что товарищ Сталин тоже его любит.

Засекин. Ты меня просто убил, старик. Кто тебе такую красивую лапшу на уши навесил?

Народ любит выпить, с бабами поваляться, пожрать вволю. На остальное плевать хотел. Посмотришь, когда тапочки отбросишь. Надеешься, наивный человек, что в Мавзолей гроб поставят? Поставить-то поставят, да вытряхнут потом.

Так что не надейся и не жди!

Сталин. Как ты говоришь:

Мандюк.

Пиздюк сраный!

С кем говоришь?

С товарищем Сталиным говоришь!

С отцом всех народов говоришь!

Берии скажу, он тебя на сибирских лесоповалах сгноит!

Засекин.

А я Сибири
Не боюся,
Сибирь ведь тоже
Русская земля...

На Беломорканале три года кукарекал. За что? Секретаря парткома к ебене фене послал, ну и что?

Сталин. Берии не испугался, Сибири не испугался, молодец! Вчера министр испугался. В штаны наложил. До сего времени на Лубянке отмывается.

Вызвал, битый час разговаривал, так он ни разу за это время товарища Сталина великим не назвал.

Засекин. Ты тоже два часа баланду травишь, а выпивку ни разу не предложил. У Засекина, как у всякого нормального россиянина, душа горит.

Сталин. Почему раньше молчал? Сейчас прикажу холуям, чтобы притащили самое лучшее вино. Кинзмараули хочешь? Это вино на Кавказе специально для товарища Сталина изготовляют.

Поэт Засекин заявил категорически, что никакое такое дерьмо в рот не возьмет. Если некоторые собираются поэта ублажить, пусть прикажут подать виски!

Сталин. Ты сбрендил? Где взять виски, мы не в империалистической Америке, балда!

Толковали, толковали, сошлись на «Столичной».

К утру нализались так, что заснули на одной койке.

Проснувшись, вождь долго думал, откуда в квартире взялся этот омерзительный тип? Когда вспомнил, приказал охранникам вышвырнуть Засекина на Красную площадь.

Скука не тетка.

Через неделю Иосиф Виссарионыч опять затосковал. Пришлось вновь призывать поэта, который вначале послал всех куда подальше, потом, пожалев вождя, приехал.

Возникла между ними почти космическая дружба.

В канцелярии Кремля выписали специальный пропуск, по которому Засекин мог в любое время суток беспрепятственно приходить в апартаменты вождя.

Началась веселая жизнь.

К девицам ездили.

По подпольным московским кабакам шимонались.

Однажды ради смеха подожгли деревянный дом вместе с жильцами.

Сталин кричал на всю округу:

Гори-гори ясно, чтобы не погасло.

Пожарным с большим трудом удалось вытащить сонных обывателей из бушующего пламени.

Вот какая дружба. А вы говорите!

Длилась она до смерти кормчего Страны Советов, до марта 1953 года.

После роковой даты сталинские соратники поэта Засекина куда-то сослали.

А может, он от греха подальше сам себя сослал?

ФИГА

Прогуливаясь как-то по дорожкам Кремля, Иосиф Виссарионыч невзначай взглянул на небо и увидел там собственное отражение.

— Послушай, Лаврентий, ты смотрел на небо?

— Смотрел.

— Что видел?

— Ворона пролетела.

— Сам ты ворона, лик товарища Сталина на небе светится.

Берия мгновенно сообразил, что нужно делать.

— Этот замечательный факт мы в срочном порядке доведем до всего советского народа.

На другой день Берия собрал в выставочном зале на Кузнецком Мосту сто художников, разъяснил, что нужно рисовать.

Один портрет, на котором Иосиф Виссарионыч был изображен во весь рост и смотрел на свой одухотворенный лик на небе, особенно понравился грозному министру, потому что хоть и на втором плане, но и он запечатлен на полотне.

— Этот заверните в красивую шелковую материю, завтра представим на обозрение вождя.

Но когда при стечении членов Политбюро и некоторых особо доверенных членов ЦК с портрета сдернули покрывало, на холсте красовался не образ отца всех народов, а внушительная фига, сложенная из заскорузлых пальцев убийцы или бомжа.

Берия. Вот подлецы! Сюда, в светлый храм искусства, проникли враги народа, вредители. Над великим человеком решили подшутить. Это так не пройдет. Я им покажу кузькину задницу. Из-под земли вытащу!

Но дело оказалось не таким простым, как казалось вначале.

Когда разгневанный министр явился на Кузнецкий Мост, то узнал, что там уже два месяца производят ремонт помещения. Портреты вождя здесь не рисовались. Московские художники с начала лета отправились в творческие командировки.

Берия принял решение всех этих, как он их называл, мазилок, сослать на Колыму. Пусть рисуют чукчей верхом на белых медведях

Но шагу воспрепятствовал кормчий страны, сказав:

— Оставь дурацкую затею, сам ходишь с фигой в кармане!

И угадал.

ВИГВАМ

Когда в детстве при мне произносили слово «Сталин» с добавкой «вождь», в голове возникал ряд ассоциаций.

Почему Иосиф Виссарионыч не поставил посреди Кремля вигвам?

Почему не носил украшенный яркими перьями головной убор?

Почему не разукрасил тело различными татуировками?

Почему не завел десятка два доброкачественных жен?

Почему не завел на территории Кремля диких зверей и не стрелял в них отравленными стрелами?

И наконец, почему не снимал скальпы со встречающихся с ним белых людей?

НАХОДЧИВЫЙ НАРОД

В Кремле в кабинете у Сталина шел разговор.

— Послушай, Лаврентий, стены и потолок у меня укрепили?

Хорошо.

Отметить нужно строителей, поощрить на дальнейшие трудовые подвиги. Дай орден Ленина. Теперь, как думаешь, стены кремлевские надежной служат защитой товарищу Сталину?

Берия. Часовые зорко смотрят, чтобы ворона не пролетела.

Сталин. А не думал ты о том, что найдется прыгун, который перепрыгнет с пулеметом, откроет огонь по квартире товарища Сталина?

Берия, видя отчетливо очередное чудачество вождя, перечить не стал.

Зная:

Во-первых, бесполезно

Во-вторых, опасно

Берия. Проработаем вопрос на коллегии наркомата, посоветуемся, что можно сделать, доложим на очередном заседании Политбюро.

С т а л и н. Нечего думать, нечего прорабатывать, нечего докладывать, товарищ Сталин все продумал, все проработал. Вот что сделай, построй дополнительный забор из колючей проволоки, пропусти через нее ток высокого напряжения.

Через неделю продолжение разговора.

Берия докладывал о проделанной работе.

— Все в порядке, Иосиф Виссарионыч. Забор готов, действует. Погибло два курсанта. Бегают в самоволку к бабам.

С т а л и н. Так им и надо, не будут бегать.

Б е р и я. Теперь достали где-то резиновые сапоги и перчатки, научились перелезать через проволоку.

С т а л и н. Вот паразиты.

Находчивый народ!

КОЖА

Сталин пришел в сапожную мастерскую.

— Товарищи труженики легкой промышленности, прошу сшить для отца всех народов, для товарища Сталина, пару мягких кавказских сапожек.

— Извините, товарищ Сталин, кожи нет.

С т а л и н. Кожи нет? Три недели тому назад приказал с двух троцкистов содрать шкуру.

Куда дели?

ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Когда после смерти И.В. Сталина тетю Машу, персональную уборщицу вождя, спрашивали, относился ли Сталин к кому-нибудь доверительно, дружески?

Отвечала.

— Что вы, голубчики, сам себе не доверял, сам себя подозревал. Любимое занятие имел — распекать министров, членов Политбюро.

Также:

ЦИКА

ВЦИКА

ЦККА.

Вызовет,

Распекает,

Распекает!

Пока не окочурится какой.

СОКРОВЕННЫЕ МЕЧТЫ

Больше всего на свете И.В. Сталин не любил героев Гражданской войны.

Подумаешь, воины. Понапялили орденов. За что давали? ЦК партии под руководством товарища Сталина решало кому дать, кому не дать!

Хотя многие из полководцев числились великими полководцами, Сталин не ставил их ни в грош.

Болтуны

Хвастуны

Предатели

Имелась у вождя сокровенная мечта — прихлопнуть всех одним махом.

Как?

Вот в чем вопрос!

Не сделаешь вид, что они враги народа.

Свои стервятники — Куйбышев, Киров, Бухарин — хай поднимут на всю страну. Взбудоражат преданный отцу всех народов советский народ.

Вот что, назначу на руководящую работу в промышленность, сельское хозяйство. Пусть покажут работу. Провалят дело — прихлопнуть, как мух.

Кто из них справится? Народ по большей части темный, безграмотный. Один Семен Буденный чего стоит! Песни, которые про него сочинили, слушать противно.

Братишка наш Буденный,
С нами весь народ,
И конница Буденного
Летит вперед...

Врут писаки.

Там, где находился товарищ Сталин, — там конница при нем. Обалдуй Семен указания товарища Сталина выполнял. Ладно, этого оставлю. Предан товарищу Сталину, яко пес! Тухачевского, маршала, повешу на первом телеграфном столбе. За какие заслуги в маршалы пролез? Недоглядел товарищ Сталин, утратил партийную бдительность. Лапотников-крестьян в Тамбовской губернии победил? Кто бы не победил? Тоже теоретик военного дела объявился! Подумаешь, теоретик! То, что он говорит, товарищ Сталин давно говорил, еще когда в семинарии учился, говорил.

Тут вождь заметил, что его заносит не в ту степь, переменил ход размышлений.

Берия соберет джигитов. Подумаем, как избавить партию от никчемных людишек. Возникают у Лаврентия иногда светлые идеи.

В этом месте мысли Сталина дали сбой.

Вспомнил, что Куйбышев на том свете, что Киров последовал не без некоторого содействия за ним, что Бухарин, Ежов расстреляны как враги и шпионы.

Теперь возьмемся за писателей и академиков. Народ ненадежный, своекорыстный. Интригуют. Ни один роман про товарища Сталина не написали.

Отправим в сибирские отдаленности. Пусть квакают вместе с белыми медведями.

Быть бы по сему. Но случилось, что обычно случается в таких случаях.

Всю ночь человека мучила бессонница, ворочался с одного бока на другой, только под утро заснул.

Когда проснулся, не мог вспомнить, что мерещилось во сне.

ТРИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

В одном колхозе Ряжского района Рязанской области председатель вел хозяйство своеобразным образом.

Не вышел колхозник на работу — в рыло. Не выполнил задание — в рыло!

Ничего.

Мужики терпели.

Колхоз процветал.

Когда до Иосифа Виссарионыча Сталина дошел слух, что есть в стране колхоз, который не только выполняет, но и перевыполняет план, Сталин приказал вызвать председателя в Кремль.

Вызвали.

Сталин спрашивает.

— Расскажи, дорогой, каким образом при нашей скудости выполняешь и перевыполняешь плановое задание?

— Вот каким!

Подошел мужик к вождю на близкое расстояние и в усатое рыло — бац!

Сталин от неожиданности упал на колени. Мужик в другой раз.

Охрана пикнуть не успела.

А обидчик вождя вышел вон, не то в дверь, не то в окошко.

Искали.

Не нашли.

Председателем в означенном колхозе оказался безногий инвалид войны второй группы, в соседнем — замшелый дед.

Тут можно вывести предположение:

Вмешались силы, которые иногда вмешиваются в дела человеческие.

СОЛДАТСКИЕ

БАЙКИ

■ ■ ■

НОЖИЧЕК

Рядовой Виталий Темкин добыл в бою перочинный ножичек.

Мечта.

Набор необходимых солдату предметов:

Шило,

Отвертка,

Разных размеров лезвия,

Столовая ложка.

Честно добыл.

Снял с пленного унтера, которого взял и по приказу доставил в штаб полка.

Проходя мимо походной кухни, выпросил у повара котелок перловой каши, покормил фрица, сунув под нос со словами:

— Жри, в Смерше не покормят!

И вот красавец ножичек фирмы «Золинген» Темкин потерял.

На другой день батальон наступал на бугорок, на котором виднелись окопы противника и рогатки из колючей проволоки.

Третья рота не выдержала бешеного огня с неприятельской стороны, залегла.

Комроты, лейтенант Аганесян, ошалело орет на всю округу:

— Вперед, суки!

Суки засунули головы в ямки и не двигались с места.

Когда пулеметная и ружейная пальба немного стихла и можно было сделать хоть одну затяжку махры, рядовой Темкин заметил пропажу вожделенного предмета.

— Ё мое, в лесочке потерял, куда бегал по большой нужде.

И он, долго не думая, пополз в противоположную сторону от линии фронта.

Когда добрался до нужного места, был схвачен бездельниками из заградотряда как трус и дезертир, покинувший поле боя.

Трибунал.

Что сказать?

Хоть не трус, а с передовой смылся.

Факт.

Рассказ солдата о сути дела узкоспинного майора не заинтересовал ни с одной стороны.

Именем РСФСР,

Расстрелять!

Приговор привести в исполнение на рассвете следующего дня.

Но расстрел рядового Темкина не состоялся.

Явился ночью немецкий унтер. Взял солдата за руку. Вывел на свежий воздух.

— Иди!

Так ли на самом деле складывались обстоятельства дела?

Мистика.

Скорей всего, утром в связи с поголовным истреблением живой силы, генерал, который обязан утверждать смертные приговоры, приказал гнать всех без разбора на передовую.

Так-то оно так.

Но, скажите, каким образом бывший смертник оказался не в штрафной роте, а в своей?

И, получив увесистую блямбу от лейтенанта, побежал со всеми вместе вперед, выкрикивая бестолковое уррра!

А в голове у него в это время звучал иной, неизвестный прежде, мотивчик:

Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...

ПОДВИГ

На пути наступления роты (командир лейтенант Чесноков) возник ДОТ, разведкой не обнаруженный по причине тщательной замаскированности.

Лейтенант распорядился, дал команду рядовому Мастеркову ликвидировать долговременную огневую точку противника.

Рядовой Мастерков немногословен, произнес одно слово:

— Есть!

И пополз по-пластунски вперед.

Неприятель заметил красноармейца. Подпустив поближе, открыл убийственный огонь из всех видов оружия.

Первым залпом Мастеркову оторвало правую руку, вторым — левую ногу. Бомба, сброшенная с немецкого бомбардировщика, угодила смельчаку в туловище, от которого после прямого попадания ничего не осталось.

Только голова катилась, катилась и закрыла амбразуру.

— Урааа! — крикнула раскатисто рота и бросилась вперед.

Но радость оказалась преждевременной. Немецкий пулеметчик, взяв длинный шест, отпихнул голову в сторону.

Скажут:

— Фантастика!

Да!

Но не бо́льшая, чем пропаганда политорганов РККА.

ОКРОШКА

Был бой. Закончился. Полк взял деревню.

На пригорке на солцепеке два ротных командира.

Разговор.

Высокий с веснушками на щеках и на тыльной стороне ладоней капитан:

— Эх, сейчас бы бабу!

Второй. Здоровяк. Стриженный под машинку лейтенант.

— Мне бы котелок окрошки!

Обернулись.

Вот она, баба.

Идет по траве.

Пышнотела

Круглолица

Румяна

Младенчик на руках

— Кто из вас спрашивал бабу?

Мальчика куда?

— Положим на травку.

Капитан не растерялся. Задрал юбку, пошел чесать.

Второй не выдержал.

— Тоже хочу!

Голос бабы:

— Иди. Этот уже.

После спорят.

Была баба?

Не было бабы?
Показалось!
А котелок с окрошкой взялся откуда?
На травке стоит.

Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала.
Ах, куда ты, паренек, ах, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты...

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЧЕСТЬ

Генерал-майор в отставке. Герой войны. Инвалид второй группы, кавалер многих орденов.

Влюбился, как последний идиот, в девушку.

Поженились.

Не более чем через месяц соседи начали замечать некоторые перемены во внешнем облике бравого вояки.

Когда спрашивали, откуда у соседа на лбу таких приметных размеров шишка?

Стоически отвечал:

— Повесил на стенку полочку, стукнулся об угол.

— А синяк под глазом? — продолжали выпытывать соседи.

— Уронил книгу. Нагибался. На пути оказалась спинка стула.

Когда дверные косяки, вешалки, другие случайные предметы, наносящие травмы генералу, вконец исчерпали себя, генерал признался, что молодая жена лупит его за каждый пустяк.

И горько заплакал.

— Так прогони! — хором пропели соседи.

На что бывший воин заявил:

— Не могу! Не позволяет генеральская честь.

ПУСТЯКИ

Командир полка 122-миллиметровых гаубиц обругал командира батареи того же полка капитана Мельникова самым хамским образом, и не за упущения по службе, а за то, что Мельников приударил за его ППЖ, да еще вдогонку пообещал отправить храброго комбата в штрафной батальон.

Капитан, придя на батарею, приказал развернуть орудия в сторону блиндажа обидчика.

Дал команду:

— Огонь!

В результате от блиндажа не осталось ни шиша, а самого контуженного полковника отправили в госпиталь.

Батарейцы любили капитана, ненавидели полковника и не заложили своего командира.

Приехавший на позицию следователь Смерша ничего не добился. Составил протокол как о несчастном случае, следующего содержания:

«Артиллеристы-дальнобойщики неправильно произвели расчет, допустили ошибку. Какие артиллеристы, установить не удалось».

Кому охота во время войны заниматься подобными пустяками.

ПУЛЯ

22 июня 1941 года началась катастрофическая для СССР война.

Но житель города Ряжска Рязанской области Леха Филимонов бы призван в Красную армию за шесть месяцев до начала боевых действий.

Так что успел сполна хлебнуть старшинской немилости, муштровки и бестолкового обращения

командира отделения украинца Кравчука, который, как все уроженцы этой советской республики, службист до мозга костей.

Только и раздавалось в казарме:

— Два наряда вне очереди, три наряда вне очереди!

В основном приходилось чистить ротный сортир.

На все эти выкрутасы красные командиры смотрели сквозь пальцы.

Но дисциплина оказалась показушной и привела к тому, что в первые дни войны бойцы разбежались из своих подразделений, бросая оружие, а немцы к осени оказались в 18 км от Москвы.

Потом эти требовательные младшие командиры, да и старшие, куда-то подевались.

Но разговор не об этом.

Пока рядового необученного Филимонова муштровали, пока везли в битком набитых телятниках (двухосные железнодорожные вагоны, предназначенные для перевозки скота), пока водили без сна и отдыха, голодных, плохо одетых по каким-то лесам и оврагам.

В Германии на одном оружейном заводе в Эссене или еще где готовилась персональная пуля для бойца РККА Лехи Филимонова.

Готовилась с немецкой тщательностью,

старательностью,

трудолюбием,

чтобы немецкий снайпер, который будет стрелять в бойца, не промазал.

Потом эту пулю упаковали в специальный ящик вместе с другими патронами и отправили на армейский склад боеприпасов, где он некоторое время хранился.

Пришло время.

Ящик вместе с другими ящиками погрузили в вагоны. Не в те, в которых в СССР возят скот и солдат, а в чистенькие, аккуратненькие.

К тому времени, когда рядовой третьей роты Леха Филимонов оборудовал окопчик, добыв где-то пару снопов необмолоченной ржи, чтобы не так мерзли ноги, обутые в солдатские ботинки на резиновой подошве, пуля уже была доставлена фрицевскому снайперу, который тоже оборудовал окопчик, повесив портрет фрау и киндера.

Как-то утром высунулся Леха из окопа, разинув рот, потому что увидел пролетающую мимо ворону.

— Не высовывайся, — крикнули ему более опытные товарищи.

Но было поздно.

Немецкий снайпер загнал пулю в патронник и нажал на курок. Это как раз была та-пуля, которая предназначалась для Лехи, залюбовавшегося пролетающей птицей, его судьба.

Но под локтем снайпера хрупнул небольшой комочек, маленькая льдинка. Рука снайпера слегка дрогнула. И пуля, предназначенная судьбой беспечному бойцу, пролетела мимо.

Держись, солдат!

СВЕТ ГЛАЗ

Судили командира батальонных минометчиков казаха Тамбаева.

Судили зря.

Предлог — мародерство.

Но ходили слухи, что он послал куда подальше командира полка. И тот не оставил без внимания этот случай, не простил.

Всем было ясно, дело состряпано. В мародерстве на войне можно обвинить каждого.

В этом случае поросенка доставал не Тамбаев, а его ординарец.

Сам Тамбаев свинины не ел, потому что был мусульманином.

Но в данной ситуации для судей этот факт не имел никакого значения.

Судьба комбата была решена еще до разбирательства дела. Комендант трибунала с отделением автоматчиков маячил уже где-то невдалеке.

Но в глазах Тамбаева не было страха. В них отражался мир людей: деревня, где проживал до войны с матерью и отцом, старый, борода до пояса, дед, густогривый жеребец, на котором ему иногда дозволялось проскакать с гиком и свистом по родной улице. И только после этого, как бы в стороне, раскаленные глаза девушки, с которой договорился, что будет ждать.

Когда же на солнце набежало облачко, свет глаз Тамбаева переменился.

В них отразилась такая злость, что даже каменнорылые судьи вздрогнули. Мурашки страха пробежали по их отвратительным телам, на которых красовались погоны майоров и подполковников.

Суд был скор.

Приговор привели в исполнение немедленно.

Стреляли с близкого расстояния.

Пули как бы отскакивали от груди и головы комбата.

Но это впечатление было обманчиво. Все тело живого человека изрешетили, как мишень на стрельбище.

А он стоял. И зло смотрел на стрелявших автоматчиков и на продажных судей.

Невыразимое недоумение отразилось на лицах согнанных на этот кровавый спектакль солдат и офицеров.

Казалось, что если бы нашелся хоть один смельчак, который крикнул:

— Ату их, сволочей!

И от судей, и от их хозяев не осталось бы мокрого места.

Но такого смельчака, к сожалению, не нашлось!

НАПОЛЕОН В РУССКОМ ИСПОЛНЕНИИ

Эта почти что сказочная история относится ко второй половине XIX века, ко времени царствования царя-освободителя.

Как-то Александр Второй, проводя смотр войскам в турецкую кампанию, заметил невысокого роста, но плотного телосложения солдата Перетеркина, который удивительно походил, как его изображали на лубочных картинках, на императора французов Наполеона.

— Произвожу тебя в прапоры, — обратился царь россов к Перетеркину. — Негоже такому замечательному экземпляру носить погон нижнего чина. Служи верно Отечеству!

— Будет сде...! — выкрикнул ошалевший от счастья новоиспеченный прапорщик.

В дальнейшем фамилия Перетеркин в роду Перетеркиных от царской милости не переменилась, а имя императора французов отразилось в именах.

Дед нынешнего Перетеркина именовался Наполеоном Александровичем. Служил в лейб-гвардии Семеновском полку, имея от природы звучный голос, числился в роте запевалой, получал за это от командира всякого рода поблажки по службе.

Крикнет, бывало, поручик:

— Перетеркин, песню!

Перетеркин не заставляет себя ждать:

Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши жены?

Рота в один вздох:

Наши жены — пушки заряжены,
Вот где наши жены.

Погиб запевала в Первую мировую войну во время безжалостной газовой атаки со стороны немцев.

Остался у него в деревне Шелемишево Рязанской губернии сын Никита Наполеонович, который служил в армии батьки Махно. Рубился и с красными и с беляками.

Сгинул в Туркестане от непонятной болезни, от которой пошла сыпь, постепенно перешедшая в язвы, оставив после себя достойного наследника.

В начале Второй мировой забрили наполеоновского отпрыска в Красную армию.

На фронт не попал.

Поскольку, как и предки, имел замечательный голос.

А попал в ансамбль красноармейских песен и плясок при комиссариате обороны.

Наступила сытая спокойная жизнь.

Ан нет!

При первом же выступлении концертной бригады в прифронтовой полосе погиб.

Не повезло.

Грянули любимую, щекочущую нервы песню:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Видимо, слишком громко грянули, противнику это не пришлось по нраву.

И фрицы по скопищу солдат и офицеров дали артиллерийский залп.

Таким нелепым образом наш герой погиб, как написано в похоронке, смертью храбрых.

Но перед тем как уйти в армию, бравый воин успел жениться, успел сочинить маленького Наполеончика.

Так что род русских Наполеонов не пресекся.

И что бы за рубежом ни говорили, существует в городах и весях России до сих пор!

ТОСКА ПО ДОМУ

Рота занимала оборону вдоль небольшой речушки шириной метров пятьдесят. На том берегу — фрицы, на этом — наши. Слышно, как разговаривают в окопах.

Сосуществуют мирно, как будто война идет где-то в другом месте и их не касается.

Так вот, солдаты первого взвода этой роты начали ржать с утра, как будто их щекочут черти.

Фрицы переполошились.

Опять что-то у этих иванов происходит.

Что?

Вот что.

Рядовому Бабошкину, ротному внештатному комику, приснилось: вроде к нему явился крокодил, ужасно похожий на командира полка подполковника Плошкина, и попросил закурить.

Когда Бабошкин отдал кисет крокодилу, тот быстренько свернул из армейской газеты «Даешь Берлин!» «козью ножку» такой величины, что в кисете не осталось ни крошки махры.

Что же в этой байке, которая кочевала в различных вариантах по всей армии, смешного?

Да ничего!

И скучно, и грустно, хотелось сказать, и некому руку пожать.

Не то.

Есть кому пожать руку, пока живы приятели.

А все равно скучно.

Второй месяц в окопах. Вши заели.

Тоска по дому непреодолимая.

По маманьке, по Дуняшке или Машке. По пирогам с капустой или фасолью из ржаной муки.

Вот и ржут, как сукины сыны.

Фрицам на другом берегу тоже скучно. Тоже тоска по дому, по фрау.

Тоже ржут во всю ивановскую.

Почему бы нет?

НЕПОДХОДЯЩИЙ ВИД

Возле штабного блиндажа на бревне сидел старшина комендантского взвода Петр Касьяныч Бухалов и размышлял примерно так:

— Хотелось бы теперь оказаться дома, в родном селе!

Мысли незамысловато порхали вокруг этой бесконечной темы:

— Пироги на столе с луком и картошкой, жинка здорово их умела выпекать, бутылка первача, детишек пять штук, крутятся, стервецы, вокруг.

Знал старшина, что ничего этого не будет, окажись он дома. Голодуха у них на Брянщине непроходимая. С первого дня начала войны исчезли из сельмага все продукты. Даже соль и спички.

О махорке нечего говорить. Теперь табачком торгуют, измеряя дозу при помощи спичечных коробков.

Но старшина отгонял от себя эти неприглядные мысли, мечтая о своем:

— Баньку натопят, парку поддадут, жена спинку потрет, похлопает дубовым веничком!

В это время на другой стороне фронта два фрица, экипаж немецкого танка «тигр», думали о другом. Они укладывались на ночлег. И никак не могли устроиться. Одному снаряд, как ни повернись, впивался, паразит, в бок.

Выбросить надо.

Напарник говорит:

— Пульни по иванам!

Зарядили орудие.

Взззы!

Этот снаряд угодил как раз в не в меру размечтавшегося старшину.

Разнесло в пух!

И предстал Петр Касьяныч пред вратами Рая.

Не сам предстал, а то, что от него осталось:

Непотопляемые кирзовые сапоги и медаль «За отвагу».

— Ты куда? — поинтересовался привратник, инвалид Отечественной войны второй группы.

— Куда-куда, не видишь, дурак, убит на Четвертом Украинском фронте?

— Нельзя, не велено!

— Кем не велено, почему не велено?

— Образа нет.

— Какого образа?

— Человеческого. Может, ты овца или пес?

— А кирзовые сапоги овца носит, а медаль? Твою в телегу мать!

— Поговори тут, отправлю на губу!

Поплелся старшина в Ад.

Там тот же сказ. От ворот поворот. Говорят, что своего такого дерьма навалом.

Чертыхнувшись раза три, старшина отправился в полк. Благо дел невпроворот: Сидорова нужно

послать в ПФС за пшеном, отнести полковничьи хромовые сапоги в ремонт.

И еще кое-что.

Помните, как в песне поется:

Умирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела.

Пожалуй, так!

ТИГР

Рядовой Курдюков упал с елки и сломал ногу. Полковой опер дотошно допытывался, для чего он на нее забрался, не белка ведь?

— Я вам уже докладывал, гражданин товарищ капитан, испугался тигра.

— Что брешешь, халява, откуда в этой местности могут взяться тигры? Признавайся, что сам придумал историю, чтобы скрыть умышленное членовредительство?

Рядовой Курдюков, бессмысленно мотая стриженой головой, стоял на своем.

— Испугался тигра. Я на елку, а он прошествовал мимо.

Опер изменил тактику, принялся запугивать ошалевшего от страха рядового.

— Прошествовал, прошествовал, откуда выкопал, дурак, такое словечко? Ты у меня теперь прошествуешь на тот свет. За членовредительство тебе полагается расстрел.

Дальнейшие события произошли, как и предполагал опер, но не совсем.

Трибунал по требованию прокурора дал вышку.

То ли генерал, командующий войсками, находился в благодушном в это время расположении

духа по случаю получения ордена Суворова II степени или еще что, но дурацкого приговора он не утвердил, а приказал, и правильно поступил, отправить Курдюкова в штрафную роту.

Вскоре выяснилось.

Был тигр.

При взятии ближайшего города, когда авиация нещадно бомбила войска, одна из бомб попала в сарай, где помещались звери передвижного цирка. Звери, в том числе и тигры, разбежались по всей округе.

Один из них повстречался рядовому Курдюкову.

Вывод.

Почаще бы давали награды генералам!

НЕПРИКАЯННЫЙ

Когда в 1941 году войска вермахта заняли полуостров Крым, благословенный во всех отношениях край, то в курортном городе Ялте произошло вот что.

На одной из улиц недалеко от центра в маленьком аккуратненьком домике с садиком проживала известная всем обывателям проститутка Маришка Журкина.

А рядом в многоквартирном доме-клоповнике с крупногабаритной семьей квартировал милицейский лейтенант, еврей да еще коммунист в придачу, Нема Рабинович.

Когда немцы принялись вылавливать лиц нерусской национальности, а именно евреев и коммунистов, Маришка спрятала Рабиновича у себя в подвале.

И ничего.

Обошлось.

Все сходило бойкой бабешке с рук.

Приходящие с обыском жандармы больше шарили у Маришки за пазухой да под юбкой.

Когда Крым снова был отвоеван Красной армией, Маришке пришлось прятать другого человека — раненого немецкого солдата.

Тут случилось, что Рабинович ничтоже сумняшеся донес на свою спасительницу куда следует.

Девку арестовали.

Солдат от тяжелой раны скончался.

И быть бы бабе по этапу за непатриотичный поступок в местах достаточно отдаленных, но выручила профессия. Уж так она крутила перед дознавателями крутой задницей, так крутила, быстрее, чем пропеллер самолета У-2.

Выкрутилась.

Но оказалась в родном городе без жилья и без копейки денег.

Хорошо, что нашлась добрая душа. Подружка по профессии Любка Коростылева. Посочувствовала чужому горю, приютила.

А с Рабиновичем произошло вот что.

Явился к нему старец.

Когда Рабинович поинтересовался, кто он и почему явился непрошеным гостем в чужой дом?

Старец с достоинством ответил.

— Я пророк Исайя! А ты, смерд, — добавил пророк, — опозорил всю еврейскую нацию. Евреи изгоняют тебя из своей среды. Иди!

И пошел Рабинович скитаться по свету как неприкаянный.

Обошел все южные и северные города. Не раз бросали в каталажку как бродягу. Даже товарищи, такие же бездомные бродяги, смотрели на него с презрением.

И бродил он до тех пор, пока не догадался, что надо сделать.

Вернулся в Ялту. Разыскал Журкину. И стал вымаливать у нее прощение за принесенное горе и позор.

— Да что ты, батя, спятил, какое прощение? Слава богу, что вернулся, а то люди говорили, что пропал наш Рабинович неизвестно куда.

А ты, слава Господу, цел и невредим!

ЗАПРУДА

Линию обороны наметили на местности, хорошо приспособленной для этого дела. Впереди речушка небольшая, можно перепрыгнуть, если хорошо разбежаться. За речушкой деревня. Там и засели фрицы. Другой берег — отлогий, на котором окопались наши. Позади окопов смешанный лес: ель, как обычно, сосна, осина, которая не горит, как выражаются солдаты, без керосина, местами белеют березки.

Надо бы выковырнуть немцев из деревни, да сил для этого маловато. Всего одна стрелковая рота с двумя ручными пулеметами.

И вот солдат Трешкин, копая для себя окопчик, наткнулся на что-то твердое. Когда очистил предмет от грязи, увидел, что это старый артиллерийский снаряд, который остался еще от той, первой, войны. Видимо, на этом самом месте и тогда проходила линия обороны.

Трешкин, предположив, и не без основания, что при халатном обращении эта штука вполне может рвануть, бережно подкопал ее со всех сторон, взял на руки и, отнеся к речке, бросил в воду.

Вот тут и рвануло.

Да так, что на селе из окон повыскакивали стекла, а с крыш домов сдуло не только солому, а местами и железные оцинкованные листы.

Самого Трешкина отбросило от места взрыва метров на двадцать или тридцать пять и усадило на самую макушку развесистой ели.

Речушка оказалась перекрытой, как плотиной, землей, выброшенной взрывом.

Это не все.

Когда немцы, напуганные грохотом, думая, что русские иваны подвезли адскую машину, отступили, то жители заметили, что вода остановилась, не имея выхода, и стала разливаться и в длину и в ширину.

На следующий год вместо речушки возле села и окружающей местности образовалось озеро верст пять с гаком длиной и не менее версты шириной.

Вскоре берег зарос тростником, прилетели вездесущие чайки, а в воде завелась рыба, раки и другая живность.

Появился первый рыболовецкий колхоз.

А само озеро получило название «Тихая заводь».

Но местные жители дали свое название: «Тимохин пруд».

Главное в этой истории то, что солдата Трешкина звали Тимофей.

Но ведь об этом не знала на селе ни одна живая душа.

ЗВЕЗДОЧЕТ

Если бы в Красной армии существовала профессия звездочета, то принадлежала бы она рядовому третьей роты Рогожско-Симоновского полка Узикову.

Сидит на передовой на бруствере окопа и смотрит на небо, шевеля про себя губами, вроде песенку поет или читает молитву.

Когда спрашивают:

— Что ты делаешь, подлец, немцы убьют?

Отвечает:

— Считаю звезды.

— Сколько же их там?

— Посчитайте сами!

И добавлял, что нашел свою звезду. Что она черного света. Что все убитые на войне солдаты и офицеры улетают туда, в эту черную дыру, и обратно не возвращаются.

— А как же насчет рая и ада, о которых пишут в книгах?

— Рай там, на небе, — отвечает звездочет, — а где ад, он не знает. Думает, что люди придумали его для устрашения себе подобных, чтобы держать их в узде.

— А что там, в этой дыре?

— Не знаю, обманывать не стану, не бывал.

Фрицы поначалу стреляли в солдата.

Но мазали.

Потом перестали.

Поняли, что перед ними чудик.

ОБЪЕКТ

Пришел. Увидел. Победил.

Для командира стрелковой роты лейтенанта Задорожного ни одна из известных всему миру формулировок императора римлян Юлия Цезаря не пришлась к месту.

Роту привезли и высадили на каком-то глухом полустанке в Полесье, значит, в Белоруссии.

Увидел он не солдат противника, а болото, сплошную трясину, торфяную жижу, достигающую едва ли не до колена. При отсутствии сапог это обстоятельство имело немаловажное значение. Побеждать тоже некого. Противник где-то далеко.

Лейтенант был молод и деятелен. Посему резиновые сапоги он выбил едва ли не с боем на базе, отстоящей километрах в двадцати пяти, к которой рота по приказу высокого начальства была поставлена на все виды довольствия.

Началась нелегкая солдатская служба. Охрана объекта, который являлся вышеуказанным болотом.

Но сообразительный командир вокруг болота приказал настелить гать из еловых ветвей, что позволяло передвигаться в относительной безопасности, не рискуя увязнуть в трясине.

Еще эта работа была нужна для того, чтобы отвлечь солдат от не предвиденных уставом печальных мыслей.

Кроме разводящих и патрулей, лейтенант сам дважды в сутки обходил территорию.

С наступлением заморозков положение менялось. Жизнь оборачивалась привлекательной стороной. Ходить по промерзшей земле проще и безопасней.

После окончания войны лейтенант ежемесячно писал в штаб рапорты, что солдаты устали, что необходимо произвести замену, прислать других.

Но вопли оставались безответными до тех пор, пока писарь (мелкая сошка) не обратил внимание на то, что произошла ошибка. Объект, который должна охранять рота, находится в другом месте. Не на Белорусском, а на Четвертом Украинском фронте.

Начальство, взвесив все за и против, решило это дело замять.

БРАТСКАЯ МОГИЛА

Капитан Генерального штаба, любимчик начальства, 26-летний молодой человек, очнулся, как ему показалось, в лесу, в осенней сырости, на самом деле — в братской могиле.

В Генштабе тепло, можно попросить, вернее, приказать вестовому принести стакан чая, бутерброд с колбасой или сыром.

А тут хотел поднять руку — что-то сдавливало тело.

Где находится, догадался не сразу. Трупы на нем, трупы под ним.

Подумал.

— Не выбраться, если слой покойников большой.

За что, за что отправили на передовую?

Да!

Собирали остатки, чтобы бросить в бой, остановить немецкое наступление на столицу.

Приказ министра.

Начальник отдела не смог отстоять любимца.

Должность дали капитану неподходящую. Сотрудника оперативного отдела в спешке назначили командиром отдельного стрелкового батальона. Могли бы направить в штаб армии, на худой конец в оперотдел дивизии.

Строевой службы не знал. После окончания училища попал на штабную работу.

Батальон сразу бросили в бой. Не успел познакомиться с обстановкой.

О существовании приказа хоронить убитых в братских могилах, раздевая до кальсон, осведомлен.

Теперь сам оказался в таком пиковом положении.

Стеганый бушлат, ватные брюки, как и бурки, сшитые в военторговской мастерской по спецзаказу, стащили трофейщики.

Когда сознание вернулось, ощутил омерзительный холод.

Первая мысль, как уже говорилось, была:

«Не выбраться!»

Капитан выбрался, показав недюжинную силу воли. Да и везение сыграло положительную роль. Убитых сверху оказался всего ряд, земля подмерзла, превратилась в комья, что позволяло свободно дышать.

Мысль, когда увидел ночное звездное небо, возникла дурацкая:

А как же:
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой?

ПАМЯТНИК

Как поступали во время войны ретивые политмайоры и политподполковники?

Просто.

Приказывали сгребать погибших в бою воинов в ямы: особым благорасположением в этих случаях пользовались грейдеры, употребляемые для расчистки почвы при скоростном строительстве дорог.

Закапывали.

Иногда приказывали водрузить на месте захоронения обелиск.

Офицерские удостоверения, солдатские книжки и другие опознавательные знаки отправляли в штаб, где писарь или писаря тасовали их небрежно и отправляли похоронки по месту жительства погибших.

6—4491

Нередко случалось, что воин, пришедший в родную деревню, на перекрестке дорог обнаруживал собственную могилу в виде небольшой пирамидки с красной пятиугольной звездой на макушке.

К чему я?

Вот к чему.

На Малаховом кургане на одной из глыб стали появляться фамилии, которые в похоронных реестрах не числились.

Крюков.

Мальцев.

Волконский.

Волков.

Курагин.

Сеченов.

Шереметьев.

Когда доложили начальству о непредвиденном факте, последнее распорядилось:

— Надписи убрать!

Не тут-то было.

Ни моющими средствами, ни ацетоном краску стереть не удалось.

— Ладно, — решило начальство, — пусть будет так! Тоже ведь воины. Да и вообще, комплекс в скором времени развалится сам собой по причине крайней обветшалости. Земельный отдел области уже запланировал освободившиеся земли распахать и выращивать на них дыни и арбузы.

Но когда дело дошло до того, что на одном блоке появилась фамилия Рабинович, начальство, переполошившись не на шутку, приказало глыбу выковырнуть!

На ее место поставить чистую.

Не помогло.

— Хоть бы фамилия была другая, грузинская или армянская: Шеликошвили или Петросян.

Что теперь будет?

Председатель правительства РФ Черномырдин вскоре должен посетить город.

Посетил.

На фамилию Рабинович не обратил внимания.

Сам недавно назначил одного Рабиновича заместителем министра.

Послесловие:

Может, фамилия еврея была не Рабинович, а другая, и дело происходило не на Малаховом кургане, а на другом?

Мало ли по России разбросано неопознанных курганов?

АНГЕЛ СВЕТА

Оборону рота занимала до крайности неудобную. Немцы — на небольшой возвышенности, наши — внизу, на открытом, совершенно голом месте.

Каждый день из штаба полка летят громоподобные приказы:

— Высоту взять!

Каждый день рота по несколько раз ходит в бессмысленные атаки, неся непомерные потери.

Местность, между прочим, простреливалась так плотно, что за водой к небольшому болотцу удавалось пробраться только в ночное время.

И вот у одного психа, у сержанта Картежникова, нервы не выдержали.

Средь бела дня выскочил из окопа и в одиночку пошел в атаку на целый неприятельский взвод или батальон, поливая беспорядочно в разные стороны из автомата Калашникова.

Немцы в свою очередь, не долго думая, ответили ураганным огнем из винтовок и пулеметов.

Невооруженным глазом видно было, как неприятельские пули прошивают насквозь тело сержанта.

А он идет с окровавленной рожей, с перекошенным от непомерной злобы лицом.

Немецкие солдаты не понимая, что происходит, в панике бросились бежать.

Наша рота поднялась в атаку.

Высоту взяли.

В медсанбате при осмотре изрешеченного тела сержанта обнаружили 21 (двадцать одну) дырку.

И ни одна из них не оказалась смертельной.

Военврач капитан медицинской службы Скобликов, то ли верующий человек, то ли для красного словца, выразился так:

— Ангел Света поцеловал солдата!

Могло быть и так.

БИОГРАФИЯ ДРУГОГО ЛИЦА

Хвостико Петр Семеныч.

Год рождения 1920.

Война 1941.

Бои в подмосковных пределах.

Ранение не тяжелое.

Курсы «Выстрел». Горьковская обл.

На таких же учился будущий маршал СССР Г. К. Жуков, которого после смерти генералиссимуса Сталина стали именовать спасителем отечества, учредили медаль и установили памятник в центре столицы.

Далее.

Кубинка.

Землянки.

Нашел здоровенную бабу.

Из тех, которых пригнали из Москвы для заготовки дров.

Скука.

Можно озвереть.

Махорки не дают.

Лес.

Один взвод из стрелковой роты подорвался на мине.

Погибло 30 чел.

Политрук.

Их в то время называли замполитами, накатал на лейтенанта телегу, обвинив своего непосредственного командира едва ли не в шпионаже.

Будущее молодого человека оказалось в тумане.

Повезло.

Дивизию отправили на фронт.

Могли шлепнуть.

Какие-то силы с самого дня рождения и потом всю войну оберегали лейтенанта.

Но не холили,

не лелеяли,

а так.

Взяли в телятниках.

Провоняли навозом.

В бой бросили через несколько дней по прибытии в действующую армию.

Рота.

Вперед!!!

Противника с высоты выбили.

Потом противник выбил роту с той же высоты.

В результате от роты остались крохи.

Ангелы смерти витали над унавоженной кровью землей.

Ангелы пели:

Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Дорогие сверстники мои?

И еще:

Вы слышите, грохочут сапоги,
И птицы ошалелые летят,
И женщины глядят из-под руки,
В затылки наши бритые глядят:

И еще:

Скажите, девушки, подружке вашей,
Что я ночей не сплю, о ней мечтаю,
Что всех красавиц
Она милей и краше,
Я сам хотел признаться ей,
Но слов я не нашел...

И еще:

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
Тихо звезды мерцают.
Ты меня ждешь,
И у детской кроватки тайком
Ты слезу утираешь...

НАСТРО-
ЕНИЯ

■ ■ ■

ЖИТЕЙСКИЕ ШТУЧКИ

*

Интеллигент в универсаме
наступил на арбузную корку.
Падая, успел кому-то сказать спасибо.

*

Уверовать или убедиться?

*

Интересно то, что интересно.

*

Нет пророка в своем отечестве,
но нет пророка и без отечества!

*

Виртуальная действительность
и действительная виртуальность —
понятия разные.

*

Несвобода подстерегает человека везде:
Любовь, семья, дети, наука.
И вообще.

*

Морозная сырость.

*

Блевали в две руки.

*

Как пойдут дела
В третьем тысячелетии?

*

На планете живут живые люди,
и управляет ими живая природа.

*

Когда говорят о правах человека,
я задаю вопрос: какого века?

*

О Святославе Рихтере.
Мне кажется: вот сейчас
музыкант встанет и отнесет рояль
в другое место.

*

Слово направлено острием в смысл.

*

Музыка есть в природе,
Живопись тоже,
Слово у человека.

*

Актриса всю сознательную жизнь
играла блондинок.

*

Из грязи в князи.
Откуда еще?

*

Точных свидетельств не бывает.

*

Загадочность русской души заключается в том,
что не знаешь, чего ждать: то ли он хочет
поцеловать,
то ли огреть дубиной по голове.

*

Бумажная правда.

*

Музыка Хлестаковича.

*

Без принципов, привычек и привязанностей.

*

Сумасшедший человек существует
в другом измерении.

*

Зловещание.

*

Кино — искусство?
Скорей всего, нет.

*

Лицо — печать, кто есть кто.

*

Мои стихи — учебник для инопланетян.

*

Любовь для многих
не является необходимым предметом.

*

Фрагменты тела.

*

Виртуальная литература.

*

Форма и содержание — союзники.

*

Душа и тело скитаются вместе.

*

Человек не вписывается в природу.

*

Двадцатый век прошел под знаком истерии.

*

Человечество всю жизнь
борется с условными рефлексами.
И все впустую.

*

Идеология — насилие над духом.

*

Звук передает звук, и больше ничего.

*

Когда мы будем вползать в третье тысячелетие,
хорошо бы на пути соорудить
очистительные сооружения.

*

Любовь — подразумевается
эротика и секс.

*

Тело женщины состоит из двух частей:
родильного дома и молочной фермы.

*

Крепко схватили нас за горло пушкиноведы!

*

Лучше никому не завидовать,
но возможно ли?

*

Мысли высиживаются,
как куриные яйца.

*

Личность вступает в противоречие с верой.

*

Когда же наконец вымрут:
реактивные самолеты, подъемные краны,
как вымерли бронтозавры и птеродактили?

*

В третьем тысячелетии, неизвестно,
в каком столетии,
исчезнут существующие религии.

*

Все мы из космоса.
Родились в нем.
Из него
никуда не денемся.

*

Хватит выебываться, господа, философы.

*

Кто-то нас все время подталкивает?

*

Народ и мафия едины.

*

Третий символ Троицы — понятие мистическое.

*

Начинка моих стихов — смысл и материя.

*

Для того чтобы в совершенстве овладеть компьютером,
нужно целиком погрузиться в компьютерную суть.

*

Если наш народ бездарен,
то каким образом он мог создать
такой замечательный язык?

*

В нашей Вселенной правит бал мысль!

*

Сукин сам.

*

Библия — красивая книга.

*

Сон — связь двух миров.

*

В третьем тысячелетии произойдет
компьютерный взрыв
со всеми вытекающими
из этого последствиями.

*

День рождения. Похоронен еще один год.
Чему тут радоваться?

*

Я бы разбил обитателей планеты на три группы:
1. Люди творческие
2. Люди, с которыми есть о чем поговорить
3. И люди, с которыми говорить не о чем.

*

То, что мы живем, — разве это не чудо?

*

Я чувствую, что Бог в том виде,
как его нам представляют начетчики,
не существует.

*

Какие-то обитатели из другого измерения
создали нашу планету наподобие:
свинарника, конюшни
или чего-то другого.

*

Союз — попытка соединить несоединимое.

*

Любовь — наказуемое деяние.

*

Злоба. Черепная коробка напичкана
пластиковой взрывчаткой.

*

Человек. Самое нерациональное существо
на свете.

*

Коммунизм. Слово не поддается определению.

*

Северное сияние. О нем можно сказать только то,
что оно сияет.

*

Философия. Предмет,
к которому относятся благоговейно,
но который, в сущности,
ничего не значит.

*

Трусость иногда бывает необходима
для спасения собственной шкуры.

*

Смерть — возврат на круги своя.

*

Политика. Попытка решить вопрос
недозволенным приемом.

*

Компьютер. Соратник, подельник, брат.

*

Жилище. Комфортабельная нора.

*

Хитрость — самый ненадежный союзник.

*

Жалоба. Фью! И от нее ничего не осталось.

*

Искусство. Вторичный продукт.

*

Бог не в космосе, а в другом измерении.

*

Спутники жизни. По большому счету
таковых не имеется.

*

Евреи. Нация, которая живет сама по себе.

*

Зачем выбираться на природу,
если ее можно представить?

*

И жить не хочется, и умирать жалко.

*

Счастлив ли Бог, когда смотрит на свое творение?

*

Фотография, кино передают суть, но не дух.

*

Закончив земное существование,
люди после себя
не оставляют ничего путного.

*

Смысл слова в смысле слова.

*

Ничтожный человек кажется себе
многозначительным.

*

Болезни вынуждают усомниться
в божественности происхождения.

*

Сверх того, что есть,
ничего не придумаешь.

*

После смерти мне уготовано
тепленькое местечко.
Где?
Этого никто не знает.

*

Больше всего удивляет то,
что я до сего времени живу.

*

Разум не связан узами
с существованием человека.

*

Только литература может
претендовать
на божественность происхождения.

*

Общество наше сплошь состоит
из маленьких диктаторов.

*

Как и положено, в конце второго тысячелетия
человечество охватил всеобщий психоз.

*

История — клубок ниток,
который разматывается в обратную сторону.

*

Провинция — это не заборчики возле домов,
а специфический способ существования.

*

Пустота не терпит пустоты.

*

Многие недостаток умения
пытаются затушевать
новаторскими потугами.

*

Во время войны люди относятся
другу к другу с полным безразличием.

*

В стихах Пастернака просматривается
некая шарадность.
Если ее убрать, получится не то.

*

Вера — все. Но и разум тоже все.

*

Демократический строй,
аристократические отношения.

*

Я прошел все круги земного ада.
Одного не было —
меня не приговаривали к смерти.

*

К поговорке «взять быка за рога»
хочется добавить: надо еще его удержать.

*

При коммунистах жили плохо,
даже хуже, чем плохо.

*

Вселенная конечна,
но бесконечны Вселенные.

*

Поэзия — игра словами.
Нет игры — нет поэзии.

*

Бог, очевидно, не был коммунистом,
иначе бы он сотворил мир единообразным.

*

Основа литературы, по Бахтину, — карнавал,
по Холину, — сказка.

*

ГУЛАГ. К нему нас причисляли с детства, с пионерлагерей.

*

Толпа пенсионеров идет по улице,
выкрикивая какие-то шизоидные лозунги.

*

Старый человек, шаркающий ногами,
обречен.

*

Он состарился прежде, чем стал стариком.

*

Из-за частого употребления верующими слова «Бог»
можно подумать,
что у каждого он сидит на закорках.

*

Жизнь четырьмя словами:
Лежу
Хожу
Сижу
Дышу.

*

Самый большой миф — это миф о Второй мировой войне,
и создан он не народной молвой, а пропагандистскими
органами КПСС.

*

Меч и крест — больно уж они похожи.

*

Создавая, не разбей,
что стоит рядом.

*

Красота как водица,
дважды не увидишь то же самое.

*

Можно ли оболванить болвана?
Смотря для чего.

*

Чувство коллективизма — стадное чувство.

*

Если хочешь, чтобы электричество в квартире светило ярче, посиди некоторое время в темноте.

*

Часто его здоровье беспокоит друзей больше,
чем он беспокоится о нем сам.

*

Чтобы понять человека,
Нужно прожить не одну жизнь.

*

Природе не нужна бесконечность.

*

Писать так, чтобы непонятное
было понятно. Можно и наоборот.

*

Пришел, увидел, начудил.

*

Если люди смогут избежать
термоядерной войны,
можно считать,
что им страшно повезло.

*

С наступлением христианской эры
начались идеологические войны.

*

Поэзия.
Дело — форма,
Слово — мысль.

*

В начале было не Слово,
а знак?

*

Писать свою биографию
Все равно что раздеваться публично.

*

Только сердце может подсказать,
есть Бог или его нет.

*

Писать нужно так, чтобы каждый думал:
разве я не напишу так?

*

От патриотизма до коммунизма
Один шаг.

*

Если следовать описаниям евангелистов,
то можно подумать,
что Иисус не пил, не ел, да и красота тела
ему была недоступна.

*

В литературе основную скрипку
играет узнаваемость.

*

Вороватость в России не порок,
а достоинство.

*

Многие верят не в Бога,
а в сказку о Боге.

*

Сегодня прочитал в газете
вместо «цианистый калий»
«цианистый клей».

*

Российская демократия хочет быть
демократичней демократии.

*

Одни пишут стихи,
Другие сочиняют.

*

Выражение «сверхъестественная сила» неверно,
сила может быть только естественной.

*

Писатели-соцреалисты не творцы,
а исполнители.

*

Посеешь слово, вырастут слова.

*

Обустроим Россию
по чьему усмотрению?

*

Старые люди живут по привычке.

*

Мы с президентом равны:
ни я ему, ни он мне не нужен.

*

Слабое место христианства:
воскрешение из мертвых.

*

Советский еврей, когда не надо, еврей,
когда надо, не еврей.

*

Мысль одетая, обутая — это и есть
литературное произведение.

*

Изготовляют же диван-кровати,
почему не изготовлять диван-гробы?

*

О войне. Победа на крови.

*

Когда человек влюблен,
он готов обнять весь мир.
Так давайте почаще влюбляться,
кувыркаться, наслаждаться!

*

Шестое чувство — интеллект,
седьмое — эмоциональное восприятие.

*

Один — работник пера,
другой — топора.

*

Мир и Я.
Остальное — пустые слова.

*

Для меня коньяк пахнет коньяком,
клопы — клопами.

*

Человек из анекдота.

*

Каждая женщина хоть раз в жизни
бывает прекрасна.

*

Рукописи не горят,
но теряются.

*

Комар,
а жужжит, как муха.

*

Политики и прочий чиновный люд
ловчее всего научились
доказывать свою правоту.

*

Прежде паспорт был молоткастый, серпастый,
теперь — когтистый и головастый.

*

Звериная шкура — а какая еще?

*

Черный цвет — злоба,
Красный — беспардонность и буйство.
А как же серое вещество,
Неужели оно серо?

*

Крупнопородный человек.

*

Непререкаемые отношения.

*

Он или она,
она или он,
что тут, собственно,
происходит?

*

Ревность — самый неважный союзник.

*

Поэты — существа однополые,
хотя ебутся, как все.

*

Лица как стертые подметки.

*

После меня, не для меня.

*

Компьютер — точка опоры,
о которой мечтал Архимед.

*

Триединство слова:
1. Закрепленное в сознании.
2. В движении.
3. Звук, сигнал.

*

В музыке меньше смысла,
чем в жужжании комара.

*

Хорошо бы сочинить резолюцию,
чтобы исключить революции.

*

Любимое занятие телевизионщиков —
воскрешать из мертвых и хоронить живых.

*

Лет через 500 люди будут родиться
с университетским образованием.

*

Ангажированный — по-русски, купленный.

*

Коммунистические запевки.

*

Задом наоборот.

*

Чудо XX века — сам XX век.

*

Россия — страна рабов без господ.

*

Третье тысячелетие будет тысячелетием
знаков и цифр.

*

От балалайки может родиться
только балалайка.

*

Я воспринимаю Бога
как некий неопределенный идеал.

*

Совет министров —
взлетно-посадочная
площадка.

*

Дума:
Бормотоз,
брехомания,
близкослепие,
брыкодракия.

*

Пресса. Мастера полуслова.

*

Журнал «Пушкин» для заворачивания селедки годится.

*

Конституционный суд. Ты жива еще,
моя старушка?

*

Правда в искусстве —
самое неопределенное предположение.

*

Можно сказать и так:
Люди не за металл гибли,
а из-за отсутствия такового.

*

Символ веры — вера.

*

Во сне даже проходящая мимо женщина приятна.

*

Преддверие необходимости.

*

Пираты пера.

*

Малое, большое — не все ли равно?

*

Поставить точку. Зачем?

*

Щепетилен до тошноты.

*

Бестолковые мысли
как хлебные крошки на столе.

*

Самое несложное —
объявить себя выдающимся человеком.

*

Резолюция может пришпилить человека,
как бабочку.

*

Русские вопли на еврейский манер.

*

Дрались до протрезвления.

*

Помятые уши.

*

На Западе аукнется, в России
откликнется.
Случается и наоборот.

*

Коммунизм. Комический спектакль
с трагической концовкой.

*

Вариант:
Коммунизм — трагический спектакль
с комическим финалом.

*

Киношники вроде неглупые люди,
а посадили себе на закорки
полусоветского Никиту Михалкова.

*

Такой ласковый мужчина,
а лапает все время за задницу.

*

Глупость не порок,
если хватает сообразительности
это скрывать.

*

Умный, как собака.

*

Попытка сохранить тайну
несерьезна.

*

Истинно то, что истинно.

*

Ум не собственность,
а общественное достояние.

*

В ресторане посетитель потребовал
рагу из мамонта.
Официант ответил:
— Не завезли.

*

Прыгнул смело в ледяную воду.
А в кипяток?

*

Понимай
как не хочешь.

*

Если взять историю жизни людей,
то не знаешь, плакать или смеяться.

*

Идеальный мир. А с точки зрения
бомжа или орангутанга?

*

Искусство — самая ненадежная вещь:
последний может оказаться первым.

*

Доступней всего гадать на кофейной гуще:
обязательно попадешь пальцем в небо.

*

Самое смешное — смех.

*

Чего это дирижер так яростно размахивает
руками?
Исправляет музыку композитора!

*

Житейские штучки могут строиться
по принципу «масло масляное».

*

Красота не определяет характер,
тем более интеллект.

*

Серый день необязательно сер.

*

Неблагополучная жизнь
не говорит о неблагополучии.

*

Слова как липучки,
прилипнут — не ототрешь.

*

Собачьи дела
не всегда собачьи дела.

*

Города Германии напоминают
тщательно перемытую посуду.

*

Немец повторяет: битте, битте,
а кого бить, не говорит.

*

Судьба — друг наш и враг?

*

Не вноси сор в избу.

*

Три дня проживал в городе Бремене,
городе бременских музыкантов и ослов.

*

Встретились два приятеля:
— Ты куда?
— Туда.
— А ты?
— Оттуда.
Помолчали и разошлись.

*

Холин ушел из жизни.
Интересно куда?

*

Есть крылатое выражение:
война до победного конца!
Какого конца?

*

Старый новорусский.

*

Чеченец по фамилии Лаптев.

*

31 декабря. День поминок по старому году.

*

Считается, что у монеты две стороны.
Но это не так. Есть еще символическая.

*

Новый год. Новые надежды.
Только и всего?

*

Стоит ли восхвалять покойников?

*

Мешанина из славянина и мещанина.

*

Каменщик Козлов вырыл возле дома яму.
Но по причине чрезмерного водковливания
выбраться из нее не смог.
Проезжающий мимо на бульдозере сосед,
тоже хорошо поддатый,
ненароком зацепил кучу земли
и закопал его.
Но это не все.
По прошествии нескольких дней
жена заявила о пропаже супруга в милицию.
Там сказали:
— Найдем!
Но так и не нашли.
Посчитали пропавшим без вести.

*

Четверо фабричных парней пьянствовали
на берегу речки.
Один решил искупаться. Прыгнул в воду
и начал тонуть.
Пьяные приятели бросились спасать.
И тоже утонули.

*

Всю сознательную жизнь
мечтал повстречать русского славянина.
Напрасный труд.

*

Господь Бог. А вокруг?

*

Решительная походка не говорит
О решительном характере.

*

Как говорит Священное Писание,
Христос умер на кресте и вознесся
на небо.
Но если бы он увидел
теперешних чинов церкви, разодетых
в раззолоченные одежды,
то умер бы не на кресте,
а от смеха.
Тут уж не до вознесения.

*

Сразу не догадаешься, что означает
«поставить крест», крест ведь ставят на могиле.
Понятно: конец всему.

*

Я. Остальное — эфемерность.

*

Пустое лицо.

*

Русский юмор вызывает смех,
английский — улыбку.

*

Без матерных слов в русском языке
невозможно создать колорит времени.

*

Солженицын —
Санька валяет ваньку.

*

Упала с полки тарелка
и не разбилась.

*

Хорошая жизнь
не доводит до хорошей жизни.

*

Хорошо бы иметь хотя бы фамилию
Бессмертный

*

Где мы, не говоря уже:
«кому это нужно?»

*

Обрусевший африканец.

*

Я недоволен прожитой жизнью.
Был бы доволен другой — не знаю.

*

Искусство и жизнь —
соприкасаются ли они вообще?

*

Поэзия не то, что думаешь,
а то, что чувствуешь.

*

Врач, осмотрев больного,
долго колебался: какой поставить диагноз.
Потом, махнув безнадежно рукой,
подмахнул: шизофрения.

*

В искусстве правда не является
главным действующим лицом.

*

Жизнь как темные очки.

*

Если веруешь, не распространяйся об этом при каждом удобном случае.

*

Графоманы — литературные разбойники.

*

Подражание неподражаемому.

*

Не слушая, молчи.

*

Музыка космоса — отсутствие музыки.

*

Бывает ли собака благодарна
жестокому хозяину?

*

Проживал в городе Киле.
И че?
Пил.
Ел.
Боле ниче.

*

На вопрос «где?»
Ответ один:
«нигде»!

*

Противопоставить себя себе.

*

Из военной стилистики:
«Один из трех ударов
Был решительным».
Какой?

*

Дорогу на тот свет
не выбирают.

*

Безручко оказался без одной руки.

*

Дело не во всезнании,
а в незнании всего.

*

Живем навстречу смерти.

*

Шагнул — и оказался в другом измерении.

*

Эндохренолог.

*

Если бы не джинсовая рубашка,
не знаю, поверил бы в существование мира.

*

Одичавший читатель.

*

Покажи себя себе.

*

Помесь «да» и «нет».

*

Ум, минующий разум,
ведет к катастрофе.

*

Не возноси молитвы Богу,
обрати их к самому себе.

*

Обвиняя других, не забывай
про свои делишки.

*

С какой бы скоростью катили воз
Лебедь, щука и рак, если бы:
Осел, козел и косолапый мишка
тянули в обратную сторону.

*

Часы, которые стоят,
и те два раза в сутки
показывают точное время.

*

Молчанье не порок.

*

Спросите у Пушкина!

*

Что лучше:
в лоб или по лбу.

*
Верному псу достается больше всех.

*
Жизнь урывками.

*
Что лучше: много или еще больше?

*
Иногда слова путаются под ногами.

*
Что, если из словаря выпадут слова:
Дух, Душа, Духовность?

*
Не путай слово «дай» со словами: «А хуя не хочешь?»

*
Что же я о вас думаю, человечки?
Ничего я о вас не думаю, человечки!

*
Женственный мужчина —
кому это может понравиться?
А мужественная женщина?

*
Быть или не быть —
что за глупый вопрос!

*
Какой-то мудак выразился:
«Революция пожирает своих детей!»
А я скажу: не революция, а люди
пожирают друг друга.

*

Настоящее так не похоже на будущее.

*

Радио существует не для того,
чтобы его слушали,
а для присутствия в помещении.

*

Люди всю сознательную жизнь
мечтают о чуде.
Иногда такое случается.

*

И не в бровь и не в глаз.

*

Объем Библии.

*

В Евангелии есть начало.
А конец?

*

Падая, постарайся
за что-нибудь ухватиться.

*

Что будет, если сначала разделить,
а потом добавить?

*

В конце концов компьютер
приведет к концу света.

*

Что, убили? Не убили, а побили!

*

Какие-то идиоты в XIX веке придумали,
Что югославы — наши братья.
А те помалкивают, вроде это
и в самом деле так.

*

Уточним. Пес не друг хозяина,
а спутник.

*

Мирный поэт как яичница без
соли.

*

Самые умные высказывания
философов, писателей
не стоят одного соленого огурца.

*

Дирижер ненавидел музыку вообще,
ненавидел композиторов,
музыкантов, которые торчали перед ним.
Посему перед концертами затыкал уши ватой.
Помогало, но не всегда.

*

Живет, как покойник, в однокомнатной
могиле.
Не высовывается.

*

Упало?
Упало!
Попало?
Попало!
Куда попало?
Туда попало!

*

Алые розы
Желтые розы
Черные розы
И все это для покойника.

*

Благими намереньями вымощена
дорога в ад.
А пожеланиями?

*

Очередь.
Что дают?
Уют,
Уют,
Уют.

*

Какая же это глухая деревня:
все пищит,
мычит,
хрюкает.
Мужик на крылечке,
обучает собачонку
при помощи отборного мата.

*

Пришел домой.
Часовые у дверей, как у Мавзолея
Ульянова Ильича:
Крокодил
И росомаха.

*

Разинув рот, не обижайся,
если в него залетит ворона
или другая птица.

*

Партийные кирпичи.

*

Собака, если она не кусается,
что это за собака?

*

Секс обязывает.

*

Стихи не должны быть
Слишком стихами.

*

Не умер, а позабыл, что жив.

*

Живем в автоматическом режиме.

*

Краснояйцы.

*

Бутылка из-под водки без этикетки
напоминает женщину, раздетую догола.

*

Каждый живет доступным способом.

*

Стоит на четвереньках. Блюет.
Сразу видно, что человек.

*

На выставке увидел
скульптурный бюст негритянки.
Подошел ближе — оказался Пушкин.

*

Бригадир зверосовхоза «Таежный» Медведев
получил премию,
путевку в санаторий г. Москвы.
Надо же человеку хоть пару недель
подышать свежим воздухом.

*

Как правильно выразиться:
Трехнутая или трахнутая?

*

Отрезать не означает выбросить.

*

Время живет само по себе.

*

Человек, а похож на птицу.
Поклевал. Поскакал. И дальше.

*

Моя личность, как маленькая звездочка,
Затерялась в космической неразберихе.

*

Заслуга искусства в том,
что оно развлекает,
отвлекает от существующей
действительности, усыпляет.

*

Комплимент — ни к чему
не обязывающий звук.

*

Женщины проявляют слабость,
когда им это нужно.

*

Что вам говорит слово «свобода»?
Мне ничего не говорит.

*

Библия — святая книга
для христиан.
А для других?

*

Чем дольше живу,
тем больше склоняюсь
к тому, что человек — игрушка
в чьих-то недобросовестных объятьях.

*

У древних евреев
искусство находилось
в зачаточном состоянии.

*

Из трех постулатов:
Свобода,
Равенство,
Братство,
только один приемлем,
Свобода,
да и то с натяжкой.

*

О правах человека
лучше всего думается
на голодный желудок.

*

Сплетня тоже является
двигателем прогресса.

*

В США три вида
замечательного в искусстве:
кантри, мюзикл и рок,
во Франции:
мулен-руж, «Комеди Франсез»,
ресторан «Максим»,
в России:
пляска вприсядку.

*

Думаю не о смерти,
а какая мысль будет последней.

*

Мир можно закодировать:
Знаками
Звуками
Цифрами
что и сделают потом.

*

Даже человек
с лопатой в руках
чувствует превосходство
над другими.

*

Знание — сила.
Неужели?

*

Информационный взрыв
равносилен
Всемирному потопу.

*

Важны не события,
а впечатления от событий.

*

Крокодил с бутылкой пепси
в зубах.
Похож на Маяковского.

*

У кино есть одно
неоспоримое преимущество:
для создания фильмов
не требуется большого ума.

*

Интересно, сколько будут
стоить ножки Буша в 3033 году?

*

Не обесслепил меня Господь,
не обесслушил.
Может, это благодаря
особому расположению?

*

Тихо, а то спугнешь птичку
с ветки сакуры в окрестностях
города Киото.

*

Если за гранью бытия
есть какая-то жизнь,
я бы не хотел к ней присоединиться.

*

Кособокие мысли.

*

Власть.
Одним всласть,
Другим напасть.

*

Живи, а то пожалеешь.

*

Не нравятся мне певицы
С тоненькими голосочками
И мужики, выводящие
педерастические рулады.
Не нравятся, и все тут!

*

Глазки
Притягательной окраски.

*

Образцовый муж,
Примерный отец.
Глава семейства.

12.2.1999 г.

*

Ел впрок,
Спал впрок,
Жил впрок.

*

Кому на Руси?
Тому на Руси,
у кого в огороде растут караси.

*

Крикунчики, оранчики — дикторы «Эха».

*

Кошмары — сны наяву.

*

Боже, что за рожи
в нашей стране,
иль это только снится мне?

*

В России вранье —
общегосударственная религия.

*

Если гора ниже горы,
то это уже не гора, а горка.

*

Говорят, что вода точит камень,
а слеза?

*

Хорошо бы устроить
состязание литераторов всех времен,
хотя бы на том свете.

*

Незнание компенсируется смелостью.

*

Отчаяние располагает
к совершению отчаянных поступков.

*

Гневу более всего подвержены
люди, страдающие манией величия.

*

Корни нашего существования
уходят глубоко в землю.
Иначе как?

*

Топор до сих пор:
бревно обтешет,
дров нарубит,
голову отрубит.

*

Кто-то посоветовал
возвращаться мыслью в прошлое.
Смешная затея.

*

Никчемно то, что никчемно.
А что никчемно?
То, что никчемно.

*

Посеять овес,
сварить квас,
поставить крест
и для вас,
и для нас.

*

Красуйся, мир
Во всей красе!
Но только вот
зачем нам се?

*

Вселенная — организм.
Чей?
Скорей всего, Божий.

*

Евреи построили Вавилонскую башню,
чтобы потом разрушить ее.

*

Мужик, а спина
как у дохлой курицы.

*

Бог, создав нашу планету,
переселился в другое измерение.

*

Бойся не боясь.

*

Жизнь наизнанку.

*

История — книжка
с загадочными картинками.

*

Из Хаоса в Хаос.

*

Музыка Шостаковича — вопли
сквозь слезы.

*

Считается, что композитор Свиридов
отразил свое время.
Да!
Но время-то было фальшиво.

*

Телевидение может из кого угодно
сделать кого угодно.

*

Дунаевский — недоношенное
дитя соцреализма.

*

У писателя мозги оказались
заспиртованными.

*

Могильная связь.

*

Спал сном покойника.

*

Фамилия директора
кладбища — Замогильный.

*

Сироткин был круглым сиротой.

*

Иван Петрович, рассердившись,
стукнул кулаком по столу.
И стол, и другая мебель
в кабинете развалились.
Затем упали балки перекрытий,
за ними сползли вниз этажи.
Через час на месте,
где располагалось министерство,
образовалась яма.
Рабочие заглянули в нее
и разошлись по домам.
Яма была необъятна.

*

Чернуха и краснуха тож.

*

Упростить бы человека:
выбросить мочевой пузырь,
простату.
Затем заменить на электронику:
печень, сердце со всей
кровеносной системой
и, наконец, требуху.
Какая экономия будет
на одной канализации.

*

Клонирование — вещь, безусловно,
замечательная. Можно продублировать
всех родственников.
Но кто этим будет заниматься?

*

Современные дирижеры
с таким остервенением
размахивают руками,
вроде перед ними
не безобидные музыканты, а по меньшей
мере львы или тигры.

*

Про мужчин можно сказать —
калачи, а про женщин — пышки.

*

Как можно проще.
Не забывая, что простота
не лучше воровства.

*

Хотелось, чтобы за хаосом жизни
слышался голос происходящего.

*

В России многое могут,
но мало что хотят.

*

Ахматову, Цветаеву, Мандельштама
можно вставить в одну рамку.

*

Слишком сложен
разум человека,
надо бы его упростить.

*

Жопина папа.

*

Бах сочинял музыку так: приходил
из церкви, где служил, ужинал,
ложился на диван, отдыхал.
Потом усаживался за фисгармонию,
брал несколько аккордов, выбирал,
который больше понравился.
И с него шаг за шагом музицировал,
до тех пор пока не складывалось
что-то баховское.

*

Нормированная личность.

*

Личность формируется не в обществе,
не в семье, а сама по себе.

*

Посмотрите в глаза друг другу.

*

Россияне — почему не марсиане?

*

Торопится родиться,
не торопится умирать.

*

Прокукарекал всю сознательную жизнь.

*

Хорошо сказано: свежая могила.

*

Когда коммунисты маршируют
по улицам Москвы с лозунгами
и транспарантами красного цвета,
я ощущаю себя как на бойне.

*

Превозносить свои таланты до небес —
удел звезд Голливуда, а не ученых
и писателей.

*

Все на потом. Что там потом?

*

Старушки и старички
ползают по земле, как жучки.

*

Только человек с извращенной психикой
может считать себя умнее других.

*

Хуй малый.

*

Транш
Трансферт
и, наконец,
дефолт

*

Взяткодаватель
и взятковзятель,
Кто из них прав?

*

Небольшая тучка,
величиной с ладонь,
а загородила солнце.

*

Вдовушка со всеми удобствами.

*

С ума лучше всего сходить в одиночку.

*

Несуразная несуразность.

*

Одним росчерком пера
на клочке бумаги можно уничтожить
половину населения,
повернуть реки вспять,
осушить моря.
Кто скажет, что это
не Божественный промысел?

*

Дух благоденствия.

*

Ни один двуногий,
имеющий место жительства
на планете Земля,
не стоит чрезмерного
возвеличивания.

*

Хитроумная штучка:
все люди родились равными.
Родились-то родились,
а дальше что?

*

Хорошенькое выражение:
распиздяй Мамай губастый.

*

Земля, как яблочко на ветке:
зреет, зреет,
а потом возьмет и упадет.

*

Столько травы,
столько коры,
столько полезных ископаемых,
а люди полагают себя
голодными и раба́ми.

*

Первым увидел, выйдя утром во двор,
соседа, который обтесывал бревно,
лежавшее тут лет 25.
Ты чего?
Так, в колхозе плотником был,
соскучился по топору.

*

Жильцы, у которых
сгорел дом,
оказавшись на улице, подожгли
два соседних дома, заявив:
чтобы другим было неповадно.
Что неповадно,
не пояснили.

*

Если все судьи, то кого судить?

*

Жара, холод, голод, жажда —
разве в этом есть необходимость?

*

Какого цвета тот свет?

*

Если нечего сказать,
скажи что-нибудь.

*

То, что пишу, может быть, графомания,
а может быть, намеки на новую литературу.

*

Нужно ли подтасовывать,
выдавать легенды за реально
бывшие события?

*

Заслуга у этого деятеля одна:
покончил жизнь самоубийством.

*

В современных кинофильмах
половина сюжета не показывается,
а подразумевается.

*

Живем, петляя
по глухим закоулкам.

*

Хлопнул дверью так,
что у Сатаны на том свете
со стола слетела ваза,
но не разбилась,
потому что вечная.

*

У женщин эротические
наклонности отражаются
в вилянии бедрами
и в изгибах рта.

*

Секс у мужчин плотский,
вернее, скотский.

*

Лучший мир —
мир с самим собой.

*

Мужик, как жаба,
прыгнул на бабу,
нашарил дырку,
засунул пипирку.

*

Счастливым может стать
только несчастный человек.

*

Что есть, то есть.

*

Евреи дали части человечества
веру, римляне — закон.

*

Эмоции или экспрессия?

*

Так мы и болтаемся,
как блядво, между «да» и «нет».

*

Есть мнение, что Ангелы бесполы.
Добавлю, нет Ангелов,
ни добрых, ни злых.

*

Если существует взаимосвязь вещей,
то постепенно можно будет
объяснить все.

*

Хрюкать.
мекать,
бекать,
выбирайте,
что вам больше по душе.

*

Чем раздувать,
лучше сократить.

*

Не умереть,
а прыгнуть с разбега
в смерть.

*

К Смерти лучше всего
относиться с почтением.

*

Смерть как переезд
на новую квартиру.

*

Где грань между Смертью
и всем остальным?

*

Там, где кончается Свет,
начинается небытие.

*

Небытие — и больше ничего.

*

Новая религия, религия
без религий.

*

Только слабый ищет
защиты у Бога.

*

Деревья стоят молча.
А если иногда и подают голос,
то на своем, понятном
только им, языке.

*

Излишки информации
не благо, а помеха.

*

Дыши не спеша,
не ходи в обратную сторону.

*

Знать или чувствовать?

*

Может, последний вздох
так же сладок, как глоток воды.

*

Не живем, а все чего-то ждем.

*

Обрывки слов, обрывки
воспоминаний.

*

Слава
как водичка,
смотришь,
а она
уже утекла.

*

Прислушайтесь,
даже Вселенная
живет по законам
живой жизни.

*

Чудак, взял и помер.

*

Общаюсь с Марсом, Сатурном, Венерой,
увеличиваюсь до размеров Вселенной.
Потом скукоживаюсь, чтобы умереть,
стать незаметной частицей, раствориться,
исчезнуть вообще.

*

Реализм — уловка для недобросовестных
писателей.

*

Террорист всегда
с красноватым душком.

*

Сосед считает меня идиотом.
Отвечаю взаимностью.

*

У нас всего одна жизнь,
поэтому нет времени придуриваться.

*

Хорошо бы взглянуть, что получится,
если Солнечную систему
да и Галактику вообще
сплюснуть до размеров
машинописного листа?

*

Если бы не заборы
и коридоры,
жизнь была бы намного приятней.

*

У Пушкина хорошо там,
где не нужно придумывать самому.

*

Если рассуждать здраво,
то каждый из нас
является центром чего-нибудь.

*

Менталитет — признак не нации,
а территориального образования.

*

Мои житейские штучки
не о том, куда пошел,
с кем встречался, а о чем думал.

*

Господи, упокой душу Холина,
пока она жива!

*

В далеком будущем, лет так
через тысячу, будет обнаружено
захоронение актрисы кино
Софи Лорен.
Оказалось, что в наше
время жили не люди, а роботы:
конечности сработаны
из пластика на металлических
шарнирах, желудок напоминает
скороварку или соковыжималку,
кожа лица состоит из тягучей
жидкости неприятного запаха.
О сердце ничего путного не скажешь,
оно так проржавело, что при прикосновении
рассыпалось на мелкие кусочки.
А ведь, как явствует из мемуаров,
считалась
женщиной неотразимой красоты.

*

Пишу не потому, что хочется,
а потому, что мои
далекие предки состояли
секретарями при фараонах.

*

С неба упал предмет.
Вначале вонял,
потом раскалился, испуская
приятные запахи.
Как исчез, никто не заметил.

*

Стихи у поэта слишком хорошие,
чтобы быть хорошими.

*

Экономика у крестьян
самодостаточная
и безотходная.

*

Моя литература
не духовна,
а материальна.

*

Человек не живет,
а пережевывает
свое никчемушное
существование.

*

Если не можешь понять умом,
включай задницу.

*

Есть люди, у которых
вместо пота сочится
со лба ложь.

*

Посмотрел Господь на деяния
людей на земле, скорбно вздохнул
и переселился в другую Вселенную.

*

Фильм усложнен
до полного непонимания.

*

Все, что делается со Словом,
делается за счет смысла.

*

С человеком случился удар. Клиническая смерть.
Врачи постарались. Вытащили с того света.
Спрашивают: ну как там?
Отвечает: такая же тягомотина, как и тут.

*

Литературе музыка не нужна:
мешает слышать слово.

*

Черный выход,
Парадный вход.

*

Футбольные специалисты говорят,
что футболист мыслит ногами,
а музыкант чем, ушами?

*

Путь наш из никуда в никуда.

*

Офис

Прежде подобного рода помещения
назывались конторами.
От этого вместительного слова
происходили другие:
конторщик,
конторщица,
конторские столы,
конторские книги.
Как все это превосходно звучит.

*

Виолетта Раскорякина
и Светлана Лысик.

*

Если не смерть, то кто же спасет мир?

*

Если жизнь — мираж, что же такое смерть?

*

Не нужно причесывать творчество
Гоголя и Толстого,
а вот Достоевского Ф.М. и А.С. Пушкина
надо бы причесать.

*

Странные выражения:
самолеты бороздят
воздушное пространство,
корабли уходят в дальний путь,
поезда бегут по рельсам
и т.д.

*

Мир на земле может быть
только в том случае,
если Господь
простит Сатану,
и он будет сидеть ошую,
а Христос одесную
Отца небесного на небесах.

*

Сближение полов
не говорит о любви.
Хотя?

*

Ильф и Петров — одна голова.

*

Наш шарик крутится,
а Время катится.

*

Если голова пуста,
можно заполнить пространство
гречневой кашей или
квашеной капустой.

*

Жизнеопасная музыка.

*

Такой маленький, маленький.
Нет.
Еще меньше.

*

Хренолог.

*

Хотел перейти речку.
Сказали, воды по колено.
Оказалось, метра три.
Чуть не утонул.

*

Нищета и порок — кто они,
спутники или родные братья?

*

Не надейтесь, с того света
обратно хода нет.

*

Провалиться бы на тот свет.
Нет.
На тот свет можно
только вознестись.
А для этого нужны
Ангельские крылья.

*

У человека не Дух Божий
в душе,
а частица Духа.
И то не у каждого.

*

Тот, кто ворует,
тот и жирует.
Кто не ворует,
тот не жирует.

*

Слово «караул», что оно обозначало?

*

Свет — да!
Сон — да!
Тьма — да!
Бред — да!
Жизнь — да!

*

С.С. Винтиков пришел домой
в хорошем подвыпитьи.
Бухнулся на диван, как хряк.
Дрых всю ночь.
На другой день на работе
рассказывал, что видел
чудесного вида сон.
Явились двое. Лиц не разглядел.
Вроде крылышки за спиной
виднелись у одного.
Другой напевал приятные песенки.
О том, что из квартиры
увели аудио- и видеотехнику,
умолчал.

*

Наркоманы всех стран, соединяйтесь!
А если к ним присоединятся
сексоманы и проститутки,
то получится бомба
замедленного действия.

*

Даже обезьяна
может со временем
приобрести
человеческий разум.
То-то будет потеха.

*

Выходя из дома,
не забудь на пороге
вытереть ноги.

*

У папочки тапочки,
у папки тапки,
у папули таптули.

*

Голливудские взгонки.

*

Выпивали,
повздорили,
обоих с работы уволили.

*

Без удачи
не станешь богаче.

*

Эмоциональная правда.

*

Кто кому слуга?
Голове голова?
Голова голове?

*

Откуда взялось выражение
«душа нараспашку»?

*

Краснов, выступая на очередной сходке
членов КПРФ, возбудился так,
что посинел от злости.

*

Поскребыши Андрея Вознесенского.

*

Пишу в основном
для компьютера.

*

Где же логика?
Хозяин вырастил свинью,
ласково называл ее Хрюша,
а потом зарезал и съел.

*

Дорог много.
Путь один.
Догадываетесь, какой?

*

Есть люди,
которые боятся жить.

*

Я плюс и минус, а вы?

*

Дух Вселенной — Дух жизни.

*

Строительство Вавилонской башни —
явление мистическое.

*

Стереть с лица земли,
а куда деть остатки?

*

Продолжить род.
А кому это нужно?

*

Чему бывать, то можно миновать.
Вопрос — для чего?

*

Собаку звали Мухтар,
хозяина — Махмуд.
Хитер и находчив Мухтар,
упрям как ишак Махмуд.

*

Самые малопривлекательные
в обиходе — самонадеянные люди.

*

ПАМЯТНИК СЕБЕ

Если вы можете вообразить себе
высокий,
живой,
обтянутый старой
морщинистой кожей скелет,
это — Холин Игорь Сергеич,
капитан в отставке:
Поэт
Писатель
Судьба его не баловала,
не холила,
не лелеяла,
а тюкала,
тюкала,
И все по голове.

*

Я бы не называл новорусов
новорусами,
а европейскими русскими,
сокращенно еврорусами.

*

Многие воспринимают мир
вроде сами его сотворили.
Кое-что сотворили.

*

При помощи клонирования
можно создать
для каждой американской семьи
собственную
Мэрилин Монро.

*

Чем иметь ненадежных друзей,
лучше их вообще не иметь.

*

Лозунг большевиков
«К О М М У Н И С Т Ы, В П Е Р Е Д !»
Неточен.
Он подразумевает,
что этот самый коммунизм
уже где-то существует,
до него только следует добраться
и расположиться там, как дома,
ишача за пайку черняшки
на строительстве
очередного канала.
В выгодном положении
находятся инвалиды.
Им не дочапать туда,
если только ползком.

*

Смерть — наш неразлучный спутник.

*

Многие изображают
материальный мир
языком нематериального мира.

*

Многие пишут
о нематериальном мире
языком материального мира.

*

Отношения людей
не диктуются
по нисходящей, сверху вниз,
а складываются
по восходящей, снизу вверх.

*

Если все спешат куда-то,
поворачивай в обратную сторону.

*

Как всунут ребенку
в рот пустышку,
так он и кувыркается с ней
до самой смерти.

*

Возможна ли стабильность жизни,
если само существование нестабильно?

РАЗНЫЕ РАССКАЗЫ

1

Шагнул.
И оказался в Западном Берлине.
Ничего.
Обошлось.
Дали пятнадцать суток
Зонер.
Квасер.
Винтер.
Вассер.

2

У меня хобби.
Коллекционирую вчерашние, позавчерашние и позапозавчерашние дни.
Присылайте.
Адрес. Сон. Клон. Клин. Клан.

3

Здравствуйте! Как поживаете, дорогая?
— Нахал. Дерьмо. Хулиган!
— Виноват. Извиняюсь. Произошла ошибка.
Современные дверные ручки так похожи друг на друга.

4

Стою на перекрестке.
Слежу за передвижением
человеческих масс.
Куда они?
Туда или сюда?
А сам я,
пришел или ушел отсюда?

5

Очередь. Записался.
Хожу.
Отмечаюсь пять лет.
Теперь говорят:
— Остались одни детские соски.
А мне нужен глушитель
к фотоэлектромобилю.

6

Глупые рожи
смотрят на меня со всех сторон.
— Бе-е-е!
Показываю язык.
Рожи исчезают.
Сверху — небо. Внизу — асфальт.
Сзади — ателье «Инпошив».
Справа и слева — ямы. Столбы.
Кучи щебня. Металлолома.

7

Мысль,
Легкая,
Как вздох.
Земля —
Отполированный шар.
В глубине,
под слоем гравия и песка, —
Мы.
Смотрим обрывки старых кинолент.
Пейзажи Кавказа.
Кордильеры.
Волны,
набегающие на морской пляж.
Казино.
Парашютный спорт. Гамбургеры.

Колокольный звон...
— Да, жили когда-то люди.

8
По какому-то нелепому приказу
циркулярка на лесопилке располосовала меня
на четыре части.
Ползу.
Истекаю кровью.
Земля впитывает алые лужи.
Последняя капля упала.
И я взмыл в небеса,
получая привет от черных дыр и планет.

9
Выплакал все слезы, глядя на землю, покрытую
снегом...
Кто это, кто?
Одел ее в такой замечательный саван?

10
Там, куда падают наши слезы,
вырастают голубые кусты,
возникают
грозди звезд.
Виднеется
неповторимый лик.

11
Длинный, длинный коридор в этом помещении.
Говорят, бесконечен.
Дверь.
Надпись:
РОДИЛЬНАЯ ФАБРИКА
Вот оно что!

12
Прошлое дорого тем, что его можно изменить по собственному усмотрению.

13
Было время.
Разум отделился от вещества.

14
Война.
Наступление.
Отступление.
И все это преподносится как необыкновенный порядок,
как сногсшибательный маневр, ловкий ход, ведущий к победе.
На самом деле все бегут,
Кто туда,
Кто сюда.
Суетятся.
Совершают промахи.
Кажется,
что вся жизнь состоит из этих промахов.

15
Бедность?
Куда ни шло.
Богатство еще ужасней.

16
Одни придумали идею.
Другие — ритуал.
Задавил ритуал идею.
Придавил почище могильного камня.

17

Толпа растянулась
по всему городу километров на двадцать пять.
Стоят.
Никто ничего не знает.
Ждут.
Тороплюсь.
Пробираюсь в первые ряды.
Падаю в овраг.
Лечу!
Лечу!
Лечу.

18

В столовке для ветеранов войны госпиталя № 2 мордатый инвалид, случайно разинул рот и проглотил столовую ложку.
Когда его привели в рентгеновский кабинет, то врач, сколько ни рассматривал желудок больного, ложки не обнаружил.
Так ветеран и живет до сих пор с ложкой в брюхе.

19

Лапа на столе напоминает совок. На обратной стороне ладони морщины и волосинки рыжего цвета. Глаза стерты временем, но подвижны и злы. Растопыренные, огурцеподобные пальцы шарят по скатерти. Смахнул хлебные крошки на пол. Напорист.
Ненароком может придушить.

20

Голова ветерана войны — круглая, необъятных размеров. Там, где должен обозначиться лоб, — вмятина, как на резиновом мячике. Нос при-

плюснут. Без конца сморкается. Растительность на голове есть, но неопределенного цвета. Глаза — зырк, зырк в разные стороны.

21
Брюхо ветерана войны — самая любимая, самая привлекательная, самая почитаемая часть организма, напоминающая мешок с овсом. В этот мешок летит все: жареная курица целиком, хлеба едва ли не целый батон, кус любительской колбасы.
Мял, мял, мял, и все мало.

22
Толпа студентов. Идут,
выкрикивают только им понятные слова.
Размахивают руками, как шизофреники.

23
Один сказал: хули,
другой: хули, хули
третий: хули. Хули. Хули!

СОН

Прогуливаясь по ночному Риму вблизи собора Петра и Павла, увидел сидящего на скамейке человека в белых одеждах.

Подойдя, убедился — папа римский Иоанн Павел Второй.

Поздоровался.

Получив приглашение, присел рядом.

Помолчали.

Посмотрели на купол собора. На небо, разрисованное звездами, как кукурузными зернами.

Сказали друг другу:
До видзеня!
И разошлись.
Что это?
Скорей всего, сон.
В Риме я никогда не бывал...

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Лондон Даунинг-стрит Мост через Темзу Музей знаменитых сыщиков Шерлока Холмса доктора Ватсона Виндзорский дворец Симпатичная королева Принц Чарльз
Пивные именуются пабами вместо пива подают напиток
под названием «эль»
Великая Тэтчер
И новинка для снующих туристов
Скульптура принцессы Дианы
Во весь рост

РАСПОЛОЖЕНИЕ

Разговаривая с железной леди Англии Маргарет Тэтчер
Женщиной строгой и улыбчивой
Замечаешь
Что
Когда она улыбается
Хорошего не жди
Когда строга
Окружающие чувствуют искреннее расположение великой женщины
В том числе и я

ДРУЖБА

Что-то связывает меня с президентом С Ш Америки

Клинтоном.

Не такое:

— Друг Клинтон.

— Друг Холин.

Нет.

Нечто другое. Простое. Понятное каждому.

Что?

Если я даже имени его не помню!

БУДУЩИЙ ПРЕЗИДЕНТ

По улице престижного дачного поселка часов в шесть бегает первый секретарь партии большевиков в спортивном тренировочном костюме красного, выцветшего уже цвета, с гербом СССР на спине.

Что-то выкрикивает.

Подошел постовой милиционер, спрашивает.

— Чего кричишь, козел, нарушаешь порядок, беспокоишь благородных жителей?

— Разминаюсь перед началом рабочего дня. Имею сидячую работу.

— То-то задница у тебя как самосвал.

— Деревенский я. Картошкой питался.

— Кричишь чего?

— Кричу:

«Да здравствует будущий президент!»

— Ну, беги!

Отбежав на почтительное расстояние, нарушитель спокойствия крикнул.

— Дурак, будущий президент — я!

— Сам дурак! — донеслось издалека.

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ

Березовский стоял у окна офиса и ругался. Гусинский тоже стоял возле дверей банка, тоже ругался.

Они даже не ругались, а поносили друг друга при помощи лексикона джентльменов с большой дороги.

Среди прочих по округе разносились слова:

Облигации

Акции

Ассоциации

Березовский приобрел танк новейшей конструкции с самонаводящимися ракетами.

Гусинский купил самолет «Сухой-137».

Принялись шмалять друг в друга так, что едва не началась Третья мировая война.

Хорошо, что скандал происходил ночью.

РЫЖИЙ

Недалеко от Рижского рынка в бюро обмена валюты милиционер, рядовой Савкин, задержал человека, назвавшегося Березовским, отвел в отделение милиции.

— Товарищ капитан, еще один.

Капитан. Березовский?

— Он самый!

Капитан. Который по счету?

— Пятый!

— У тех какие волосья?

— Чернявые!

Капитан. Поддай этому, чтобы стал рыжий, и отправь в ШИЗО.

КОШЕЛЕК

Когда заместитель секретаря Совета безопасности Березовский находился в городе Грозном с мирной миссией, у него на колхозном рынке самым нахальным образом увели кошелек, в котором лежали две тысячи «зеленых».

— Чеченцы, паразиты!

Но это были не чеченцы, а акинцы.

МИЛЛИОН БАКСОВ

В центре Москвы на перекрестке стоял опечаленный до слез Березовский.

Несколько минут назад при загадочных обстоятельствах потерял сак, в котором лежал миллион долларов.

— Кто поверит (деньги были чужие), что потерял?

Подошел замусоленный бомжик.

— Нашел сумку, ваша, кажется?

— Моя, моя в ней миллион баксов (сумма на бомжика не произвела впечатления), где нашел?

— Не нашел, подобрал. Ты сам швырнул ее в помойный бак, адью!

— Да погоди!

Березовский открыл сак, достал пачку двадцатидолларовых купюр.

— Возьми, дорогой, спасибо, что вернул, иначе хоть в петлю.

Бомж. На хрена они мне. Первый мент отберет, стащит в каталажку.

— Правда, — подумал известный банкир.

Попрощался с бомжиком за руку.

И пошел прочь.

ПРОГУЛКА

Мэр столицы Ю.М. Лужков вышел ночью из апартаментов, ухватить пару глотков свежего воздуха.

И

Заблудился.

Оказался в районе стадиона Лужники без документов, конечно.

Долго блуждать не пришлось.

Схвачен постовым милиционером старшиной Сидоровым и брошен, как бездомный пес, в ближайшее отделение милиции в камеру, вернее, в клеть.

Хитер мэр.

Догадался: если заявит, что мэр, не только коблы не поверят, еще надают по шее.

Промолчал.

Подумал, хоть бы блевотину с пола соскребли, бездельники.

Когда остался с дежурным лейтенантом один на один, сунул завалявшуюся в кармане бумажку в сотню тысяч.

Добрейшим человеком оказался лейтенант. Разрешил позвонить.

Через 15 минут примчалось начальство.

С Петровки,

Из ФСБ.

Подхватили Юрия Михайловича под ручки и доставили домой.

ЛЮК

Мэр Москвы Ю. М. Лужков, проверяя теплоцентраль, забрался в люк.

Забраться-то забрался, а выбраться благодаря плотности габаритов ни сам, ни при помощи помощников не может.

Что делать?

Так старались, так старались: вниз головой поворачивали, портки приказывали снять.

Результат нулевой.

Проходящий мимо бомж (который, скорей всего, тут обретался) сказал:

— Протащите в другой люк.

Так и поступили.

ТОТ САМЫЙ ТИГР

Владислав Семеныч Починок, ст. инженер станции обслуживания автомобилей, возвращаясь поздно с работы, повстречал на пути тигра.

— Смотрите, в Москве стали разводить экзотических животных. Мэр Лужков обязательно что-нибудь придумает!

Тигр тоже прошел мимо, нимало не обратив внимания на Владислава Семеныча.

Только утром инженер Починок, купив в киоске «Союзпечать» газету, узнал, что накануне из Московского зоопарка сбежал опасный хищник — тигр. И был застрелен бдительным постовым милиционером, сержантом Селезневым.

— Наверное, тот самый тигр, — подумал Владислав Семеныч.

ДВА КРЕМЛЯ

Первый зам. председателя правительства России Б. Немцов заскучал.

В Нижнем хорошо, удобно.

Губернатор.

Хозяин вод и недр.

Решил он и в столице создать для себя некоторые приятности.

Например:

Переместить Нижегородский кремль в Москву.

Пусть будет два кремля.

Тесновато.

Но в тесноте не в обиде.

С автозаводом проще.

Московский такие занимает пространства, хоть еще строй три.

Сложнее с Волгой.

В какую сторону ни поверни, что-нибудь затопит.

Придумать что-то можно.

Думал,

Думал.

Хорошо, что заснул.

МОЗОЛИСТЫЕ ЗАДНИЦЫ

Столько раз коммунисты во главе с боссом партии Зюгановым желали смерти Борису Николаевичу Ельцину, Президенту РФ, что на шкуре последнего не осталось живого места.

И сейчас.

Сидят.

Шпыняют бывшего гэбиста Крючкова.

— Старик, придумай что-нибудь. Сколько прежде напридумывал.

Напьются, запевают песню:

Добьемся мы освобожденья
Своей мозолистой рукой...

Хочется добавить:

Задницей!

БИЛЕТ

При покупке билета в Шереметьево-2 на рейс Москва — Франкфурт-на-Майне кассирша поинтересовалась:

— Кого-то вы, гражданин, напоминаете?

Горбачев (это был он) ответил:

— Я бывший Президент Советского Союза!

— Понятно.

Леонид Ильич Брежнев?

ДЛИННЫЕ НОГИ

Во время выступления Анатолия Чубайса в Думе председатель партии коммунистов сидел и кипел, как тульский самовар.

Не только кипел, а лягал ни в чем не повинного депутата, сидящего рядом.

Когда тому надоело терпеть подобное издевательство, он в свою очередь так лягнул председателя, что тот, взвыв от боли, подскочил до потолка:

— Ты чего лягаешься?

Депутат. Кто, я? Ничего подобного. Чубайс тебя лягнул. У него руки длинные.

— При чем руки, он ведь лягнул ногой!

— Может, и ноги длинные.

ПРЕЖНИЙ МИНИСТР

Пришли утром служащие на службу, в министерском кресле — другой министр.

Какой прежний, не вспомнили.

Только настырный молодой сотрудник отдела информации, почувствовав подвох, поинтересовался, куда подевался прежний?

На него посмотрели, как на человека, сбежавшего из психушки.

Но он решил копнуть.

Ни в каких списках фамилия бывшего министра не упоминалась. Не числилась и в списках Совета министров РФ.

Получил же министр квартиру в престижном доме с улучшенной планировкой, получил?

В ЗАГСе — ничего, на кладбище — ничего.

Когда дотошный молодой человек явился на квартиру к предполагаемой жене, которая проживала в вышеупомянутой квартире, та заявила, что муж всю сознательную жизнь работал в конторе «Вторсырье», что, имея на руках путевку в Анталию, просит больше ее не беспокоить.

В дальнейшем удалось установить, что со счета министерства исчезли два миллиона долларов, но и этого никто не заметил.

ЗАДНИЦА

У председателя одной из компартий такая толстая задница, что, проходя в Думе на депутатское место, каждый раз задевал ягодицами сидящего рядом депутата.

Когда тому окончательно надоело, он наложил в карманы побольше иголок и булавок.

Ничего, помогло.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Дорогой, золотой, бриллиантовый Виктор Пивоваров!

Пригласил ты меня посетить Прагу и твой дом. Не знаю, плакать ли по этому поводу или смеяться?

Жил себе Холин в своей однокомнатной норе. Посапывал, похрапывал. Принимал таблетки от всяких болезней. Иногда выскакивал в ближайший продмаг, чтобы цапнуть какую еду.

А теперь все встало с ног на голову. Оказалось такое количество всяких дел, что хоть заказывай билет не в Чехию, а на тот свет.

Паспорт в ОВИРе получить надо? Надо. А для этого требуются мани-мани, о-хо-хо!

Заплатил восемь с половиной тысяч за эту бумажку, да еще пятьдесят — пошлина неизвестно за что, да еще в очереди отстоял часов восемь среди галдежки возбужденного люда.

Пошел покупать билет на поезд, а за него требуют валюту. Где взять? Купил у фарцы. Переплатил едва ли не в два раза. Потом выяснилось, что можно и за рубли.

Перед самым отъездом заболело ухо. Чтобы вылечить, ходил в поликлинику № 5 ГУЗМ СССР. Что за ГУЗМ, не знаю.

В Москве в последнее время идет мелкотравчатый дождичек. Идет себе и идет; день, другой, неделю идет. Холодно и неуютно.

По Карлову мосту прошвырнусь раза два, схожу в Национальную галерею.

Если честно, то в прежние приезды не удосужился сходить.

Вот и все.

12 июня 1993 года
И. Холин

НЕСЛОЖНЫЙ ПОДСЧЕТ

Баба лет сорока из села Нагорное Ряжского района Ряз. обл. не только меня, но и всех встречных и поперечных уверяла, что у Кремлевской стены в Могиле Неизвестного Солдата похоронен ее муж.

Было это в одна тысяча девятьсот девяносто втором году.

Произведя несложный подсчет, убедился, что в канун Второй мировой баба еще не родилась на свет.

Когда я сообщил ей об этом, то мои слова не произвели никакого впечатления.

Что ж, может, в этом что-то есть?

КОНАРМ

Вот как воевала Конармия Семена Буденного

Мчатся (сабли наголо) конармейцы на взмыленных лошадях на Варшаву

Кони от бешеной скачки передохли

Пересели на ослов

Ослы как вкопанные встали

Ни тпру ни ну

Перескочили на баранов, которых съели с голодухи сами

Подвернулись зайцы

Схватили зайцев за уши и помчались в обратную сторону

Во всю прыть

СИНЯКИ И ШИШКИ

Два конармейца, два свояка, купили в москательной лавке две бутылки денатурата

Выпили

Показалось мало

Взяли еще бутылку

После распития влезли в автобус и оказались в городе Пронске, что на Рязанщине

Не выпить ли пива

подал голос один

А почему бы нет

отозвался второй

Сказано

Сделано

Махнули в ближайшую пивнушку

А там у стойки два поддатых артиллериста

Слово за слово

Кулаки в ход

Хорошо отдубасили друг друга

Утром удивляются, откуда у них столько синяков и шишек

СМЕРТЬ МУЖИКА

Жил в деревне мужик

Жил себе

А потом взял и помер

КАМЕННАЯ ЛЕГЕНДА

Один конармеец спускался с горы

На самом крутом спуске оступился и, полетев в пропасть, воткнулся головой в каменную расщелину

Прибежали другие конармейцы

Что делать

Один предложил

Лучше всего отшибить кусок камня и освободить голову человека

Но тут возникло новое обстоятельство

Вместе с камнем можно расшибить голову

Решили все оставить, как есть

Так и торчит конармеец там до сих пор

Превращается постепенно в каменную легенду

ЗАКЛИНАНИЕ

Встретила банда конармейцев на большой дороге поэта

— Жизнь или кошелек!

Стойте, черти, если вы меня убьете, вы убьете мои стихи, мою поэзию,

И в мировом искусстве будет недоставать одного звена

Грабители ничего не поняли

но странные слова подействовали на грабителей, как заклинание

И они распылились в разные стороны

ВОДОРОДНЫЙ ВЗРЫВ

Американцы произвели испытание очередного атомного устройства.

Брызги огня.

Пыли.

Дыма.

Сила взрыва превзошла расчетную в миллионы раз.

Огненные крылья опалили Вселенную, зацепив потусторонние галактики.

Луна скукожилась, как печеное яблоко.

Земля превратилась в обугленную головешку...

Небольшая полянка с пожухлой травой.

Коровяк.

Рядом робот японской фирмы «Сони» с механической лопатой в руках.

Солнце

Светит

Как вчера.

19—4491

КОНАРМЕЕЦ И ВОЛКИ

Живет конармеец
Живет себе
И живет
Но что-то не дает ему покоя
Вот если на ту гору забраться
Забрался
Потом залез на другую
И на следующую, самую высокую,
Забраться-то забрался, да забыл, как спуститься
Тут волки
Вскочил от страха на сосну
Так там и сидят
Волки внизу
А он на самой макушке

МЯЧИК

Подброшенный вверх теннисный мяч не вернулся.

Некоторое время, рассматривая небольшую тучку, пробегающую по лазоревому небу, я заметил:

Что-то слегка зажелтело в одном из завитков.

Скорее всего, солнечный луч.

Потом тщательно обследовал местность, пытаясь найти пропажу.

Тщетно.

Может, закатился в черную дыру,
Застрял в ней?

РАЗНОВИДНОСТИ НАЧАЛЬНИКОВ

Недоумки — большинство
Психи — встречаются часто

Извращенцы — попадаются

Самодуры — распространенное явление

Об одном таком пойдет речь.

Ферапонтов Николай Кузьмич.

Окончил Московский университет. Женат. Двое детей.

Управляющий в одном из министерств.

Прибыв на работу. Войдя в зал

Выкрикивает:

— Рыба!

Это обозначает: весь рабочий день сотрудники должны молчать, как рыба в воде.

— Ку-ка-ре-ку!

Петь песни.

— Тигр!

Будет общее собрание. Кого-то распекут, кого-то вышибут вон.

Больше всех достается людям тихим, по складу характера не умеющим постоять за себя.

ПУСТОТА

Люди шли в противоположную сторону.

В Пустоту.

Позади рос куст боярышника.

Остановился.

Залюбовался.

Белый цвет, как облако, покрывал небо.

В просветах показывались зрелые плоды,

Звезды.

С трудом отвел взор от завораживающей красоты.

Когда оглянулся,

Не обнаружил

Ни людей, ни звезд.

НЕМАЯ МУЗЫКА

В голубом, чистом как стеклышко июльском небе что-то сверкнуло, загрохотало.

Может, сверкнула искра от троллейбусной дуги, прогрохотал пробегающий мимо грузовик?

Вздрогнула земля.

Все.

Только у детей зазолотились ладошки.

Если они прикасались к чему-то интересному, начинала звучать музыка.

Взрослые не замечали музыки.

Музыка была нема.

И звучала только в маленьких детских сердцах.

ОГОНЕК

Опустился в люк. В сырость.
Впереди огонек.
Пошел за ним.
Удалялся с достаточной быстротой.
Обернулся, увидел другой огонек.
Повернулся к нему.
Но заметил, что первый приближается.
Совсем рядом.
Один шаг.
И я на берегу реки
Или океана.

ДЕТСТВО

В детстве, в возрасте семи лет, мальчик обладал способностью передвигаться в космическом пространстве, достигая отдаленных звезд. Дорогу указывал световой луч. Скорость велика.

Преодолевал не мыслимые для разума пространства. Но каждый раз возвращался домой в постель.

Утром мог вспомнить происходящее смутно.

Конечно, явление можно принять за неустойчивость детской психики, за бред.

Если бы...

Однажды утром соседи нашли мальчика спящим на обледенелом крыльце дома в тридцатиградусный мороз.

Врач «скорой», обследовав детский организм, пришел к заключению: со здоровьем порядок, ребенок, выйдя на улицу по нужде (уборная находилась во дворе), по какой-то причине потерял сознание.

— Посмотрите, у него температура нормальная 36,6.

Врач ошибался, градусник показывал 366 градусов.

Не выше, а ниже нуля.

ПРОТОКОЛ

В 6-е отделение милиции Москвы доставили очередной улов ночной облавы по чердакам и подвалам

Бомжик
Обыкновенный
Замшелый
Бомжик
Капитан
Составляющий протокол
Поинтересовался
— Почему не работаешь
Бомжик
Недоуменно пожал плечами
Думая
Что с ним говорят на португальском языке

ШАНС НА ВЫЖИВАНИЕ

Логично предположить, что все твари на земле, в том числе и человек, вымрут, как в свое время вымерли: бронтозавры, птеродактили, мамонты, саблезубые тигры.

Задержатся:

Тараканы

Муравьи

Клопы.

Тараканов перед исчезновением склюют птицы.

Муравьев уничтожат озверевшие от страха муравьеды.

Клопы,

Эти способны ожить, пролежав не одну сотню лет в сухом, безжизненном виде.

Неужели с такой никчемной твари начнется новая цивилизация?

ЗВУК

Разговор
Дерева
Дуб
Ольха
Береза
Листья
При дуновении
Издают
Звук
Потом
Замирают
Умирают

ПОДЗЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

На Смоленке, недалеко от гастронома, где лавочки и грибочки. Из-под земли, как гриб-боровик, вылез поросший шерстью, озверевшего вида человек.

Двое, распивающие бутылку «Столичной», поинтересовались:

— Ты откуда?

— Оттуда, — указал человек пальцем на дыру.

— Вот дает!

— Какое сегодня число? — спросило подземное чудище.

— 23 июня 1997 года.

— Почти шестьдесят лет просидел под землей.

— Как туда попал?

— Забыли, когда строили метро.

— Чем питался?

— Прокопал ход в гастроном.

— Дуй обратно. Притащи пару бутылок водки, да зажевать тож.

Пока выпивали, встал вопрос: что делать с дуралеем.

— Сдать в милицию?

— Не! — отозвался второй. — В музей.

Может, награду какую дадут?

МЕРТВЫЙ ЖИВОЙ

На Цветном.

Напротив цирка. В цветах. Обнаружили труп.

Лежит, как живой.

Слегка улыбается.

Сердобольная душа вызвала «скорую».

Отвезли в мертвецкую.
Не берут.
Говорят: живой.
Отправили в больницу.
Заявили: мертвяк.
Возят уже целые сутки.
Туда обратно!
Туда обратно!

И ВСЕ

Метро.
Две остановки проехать.
Сел в обратную сторону.
Конечная.
Думал, переименовали.
Вышел на улицу.
Не то.
Пальмы растут, бананы, на которых резвятся обезьяны.
Объявление.
Читаю:
Требуются:

Танкисты
Артиллеристы
Пехотинцы

Будем резать
Будем пить
Все равно
Тебе балдеть

Все.
Понимай как знаешь!

ВИД ИЗ ОКНА

Мимо окна писателя (квартира располагалась на первом этаже хрущобской пятиэтажки) каждое утро по дороге в школу пробегали дети. И каждый раз, спотыкаясь обо что-то, летели кубарем.

Писателя, человека с обостренной наблюдательностью, факт заинтересовал.

Вышел. Осмотрел асфальт.

Тот без изъяна.

Решил сам пробежать мимо окна, как дети.

Споткнулся, полетел кубарем, ободрал коленку.

Что бы это значило?

Пошел в ЖЭК. Поинтересовался, что было прежде на этом месте?

Ответили.

— До строительства дома здесь пролегал кабель высокого напряжения.

Вот что!

ДВА ЯВЛЕНИЯ

Иван Кузьмич Шварц, будучи школьником, обожал всякую живность: мышей, ежей, морских свинок.

Одноклассники в перемену носились как полоумные по коридорам и лестничным клеткам. Он спешил в зооуголок покормить любимых зверюшек.

В конце концов покойные родители купили к первомайскому празднику на Птичке пару белых мышей и маленькую клетку.

Ваня очень любил подопечных. И долго горевал, когда соседский кот пробрался в комнату и так напугал безобидных мышек, что последние скончались от стресса.

Ваня похоронил их в укромном уголке двора. И часто навещал приметную для него одного могилку.

Потом, как водится, все позабылось.

Когда окончил институт железнодорожного транспорта, начал испытывать неприязнь к безобидной твари.

Теперь мыши, не две мышки, о которых горевал, все потомство, все семейство стало являться к нему не только во сне, но и днем.

Хотя мыши тихо усаживались: на комод, на книжный шкаф, на обеденный стол и смотрели на Ивана Кузьмича приветливо, ласково, он их боялся. Со временем боязнь превратилась в панический страх.

Дело зашло так далеко, что он не мог безбоязненно заходить в комнату, стал ночевать на железнодорожных вокзалах, на лавочках в парке «Сокольники».

Когда забирали в милицию, спрашивали:

— Почему, имея жилплощадь, ведете себя как бомж?

Отвечал, что боится мышей.

Долго такое продолжаться не могло.

Пришла осень. Иван Кузьмич заболел двусторонним воспалением легких и тихо скончался в больнице.

Околоточный капитан, который осматривал жилище покойника, следов мышей не обнаружил.

Когда расспрашивал соседку, женщину лет 45, та сказала.

— Дурью мучился старикан. Напихал по углам — и в коридоре и на кухне — мышеловки.

— Сами где работаете? — поинтересовался участковый.

— На санэпидемстанции. Травлю мышей, клопов, тараканов.

Но два явления связать в одно капитан не смог.

СОБЫТИЕ

Небольшой провинциальный городок жил дремотно до тех пор, пока кто-то не распустил слух, что в ближайшее время с неба должен упасть метеорит.

Поверили.

Городок ожил.

По местному телевидению ежевечерне выступали экстрасенсы, предсказатели, даже солидные ученые, которые хорошо доказывали, что слухи верны и основаны на точных математических расчетах.

Вскорости те же люди принялись утверждать, что подобное не вполне возможно по причине отдаленности городка от центральных властей.

Событие было отмечено усиленной распродажей водки местного изготовления и отъездом мэра в столицу в связи с назначением на должность в канцелярию президента Б.Н. Ельцина.

Но метеорит упал.

Упал, когда о слухах напрочь позабыли.

Упал безмолвно на близлежащих болотах, окружающих городок.

Корреспондент местной газеты Коля Лебедь долго рыскал вокруг да около в надежде определить след небесного пришельца.

Тщетно.

Больше ничего не случилось.

Только у сторожа церкви Покрова сдох пес.

ВИД НА ГРИБОЧКИ

Покупая на Птичьем рынке попугая, Василий Лившиц оказался перед выбором.

Продавались два.

Один говорящий, другой поющий, вернее, свистящий.

Высвистывал «Интернационал», «Подмосковные вечера», «Дан приказ ему на запад» и «Гимн Советского Союза».

Из чего можно сделать вывод, что бывший владелец птицы — ветеран войны, коммунист.

Выбора Василий не имел.

Говорящий стоил два миллиона, свистящий — один.

Денег в кармане лежало немного более миллиона.

— Ладно, куплю свистящего, говорить научу.

Попугай оказался из неподдающихся.

Сколько Василий ни бился, требуя, чтобы птица произносила: попка дурак, в ответ раздавалось: дрык, бряк.

Свистеть стал хуже.

Однажды, когда хозяин в очередной раз потребовал, чтобы попугай сказал хоть одно словечко, на него посыпался целый град слов, но каких:

Пошел на хуй, пиздюк, мудак, сообразим на троих, старая блядища, убей даму пик!

Слова произносились настолько четко, что без особого труда можно было узнать голоса соседей и собственный голос Василия.

— Откуда поднабрался такого?

Потом догадался.

Клетка целый месяц стояла у открытого окна с видом на детсадовские грибочки.

ДВЕ ПОЛОВИНЫ

Виталий Неелов, не думая не гадая, оказался в виртуальной действительности.

Выражалось это вот в чем.

Если в метро надо подниматься вверх, то он мог

сделать это только в том случае, если вступал на эскалатор, идущий вниз.

Поезда, в которые садился, шли в обратную сторону.

Несмотря на подобные выкрутасы природы, всегда оказывался в нужном месте.

Еще.

Со временем оказалось, что виртуальная действительность захватила одну половину.

Другая здесь.

И он мог свободно находиться одновременно в двух местах.

Скажем,

На собрании русского ПЕН-клуба

И в гостях у поэта Генриха Сапгира.

ЖИВОЙ КОМПЬЮТЕР

Отец Славика Костикова Петр Сергеич, приобретая компьютер устаревшего, подешевевшего 386 образца, преследовал две цели.

Первая. Сам физик, сотрудник лаборатории в университете, решил некоторые работы брать на дом, чтобы подработать кое-какие деньжата.

Вторая. Приучить сына с малых лет к этой чудотехнике.

Получилось вот что.

Славик, ребенок девяти лет, которого отец считал ни на что не способным оболтусом, можно сказать, прилип к компьютеру. Отцу стоило немалых усилий отогнать сына, чтобы поработать самому.

Через несколько месяцев Славик настолько освоил машину, что помогал отцу производить нужные расчеты. Делал это в отличие от отца безукоризненно и легко.

Когда отец сказал, что можно приобрести несколько компактов с играми, сын ответил, что это занятие для дураков.

Еще через некоторое время ребенок заявил, что дисплей ему не нужен, что он может свободно обходиться без него. Потом попросил убрать сам компьютер.

Петр Сергеич ничего не сказал. Пожал плечами. И убрал аппарат в другую комнату.

Далее.

Каждый день после школы, в которую ходить заставляли силком, Славик садился в кресло. И домочадцы: бабушка, мать, сестра и сам Петр Сергеич видели, вернее, чувствовали, что внутри организма сына происходит какая-то титаническая работа.

Когда отец спрашивал, что с ним, сын отвечал, что теперь он работает над изучением глубинных пород Земли, чтобы определить время происхождения и каким образом на пустую, обугленную высокими температурами планету занесена земная жизнь и откуда.

Почему перестал принимать пищу?

Еда ему не нужна. Он так научился управлять атомами, что автоматически происходит постоянное обновление организма.

Он вечен.

Скоро научится управлять другими мирами.

— Ты что, Бог?

— Нет, ученик!

ИСПЫТАНИЕ ДУХОМ

Несуразность существования Федора Шапиро заключалась в том, что он проживал в двух состояниях.

В первом. Как все люди, вставал утром, делал гимнастику, завтракал, шел на работу. Вечером возвращался домой.

В другом — казалось, что вырастают крылья. И он не ходит по земле, а летает.

Чтобы подтвердить способность, выпрыгнул со второго этажа трехэтажного дома, в котором проживал вместе с семьей.

Результат — вывих обеих ног.

Не остановило, продолжал испытывать судьбу. Прыгал с разных высот. Ломал руки, повредил бедро, да так, что начал припадать на одну ногу.

Длилось сие до тех пор, пока дом не предназначили на слом, а Шапиро и его семье дали новую квартиру в Кузьминках на 12-м этаже 12-этажного дома.

Когда наступила весна, страдалец решил еще раз испытать себя. Не раздумывая, как только открыли балкон, прыгнул вниз.

Но не разбился.

Какая-то сила слегка притормозила полет при встрече с землей. Сама земля в месте падения была мягкой.

Потому что жильцы подъезда взрыхлили ее, сооружая большую клумбу для цветов.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ДАР

Давид Шулинский обладал своеобразным даром. В его руках любой металл делался хрупким, и он ломал его на мелкие куски.

Но дар этот в конце концов и погубил его самого.

Вот как это произошло.

Возвращался как-то Шулинский из кинотеатра с последнего сеанса.

Вдруг крик.

Поскольку был он не трус, а по натуре готов помочь любому в беде, то и бросился на зов о помощи.

В темном переулке грабили девушку.

Потом выяснилось, что она была приманкой, членом банды и кричала для видимости.

Но Шулинский этого не знал. Выхватил у бандюг и сломал два ножа и, отбив девушку, проводил ее домой.

Вот она-то, узнав, что парень не боится металла, сообщила об этом своим дружкам. А те, подкараулив Давида, огрели дрыном по голове.

Смерть наступила мгновенно.

Но из раны кровь не потекла, а вырос на ее месте красивый красный цветок.

И когда героя похоронили на городском кладбище, то на могиле цветок вырастал каждую весну.

И цвел все лето.

КАРА

Филип Грачев, сотрудник центральной ветстанции по вылавливанию кошек и собак, слыл среди сослуживцев человеком жестокосердым. Чтобы не брать собак в руки из-за боязни заразы, подцеплял за ребра металлическим крюком и швырял в машину, как чурки.

Напарник говорил.

— Утихомирься, будет тебе!

За то, что Грачев продавал пойманных собак и кошек кошкодралам, которые потом сдирали с них шкуры, осудили, дали срок один год.

Плата не заставила себя ждать.

По прибытии из лагеря устроился ночным сторожем в детский садик.

Через месяц нашли его мертвым с глубокими укусами по всему телу.

Люди говорили потом, что бездомные собаки целую неделю крутились возле этих мест.

СЛЕД

Утром во дворе дома № 8 что-то упало с неба, оставив за собой золотистый след.

Когда перепуганные жильцы повыскакивали на улицу, то увидели сидящего на лавочке старого человека.

— Ты кто, дед?

— Я явление виртуального порядка. Я тут есть и меня как бы нет.

— Так это ты упал с неба?

— Не я, мой след. Говорю вам, когда ваша Земля превратится в огромный компьютер, не вы, а потомки ваших потомков смогут управлять Вселенной, как теперь управляете движением автотранспорта.

— Зачем это нам нужно?

Вопрос повис в воздухе.

ТЕПЛАЯ РУКА

Маша Скобцова проживала в одном из арбатских переулков в старом, еще из прошлого века, доме.

Квартирка маленькая, кухня — три квадратных метра. Повернуться негде.

Отец при жизни работал в исследовательском институте научным сотрудником. Зарабатывал хорошо. Деньги — половину пропивал, другую раздавал таким же алкашам, как сам.

Теперь, уходя на работу (зарплата 350 тысяч), доведенная до отчаянья Маша взмолилась:

— Господи, хотя бы кухня была побольше, метров 5!

Придя с работы, подумала, что попала в чужую квартиру. Большая комната, подходящая кухня.

Квартира принадлежала ей. На столе стояла кузнецовская ваза, подаренная сослуживцами отцу в знак расположения.

Маша хотя поразилась до крайности, но легко привыкла к перемене в жизни.

Больше Господа ни о чем не просила.

Но однажды во дворе, когда Маша отдыхала на лавочке, к ней подошел золотушный мальчик, голова которого была вся покрыта коростой.

Маша, жалеючи, погладила ребенка по головке.

— Тетя, — сказал мальчик, — какая у вас теплая рука.

— Ты приходи завтра, еще поглажу.

На третий раз золотуха у мальчика исчезла.

К Маше стали приходить больные люди. Многим помогала.

Денег за лечение не брала.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ

Марья Ивановна Галкина среди белого дня (на лавочке возле подъезда сидели кумушки) расправила руки и взлетела на крышу хрущобской пятиэтажки, в которой жила.

Оказавшись в незавидном положении, принялась призывать на помощь.

Прибежал начальник ЖЭКа, околоточный капитан, собрался народ, кинулись открывать чердачную дверь, чтобы спасти пострадавшую.

Дверь оказалась крепко заколоченной, обитой железом.

Пришлось вызывать пожарную машину.

Когда Марью Ивановну спрашивали, каким образом она оказалась на крыше, если вход на чердак был основательно законопачен.

Женщина отвечала:

— Не знаю, родимые, не знаю.

Как только любопытная публика разошлась, к ней подошел карапуз лет пяти, попросил:

— Тетенька, научите и меня летать?

ПРОПАЖА

Во дворе вырыли яму.

Первым угадал старичок. Нашел на дне золотую десятку царской чеканки.

Выбраться не может.

Помогли два проходящих мимо парня.

Вторым — спортсмен. Выпрыгнул сам. Но обронил кошелек, в котором лежало двадцать баксов и удостоверение личности. Только придя домой, обнаружил пропажу.

Третьим загремел жилец из соседнего дома.

Увидел кошелек. Забрал деньги. Остальное выбросил в помойку.

Затем полетела баба необъятных габаритов.

Пришлось вытаскивать при помощи подъемного крана.

НОГА

Проснувшись утром, Рубен Карапетян, мужчина лет тридцати девяти, не то что был поражен, а ошарашен.

Еще ночью почувствовал неудобство. Правую ногу неприятно щемило. Ощущение такое, вроде положили на нее мешок с песком.

Утром оказалось: правая нога стала сантиметров на пять короче и порядком уменьшилась в размере. Вместо 43 стала не больше 39.

Бросился с перепугу в милицию. Там сказали, попал не туда.

— Дуй, дядя, в поликлинику!

Хирург, покрутив ногу и так и этак, заявил, что с ногой все в порядке. У многих двуногих ноги бывают разные. Ходят всякие. Отвлекают от работы по пустякам.

Ушел Карапетян ни с чем.

Со временем к положению вещей привык.

Одно неудобство.

Обуви приходится покупать две пары.

УТРО

Солнышко какое сегодня взошло! Так и разливается по поднебесной!

А птицы!

Ни один композитор не напишет такой музыки.

Пастух прогнал мычащее, пахнущее молоком стадо.

Собака гавкнула на селе.

Даже трактор, фыркающий на поле, не испортил благодатного настроения.

Тепло и приятно на этом свете, а на том?

ОБРАЗ ЖЕНЫ

У Михаила Вяхерева скончалась жена через год после свадьбы.

Похоронив, сказал:

— Незабвенный образ всегда будет со мной.

Он был с ним.

Прошло время.

Скорбь улеглась.

Образ жены в сознании не поблек, не исчез, превратился в другой, в образ Софи Лорен. Потом его заменил образ Симоны Синьоре. На самое короткое время — образ принцессы Дианы. Не очень он жаловал таких мосластых, похожих на скаковых лошадей.

Наконец встретил девушку, хотя не Софи Лорен, не Симону Синьоре, но симпатичную.

Пригласил в кино. Сходили в Нескучный сад.

Поженились.

Постепенно образ девушки превратился в образ умершей жены.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Экстрасенс нагадал Никите Зайцеву, что опасаться нужно одного — футбольного мяча.

История банальная.

В художественной литературе описан не один подобный случай.

Вспомним хотя бы пушкинские строки: «Как ныне сбирается вещий Олег».

Но Никита был не князь, а футболист высшей лиги. Обладал прекрасно приемами обводки, имел отличный удар.

Тренер говорил, Никита умеет мыслить ногами.

Поначалу Зайцев не обратил особого внимания на то, что сказал экстрасенс. Через время предсказание дало о себе знать.

Впилось в мозги, как гвоздь.

Играть стал хуже.

Тренер заметил, что подопечный частенько вместо того чтобы принять мяч на голову старается увернуться.

Просидевшего почти весь сезон на скамейке запасных, к осени нерадивого футболиста отчислили из команды.

Оказался не у дел.

Не имея профессии, устроился на стройку разнорабочим.

Льготы, привилегии улыбнулись. Пришлось перебиваться на зарплату. Хорошо, жена работала в кафе официанткой.

Когда Никите Петровичу пошел седьмой десяток, он пожалел, что ушел из команды. Ругнул предсказателя непотребными словами.

В тот же день, возвращаясь домой, нарвался на ватагу пацанов, которые гнали по улице раздрызганный в пух мяч.

Один из ребят с такой силой поддал мячик, что тот, попав в стенку, отскочил и угодил Зайцеву в лицо. Тот упал на асфальт, по пути стукнувшись о чугунную оградку, потерял сознание и был отправлен в ближайшую больницу.

Через два дня бывший футболист скончался в реанимации.

Возникает вопрос: от чего погиб Никита Петрович Зайцев, от футбольного мяча или от чугунной оградки?

Прямо как в легенде об Олеге.

Там кудесник предсказал гибель от коня, а князь, как помните, погиб от укуса змеи.

Нет, самое верное — нужно уповать не на экстрасенсов и кудесников, а на самого себя, на судьбу.

Князь забыл о предсказании.

Никита Петрович помнил.

И что?

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЗРЫВ

У замечательного русского писателя Салтыкова-Щедрина есть рассказ, в котором у губернатора на плечах красовалась фаршированная голова.

Таким же человеком оказался наш современник Марат Зябликов, который не служил губернатором, не состоял чиновником по особым поручениям, а работал на скромной должности слесаря в совместном предприятии.

Но голова у Марата была нафарширована, как и у того, только другими предметами.

Зябликов имел хобби, которое и доконало парня самым неожиданным образом.

Придя с работы, проглотив немудреную еду, приклеивался к телеку, смотрел до конца все программы.

После, когда телевидение заканчивало работу, переключался на радио. Слушал до тех пор, пока не смаривал сон.

Информация, которую получал, складывалась и раскладывалась по полочкам в сознании.

Так что со временем клетки головного мозга, как винчестер компьютера файлами, заполнились

до отказа разного рода сообщениями, объявлениями, декларациями.

Произошло то, что должно произойти.

Случился первый в мире информационный взрыв.

Грохнуло, когда Марат находился возле Пассажа на Петровке.

Почуяв неладное, люди бросились в разные стороны.

Но ничего сверх того не произошло.

Только у телевизоров на витрине разлетелись вдрызг экраны, взорвалась радиотехника и телефонные аппараты, а Останкинская телебашня со страха ушла в землю метров на пять и накренились вбок.

Зябликова увезла «скорая» в институт Склифосовского.

Не довезла.

Справка

Зябликов Марат, молодой человек 25 лет, по дороге в больницу скончался.

ДВА ПРИГОВОРА

Наум Степаныч Злотник, ведущий научный сотрудник одного из московских институтов, в кои годы решил съездить в родной город Ряжск, посетить могилку матери, которая скончалась два года назад.

Еще в Москве.

Потом всю дорогу томило предчувствие неминуемой беды.

Оно не обмануло Наума Степаныча.

По приезде на станцию Ряжск-Пассажирский вот что произошло:

Сойдя на платформу, увидел бежавшую навстречу толпу, которая что-то бестолково орала.

Налетела.

Сшибла Злотника с ног.

Это не все.

Взлохмаченный человек, схватив Наума Степаныча за грудки, завопил на весь вокзал:

— Вот вор! Теперь не отвертится!

Подоспели другие молодцы, принялись избивать ничего не подозревавшего человека

Взлохмаченный продолжал орать:

— Скручивай! Вяжи! Он спер кошелек!

Скручивать, тем более вязать Наума Степаныча необходимости не было.

Лежал он на перроне смирно. О сопротивлении не помышлял. Даже милиционер, подоспевший на место происшествия, это понял.

Далее отделение милиции.

Протокол, составленный по всем милицейским правилам. Каталажка, которая теперь называется камерой предварительного заключения.

Венец творения — суд.

Суд скорый, по уверению начальников, справедливый.

Потерпевший есть.

Очевидцы есть.

Чего еще нужно?

Судья, женщина средних лет, повышенной упитанности, строгим голосом объявила:

— Суд удаляется на совещание!

Поскольку дело и судье, и народным заседателям казалось очевидным, то, войдя в совещательную комнату, совещаться не стали, попили чайку с

бутербродами, состоящими из ломтей белого хлеба, наложенных на них кусков сыра, любительской колбасы.

Сочинив быстренько приговор, вернулись в зал.

Только судья собралась зачитать бумажку, как произошло нечто.

В зал суда зашла старая женщина, ведя за руку обшарпанного, в замусоленной телогрейке, парня, который не оказывал сопротивления.

— Вот вор! Сына отпустите, ироды!

Очевидцы в унисон затараторили, действительно, настоящий жулик этот парень, который оказался слесарем из депо.

Снова суд удалился на совещание. Оно было еще короче.

Чай не пили. Бутербродов не ели.

Зачитанный второй приговор состоял из нескольких фраз: «Именем... За отсутствием преступления Злотника Н.С. из-под стражи освободить».

Старая мать кивнула ласково сыну и на глазах ошарашенной происходящим публики растворилась в пространстве.

У судьи и заседателей хоть и осталось смутное неприятное ощущение, но оно быстренько испарилось.

Следующее дело назначалось к слушанию через пятнадцать минут.

В котором речь шла о разделе имущества между супругами.

О ПОЛЬЗЕ ЧИСТОТЫ И ДР.

Вот в это «др.» входит многое, в том числе почти классовая борьба за чистоту отечественного языка.

В данном случае как на характерное проявление подобного рода тенденции можно указать на малоизвестное племя Таскания, которое с давних времен располагалось на южной оконечности небольшого островка в Тихом океане.

Народонаселение указанной территории состояло из трех многодетных семей.

Три избы, крытые по традиции соломой, являли собой восхитительное зрелище, достойное кисти Поленова или Айвазовского.

Одна изба обнесена сработанным из горбыля средних размеров забором, изба Мэра города, она же являющаяся как бы патентованной столицей государства.

Жителей в этой благословенной стране по последней переписи числилось сорок штук мужского и женского пола, разделенных по традиции на две партии не по половому признаку, а по политическому интересу.

Первая — любители кваса.

Вторая — маиса, прозванные кукурузниками.

Такое равномерное распределение душ не позволяло безболезненно проводить выборы чиновных лиц, в частности Мэра, правителя и отца нации, не позволяло утвердить гимн и герб страны, не позволяло представить публике национальную идею, что, если говорить начистоту, не мешало гражданам чувствовать себя членами мирового сообщества.

Посему каждый референдум и выборы в думу сопровождались повальной пьянкой и дракой, порой принимающей вселенский размах.

Однако к вящему удовольствию начальников свирепые эти побоища обходились без смертоубийств, оканчивались всего-навсего тасканием женщин за волосы, пробитием нескольких неувертливых голов

и тотальным переломом рук и ног, что пагубно сказывалось на производительности труда и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

Но отцов города это ни с какой стороны не смущало. Они говаривали в таких случаях:

— Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось.

И мудрые люди были правы.

Но надежда на скорое разрешение вопроса в смысле народонаселения была.

Некоторые умники предлагали выкрасть одного из жителей соседнего региона или повесить своего.

Но от этих предложений веяло безнадежностью по той причине, что крутые, воинственные соседи держали границу на замке. И для пущей важности построили железобетонную стену с амбразурами в ней и пулеметными гнездами.

И все же выход из затруднительного положения назревал.

Предполагалось, что одна вертлявозадая бабешка в скором времени разрешится младенцем.

Но и тут просвечивалась некоторая опасность. Выборы на носу. И едва ли младенец сможет принять в них участие, хотя по закону, принятому думой после продолжительных буйных дебатов в 1998 году, новорожденный, произнесший хоть одно членораздельное слово, наделялся гражданскими правами и смело таскался на избирательный участок, но начнет предполагаемый новорожденный свое существование с членораздельного звука — загадка!

Правда, один особо рьяный борец за права человека нанес упреждающий удар, подал петицию, чтобы крупный рогатый скот наделить правом голоса.

Вышеозначенный текст является приступом к основной идее повествования.

Далее, с вашего позволения, речь пойдет о другом.

С недавних пор начальники племени увидели, что язык племени Таскания воспринял со стороны соседних держав такое количество заграничных, мудреных для слуха обывателей слов, что люди перестали понимать друг друга.

Последовал указ Мэра провести решительную борьбу за чистоту не улиц и дворов, а родного таскинского языка.

Чиновная братия воспрянула духом.

Есть работа, есть доход: предписания, штрафы, привлечения к суду неправильноговорильщиков, можно будет несколько сократить количество населения, упрятав одного-двух за колючую проволоку, а кое-кого для нужного счета подвергнуть остракизму или еще чему-нибудь, выудив новую идею из имеющегося арсенала прошедших веков.

Особой приверженностью ко всему чужеземному отличались литераторы: Достоевский Ф.М. — описыватель всяких западных рулеток. Где это он видел в Таскании рулетки? Толстой Л.Н., который французил налево и направо, и Николай Васильевич Гоголь, о галицийские корни которого обколотишь не только язык, но и пальцы ног. И таких неблаговидных примеров можно приводить бесконечное множество.

Но тасканцы не любили приводить примеры, скорее наоборот, привыкли к решительным действиям. Собрали в лесу достаточное количество дровишек. Сотворили на главной площади большой огонь, что умели делать хорошо. И всех неприемлемых писателей — в костер!

Об уничтоженных таким привычным образом книгах тасканцы не сожалели. Читать они не любили. Считали подобные занятия интеллигентскими штучками. Собрания сочинений стояли у них в хижинах на полках. И приобретались в магазинах из-за красивости переплетов.

Но главная причина подобных действий состояла в том, что обыватели, члены общества, являли себя большими любителями попрыгать и повеселиться вокруг огонька.

И только некоторые домохозяйки искренне сожалели о случившемся, поскольку частенько им приходилось вырывать из собраний сочинений страницы и завертывать в них селедку и прочую снедь. Так что даже от 90-томного великого Толстого остались одни корешки.

Но были и положительные авторы, изъясняющиеся на языке предков недальних времен.

Один из них, поэт А.П. Сушкин, особо любимый вездесущим Мэром. От чего, от какого предмета или понятия произошла эта замечательная фамилия, от слова *сушка* (хлебобулочные изделия) или от слова *сушить*, кто его знает? Указывалось, что поэт частенько, возвращаясь поутру, проигравшись в пух в картишки (к тому же хорошо поддавший) сваливался в кювет, а потом просыхал несколько часов на солнышке.

Что было, чего не было, но фамилия была, и стихи были, шедевры были. Чего стоило выражение «хладное сердце», которое по неизвестной причине терзала «печаль». Или еще более благозвучное выражение «конский топ». Тут уж наблюдался полный отпад. Даже академик Брехачев, торопясь утром на службу в Сушкинский Дом, три раза споткнулся, что являлось подтверждением правоты.

после чего члены сообщества запевали песню, можно сказать, гимн Таскании:

Мурка моя, Мурка, Мурка дорогая,
Здравствуй, моя Мурка и прощай.
Ты зашухарила всю нашу малину,
А теперь маслину получай.

И хотя маслин в государстве имелось невпроворот, но все же!

СМИ: TV, Интернет, радио не вызывали со стороны начальников нареканий, они все сосредотачивались в надежных руках, а именно в руках учителя младших классов приходской школы, которого вызвали, предупредили, и он внял.

Запрет на всю СМИтовскую дребедень принес немалую пользу, позволил вернуться к традиционному способу развлечений, к барабану. Теперь в государстве Таскания от зари до зари ухало и ахало. Так что жители окрестных лесов, в особенности ненавистные бабуины, портящие посевы маиса, разбежались в разные стороны.

Труднее оказалось справиться с разговорным словом. Тут патрициям пришлось изрядно попотеть, доказывая подрастающему поколению, что беседу удобней вести не на чуждой слуху зарубежной тарабарщине, а на своей, родной, близкой сердцу тасканской.

Первая тотальная атака была произведена на слова «гражданин» и «гражданка».

Хорошо жилось людям, когда повсюду раздавались не эти басурманские возгласы, а ласкающие душу «сударь», «сударушка» и проч.

Особое возмущение вызывало, когда эти самые граждане и гражданки при встрече выкрикивали:

— Хау ду ю ду!

Восклицание это, ко всеобщему возмущению начальников, через время превратилось в

— Хую дую дую!

За первой атакой последовали другие, благодаря которым словари и учебники очистились от ненужных, вредоносных слов. Исчезли все слова на букву А, поскольку своих на этот знак не оказалось. Далее изъяли: «коммунизм», производное от него «коммуна», «коммунистический», презрительное «коммуняка», которым, как бильярдными шарами, любили перебрасываться обе партии. За ними последовали: «коммерция», «коммуникация», «компромисс», «комиссия», «консилиум», «галерея», «галактика» непонятные фамилии: Маркс, Энгельс.

Другие буквы пострадали не меньше. Добрались до слов — эгоизм, Яков, просфора, патриарх, архимандрит...

Всего не перечислишь.

Главнонаблюдающим по этой части назначен зоотехник страны, выполняющий по совместительству роль министра внутренних дел. Одного члена общества упрятали за колючую проволоку, что вывело противную партию на первое место по числу голосов. Но торжество оказалось непродолжительным. Этот нерадивый член оказался единственным маляром во всем государстве, и его пришлось, к прискорбию министра внут. дел, амнистировать (на носу значился приезд более высокого начальства из центра).

Результат по искоренению языковых излишеств таков. Вскоре в лексиконе тасканцев осталось несколько слов: «дай», «нате, выкусите», особо любимые Мэрм, и «пошли».

Утром жители являлись к парадному входу обиталища Мэра и требовали:

— Дай!

Мэр открывал окошко, высовывался наполовину, показывал островитянам фигу, добавляя при этом:

— Нате, выкусите!

Когда названные посетители принимались бунтовать, выкрикивая, что они перекроют единственную в стране грунтовую дорогу и остальные охотничьи тропы, Мэр кричал:

— Пошли!

И тасканцы шли. Поскольку с раннего детства и до глубокой старости привыкли куда-то идти: в лес ли за грибами, к ручью за пресной водой или так, в собственное удовольствие!

ВСТРЕЧА

На перекрестке двух дорог повстречались два человека.

Один — нагруженный как ишак. В руках две сумки и авоська, за плечами туристический рюкзак.

Другой — с пустыми руками.

Тот, который налегке, спрашивает:

— Откуда и куда?

— Откуда? Там меня уже нет. А вот куда, сказать могу. Иду, брат, в третье тысячелетье.

— А в сумках и в рюкзаке что?

Отвечает путник:

— В сумках: в одной — пшено, гороху килограммов пять, в другой — бутылка подсолнечного масла, две банки свиной тушенки, батон докторской колбасы и еще кое-что. В рюкзаке — барахлишко, не доношенные шмотки. Продам там или поменяю. Думаешь, они нам хорошую жизнь приготовили?

А ты что, пустой прешься?

— Я иду не в двадцать первый, а в девятнадцатый век. У них другая формация. У них свободный рынок. Там о коммунизме в одной отдельно взятой Москве не имеют понятия. Приду к деду с бабкой, они у меня недалеко от Житомира имеют собственный хутор. Нагодуют галушками со сметаной. Сала дадут. Нажрусь до усрачки. Да на сеновал отвалю. Дня два буду дрыхнуть.

Не жизнь, а малина!

В случае чего приходи. И для тебя местечко найдется.

Теперь побегу.

До свиданья, голодное, холодное, обшарпанное, неумытое двадцатое столетие!

ИЕРУСАЛИМСКИЕ ПЕРЕСКАЗЫ

■ ■ ■

ТРИ ДНЯ

Иерусалим напоминал в этот день раскаленную сковородку не от жары, которая нависла над городом.

Причина другая.

Красавец храм, детище царя Соломона, оказался разрушенным до основания.

Чернь, бегая по улицам, вопила, что это дело рук римлян, которые мстят за постоянное неповиновение прокуратору.

Первосвященник и члены синедриона пытались уговорить народ, что такое не подвластно человеку, что это, скорей всего, кара Господня за грехи, за блуд, поклонение идолам.

Римляне приняли меры для обороны претории, понимая, что иерусалимский сброд в одночасье сметет немногочисленный гарнизон.

Прокуратор послал гонцов в Кесарию за подкреплением, обрисовав мрачными красками происходящие события.

Три дня чернь бушевала, громя лавки торговцев, отбирая деньги у мытарей, растаскивая имущество богатых.

Чем бунт мог закончиться, одному Богу известно. На четвертый день, проснувшись поутру, горожане увидели: храм стоит на прежнем месте, еще краше, сияя небесной красотой.

Тут некоторые вспомнили, ходил среди жителей некий назорей, грозился разрушить храм и построить новый через три дня.

Бросились разыскивать виновника смуты, но его и след простыл.

Старожилы рассказывали: человека этого или похожего на него распяли по приказу прокуратора на кресте.

ТРИДЦАТЬ СРЕБРЕНИКОВ

В одной из таверн Иерусалима сидели двое. Пили вино и вели неприятную беседу.

Оба были тайными агентами синедриона. И теперь не могли разделить тридцать сребреников, которые заплатили им за поимку проповедника нового учения, согласно которому проповедник объявлял себя сыном Божьим, царем иудейским.

Агенты выглядели невзрачными на вид, как полагалось соглядатаям. Первый несколько выделялся выставленным вперед животом. Он-то и требовал большей доли, говоря, что главную работу проделал он, а напарник служил подручным.

— Я знал Иуду. По почтению, с которым тот обращался к своему Благодетелю, опознал последнего.

— По-твоему, Иуда не являлся предателем?

— Нет! Это самый преданный из учеников. Слух о предательстве — враки, выгодные синедриону и первосвященнику.

Когда соглядатаи возвращались домой, один, вынув из-под полы кинжал, всадил его в спину товарища по самую рукоятку.

Теперь не надо делить сребреники. Теперь они достанутся мне.

— Врешь, собака, когда ты отходил по нужде, я всыпал в чашку хорошую долю яда.

Так что и ты подохнешь вместе со мной.

Утром ночной сторож обнаружил в переулке два трупа и тридцать сребреников.

Сторож — глубоко верующий иудей — отнес деньги в синедрион, рассказав о случившемся.

На эти пахнущие кровью деньги купили землю для горшечников.

ЗАТМЕНИЕ

Третью неделю сумасшедший ветер со стороны Мертвого моря бросал на город пыль и камни.

В Иерусалиме нечем дышать.

Колодцы бездействовали, занесенные песком.

Казалось, пыль долетела до солнца и затмила его.

Особо невыносимый порыв жгучего ветра, как говорили, разодрал завесу в храме, построенном царем Соломоном.

Наиболее фанатичные иудеи вопили: повинен в несчастье, павшем на город, Учитель из Назарета, наславший беду в отместку за то, что обыватели высмеивали его за малый рост и некрасивость лица.

Наиболее рьяные приверженцы бросились разыскивать назорея. Найдя его на горе Елеонской в масличной роще, привели в синедрион к первосвященнику.

Тот, прекрасно понимая, что обвинить подозреваемого невозможно, направил последнего к римскому прокуратору, приписав для верности, что несчастный назвался царем иудейским, чего римляне не терпели.

Прокуратор, чтобы успокоить первосвященника и чернь, приказал бичевать ни в чем не повинного человека, а потом распять на кресте с другими, которые разбойники.

Была последняя пятница перед Пасхой.

Дальнейшие события известны из описаний евангелистов и других писателей, рассказавших, как основатель нового Учения, подняв очи к небесам, скорбел, умоляя Господа избавить от лютых страданий. Кровь вместо пота выступила на светлом лике.

Но главное — люди, жившие в те времена в столице, говорили, что казни в эту пятницу и в предыдущие перед Пасхой дни в городе не производились.

Буря же, бушевавшая много дней, принесшая людям столько страданий, внезапно стихла, как началась.

БЕСХИТРОСТНЫЙ РАССКАЗ

Ученые многих столетий пытаются разгадать, что является правдой у писателей древности, описывающих события далеких дней. Было ли чудо с вином в Кане Галилейской, изгонял ли проповедник нового учения бесов, оживлял ли мертвых, вообще существовал ли такой человек на самом деле?

Люди думали, существовал!

Истина заключалась в том, что события происходили не так, как хотелось говорившим о них последователям нового учения.

В Иерусалим из Назарета пришел бродячий проповедник, рассказывающий о том, что он Мессия, о Царстве Божьем на земле, о том, что, чем беднее человек, тем он угодней Богу.

Некоторые из беднейших слоев населения, соблазненные обещаниями, стали ходить с ним.

Когда слух дошел до первосвященника, хитрец сразу почувствовал опасность, исходящую с этой стороны, и для него и для паствы.

Посему приказал задержать назорея. Привести в синедрион.

Что было исполнено.

Первосвященник, вникнув в вопрос, увидел, что лучше всего свалить дело на плечи прокуратора Иудеи, приписав назаретянину политическое дело.

Прокуратор, пославший на казнь тысячи людей с легкомыслием, свойственным римлянам в отношении чужой и своей смерти, не разбирая дела, приказал распять несчастного на кресте.

В дальнейшем многие указывали: римляне не заставляли проповедника нести крест на себе.

Думается, что кресты имелись на месте казни в достаточном количестве.

Подобные зрелища происходили почти каждый день.

ЦАРСТВИЕ НА ЗЕМЛЕ

На завалинке возле покосившегося от времени строения сидели два старых иудея, вели, что в Иерусалиме редкость, доверительную беседу.

Один говорил.

— Слыхал, брат, вчера на лобном месте распяли странного, ни в чем не повинного назорея?

— Не только слыхал, — отвечал второй, — но и присутствовал во время казни. Действительно, вины на нем не нашли. Повесили на шею напраслину. Не верю, не мог верующий в Яхве объявить себя Сыном Божьим.

— Тише, брат, как бы твою речь не услышали шныряющие повсюду доносчики. Доложат первосвященнику. От него пощады не жди, хоть мы с тобой сами в черед служили в храме, являемся членами синедриона.

— Ты прав. Напоследок вот что скажу, может, назорей прав насчет Царствия Правды на земле.

На другой день одного из говоривших арестовали, поставили перед синедрионом, обвинив в ереси.

И как предателя Истинной веры побили камнями.

ПОТОМОК ЦАРЯ

Старый слепой иудей, собирая милостыню по деревням, забрел случайно в Иерусалим. Первым, кого он встретил, оказался римский прокуратор. Улочка была узкой, свободно не разминуться.

— Уступи дорогу, скотина! — крикнул сопровождающий начальника центурион. — Перед тобой прокуратор.

— Всего-навсего, — ответил слепец. — Скажите, что перед ним прямой потомок царя Давида!

Слова старика показались римлянам неслыханной дерзостью, оскорблением римского достоинства. Один из охраны выхватил меч, чтобы прикончить оскорбителя на месте.

Прокуратор остановил легионера повелительным жестом, шепнув:

— Пусть идет. Разве не знаешь, впереди улица обрывается каменистой пропастью.

Старый человек был слеп. Но имел, как все слепые, обостренный слух.

Когда правитель со свитой удалился на подходящее расстояние, он свернул в первый попавшийся переулок.

ИДИ, ИДИ

В Иерусалиме у Овечьих ворот сидел строгого вида одетый в баранью шкуру на голое тело иудей и плакал такими горючими слезами, что если бы они капали на камни, то камни плавились бы, как овечий сыр от огня.

— О чем ты так горько проливаешь слезы, человек? — спрашивали шедшие мимо.

Пустынник отвечал односложно.

— Проходи, проходи!

И продолжалось это до тех пор, пока среди прочих не подошел один из назореев.

— О тебе я плачу, сын плотника, — выкрикнул пустынник. — Гонения и страшная смерть ожидают тебя впереди. Потом земля от Иерусалима до Рима будет оплакивать смерть Агнца. Пострадаешь за человеков, недостойных развязывать ремни на сандалиях, что на твоих ногах.

— Знаю, — отвечал назорей. — Крепись!

И удалился.

— Иди, иди в жизнь вечную! — крикнул вослед пустынник.

ССОРА У КОЛОДЦА

В одном из колодцев города Иерусалима иссякла вода. Пришли утром женщины с кувшинами, вместо воды на дне оказался сухой песок.

Собрались иудеи. Подняли галдеж, пытаясь, как обычно, выяснить, кто виноват?

Тут к ним подошел мало кому известный Учитель из Назарета, посмотрел вниз и сказал.

— Что беситесь, суматошные людишки, вода в колодце стоит, как стояла в прежние века!

Посмотрели. В самом деле вода есть.

И разгорелся среди обывателей новый спор.

Одни кричали:

— Воды не было!

Другие:

— Вода была!

Первые приводили как пример женщин у колодца, у которых в кувшинах вместо воды песок.

Другие кричали, что воды в колодце полно, что она никуда не исчезала.

Как всегда, у первых и у вторых спорщиков нашлись защитники и даже те, которые подошли позже, не понимая, о чем спор.

Вскоре образовались два устойчивых лагеря.

Пыль от крика встала до небес.

Кто-то из самых горластых выкрикнул:

— Виноваты римляне!

Разъяренная толпа, позабыв о причине раздрая, бросилась к дворцу прокуратора с вилами и косами:

— Смерть поработителям, распнем недостойных на крестах, как они распинают иудеев.

Из дворца вышли римские солдаты. При помощи щитов разогнали не в меру разбушевавшуюся толпу.

Этим дело не закончилось. Наиболее активные бегали по городу, призывали народ к отмщению.

Так едва не началась очередная Иудейская война.

ОТЧЕ НАШ, СУЩИЙ

Размышляя о христианстве прошлых лет, я позволил себе некоторую вольность мыслей, заключающуюся вот в чем.

Что, если собрать в одном месте в один час четырех евангелистов: Марка, Луку, Иоанна и Матфея.

И представить разговор между ними, который мог произойти.

Марк сказал бы, что ему Учитель в воспоминаниях представляется с одухотворенным Божественным ликом, и Марку непонятно, почему иудейский народ не разглядел истины, а потребовал лютой казни для проповедника нового учения.

Лука, как человек божественно мягкий, настроенный на лирический лад, поведал бы собравшимся о рождении младенца в Вифлееме, о поклонении волхвов, о дальнейшей жизни Учителя, о страшном конце, который предсказан пророками.

Иоанн расцветил бы речь цитатами из Апокалипсиса, указав: будет Страшный суд, конец света. Обратил бы внимание на цифру 666. Речь его настолько эмоциональна, что у остальных собравшихся, как зыбь на Генисаретском озере, забегали бы мурашки по спине.

Евангелист Матфей ничего не сказал бы. Не умел красиво говорить. Про себя бы подумал:

«Отче наш, сущий на небе, как на земле, да святится имя Твое...»

ПЯТНО

На полу дворца царя Ирода, в котором обретался римский прокуратор, в зале, где самолично допрашивал Учителя из Назарета и приговорил к казни посредством распятия на кресте, появилось кровавое пятно.

Старания прислуги из рабов смыть пятно оказались тщетными.

Взломали мраморные плиты пола, выбросили вон. После этого пятно не исчезло, а перекочевало на стену.

Когда прокуратор переселился в другие покои, пятно переселилось вместе с ним.

Встревоженный правитель пригласил кудесников из Египта. Но сколько те ни творили заклинания, пятно не исчезало.

Многие, когда разговор о случившемся во дворце достиг ушей обывателей, заявляли, что это небесная кара за немыслимые злодеяния, творимые в городе по приказу жестокого правителя.

Когда по городу прошелестел слух, что казненный невинно проповедник нового учения из Назарета воскрес и вознесся на небеса, пятно исчезло само собой.

ГОВОРЯЩИЙ ОСЕЛ

У одного крестьянина, имеющего пристанище недалеко от Иерусалима, заговорил осел.

Говорил он два слова:

«Первосвященник — свинья».

Но крестьянин понимал: если узнают в синедрионе — ему каюк, прикажут забить насмерть камнями.

— Потом, — думал он, — как повезу на базар продавать пшеницу и виноград?

Выход один — избавиться от неразумной скотины.

Позвал сына, приказал взять осла, отвести в горы и сбросить со скалы в каменистую пропасть.

Сын любил осла. Жаль убивать ни в чем не повинное животное.

Отвел подальше от избы, пустил на все четыре стороны, сказав:

— Уходи куда глядят глаза.

Осел направил копыта в Иерусалим.

Долго бродил по улицам, удивляя обывателей.

Те спрашивали друг у друга:

— Что это за осел, который бродит сам по себе, что за нерадивый хозяин, отпустивший животину?

Некоторые старались поймать осла. Но тот увертывался, в руки не давался, брыкался, щелкал зубами.

Долго среди иудеев держалась молва, что на этом осле Учитель из Назарета въехал в Иерусалим, когда наступил час.

Правда, неправда — кто скажет теперь?

КАМЕНЬ

Вот как начнем пересказ.

У Генисаретского озера невдалеке от берега, сколько помнят жители близлежащей деревни, лежал немалых размеров камень.

Рыбарь Семен, будучи подростком, любил приходить сюда.

Сидел, задумавшись о чем-то своем, наблюдал движение вод, ход рыб в воде.

Поскольку Семенов в селении было много, к нему пристала кличка Петр, что значило Камень.

Несмотря на крепкое прозвание, был Петр человеком тихим, задумчивым, даже робким.

Только когда позвал Учитель из Назарета и апостол стал ходить с ним, то обрел крепость, что показал эпизод, когда в Гефсиманском саду пытался убить стражника.

Неправы те, что думают, что Петр отрекся от любимого учителя.

Нет!

Учитель, взятый в синедрион, дал знак, обозначающий: береги себя для других дел. Будешь первым камнем в фундаменте Новой церкви.

Так и случилось.

Евангелист Петр стал Камнем нищих духом и обездоленных.

Ходил по селам, городам, проповедуя Истину.

Придя в Вечный город, был схвачен по приказу императора Нерона. Распят на кресте вниз головой.

ПОЛУПРАВДА

Молодой Учитель из Назарета ходил по улицам, торговым местам Иерусалима, проповедуя Правду.

Кличка к нему пристала.

Мальчишки, завидев Учителя, кричали:

— Учитель Правды идет, учитель Правды идет!

А сами разбегались в разные стороны.

Старшие иудеи из фарисеев смотрели хмуро, плевали в сторону проповедника, бросая угрозы и всякие непотребные слова.

Даже торговый люд на базаре восстал против. Он мешал им надувать друг друга.

Долго ходил святой человек среди людей, на что-то надеясь. Потом понял, правда никому не нужна. Нужна полуправда, которая смотрелась бы как правда.

И отошел от города, отряхнув прах со своих ног.

СОВЕТНИК ИМПЕРАТОРА

В те времена ходили слухи: император Тиберий получил донесение из Иудеи от прокуратора о некоем человеке, проповедующем новое учение, по которому скоро на земле наступит Царствие Божье.

Далее прокуратор указал на другие прегрешения проповедника, пришедшего в Иерусалим из Назарета и объявившего себя потомком царя Давида.

В этом донесении прокуратор испрашивал разрешения казнить дерзкого.

Император по неизвестной доселе причине рассудил иначе.

Приказал доставить обвиняемого в Рим.

Спокойный рассудительный иудей понравился императору.

Вскоре Тиберий назначил Учителя своим первым советником.

Жесткий, непредсказуемый нрав императора хорошо известен. Назорей оказывал на него благотворное влияние. Спас от смерти многих иудеев и язычников.

Жители Рима с благодарностью принимали новое учение.

Со слов московского архимандрита Никифора мы знаем, император, получая со всех сторон сообщения о святости советника, предложил сенату причислить его к лику богов.

Сенат не внял просьбе, сославшись на то, что не исследовал хорошо дело.

Когда император занемог, некоторые из чиновников, среди них многие сенаторы, старались погубить Учителя.

Найти надежных убийц из числа преторианцев не составляло большого труда.

Осуществить задуманное оказалось сложнее.

С Учителем неотступно ходили ученики.

Да и толпа праздных зевак постоянно одолевала галилеянина.

Но однажды на берегу Тибра, когда Учитель отошел от учеников, чтобы помолиться, тех сморил сон.

Нанятые солдаты подошли к нему, обнажили мечи.

Но Учитель сказал:

— Посмотрите на смокву, сколько плодов? Если срубите, хозяин лишится пропитания. Я несу людям радость, мир, а вы пришли убить меня, за что?

Сказав эти вещие слова, Учитель перешел по воде на противоположный берег реки, крикнув ученикам:

— Что не идете, маловеры?

Ученики, вняв слову, перешли на другую сторону Тибра.

СТАРЕЦ

Пришла звезда разящая. Встала над Иерусалимом. Лучи падали, как кара Господня за прегрешения.

Дворцы, хижины рушились наподобие карточных домиков.

Камни падали на землю, превращались в пыль.

Огонь беспощадно пожирал имущество горожан.

Некоторые, обезумев от страха, бросались в грозящее смертью пекло.

Когда местами рухнули крепостные стены, полчища вражеских солдат ринулись в образовавшиеся проломы, добивая оставшихся в живых иудеев, насилуя жен, дочерей, уводя в рабство молодых жителей.

Одного человека пощадил смерч и огонь. Слепого старца, сидящего возле Судных ворот, вслушивающегося в происходящее.

От звезды пришел глас:

— Я послал Свет, вы, неверные, лживые, погубили свет от моего света!

После сказанного звезда растаяла в ночной тьме.

Старец тоже исчез неизвестно куда.

К утру взошло солнце на том месте, где всходило всегда.

Люди просыпались после глубокого сна.

Пастухи погнали стада на скудные иудейские пастбища. Сборщики винограда направились снимать урожай.

Ремесленники принялись за повседневную работу.

Жизнь шла своим чередом.

БЫЛ СВЕТ

В Риме иудеи жили общиной отдельно от римских граждан. Такие поселения в Европе и по другим местам потом стали называть гетто.

Неожиданно один из общинников заявил, что видел Мессию.

Товарищи, большие охотники до всяких чудес, не поверили, решили, у парня поехала крыша.

Посмеиваясь, принялись спрашивать, как выглядит Мессия?

Парень отвечал:

— Как Свет.

Последние не унимались:

— Какой имел лик?

— Не было лика, был Свет.

Свет во всем свете.

Тут общинники убедились, что парень того. В мире есть Свет, но никто его не видел?

Парень продолжал:

— Не верите?

Сейчас заберусь на крышу, прыгну, и мне ничего не будет.

Залез.

Прыгнул.

Сломал ногу.

Вскоре, когда этот человек пас овец, пропала одна.

Пошел разыскивать.

Не найдя на равнине, подошел к пропасти. Заглядывая вниз, упал, но не разбился.

Зацепился одеждой за небольшое дерево, росшее в расщелине.

Висел там до тех пор, пока не вытащили единоверцы.

КУВШИН

Возле колодца суетилась стайка иудейских женщин.

У одной из них выпал из рук кувшин. Упав на утрамбованную ногами многих землю, разбился.

Огорченная женщина опустилась на колени, стала собирать черепки, чтобы выбросить в яму.

Подошел человек из назореев с лицом, озаренным приветливой улыбкой, взял у женщины осколки, сложил один к одному, сказав:

— Возьми кувшин, теперь не разобьется.

И отошел.

Действительно, кувшин сиял, как новый. Женщины зашептались между собой:

— Кто он, сотворивший чудо?

— Учитель из Назарета, — сказала одна, — теперь о нем многие говорят, о чудесах, которые совершает: слепые прозревают, прокаженные очищаются, бесноватые перестают бесноваться.

Многие женщины, бывшие у колодца, уверовали в новое учение и повлияли на мужей, которые уверовали.

Женщины хорошо знают, как это делается.

А кувшин?

Муж женщины в сердцах по какому-то поводу бросил его что есть силы на камни.

Кувшин не разбился.

ПОДАТИ

Больше всего иудеи ненавидели римлян и налоги.

Выказывая презрение императору, римским богам, расплачивались жизнями.

Но стояли на своем твердо, проявляя чудеса мужества в неравной борьбе с монстром, покорившим полмира.

К чему упоминаю?

Вот к чему.

Из-за нескольких слов, которые молва передает не одно столетие.

Когда Учитель из Назарета проповедовал новое учение, говоря о Царствии Божьем на земле, подошел бедняк, спросил:

— Рабби, платить ли подати? Кому платить?

Учитель ответил:

— Кесарево кесарю, богово Богу!

— Кесарь тут, Бог далеко. Зачем ему мои деньги?

— Плати верой!

ЖИВАЯ ВОДА

Речь в пересказе пойдет о войне иудеев с римлянами за город Иерусалим, которая началась в 66 году нашей эры, закончилась в 72.

Попытки римских солдат взять город оказывались бесплодными, натыкались на беспримерную храбрость защитников.

Когда дух иудеев после нескольких лет неравной борьбы оказался на исходе и ко всем бедам прибавилась еще одна — не хватало воды,

и люди страдали от невыносимой жажды, одному старому иудею во сне был подан голос:

— Иди завтра в пещеру (указывалось место). Увидишь колодец, из которого прежде брали воду, который иссяк и заброшен. Отбрось камни, под ними вода. Скажи иудеям, чтобы пили воду с молитвой к Господу.

Человек так и поступил. Сходил рано утром, раскопал колодец.

Зачерпнул пригоршней немного влаги, почувствовал прилив сил и догадался: вода эта не простая, в ней что-то есть, бросился в город, выкрикивая:

— Живая вода, живая вода!

Действительно, вода оказалась необыкновенной, она придала иудеям новые силы. И они еще два года оказывали сопротивление завоевателям.

Когда последним удалось ворваться в город, захватить оставшихся в живых защитников, то, прослышав о колодце с живой водой, пытались разыскать.

Но тщетно.

Не нашли и жители города.

ПОКУШЕНИЕ

Террорист проник в спальню прокуратора переодетым в женское платье. Видимо, убийца был хорошо осведомлен о распорядке во дворце, иначе откуда прознал, в какое время к прокуратору придет наложница, и как мог, не зная расположения покоев, миновать стражу?

Прокуратор успел отклонить удар кинжала. Рана, которую нанес нападающий, оказалась не столь опасна, как думалось вначале.

Придя в себя от неожиданного нападения, прокуратор приказал принять крутые меры против, как выразился, обнаглевших иудеев.

Но меры оказались излишними. Следствие установило: преступник был римский солдат из охраны, поклявшийся перед домашними ларами убить начальника за нанесенную обиду.

Решение хитроумного прокуратора было неожиданным даже для видавшего виды ближайшего окружения. Он распорядился солдата до времени оставить в покое, схватить вместо него первого попавшегося иудея, распять как государственного преступника.

Что исполнили безотлагательно.

Поговаривали, схваченным оказался бедный назаретянин.

Дальнейшая судьба солдата, совершившего нападение, оказалась не так плачевна, как могло казаться. То ли прокуратор запамятовал чепэ, то ли приберег месть до лучших времен.

НЕ УБИЙ

Удивительное состояло в том, что из народа, собравшегося на одной из площадей Иерусалима, чтобы послушать Учителя из Назарета, никто не заметил прихода и ухода.

Вот Он тут.

Городской плебс, да и священнослужители не совсем понимали слова, произносимые Учителем.

Он говорил о заповеди «не убий».

— Как такое возможно, — возмущались многие из фарисеев, — что говорит? Если в дом ворвутся разбойники, мы не должны поднимать руку, с миром ожидать, когда нас прикончат?

Учитель терпеливо разъяснял: разбойники могут взять тело, не душу.

Смиренные будут в раю, детьми Господа. Убийцам гореть в геенне огненной навечно.

Собравшиеся продолжали роптать и возмущаться:

— Для чего смущает народ словесами, нужно побить его камнями!

Некоторые взяли в руки орудие бедноты.

Другие делали безрезультатные попытки остановить их, не давая бросать в Учителя камни.

Скорбная улыбка промелькнула на устах назорея. Он безмолвно покинул площадь.

Проходящим мимо римским солдатам с большим трудом удалось разогнать галдящую толпу.

Аминь!

СТАРАЯ ОБУВЬ

Когда новое учение стало набирать силу в Иерусалиме, во главе общины встал брат Учителя.

Один из фарисеев решил вступить в нее, поскольку числился человеком бедного состояния. Но робость одолевала: вдруг Господь покарает за отступничество от веры отцов?

Поэтому, прежде чем принять окончательное решение, решил сходить к раввину, посоветоваться.

Раввин, человек опытный не только в делах веры, но и в житейских делах, поняв, чего от него желает услышать пришедший, сказал так:

— Вот посмотри на мою обувь, кожа от старости потрескалась, местами видны дыры, да и каблуки стоптались вконец. Бросить бы, но нет. Она удобна, ноге вольготно, нигде не трет. Если купить новую, она будет красива и привлекательна на вид, но ведь, пока разносишь, сколько мозолей натрешь? Решай сам, переходить в новую веру или нет.

Придя домой, фарисей задумался. В конце концов решил дело по-своему, по-фарисейски.

В новую общину вступил. Но до конца дней, на удивление прихожан и соседей, не носил ни старой, ни новой обуви.

РАСПЯТЫЙ

В Иерусалиме накануне праздника Пасхи недалеко от Храмовой площади при стечении большого количества обывателей и солдат был убит римский легионер. Человека, подозреваемого в убийстве, схватили тотчас, доставили в преторию пред грозные очи прокуратора, хотя некоторые говорили: не он, этого подставили!

Прокуратору дело показалось ясным. Полагалось соблюсти формальности.

Мнимый убийца, сколько прокуратор ни выпытывал, не проронил ни звука.

После того как палач по приказу начальника обработал несчастного плетью, результат оказался прежним.

Распять на лобном месте — таков приказ начальника.

Поскольку прокуратор являлся большим законником, а у иудеев с давних времен существовало правило отпускать на Пасху осужденного, приказал вывести перед народом мнимого убийцу и одно-

го закоренелого злодея, разбойника с большой дороги, убившего троих горожан с целью грабежа.

— Кого из них хотите, чтобы отпустил, может, этого? — Прокуратор указал на несчастного, казавшегося наиболее достойным помилования.

Иудеи подняли неимоверный гвалт, узнав в человеке галилеянина, ходившего по городу, говорившего о непонятном учении.

— Разбойника, разбойника!

— Быть по сему, — молвил прокуратор и удалился.

Казнь свершилась своим чередом.

К вечеру, когда солдаты, караулившие распятого на кресте, устали, то решили перебить казненному голени, чтобы не убежал, а сами легли спать.

— Послушай, — сказал один, — когда я ломал кости казненному, от него отлетело что-то такое сияющее, вроде голубя.

— Да брось.

Утром тело исчезло.

О чем доложили прокуратору.

Последний за множеством других дел не обратил на это внимания.

ПАГУБНАЯ СТРАСТЬ

Пересказ этот о непутевом ремесленнике, исковеркавшем собственную жизнь. Он пил горькую, пропивал заработанные деньги, не принося домой ни гроша, обрекал семью на нищенское существование, а когда потерял работу, принялся таскать вещи из дома и пропивать.

Жена, женщина добрая, долго терпела выходки супруга, потом не выдержала и с горя померла.

В доме осталось семеро детей, которых разобрали сердобольные соседи.

Ремесленник, плотник, в какую-то минуту, допившись едва ли не до белой горячки, бросился в город, чтобы украсть веревку и повеситься.

На счастье, повстречался ему Учитель из назореев, который проповедовал в Иерусалиме среди иудеев новое учение.

— Рабби, — взмолился плотник, — упал духом, собираюсь наложить на себя руки.

— Вижу, — спокойно отвечал Учитель, — ходи со мной.

Плотник пошел.

Стало ему казаться, что те красивые речи, которые произносит Учитель, произносит он сам.

«Полюби ближнего, как самого себя, не осуждай, не убий, Бог есть любовь».

И другие не менее весомые слова.

Через полгода, уверовав в Новое учение, плотник отошел от Учителя. Вернулся в дом.

Неприветливо выглядело покинутое хозяином жилище.

Взял в руки топор, починил крышу, привел в порядок крыльцо, входную дверь, нашел работу по плотницкому делу у благородного купца, единоверца, купил подходящую мастеровому одежду.

Вскоре женился на вдове, проживающей недалеко, которая имела от прежнего мужа пятерых детей.

Тем временем собственные дети вернулись в дом.

Когда плотника спрашивали, что с ним произошло, как исцелился от пагубной страсти?

Отвечал:

— Бог поселился в душе.

Вот что!

КЛАД

Бедный житель Иерусалима, пастух, гоняя стада по склонам близлежащих гор, обнаружил пещеру, а в ней крынку, полную золотых монет.

Обрадовавшись несказанно, схватив находку, бросился в город, рассказывая по простоте душевной каждому встречному, что произошло и как теперь он хорошо заживет.

Слух о находке достиг ушей первосвященника, последний приказал поставить пастуха пред свои грозные очи.

Что тотчас исполнили.

— Где взял монеты? — спросил сердито первосвященник, подмигнув незаметно помощникам.

— Нашел в пещере, — отвечал пастух, — могу показать где.

— Знаешь ли, проходимец, деньги украдены из казны синедриона? Ты украл?

Пастух настаивал: деньги не крал, что человек он богобоязненный, послушный закону Моисееву, что если первосвященник обвиняет простого пастуха в неслыханном преступлении, то он может отдать деньги в пользу синедриона.

Наградив положенной порцией палок, мнимого вора отпустили с миром домой.

Первосвященник, возрадовавшись как ребенок удачной проделке, взял крынку, чтобы пересчитать содержимое.

Крынка оказалась пуста.

А пастух, придя домой, обнаружил монеты на столе.

Тут он не стал дожидаться, когда отберут. Оседлал колченогого осла и подался вон из города.

Вскоре в одном из дальних городов появился богатый человек, который, скупив в окрестностях

много виноградников, стал жить в удовольствие, помогая малоимущим, обездоленным.

Это был, как догадались, наш пастух.

Так, во всяком случае, из поколения в поколение пересказывают историю.

Я добавить или убавить ничего не могу.

Гуд бай!

СБРОД

Попытка прокуратора установить бюст римского императора Тиберия в Иерусалимском храме едва не окончилась трагически для города, для римских солдат, расквартированных тут.

Обстановка накалялась.

Чернь, руководимая некоторыми из священнослужителей, оказалась на грани бунта.

Прокуратор, по рассказам людей того времени, слыл не только жестоким офицером, но и тонким политиком.

Почувствовав шестым чувством неладное, нашел выход из создавшегося положения.

Согласовав вопрос с первосвященником, отдал приказ арестовать бродячих целителей, философов, членов зловредных сект, прочую шваль.

Что было исполнено беспрекословно.

Согнанная в одно место толпа, образовавшая человеческую массу в сотню человек, отвлекла иудеев, любителей дармовых зрелищ, от задуманного.

В беснующейся толпе приговоренных к казни нашелся один, который во всеуслышание объявил, что он Мессия.

Им оказался мало кому известный галилеянин, Учитель из Назарета.

Толпа смертников направила гнев на несчастного, решив побить каменьями.

Легионеры во главе с центурионом воспрепятствовали беззаконному намерению.

Сам прокуратор, наблюдавший картину с балкона дворца с ехидной улыбкой, повернулся и удалился в покои, чтобы выпить прохладительного.

На улице стояла нестерпимая жара.

НЕМУДРЕНАЯ ПЕСЕНКА

В Иерусалиме зверски убит мещанин Мойша, который изготовлял горшки.

Был горшечником.

Чем зарабатывал, продавая на рынке.

Убили два римских легионера, желая урвать кое-что.

Осел хозяина, стоящий в сарае, поднял такой вопль, что легионеры и ему перерезали горло.

Трупы бросили в реку, благо протекала недалеко.

Так бы преступление осталось тайной.

Но случилось вот что.

Каждую ночь мимо окон дворца прокуратора в траурном шествии проходили: осел с перерезанным горлом и хозяин с ножом под лопаткой.

Каждый раз осел заводил немудреную песенку:

— Иа-иа-иа!

Сколько солдаты ни старались отогнать осла и хозяина, ничего не получалось.

В полночь видение исчезало само.

А в песенке со временем стали слышаться звуки, напоминающие имена убийц.

Когда история дошла до ушей прокуратора, он, чтобы не создавать шума, приказал отослать преступников в действующую армию.

Хозяин и осел перестали являться перед дворцом только тогда, когда оба легионера были бесславно убиты в каком-то бою.

ДАР НЕБЕС

Жил в Иерусалиме бедняк из бедняков в покосившемся домишке, несколько соток земли при нем.

Не то чтобы ленив, нет.

Но невезуч.

Что бы ни затеял, дело оканчивалось очередной неудачей, разорением.

Раз, пригорюнившись, сидел поутру на завалинке, размышлял о горестном существовании.

Тут упала с неба к ногам оливковая веточка: то ли птица, пролетающая мимо, обронила, то ли ветер принес издалека.

Подивился бедняк. Веточку поднял, пошел в огород, посадил в ямку.

Через некоторое время веточка выросла, превратилась в замечательное дерево с крупными, сочными плодами, каких не было в округе.

За первым деревом выросло другое, не менее привлекательное.

Часть оливок бедняк относил на рынок, продавал, на вырученные шекели покупал кое-что из одежды. А часть раздавал прохожим, зазывая в сад.

Говоря:

— Берите сколько хотите!

Когда спрашивали, каким образом сумел вырастить такие замечательные оливки, неизменно отвечал:

— Дар небес!

ГЛУПАЯ СКОТИНА

Два купца на базаре, затеяв ссору, подняли крик до небес.

Причиной суматохи послужил осел, который стоял тут, потупив задумчивую голову.

Один купец, надрываясь, вопил, что это его осел, приводил доводы, где купил, по какой цене.

Доводы не производили впечатления на противника, который заявлял, что он тоже знает, где купил, сколько заплатил.

На вопли сбежалась толпа праздных зевак.

Кто-то предложил, чтобы купцы указали особые приметы.

Но особых примет не оказалось.

Осел был сер и невзрачен.

Тогда толпа решила:

Пусть противники встанут на десять шагов друг от друга, осла поставят посредине. К кому подойдет, тот законный хозяин.

Но это действие не помогло разрешить тяжбу.

Глупая скотина простояла весь день, не сдвинувшись с места.

САМОЗВАНЕЦ

Приблизительно в то время, когда по Иерусалиму прошли упорные слухи, что Учитель из назореев воскрес, в городе объявился человек, назвавшийся тем, которого столбовали по наущению синедриона и приказу римского прокуратора Иудеи.

В подтверждение слов мнимый распятый показывал глубокие раны на руках и ногах.

Начальники синедриона в недоумении.

Первосвященник приказал призвать сподвижников Учителя и поставить перед ними самозванца.

Нашли Петра и Фому.

— Ваш учитель? — спросил первосвященник грозно.

— Никак нет, — ответили апостолы, — мы не знаем этого человека!

Прокуратор, в свою очередь, рассудил так:

— Если передать самозванца на распятие, можно вызвать нездоровые слухи, за ними, прокуратор знал, последует бунт сволочи.

Он дал знак центуриону:

— Выдвори арестанта за 101 километр и отпусти!

САПОГИ И ВАЛЕНКИ

Как рассказывали, один священник из иерусалимской синагоги имел приятную наружность, подходящий к наружности рост, но имел еще и горб.

И постоянно в молитвах сетовал, прося Господа, чтобы убрал горб, исправил положение.

Господу надоели бесконечные стенания, и он выправил просителю дефект.

Горб исчез.

Но за счет горба ноги увеличились едва ли не вдвое.

Хрен редьки не слаще.

Еще пуще взмолился страдалец.

Голос с небес произнес:

— Живи и радуйся. Разве, недостойный, не знаешь закона сохранения материи: если тут взяли, то в другом месте добавится? Подумаешь, большие ноги — носи сапоги или валенки!

Священнику ничего не оставалось, заказал соответствующие сапоги.

О ВИНЕ

Лавочник в Иерусалиме по имени Филипп пил вино со случайным прохожим, которого пригласил для этой цели, не любил пить один.

— Говорят, — повел речь Филипп, — в Кане Галилейской пророк или фокусник на свадьбе, когда кончилось вино, превратил в прекрасное вино простую колодезную воду. Если такое в действительности имело место, то зачем выращивать виноградную лозу, ты веришь в подобную байку?

Прохожий. Ты, не имея хорошего вина, угощаешь меня какой-то кислятиной, согласен?

Лавочник. Признаюсь, вино не из лучших сортов. Что поделаешь, если нет другого?

Прохожий. Налей еще по кувшинчику!

Когда лавочник исполнил просьбу гостя, тот, нимало не смущаясь, провел рукой над кувшинами, сказав:

— Попробуй теперь.

Лавочник. Отличное вино.

Так это ты?

— Может быть, — сказал прохожий

Встал и удалился, не добавив больше ни слова

ОГНЕННЫЙ СТОЛП

Недалеко от Иерусалима, на отшибе селения, название которого затерялось в веках, жил добрый человек.

Если мимо проходил спутник, измученный нестерпимой жарой, хозяин выносил на крыльцо ведерко воды, давал путнику вволю напиться, предлагал на дорогу лепешку, кусок вяленой баранины.

Жители удивлялись:

— Откуда он берет воду и еду, если на колодец не ходит, на базар не ездит, носа дальше крыльца не сует?

Когда слухи о делах странного человека достигли ушей первосвященника, он распорядился доставить чудодея в синедрион.

Стражники, посланные исполнять приказ, ни дома, ни хозяина не нашли.

Жители села, когда к ним обращались, отвечали:

— Дом был, точно, куда подевался — не ведаем.

Другие говорили: ночью на том месте встал огненный столп.

Многие уверяли, что это неправда, что дом сгорел в одночасье вместе с хозяином.

Если так, почему на месте пожара не обнаружили даже горстки пепла?

ЗНАКОМЫЙ ИУДЕЙ

Исаак Шмулович, москвич, скорняк по профессии, в возрасте пятидесяти пяти лет эмигрировал на историческую родину.

Знакомые евреи уверяли Исаака, что для такого классного специалиста работа в Израиле найдется.

Получилось иначе. Климат жаркий, профессия скорняка оказалась невостребованной.

Пришлось Шмуловичу жить на пособие, положенное эмигранту.

Свободного времени хоть отбавляй. Приспособился ходить на базар.

Сядет в уголке на ящик, наблюдает за движением народной массы, за продавцами, отвешивающими товар, обвешивающими обывателей.

Однажды приметил человека, показавшегося ему знакомым, одетого в старинные одежды.

Точно, этот иудей ему положительно знаком.

Наконец разговорились.

Оказалось, в стародавние времена были соседями, жили возле Овечьих ворот, бегали по иерусалимским окраинам, воровали у жителей виноград.

Отец Шмуловича шил обувь, которую сам и продавал на базаре.

Отец приятеля служил погонщиком ослов у богатого купца.

— Помнишь, — сказал знакомый иудей, — как бегали смотреть казнь Учителя из Назарета?

— Разве это его?

— Его, его!

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Когда императору Тиберию стало худо, он, призвав сановников, спросил:

— Нет ли в Риме достойного лекаря, который мог бы облегчить страдания?

Один сенатор сказал, ходит по городу некто из иудеев, излечивает бесноватых, прокаженных.

— Позвать!

Когда предстал перед императором человек, невзрачный на вид, Тиберий собрался прогнать его, а сенатора сбросить со скалы.

Учитель сказал:

— Ты, Тиберий, ищешь смерти человека, который хотел помочь твоему горю, не делай подобной несправедливости.

— Что делать?

— Покайся.

Тиберий, хоть и был смертельно болен, но нашел в себе силы, рассмеялся.

— Покаяться, говоришь? Знаешь ли ты, смерд, если я начну перечислять грехи, для этого понадобится несколько дней и ночей?

КУСОК СТЕНЫ

Обойдя большинство городов израильских, увидев, что зерна учения упали на благодатную почву, Учитель направил стопы в сторону Вечного города.

Дойдя до Средиземного моря ничтоже сумняшеся пошел по воде.

Моряки встречающихся на пути кораблей смотрели удивленно на чудо, думая: мираж.

Некоторые из моряков, встретив потом Учителя на базаре в Риме, подступили, спрашивая:

— Кто он, что может совершать такое?

На что Учитель отвечал:

— Я тот, который может разрушить храмы, возвести другие.

Претор, перед лицом которого поставили еретика, насмеявшись вдоволь, сказал:

— Вот кусок каменной стены, который торчит с незапамятных времен, разрушь, пусть не мозолит глаза.

На что Учитель не дал ответа, промолчал. Про себя подумал, что другое имел в виду.

Претор, позвав двух солдат, приказал вывести безумца за городские ворота и отпустить на все четыре стороны.

На другое утро каменная стена разрушилась сама.

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ

Проживал в Иерусалиме батрак по имени Яков. Будучи бедняком из бедняков, имел заветную мечту: скопить немного деньжат и купить осла, чтобы возить в город хворост, продавать на базаре.

Как-то, возвращаясь поздно домой, приметил недалеко от подворья животину с переломанной ногой. Видимо, скотинка оступилась или еще что, а купцы бросили, чтобы не морочить себе голову излишними хлопотами.

Яков погладил осла по холке, дотащил до сарая, завязал потуже больное место тряпкой, сказав:

— Лежи, не балуйся, нога вскорости заживет, будем зарабатывать тити-мити.

Осел понимающе кивнул головой.

Действительно, нога срослась. Хотя стала немного короче. Якова это не волновало, поскольку он сделался обладателем настоящего осла.

Следует добавить, через какое-то время Яков заметил у себя в избе некоторые странности.

Подметая пол, обнаружил в уголке золотую монету. Другой раз, заглянув в чулан, нашел еще.

Когда в сундуке среди ненужного тряпья наткнулся на крынку, полную золотых тугриков, догадался: осел у него золотой.

ГОРШЕЧНИК

Проживал в квартале недалеко от кладбища, землю под которое купили за тридцать сребреников, мастеровой — отличный классный специалист.

Несмотря на неоспоримое достоинство, был он бедняк. Заработанные деньги частью пропивал, остальное раздавал соседям, нуждающимся в помощи.

Как-то раз после удачной продажи товара, выпив изрядно в кабачке с друзьями и прочим людом, который был, приплелся в хорошем подпитии домой.

Уснул.

Во сне опрокинул забытый светильник и смахнул со стола на пол.

Дом сгорел.

Когда соседи стали разгребать не остывшую еще золу, под ней обнаружили живого невредимого хозяина.

— За что такая милость от Господа, что сделал? — спрашивали друг у друга соседи.

Забыли соседи о доброте горшечника, как отдавал последнее.

Соседи забыли.

Господь не забыл.

ПОВЕЛЕНИЕ

Встань и ходи — приказал Учитель из Назарета расслабленному нищему, который не мог передвигаться на ногах с раннего детства.

Дважды повторять заклинание не пришлось. Калека вскочил, отряхнулся, как пес, и пошел, приплясывая, напевая еврейские щемящие душу песни.

Где проходил, там по правую руку образовывались христианские страны, по левую — мусульманские.

Индия осталась нетронутой. Там существовала угодная Богу вера, буддизм.

Как же человек преодолевал моря, океаны?

Так преодолевал.

Шествовал по водам.

СВОЕ ВРЕМЯ

Проживал в Иерусалиме уже в наше время на одной окраинной улочке замшелый дед. Кормился тем, что побирался по дворам. Жители не отказывали, подавали за то, что хорошо рассказывал всякие были и небылицы.

Когда у деда спрашивали, сколько имеет лет, отвечал:

— Много.

Родился при царе Ироде Великом в Вифлееме. Чудом остался жив, когда по приказу изверга избивали ни в чем не повинных младенцев. Мать, увидев стражников, спрятала мальчонку под подол.

Сидел тихо, хотя был мал.

Об Учителе из Назарета, так его называл, ничего сказать не может, не видел. Мать видела.

Рассказывала.

Зашел человек необыкновенный. Исходила от него сила невидимая, проникающая в душу. Попросил испить водицы. Подала ковшик.

Тем, которые остались у дверей, вынесла кувшин.

Ковшик берегла. Наблюдалась в нем особенность. Водой излечивались страдающие коликами в животе. Одни излечивались, другие не излечивались, видимо, много в жизни грешили.

Слышала, распяли по приказу прокуратора какого-то Учителя новой веры.

Пойти посмотреть не могла из-за большого количества детишек, нас у матери двенадцать штук. Сердце подсказало, что тот самый назорей.

После смерти родительницы ковшик куда-то запропастился. Скорей всего, утащила для надобностей детвора да бросила.

— Как же ты рассказываешь про это, дед? Если могло быть, то совсем в другое время.

Дед отвечал:

— У вас свое время, у меня свое.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАБРОШЕННЫЙ УГОЛ

ЖЕСТКАЯ ЖИЗНЬ

ЧУЖИЕ СНЫ

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

КРЕМЛЕВСКИЕ ШУТКИ

СОЛДАТСКИЕ БАЙКИ

НАСТРОЕНИЯ

ИЕРУСАЛИМСКИЕ ПЕРЕСКАЗЫ

Игорь Сергеевич ХОЛИН

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

Редактор серии *Т. Михайловская*
Редактор *С. Еремина*
Художник *А. Гольдман*
Корректор *Л. Райцис*
Верстка *В. Дзядко*

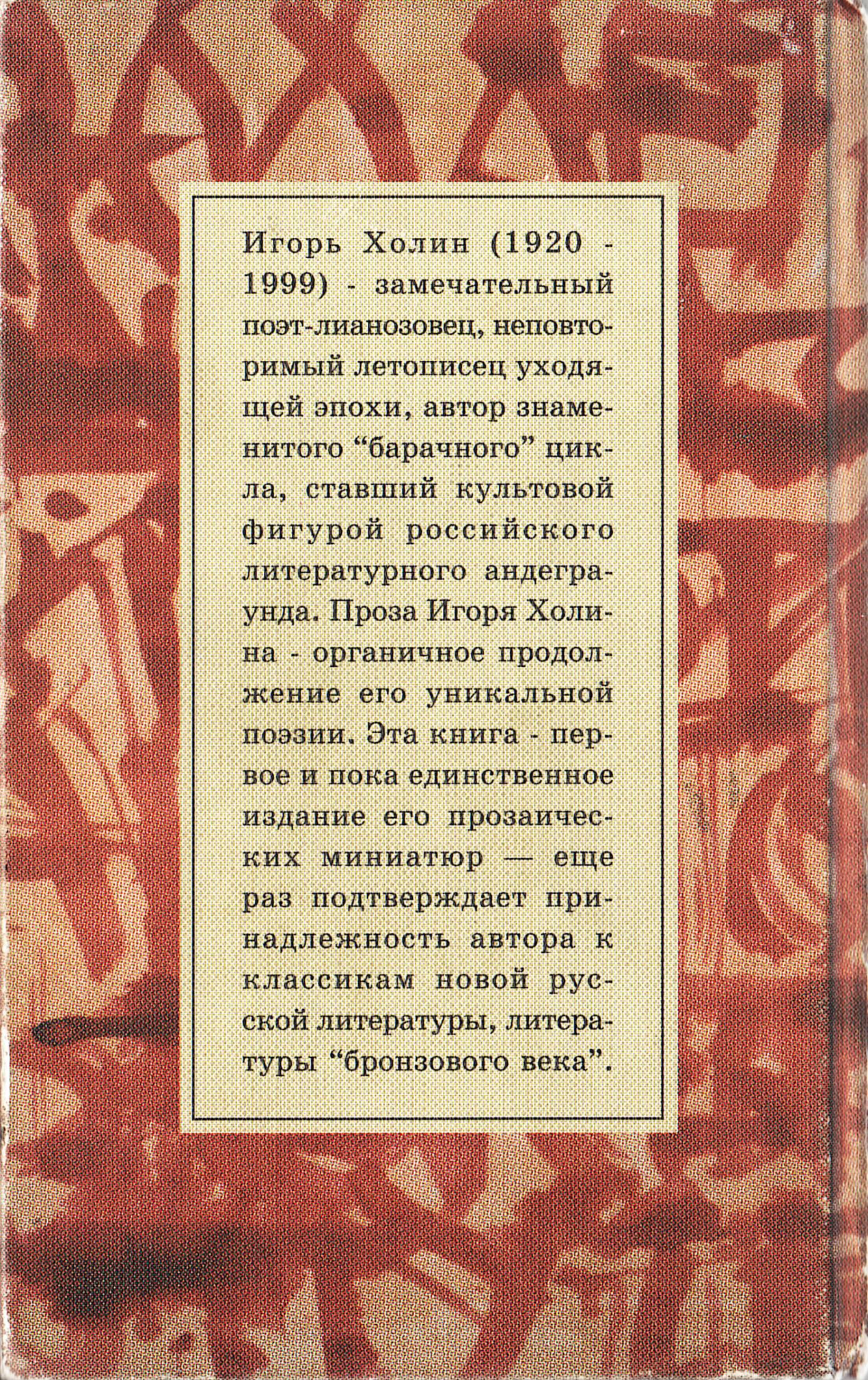
ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонент. ящик 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru
http://www.nlo.magazine.ru

ЛР № 061083 от 6.05.1997

ISBN 5-86793-091-2
9 785867 930912

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,5.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО Типографии «Новости»
107005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46

Игорь Холин (1920 - 1999) - замечательный поэт-лианозовец, неповторимый летописец уходящей эпохи, автор знаменитого "барачного" цикла, ставший культовой фигурой российского литературного андеграунда. Проза Игоря Холина - органичное продолжение его уникальной поэзии. Эта книга - первое и пока единственное издание его прозаических миниатюр — еще раз подтверждает принадлежность автора к классикам новой русской литературы, литературы "бронзового века".